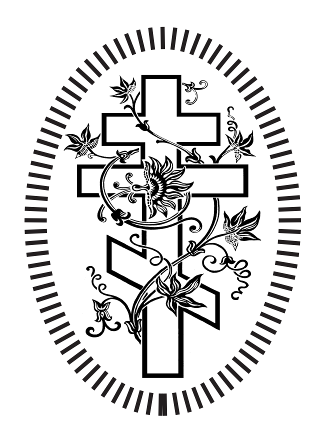
Г. М. ПРОХОРОВ

ДРЕВНЕРУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ

ВЗГЛЯД В НЕПОВТОРИМОЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ



ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Серия научных изданий и справочников, посвященных малоизученным проблемам истории и идеологии русской цивилизации:

Русская цивилизация: история и идеология
Слово и дело национальной России
Экономика русской цивилизации
Экономическое учение славянофилов
Денежная держава антихриста
Энциклопедия черной сотни
История русского народа в XX веке
Стратегия восточных территорий
Мировоззрение славянофилов
Биосфера и кризис цивилизации
Начальная история русской цивилизации
Третий Рим против нового мирового порядка
Энциклопедия славянофилов
Русские монастыри и храмы
Русские святые и подвижники Православия
Государственно-правовой идеал славянофилов
Россия на рубежах США, Японии и Китая
Русская цивилизация: философия и литература
Россия и Польша
Славянофилы, их сподвижники и последователи
Политическая экономия национального хозяйства
Космология духа и циклы истории
Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию
Синодикъ или Куликовская битва в лицах
Русская цивилизация: экологический аспект
Великие русские достижения
Русская община
Русская артель
Русская партия в первой четверти XIX века
Славянская идеология
Экономическая теория славянофилов и современная Россия. «Бумажный рубль» С. Шарапова
Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое

Г. М. ПРОХОРОВ

ДРЕВНЕРУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ

ВЗГЛЯД В НЕПОВТОРИМОЕ

МОСКВА
Институт русской цивилизации
издательство
олега абышко
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2014

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета

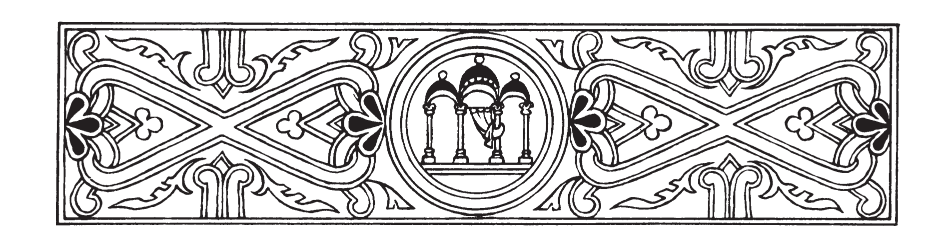
УДК 94(47)
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Прохоров Г. М.

П 84 Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое / М.: Институт русской цивилизации, «Издательство Олега Абышко» СПб., 2014. — 416 с.

В книге выдающегося русского ученого Гелиана Михайловича Прохорова собраны исследования памятников древнерусского летописания, — жанра безвозвратно, в отличие от других жанров средневековой литературы, ушедшего. В первой части говорится о специфике этого вида литературного творчества и о его видах — местном и общерусском. Прослеживается история летописания после завершения «Повести временных лет» и перехода политического главенства на Руси от Киева к Владимиру. Исследование двух взаимно дополнительных подборок летописного материала «Карамзинской» рукописи, заставляет думать, что общерусское летописание не было создано в XV в., а было возрождено в 1185 г. во Владимире при Всеволоде Большое Гнездо. Произведенный постатейно анализ содержания этих подборок и их связи с двумя видами общерусского летописания — владимиро-московского и новгородского — представлен читателю в таблице. Во второй части речь идет о «центрально-русском» летописании XIV в. — загадочном «Летописце Великом Русском». Автор доказывает, что именно в Москве в 1375 г. по воле князя Дмитрия Ивановича было начато «великорусское» летописание. Созданная два года спустя, в 1377 г., Лаврентьевская летопись оказывается ярко контрастной «Летописцу Великому Русскому», каким он теперь представляется. Работа составителей «Лаврентьевской летописи» имела целью дать пример вероисповедно-непримеримой борьбы христиан-русских с инверцами-татарами. Благословивший ее создание епископ Дионисий Суздальский явно хотел духовно укрепить и побудить князей к решительным действиям в начинающейся освободительной борьбе с татарами. В Послесловии книги говорится о трансформации жанра летописания, происшедшей на Руси в дальнейшем, начиная с XVI в.

ISBN 978-5-4261-0065-7



ПРЕДИСЛОВИЕ

Все жанры древнерусской литературы — жития святых, проповеди, службы с канонами и молитвами, хождения и прочие — живы и могут пополняться новыми произведениями и сейчас, кроме одного — летописания. Оно ушло безвозвратно, и оно неповторимо. Потому, думаю, что нет и не может быть сейчас существовавшего в Древней Руси культа крови правителей и подвластной им земли, а при том и взгляда на текущее время с точки зрения вечности.

О том, что представляет собой сам жанр русского летописания, говорится в первой главе. Всем, думаю, известны первые слова самоназвания киевской летописи: «Повесть временных лет...». Но что означают *временные* лета? Какими они могут быть еще? Оказывается, они могут быть также *вечными*. Слова «**лѣта вѣчная**» можно прочесть и в славянском переводе Псалтири, и, неоднократно, в Посланиях апостола Павла в Новом Завете. Очевидно, что слова «временные лета» рассчитаны на присутствие в умах писателей и читателей летописи представления о неоскудевающих «летах вечных». Главные предметы русского летописания, указанные нам с самого его начала, это — Русская земля и ее правители; и оно повествует нам не только об их минувшем, но и об их длящемся с *временными* летами настоящем. Княжеское ли, митрополичье ли, епископское ли, или архиепископское, патриаршье, монастырское, церковно-приходское, городское или царское — летописание росло в духовных рамках двух культов — христианской Вечности-в-настоящем и Прошлого-(т. е. русской княжеской или царской крови)-в-настоящем. Встречающиеся в *настоящем* летописца Вечность и Прошлое — это координаты духовного поля, в котором начало происходить и происхо-

дило творчество не только летописания, но всей древнерусской литературы, да и всей культуры новорожденного русского народа. Но, наверное, именно культ Прошлого-в-настоящем, роднящий летописание с эпосом, дает возможность назвать летопись *канцелярским эпосом Русской земли*, ее народа и его правителей. И именно родству с эпосом наше лето-*писание*, процесс которого — творческий процесс! — длился много веков, обязано своей главной жанровой особенностью — коллективностью и безымянностью авторов-летописателей.

О произведениях этого ушедшего в прошлое жанра в этой книге идет речь. Здесь собраны исследования, проводившиеся в течение не одного десятка лет. В первой части книги говорится главным образом о владимирском летописании XII–XIII вв., как «местном», так и общерусском, а во второй — о московском и нижегородском летописании XIV в., в том числе и о знаменитой Лаврентьевской летописи.

Утрата в XII в. Киевом значения главенствующего города на Руси сразу отразилась в том, что он перестал тогда быть и центром общерусского летописания. На эту роль, соответственно политическим амбициям тамошних князей, в XII в. начинал претендовать г. Владимир. Начиная, во второй главе, разговор о владимирском летописании, мы говорим прежде всего о так называемой Радзивиловский летописи, дошедший до нас в списке XV в., изложение же доводящей до 6714 (1205/1206) г. Это древнейший иллюстрированный список русской летописи. Но у нас речь идет не о здешних прекрасных миниатюрах, иллюстрирующих текст, а о том, что́ представляет собой сам этот текст. Как показывает исследование, 1206 г., которым оканчивается летопись, — важный рубеж в истории русского летописания.

В третьей главе речь о владимирском летописании продолжается, но уже главным образом не местном, а общерусском. Перерыв в сведе́нии материалов из разных концов страны в одном летописном тексте, *символизирующем* существование Руси как некоего церковно-культурно-политического целого, наступивший после окончания «Повести временных лет», закончился около 1185 г. С этого времени владимирский князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо стал величаться *великим* князем,

т. е. заявил о своем *праве* на практически уже достигнутое им верховенство во всей Руси. И общерусская летопись, и активное строительство были начаты при нем одновременно.

В четвертой главе книги речь идет о двух подборках летописного текста, мысленно складывая которые, ученые говорили о «Новгородской Карамзинской летописи», отражающей гипотетический «свод 1448 г.». Операция мысленного сложения подборок Карамзинской рукописи, впервые произведенная около 100 лет назад А. А. Шахматовым, стала настолько само собой разумеющейся, что никто даже не пытался по-настоящему изучать состав каждой из них. Я решился на эту кропотливую и трудоемкую работу — сплошной постатейный анализ текста этих подборок в сравнении с родственными им летописными памятниками. Свои наблюдения я фиксировал в специально для этой цели разработанной таблице. Моей задачей было дать подобие математической или химической формулы *каждой* статьи подвергаемого анализу летописного материала. Таким путем я стремился увидеть то, что не видно «невооруженным глазом», — статистические закономерности, свойственные составу этих памятников и их взаимоотношениям. Результаты анализа поразили меня самого. Оказалось, что первая из них по 1185 г. является сводом выборок из киевской и новгородской летописей, а далее, по начало XV в., за некоторыми незначительными исключениями, — выборкой из одной только местной новгородской; обнаружилось также, что эта подборка первична по отношению к обоим видам общерусского летописания, центрально-русскому и новгородскому. Вторая же подборка летописного материала в Карамзинской рукописи, восполняющая первую, первична, как выяснилось, только по отношению к новгородскому своду, а по отношению к центрально-русскому вторична, ибо представляет собой выборку из него (с некоторыми дополнениями). В итоге обе эти подборки предстали как *памятники работы*, имевшей целью создание летописных *сводов*. Надобности в гипотезах о «своде 1448 г.» и «Новгородской Карамзинской летописи» не осталось.

Далее, как глава пятая, публикуется составленная мною аналитическая таблица — результат постатейного сличения группы родственных

летописных текстов, о которых в предыдущей главе, целиком основанной на этой таблице, идет речь. Читатель может видеть здесь и состав каждой из годовых статей общерусских сводов, и движение к ним материалов из текстов-источников.

В главе шестой, названной «Мыслящие “фикциями”», говорится о А. А. Шахматове, давшем увлекательный пример такого мышления, и о современных его последователях, А. Г. Боброве и М. А. Шибаеве. Удивление используемой А. А. Шахматовым терминологией — *восстановление*, *сведе́ние*, *свод*, — а также его ориентацией на *восстановление сводов*, — самое первое впечатление от его работы над историей русского летописания. И удивление это только возрастает по мере знакомства с его методами *восстановления* недошедших до нас «сводов» и ознакомления с тем, *как*, мысленно «свод» восстановив, он далее уверенно оперирует этим самодельным призраком, словно реально дошедшим до нас памятником древнерусского летописания. «Восстанавливает» же А. А. Шахматов тексты мыслимых им «сводов», предельно свободно обращаясь с реально существующими текстами, редактируя их, делая их, как ему кажется, более связными, более логичными, исключая для этого из них фразы и целые куски текста как «вставки». Чрезмерно вольготной представляется и аргументация А. А. Шахматова датировки и существования этих созданных его умом «фикций». Шахматовское мышление реконструируемыми «сводами-протографами», наряду с шахматовским же желанием видеть в зарождении общерусского летописания дело новгородцев, приводит А. Г. Боброва к результатам, превращающим тех, кто ведение общерусского свода в Новгороде прекратил, в создателей общерусского летописания. М. А. Шибаев, в отличие от А. Г. Боброва, остается верным последователем А. А. Шахматова во всем, в том числе в вопросе о происхождении подборок «Карамзинского списка» и их отношении к московскому и новгородскому вариантам общерусского свода. Отказаться от шахматовского мышления «сводами-протографами» он не может. Таким образом, традиция мышления об общерусском летописании по-шахматовски, т. е. предположениями о химерических «сводах-протографах», вполне еще жива.

Далее, во второй части книги, речь идет о «центрально-русских» летописях, в первую очередь, в седьмой ее главе, о загадочном «Летописце Великом Русском», упоминаемом Троицкой летописью под 6900 (1392) г. Ряд догадок был высказан учеными о том, чтó он мог собой представлять. Но никто до сих пор анализа отсылки Троицкой летописи к этому Летописцу, как ни странно, не проделал. Проделав этот анализ, мы приходим к выводу, что всему, о чем говорит отсылка Троицкой, отвечает Рогожский летописец. Это заставляет присмотреться к нему более внимательно, что и делается далее, в восьмой главе, и приводит к мысли, что в 1375 г. в Москве по воле великого князя Дмитрия Ивановича было положено начало великорусскому летописному своду, сохранившемуся под небольшими позднейшими напластованиями в Рогожском летописце первой половины XV в.

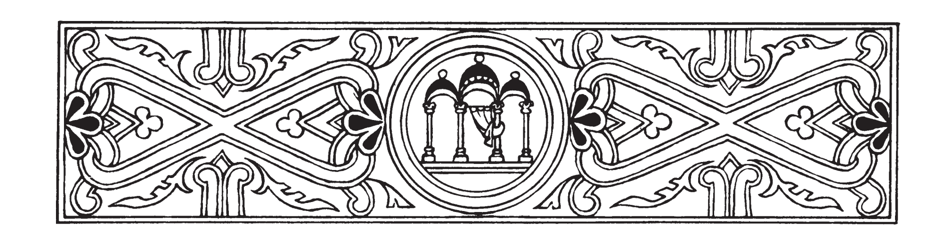
Ярко контрастной «Летописцу Великому Русскому», каким он нам теперь представляется, оказывается созданная в 1377 г. Лаврентьевская летопись. К ней и обращается наше внимание в следующей, девятой, главе книги. Сначала — к знаменитому послесловию-приписке ее писца Лаврентия, каковое, оказывается, начато переводом с греческого 12-сложных ямбических стихов.

Исключительно важен вопрос, в чем заключался и какой характер носил труд создателей Лаврентьевской летописи. Достаточно напомнить, что здесь содержатся древнейший список и особая редакция «Повести временных лет», единственный список «Поучения» Владимира Мономаха, особая версия рассказа о событиях во Владимиро-Суздальской Руси XIII в. Летопись оканчивается статьей 6813 (1305) г., т. е. временем, с которого в Рогожском летописце начинается подробная сводная часть. Переписал ли Лаврентий бесхитростно «ветшаные» книги — летопись, доведенную до этого 1305 г., или же в какой-то мере творчески использовал имевшийся в его распоряжении материал? Размышлявшие об этом исследователи почему-то не удосужились исследовать рукопись названной именем писца Лаврентия летописи. Ее кодикологическому анализу и посвящена десятая глава книги. Здесь устанавливается, что вместе еще с одним человеком сам Лаврентий что-то переделывал в своей

работе в процессе или сразу после ее завершения. Переделки эти, как становится ясным, связаны именно с татарской темой. И это заставляет внимательно рассмотреть текст, содержащийся в переделанных тетрадях Лаврентьевской летописи, — чему и посвящена одиннадцатая глава книги, где выясняется, что редакторская работа над Лаврентьевской летописью, проделанная в момент ее написания, в 1377 г., имела целью показать, что борьба христиан-русских с иноверцами-татарами — богоугодное, святое, спасительное дело, и дать исторические примеры этой вероисповедно-непримиримой борьбы. Благословивший создание Лаврентьевской летописи епископ Дионисий Суздальский хотел, и это очевидно, духовно укрепить и побудить князей к решительным действиям в начинающейся освободительной борьбе с татарами.

Созданная за три года до Куликовской битвы и через два года после рассчитанного нами времени появления «Летописца Великого Русского», Лаврентьевская летопись на 72 года не довела рассказ до своего времени, остановившись на 6813 (1305) г. Но великое значение ее создания — помимо тогдашнего злободневного, — и в том, что устраненная в «Летописце Великом Русском» «Повесть временных лет» осталась основой дальнейшего центрально-русского летописания.

В Послесловии к книге говорится о трансформации жанра летописания, происшедшей на Руси в дальнейшем, начиная с XVI в.



ЧАСТЬ I

Глава 1

ДРЕВНЕРУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ КАК ЖАНР[1]

Первые слова самоназвания древнейшей известной нам киевской летописи: «**Се повѣсти** (*или* **Повѣсть**) **времяньных** (*или* **временныхъ**) **лѣт**...».[2] Обращаю внимание на слово «временных»: что означают *временные* лета? Какими они могут быть еще?

«...слово "временный" многозначно, — размышляет немецкий славист Лудольф Мюллер, — и, по сути, не объяснено вплоть до сегодняшнего дня. Что такое "временные" годы? На современный русский язык "временный" переводится обычно как "минувший", на немецкий — как "vergangen", на польский — как "miniony", на английский язык — как "bygone". Но означает ли "временный" то же, что "минувший"? Где в древней литературе употребляется это слово в таком значении? И если "временный" действительно может означать "минувший", то что это должно значить в этой связи? Ибо может ли историописатель сообщать об иных годах, нежели о тех, которые "миновали"?»[3]

---

[1] Впервые опубликовано: Печерський благовiсник. Журнал Свято-Успенской Киево-Печерськоi лаври. 2005. № 3 (5). С. 35–51.

[2] Лаврентьевская летопись (далее — Л)//ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 1–2; варианты — Ипатьевская летопись//ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 2.

[3] *Мюллер Л.* «Повесть временных лет», или «Летопись Нестора» // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный

Итак, какими, кроме *временных*, годы, лета могут быть еще?

Оказывается, они могут быть также *вечными*. Читаем в славянском переводе Псалтири: «**Помыслихъ дни первые, и *лѣта вѣчная* помянухъ, и поучахся**» (*Пс.* 76, 6). «**Лѣта вѣчная**» в греческом тексте Септуагинты — χρόνοις αἰωνίοις. И в Новом Завете, в Посланиях апостола Павла говорится о «летах вечных», по крайней мере, трижды. В Послании к Римлянам: «...**по откровенію тайны, *лѣты вѣчными* умолчанные, явльшіяся же нынѣ**...» (*Рим.* 14, 24); в греческом оригинале Послания «**лѣты вѣчными**» — χρόνοις αἰωνίοις (*Рим.* 16, 25). Во 2 Послании к Тимофею: «...**в благодати данѣй намъ о Христѣ Іисусѣ прежде *лѣтъ вѣчныхъ***»; в греческом оригинале здесь — πρὸ χρόνων αἰωνίων (*2 Тим.* 1, 9). В Послании к Титу: «...**о упованіи жизни вѣчныя, юже обѣтова неложный Богъ прежде *лѣтъ вѣчныхъ***...» (*Тит.* 1, 2); в греческом здесь — как и во 2 Послании к Тимофею. О Боге в Писании (*Пс.* 101, 28 и *Евр.* 1, 12) сказано: «...**Ты же тойжде еси и *лѣта* Твоя *не оскудѣют***». Очевидно, что слова «временные лета» рассчитаны на присутствие в умах читателей летописи представления о неоскудевающих «летах вечных», свойственных Богу и ожидающих людей по окончании лет *временных*. «**Книги *временьныя* и образныя Георгия Мниха**» носит название известная русским летописцам XI в. переведенная с греческого «Хроника» Георгия Амартола, четвертая часть которой, заметим, именуется «***Временьник* о христианских царях**».[1] Сознание *временности* «временных» лет проявляется и в схожем названии Новгородской 1-й летописи (младшего извода): «***Временникъ*, еже нарицается *лѣтописание* князей и земля**

члену-корреспонденту РАН Я. Н. Щапову. Издание Паломнического центра Московского Патриархата, 2005. С. 124.

[1] См.: *Истрин В. М.* Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. «Хроника» Георгия Амартола в древнем славянском переводе. Текст, исслед. и словарь. Т. 1. Текст. Пг., 1920. См. также: *Творогов О. В.* Хроника Георгия Амартола//Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 467–470. Благодарю Н. И. Милютенко за обращение моего внимания на название этой «Хроники».

Рускиꙗ, и како избра Богъ страну нашу на *последнѣе время*...»,[1] — т. е. на время, предшествующее вечной «жизни будущего века», о которой у Иоанна, Экзарха Болгарского, сказано: «**Глаголють же ся вѣци *вѣчьнiи***».[2] А 2 Послание апостола Петра показывает, что возможно было сказать также и о вечном *дне*: «...**нынѣ и въ день вѣка**» — νῦν καὶ εἰς ἡμέραν αἰῶνος (*2 Петр*. 3, 18).

Имея в виду несомненное противопоставление *временных* лет летам *вечным*, я полагаю, что слово «временные» в названии «Повести временных лет» в переводе на современный русский язык не нуждается (может быть, — только в возвращении ударения с «ы» на первое «е», чтобы было не «временны́х», а «вре́менных»): ведь повествуется здесь именно о течении на Руси земного времени, причем по большей части с уже не свойственной современному писателю и читателю точки зрения «лет вечных», *повесть* о которых постоянно наличествует в христианском церковно-служебном и четьем *Писании* (в самом широком смысле), принесенном на Русь с крещением и христианизацией. Я совершенно согласен с М. Ф. Мурьяновым, что «“Повесть временных лет” говорит своим названием, что она — повесть лет земной преходящей жизни, лет временных, а не вечности».[3] Подчеркивая, мне кажется, эту же оппозицию,

---

[1] См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

[2] См.: *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1. Ч. 1. Стб. 501.

[3] *Мурьянов М. Ф.* Время (понятие и слово). К 600-летию Лаврентьевской летописи//Вопросы языкознания. 1978, № 2. С. 60. И я никак не могу согласиться с А. А. Гиппиусом, интерпретирующим название «Повесть временных лет» как искажение первоначального «Повесть *времен и лет*». Как на пример трансформации «временъ и лѣтъ» во «временныхъ лѣтъ» А. А. Гиппиус указывает на древнерусские списки Апостола (*Деян*. 1, 7), изученные архим. Амфилохием (Древнеславянский Карпинский Апостол XIII в. с греческим текстом 1072 г., сличенный по древним памятникам славянским XII–XVII вв. М., 1885. Т. 1). См.: *Гиппиус А. А.* «Повесть временных лет»: О возможном происхождении и

Я. С. Лурье пишет, что «летописи были самыми обширными и развернутыми памятниками светского характера среди церковной по преимуществу древнерусской письменности».[1] Но, как мы видели, и в самом названии летописи — в качестве подразумеваемой оппозиции времени — тоже присутствует Вечность: летопись пишут ведь памятующие о ней христиане. Различая в тексте летописцев погодное известие, «рассказ», «сказание» и «повесть», И. П. Еремин отмечает, что «основное литературное качество погодного известия — *документальность*»,[2] она же присуща и «рассказу», и «сказанию», и «повести», но в последних двух реалистическая документальность «вступает в полное противоречие» с антиреалис-

---

значении названия // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. М., 2000. С. 448–460. Но такое понимание, как никак, — насилие над дошедшим до нас текстом названия летописи, его искажение «по аналогии». Гораздо вероятнее, что текст Апостола подвергся в некоторых списках искажению под влиянием названия «Повести временных лет», нежели наоборот. Последовавший же за А. А. Гиппиусом в понимании «временных лет» И. Н. Данилевский, уже совершенно безудержно фантазируя, придал названию летописи — «при новом понимании выражения "временные лета"» — такой смысл: «Вот — предсказания (или предвозвещения) чисел и сроков последних времен от начала Русской земли. Кто в Киеве начал первым княжить, и откуда Русская земля стала — так начнем эту повесть» (*Данилевский И. Н.* Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 239). В том же лихом стиле, грубо навязывая летописи свое «эсхатологическое» понимание, И. Н. Данилевский берется говорить и о ее содержании, утверждая, что «летописный текст оказывается сплошь и рядом именно такой *мистификацией*, искусной настолько, что почти никто из современных исследователей этого не замечает» (Там же. С. 252). Комментировать это утверждение смысла нет.

[1] *Лурье Я. С.* К изучению летописного жанра // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 93.

[2] *Еремин И. П.* Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 69.

тическим, по его выражению, агиографическим методом изложения.[1] Мнимое это противоречие как раз и показывает, что и то, и другое, и третье написано людьми, обладавшими способностью смотреть на «временные лета» Русской земли с точки зрения лет *вечных*.[2]

Разумеется, этой способностью обладали не только русские историографы. Название в ту же эпоху, в 1005 г., написанной сирийской «Хроники *временного* мира» (Cronica del mondo temporale)[3] ясно об этом свидетельствует.

Отсчет интересующих русского летописателя временных лет он начинает с возникновения «Русской земли»; все, что сказано до этого, — о разделении земли сыновьями Ноя, о расселении славян, о путешествии на север апостола Андрея, «этнографические» заметки о славянских племенах (в «Повести временных лет») или топонимические заметки о названиях городов и следующее за ними в Новгородской 1-й летописи христианское поучение, — все это вступления. Момент начала собственно *лето-писания* отмечается специально: «**Въ лѣто 6360, индикта 15, наченшу Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля... Тѣмже отселе почнем и числа положим**...» (Лавр.; в Ипатьевской схоже); в Новгородской 1-й чуть лаконичней: «**В лѣто 6362 начало земли Руской**», но в поучении, ранее, уже есть готовящая к этому началу фраза: «**Мы же паки на послѣдование возвратимъся, глаголюще сице о началѣ Руськия земля и о князехъ, како, откуду быша**». Ясно, что новгородец знал продолжение названия «Повести временных лет»: «**Откуда есть пошла Руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть**» (Лавр.), — равно как, заметим, и киевлянин знал, *как* в Новгородской летописи написано о Кие: «**Нарицають тако**

---

1 Там же. С. 90–97.

2 См., например: *Щапов Я. Н.* Религиозное осмысление социальной и политической действительности в древнерусских летописях // *Щапов Я. Н.* Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004. С. 88–103.

3 См.: *Baumstark A.* Storia della litteratura siriaca // *Baumstark A.* Geschichte des syrischen Literatur. Berlin, 1968.

перевозника бывша», — на что киевлянин среагировал: «**Ини же, не сведуще, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ... Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но *сей* Кий княжаше в родѣ своемъ**...» и т. д. (Лавр.). Важно, что киевский и новгородский летописцы явно видели, знали писания друг друга.

Итак, Русская земля и ее князья — это главные предметы русского летописания, указанные нам с самого его начала; и оно повествует не только об их происхождении, их минувшем, но и об их длящемся с *временными* летами настоящем. В связи с этим, на взгляд Л. Мюллера, «Проблематичным является заглавие “Повести временных лет” еще и вследствие последующего текста подзаглавия, ибо в качестве содержания этой “повести” оно сообщает: “...**откуду есть пошла Руськая земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуду Руськая земля стала есть**”. Но можно ли описывать этими словами содержание книги, которая является историей “Русской земли” вплоть до непосредственной современности рассказчика, отделенной веками от возникновения этой “Земли” и правления в Киеве первых князей?»[1] Но если это — предметы сосуществовавшего с христианством языческого (во всяком случае, по происхождению) культа рода и земли, о котором применительно к еще не поделенной литовцами и татарами Руси XI–XIII вв. писал В. Л. Комарович[2] и о котором писал я как о культе, вполне еще живом и в Великой Руси в последующие века,[3] то для проблематичности «подзаглавия» места не остается. Так что и в летописании культ Христа-Бога, Вечности-в-настоящем, соседствует с культом княжеской крови, Прошлого-в-настоящем, точно так же, как, заметим, он соседствует в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона, где наряду с растолковыванием

[1] *Мюллер Л.* «Повесть временных лет», или «Летопись Нестора». С. 124–125.

[2] *Комарович В. Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 84–104.

[3] *Прохоров Г. М.* К истории родового сознания в Древней Руси // Исследования по древней и новой русской литературе. Л., 1987. С. 180–184.

того, как вечный Бог совмещается в лице Иисуса с временным человеком, мы видим похвалу языческому княжескому роду, роду князя Владимира, или в произведениях, посвященных убиенным князьям-княжичам Борису и Глебу, где Борис мотивирует свой отказ от сопротивления брату-убийце, Святополку, во-первых, примером кроткого Иисуса Христа, а во-вторых, покорностью старшему в роде — старшему брату, который ему теперь, после смерти Владимира, «**въ отца мѣсто**»,[1] т. е. — родовой нормой. Так что духовные координаты летописца — Вечность и Прошлое, встречающиеся в наличествующем *настоящем*, — это координаты духовного поля, в котором начало происходить и происходило творчество всей древнерусской литературы, да и всей культуры новорожденного русского народа.

Но если на *жанрах* церковной проповеди, жития, службы это сказаться не могло, так как они уже давно были сформированы (могло сказаться и сказалось лишь на их содержании), то применительно к русскому историческому повествованию это сказалось и на его содержании, и на самом его жанре.

Главная, пожалуй, жанровая особенность нашего лето-*писания*, процесс которого — творческий процесс! — длился много веков, — это коллективность и безымянность авторов-летописателей. Летописцы сменяли друг друга, наверное, с переменной частотой, как и обстоятельства их жизни, их правители и покровители, их поколения и представления, но работа их длилась, — длилась как в принципе коллективно-безымянно-авторская. Эта работа — стержень, на который «нанизывались» разной величины сюжетные повествования, «нарративы». Мы знаем несколько имен людей, причастных к летописанию, и с большей или меньшей убедительностью гадаем, чтó кем написано — Никоном, Нестором, Сильвестром, Епифанием Премудрым, Матфеем Михайловым... Но полной уверенности здесь нет и в принципе быть, конечно, не может. Имя «Нестера»-летописца сохранил один-единственный список «Повести вре-

[1] См.: Л. Стб. 132; см. также: Сказание о Борисе и Глебе//БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. XI–XII века. С. 330.

менных лет» — Хлебниковский (XVI в.), содержащий Ипатьевскую летопись.[1] О Несторе как летописце говорится, правда, и в Киево-Печерском патерике (в слове о Никите Затворнике): «**Несторъ, иже написа Лѣтописець**».[2] Но «написать» не означало тогда обязательно «сочинить», «создать»: так, в заключение «Кассиановской» редакции того же Киево-Печерского патерика читаем: «**Написана бысть книга сия Паторикъ Печерьский** (...) **в лѣто 6970**», т. е. в 1462 г.,[3] — тогда как впервые этот Патерик был создан, как мы знаем, в первой трети XIII в., а в дальнейшем — вплоть по начало XVIII в. — он лишь пополнялся.[4] Завершивший в 1116 г. список «Повести временных лет» игумен Михайловского Выдубицкого монастыря под Киевом Сильвестр в том же смысле приписал: «**Игуменъ Силивестръ святаго Михаила написал книгы си лѣтописець**...».[5] Подобным же образом вкладную запись в Сборнике, содержащем автографы преп. Нила Сорского, инок Волоколамского монастыря Нил Полев начал словами: «**В лѣто 7022** (1514 г. — *Г. П.)* **написана бысть книги сіа**...»,[6] — тогда как в основном эта рукопись была написана гораздо раньше (Нил Сорский умер в 1508 г.). Как видим, *написать* в приведенных примерах означает *переписать* книгу, может быть, при этом как-то ее пополнив и отредактировав. Об игумене Выдубицом Сильвестре Л. Мюллер пишет: «Его участие в работе над летописью не подлежит никакому сомнению. Написанная им редакция летописи лежит, вероятно, в основании всей рукописной традиции этого произведения. (...)

---

[1] The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles: The Ostroz'kyj (Hlebnikov) and Cetvertyns'kyj (Pogodin) Codices. Harvard University Press, 1990. P. 4.

[2] БЛДР. Т. 4. XII век. СПб., 1997. С. 394.

[3] Там же. С. 488.

[4] См.: *Ольшевская Л. А.* Патерик Киево-Печерский //Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 308–313.

[5] См.: Л//ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. С. 286.

[6] См.: Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения. Издание подготовил Г. М. Прохоров. Изд. 2-е. СПб., 2008. С. 252.

Правда, мы не знаем точно, в какой степени он обработал, изменил и дополнил предшествующую, находившуюся в его распоряжении редакцию летописи. Но, очевидно, он не был простым переписчиком, наверняка он был также редактором».[1] Или не был, добавим мы. Что касается имен летописцев в качестве именно авторов, то уверенно говорим: в древнерусском восприятии летописания места для них *в принципе* не предусматривалось.[2] Эти замечательные писатели как *лето*-писатели просто не должны были иметь «литературного имени», они все — единая творческая артель, запечатлевающая бытие Русской земли во времени. Уподобляя Русскую землю человеку, можно сказать, что она, Русская земля, их руками вела свой *дневник*.

Главный процесс творчества летописи, лето-*писания*, совсем ведь иной, нежели при сочинении жития, повести или романа, чего-то «точечного». Хотя нет сомнений, что протяженная на века «линия», или «полотно», летописания слагалась из такого или схожего рода «точек», или «отрезков». Т. е. многовековой в целом процесс составлялся отдельными творческими событиями-«квантами» той или иной работы с «дневниковым» летописным текстом. Либо текстами. Когда-то это было начинанием, потом стало продолжением, соединением, пополнением или сокращением и редактированием наличествующего-предшествующего, переписыванием получившегося, а чаще всего, думаю, на протяжении веков было и тем, и другим, и третьим, и четвертым, и пятым одновременно.

Но такой «квант»-событие больше, нежели на сочинение какого-то авторского текста — жития ли, проповеди ли, похож на исполнение былины-старины очередным — следующим в ряду многих поколений — сказителем, исполняя ее, невольно редактирующим ее в согласии со знаниями, вкусами и представлениями своего времени. Случайное ли это сходство? Думаю, нет: и то, и другое — коллективная собственность. Как эпос по

---

[1] *Мюллер Л.* Указ. соч. С. 125.

[2] Это отмечал уже Я. С. Лурье: «...летописи не имеют индивидуальных авторов и чрезвычайно редко включают в свой состав замечания от первого лица». См.: *Лурье Я. С.* К изучению летописного жанра. С. 76.

большей части — собственность всего кровно-культурно-родственного коллектива, так летопись — собственность вероисповедно-родственного, одну княжескую или царскую кровь чтущего народа. В поэтике летописания соединились, как мне кажется, традиции христианской письменной литературы, по преимуществу лично-авторской, с традициями устного эпического творчества, по преимуществу анонимного. Причем победила анонимность. И богатая, несравненная по продолжительности историография целой огромной северо-восточной христианской страны оказалась схожей не с главенствующими формами написания истории авторами-историографами Византии или Западной Европы, а с маргинальной для их культуры анонимной монастырской анналистикой.[1] Об этом сходстве и несходстве пишет Я. С. Лурье: «Устойчивые признаки русского летописания отличали его от памятников средневековой историографии других народов. Если употреблять западную терминологию, то русские летописи следует считать не “хрониками” (как обычно переводят их наименование на иностранные языки), а анналами: в анналах изложение тоже строилось по годам, авторство было коллективным и по большей части анонимным.[2] Но жанр анналов уже в позднем средневековье стал на Западе редкостью (их вытеснили хроники); они никогда не имели такого широкого и общенационального значения и таких объемов, как на Руси».[3]

Княжеское ли, митрополичье ли, епископское ли, или архиепископское, патриаршье, монастырское, церковно-приходское, городское или царское, — в любом варианте летописание росло в духовных рамках двух определенных нами культов — Вечности-в-настоящем и Прошлого-(т. е. русской княжеской или царской крови)-в-настоящем. Но, наверное,

---

[1] См.: *Гиппиус А. А.* У истоков древнерусской исторической традиции //Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 25–43. Разве что Галицко-Волынская летопись была в этом смысле исключением, не имея формы анналов.

[2] Ср.: *Grundmann H.* Geschichtschreibung im Mittelalter. Gattungen — Epochen — Eigenart. Göttingen, 1965. S. 24–28. — *Прим. Я. С. Лурье.*

[3] *Лурье Я. С.* Указ. соч. С. 76.

именно культ Прошлого-в-настоящем, роднящий летописание с эпосом, дает возможность назвать летопись *канцелярским эпосом Русской земли*, ее народа и его правителей.

Но есть и важная разница между эпосом, например, былиной, и летописью: былины-старины — о былом, «старом», а летопись, «временник», как мы говорили, — и о былом, и о *длящихся* в стране *временных* летах.

Зная писания друг друга и начиная с одной и той же «точки отсчета», летописцы, несомненно, ясно понимали при этом, какая именно перед кем из них стоит задача: в одном случае это — описание лет *всей* Русской земли, в другом — лет жизни главным образом своего города. Так что одну летопись мы по праву называем *общерусской*, а другую, например Новгородскую 1-ю, *местной*. Местная естественным образом, как правило, богаче, чем общерусская, местной информацией, а общерусская всегда шире той, так сказать, географически. И это внутрижанровое подразделение, подобное «подразделению» ствола и ветвей могучего дерева, сохраняется все века, до самого конца жизни русского летописания.

Сравнение с деревом неудачно только потому, что ветвь растет из ствола, не имея новых «соединительных мостиков» с ним, по которым тоже могла бы обмениваться с ним соками, а летописи, общерусские и местные, такими «мостиками» или «каналами обмена информацией» соединяются более или менее постоянно: «...у летописца всегда были под рукою одна или несколько летописей, из которых он составлял свой свод, прибавляя данные о современности, расширяя и дополняя текст, где это было необходимо, и внося некоторые исправления. Для этого нужно, чтобы велись собственно летописи, — постоянные погодные записи событий».[1] Как совершенно справедливо пишет Д. С. Лихачев, «летопись фактически не имеет конца: ее конец в постоянно ускользающем и продолжающемся настоящем».[2]

---

[1] *Вовина-Лебедева В. Г.* Новый летописец. История текста. СПб., 2004. С. 377.

[2] Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. Издание 2-е, испр. и доп. СПб., 1996. С. 293.

Утрата в XII в. Киевом значения главенствующего города на Руси сразу отразилась в том, что он тогда перестал быть и центром общерусского летописания. На эту роль, соответственно политическим амбициям тамошних князей, в XII в. начинал претендовать г. Владимир.

Глава 2

РАДЗИВИЛОВСКИЙ СПИСОК ВЛАДИМИРСКОЙ ЛЕТОПИСИ ПО 6714 (1205 / 1206) ГОД И ЭТАПЫ ВЛАДИМИРСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ[1]

1. Родственные памятники

Радзивиловский список летописи, с которого мы начинаем разговор о владимирском летописании, был сделан, судя по его бумаге и письму, в конце XV в.[2] Изложение же его оканчивается или обрывается на статье 6714 (1205 / 1206) (далее для простоты — 1206) г. На всем своем протяжении оно близко (но по-разному) летописным текстам Лаврентьевского,[3] первой части Московско-Академического[4] и второй части Архивского списков (начиная с 6646 (1138) г.), т. е. к Летописцу Переяславля-Суздальского.[5] Лаврентьевский написан в 1377 г., а Московско-Академический и Архивский — тоже в XV в. Радзивиловский выделяется из них

[1] Первоначально опубликовано: ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 33–76.

[2] См.: *Шахматов А. А.* Описание рукописи // Радзивиловская, или Кенигсбергская, летопись: Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. Б. м., 1902. С. 1–17 (ОЛДП. Вып. CXVIII).

[3] ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1; То же. 1927. Т. 1. Вып. 2.

[4] Там же. Вып. 1. С. VII.

[5] Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 гг.). Изд. К. М. Оболенским. М., 1851.

тем, что он иллюстрирован. Это древнейший иллюстрированный список русской летописи. Но здесь речь пойдет не о том, что представляют собой здешние миниатюры, иллюминирующие летописный текст, — только ли плод художественного творчества конца XV в. или же воспроизведение более древних иллюстраций, находившихся в том списке или в тех списках, которые генетически предшествовали Радзивиловскому, — а о том, что представляет собой его летописный текст.

Оборван ли он писцом или оканчивался на том же месте в его протографе? Значительно вероятней второе — потому, во-первых, что конец изложения находится здесь не в конце списка, а на его предпоследнем листе (244): статья 6711 (1203) г., продолжающаяся на этом листе, прерывается среди лицевой стороны листа (после миниатюры) вставкой, представляющей собой продолжение рассказа о событиях 6713 (1205) г., за которым следует рассказ о 6714 (1206) г.; после вставки, в конце второй строки снизу на л. 244 об., изложение возвращается к прерванной статье 6711 (1203) г.; на л. 245 за ней следует статья 6712 (1204) г. и начинается статья 6713 (1205) г.; она и обрывается с окончанием оборота 245 л. (а продолжается, как сказано, на л. 244). Поскольку эта перестановка части текста никак не может быть объяснена историей самого Радзивиловского списка (например, путаницей в нем листов, так как переставленный текст не занимает целого листа), приходится думать, что листы были переставлены в той рукописи, от которой Радзивиловский список прямо или опосредованно зависит: вероятнее всего, последний лист той книги оторвался и был вложен перед предпоследним. Во-вторых, точно такая же перестановка текста обнаруживается в Московско-Академическом списке, каковой А. А. Шахматов первоначально счел выверенной копией Радзивиловского,[1] но затем изменил свое мнение, потому что выверен он, в таком случае, должен был быть по протографу Радзивиловского, и признал его более исправной копией того же оригинала.[2] После оконча-

[1] *Шахматов А. А.* Исследование // Радзивиловская, или Кенигсбергская, летопись. С. 21–30.

[2] *Он же.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. Л., 1938. С. 44–45.

ния на статье 6714 (1206) г. общего с Радзивиловским списком текста в Московско-Академическом идет другая по характеру и составу, общерусская, Софийская 1-я летопись за 1205–1237 гг. (а далее, в части за 1237–1418 гг., по определению А. А. Шахматова, — Ростовский владычный свод).[1] Таким образом, на статье 1206 г. оканчивался какой-то более древний, чем Радзивиловский и Московско-Академический, список летописи, их предшественник. Изобразим этот вывод графически, условно назвав текст-протограф, следом за А. А. Шахматовым, «Радзивиловской летописью» (см. рис. 1):

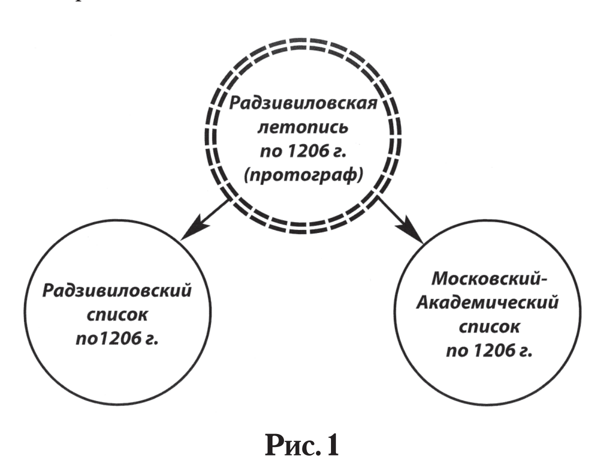


Рис. 1

Радзивиловская летопись, т. е. Радзивиловский и Московско-Академический списки разом, весьма близка, как ясно из сказанного, к Лаврентьевской летописи, содержащейся в Лаврентьевском списке 1377 г., и к Летописцу Переяславля-Суздальского, содержащемуся в Архивском списке XV в. Однако же списками Радзивиловской летописи ни тот, ни другой памятник названы быть не могут:[2] у них гораздо более

[1] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. С. 367.

[2] Я. С. Лурье называет Летописец Переяславля-Суздальского третьим списком Радзивиловской летописи: «Начиная с известия 1138 г. может

сложные отношения между собой и со списками Радзивиловской летописи, нежели у тех друг к другу. Летописец Переяславля-Суздальского сам по себе близок к Лаврентьевской летописи, но — только до определенного момента. Лаврентьевская летопись оканчивается статьей 6813 (1305) г., а Переяславско-Суздальский летописец — статьей 6722 (1214) г. Близость же между ними не переходит за пределы окончания Радзивиловской летописи, т. е. за статью 6714 (1206) г. Значит, в пределах до 1206 г. указанные летописные тексты более близко родственны друг другу, чем после этого года. Издатель текста Архивского списка, давший ему удержавшееся за ним определение Летописца Переяславля-Суздальского и убедительно ограничивший время его создания (т. е. окончания) 1214 и 1219 гг., К. М. Оболенский, о заключительной части этого Летописца написал следующее: «С 1206 г. начинается в Переяславском летописце вполне особое изложение; сходный до этого года с киевской летописью, помещенною в Лаврентьевском списке, далее он со списком мниха Лаврентия совершенно расходится». Следовательно, делает К. М. Оболенский вывод (мы сделали выше такой же), «...оба составителя пользовались одним древнейшим источником, простиравшимся только до 1206 г., а с этого времени пополняли рассказ событий из других источников. Что касается до летописца Переяславского, то он, по всему вероятию, события следующих годов рассказал прямо от себя».[1] В приведенных словах К. М. Оболенского в поправке нуждается только определение текста Лаврентьевской летописи до 1206 г. как киевской: к настоящему времени ясно, что с середины XII в. киевский текст в этой летописи начинает постепенно уступать место владимиро-суздальскому, каковой к началу XIII в. и преобладает в изложении над южнорусским.

рассматриваться как третий список Л. Р. еще один памятник — Летописец Переяславля-Суздальского...» (*Лурье Я. С.* 1) Летопись Радзивиловская//ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 142 (Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»); 2) То же//Словарь книжников и книжности Древней Руси. М., 1987. Вып. 1 (XI в. — первая пол. XIV в.). С. 248).

[1] Летописец Переяславля-Суздальского. С. VII.

И Лаврентьевской летописи свойственны особенности, которые тоже обращают внимание примерно на 1206 г. и заставляют думать о нем как о времени окончания одного из этапов истории ее текста. Это — пропуск большей части статьи 6711 (1203) г., статьи 6712 (1204) г. целиком и большей части статьи 6713 (1205) г., отчего сохранившееся здесь начало статьи 6711 (1203) г. смыкается с окончанием статьи 6713 (1205) г., где говорится о смерти Елены Всеволодовны (так что она оказывается датированной 1203 г.), причем происходит это среди л. 142, т. е. не объясняется утратой листов в Лаврентьевском списке.[1] Значит, листов недоставало в каком-то из его протографов, — вероятнее всего, по той же причине, по какой произошла перестановка текста в Радзивиловской летописи: потому что это были последние или близкие к последнему листы рукописи.

А. А. Шахматов, сопоставив этот пропуск в Лаврентьевской летописи с перестановкой текста за 6713–6714 (1205–1206) гг. в Радзивиловской, пришел к выводу, что составитель Лаврентьевской пользовался тем самым дефектным экземпляром летописи, «который лег в основание Радзивиловской»: в нем «(так же, как теперь в Радзивиловской) под 6711 (1203) г. сообщались известия 6713 (1205) г.: кончина муромского князя Владимира Юрьевича, кончина дочери великого князя Всеволода Елены, примирение Ольговичей со Всеволодом и Романом. И вот мы видим, что одно из этих событий, а именно кончина Елены, читается и в Лаврентьевской под 6711 (1203) г., причем Лаврентьевская не содержит ни одного из известий 1203–1205 гг., подвергшихся перестановке в Радзивиловской...».[2]

Надо сказать, Лаврентьевская летопись не имеет в этом месте значительно большего по объему текста, нежели период за 1203–1205 гг., оторвавшийся от хронологически предшествующего ему повествова-

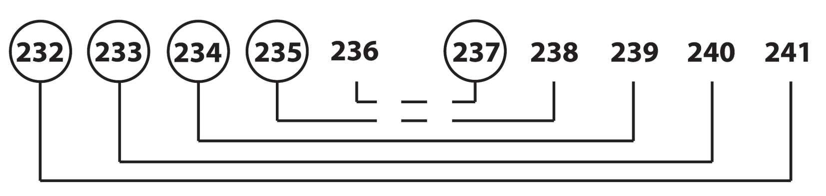
---

[1] См.: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 418–421; см. также: *Прохоров Г. М.* Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. С. 89. См. также соответствующую главу в этой книге.

[2] *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 10.

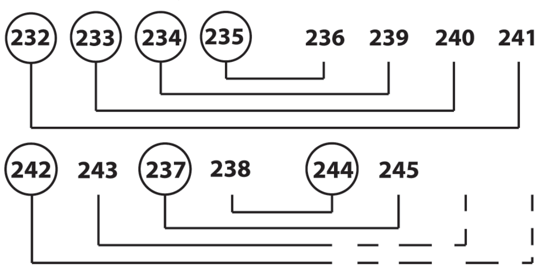
ния вследствие перестановки отрывка за 1205–1206 гг.: пропуск начинается там задолго до того места статьи 6711 (1203) г., где в Радзивиловской вторгся отрывок о 1205–1206 гг. Окончания же пропущенного в Лаврентьевской и смещенного в Радзивиловской летописи текстов почти совпадают: расхождение здесь в одно небольшое известие — под миниатюрой на л. 244 Радзивиловской: «**Того же лѣта преставися Володимеръ Гургевич, муромский князь**». Похоже, что в протографе Радзивиловской летописи перед тем, как он стал протографом Лаврентьевской, переложенный вперед последний лист положили на место, но пару листов, предшествующих ему, потеряли; или же, списав текст первого из этой пары листов до миниатюры (обрыв в Лаврентьевской летописи начинается всего за три слова — «**собѣ в полонъ**» — до миниатюры на л. 238 Радзивиловской), по ошибке перелистнули этот и следующий лист и продолжили списывание под точно так же расположенной миниатюрой последнего листа, помещенного перед этим на место (ср. л. 244 Радзивиловской летописи).[1] С выводом К. М. Оболенского

[1] Заметим здесь, что два листа, некогда предшествовавшие в Радзивиловской л. 244, содержащие статью 6710 (1202) г. полностью и начало статьи 6711 (1203) г., в том числе часть отсутствующего в Лаврентьевской текста, сейчас перенесены в ней на несколько листов вперед и носят номера 237 и 238. Кстати сказать, номера эти проставлены буквенной цифирью, полууставом, может быть, в XVI в.; стало быть, перенос этот произошел когда-то очень давно. Убедиться в том, что в данном случае текст перемещен вместе с листами Радзивиловского списка, а не его протографа, позволяет строение 30-й тетради кодекса, которая стала из-за этого на два листа больше, и 31-й, которая сделалась меньше (кружочками обвожу номера листов с филигранями):



А. А. Шахматов, в принципе, был согласен: «Сравнивая Переяславскую летопись с Лаврентьевскою, — пишет он, — видим, что до 1206 г. различия между ними незначительны...»; однако же сам он склонялся к мысли, что основой Переяславской послужила Владимирская летопись, доведенная далее не только 1206, но и 1214 г.: «Переяславская же летопись..., — пишет он несколько дальше, — содержала извлечения из Владимирского свода, доходившие до 1214 г.».[1] Ознакомимся с его аргументацией, ибо вывод важен. «...в конце 1206 г. в Переясл. два кратких известия вместо двух длинных Лаврентьевской; напротив, длинное известие о походе рязанских князей вместо краткого известия Лаврентьевской».[2] Сравнивая летописи, видим, что статья 6714 (1206) г. Переяславской сначала полностью воспроизводит (с незначительными, на уровне работы писца, отличиями) тот текст, который составляет последнюю статью Радзивиловской (последние его слова: «...**и положиша ю у церкви святыя Богородица**»), а затем, продолжая это известие (со слов «**въ монастыри, юже бѣ сама създала**...») и приводя следующее (о походе Романа Мстиславича «**на Ляхи**», его гибели и о походе Рюрика и Оль-

Первоначально же 30-я и 31-я тетради рукописи выглядели так (номера листов сохраняю нынешние):



Возможно, впрочем, л. 246 и 247, парные л. 242 и 243, первоначально были на месте и были чистыми. Нынешние л. 246 и 247, занятые «Сказанием Данила игумена», — иной, более густого замеса, бумаги и исписаны другой рукой. Явно, что они присоединены к тетради с летописью позже.

[1] *Шахматов А. А.* Исследование... С. 60, 90.

[2] Там же. С. 92.

говичей к Галичу), дает выборку из значительно более распространенного текста Лаврентьевской летописи (собственной вставкой кажутся тут лишь слова: «**Господь же рече: претерпевый до конца... во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь**»). Завершает же эту статью гораздо более подробное, чем в Лаврентьевской, сообщение о походе рязанских князей на половцев и, что существенно, не родственное Лаврентьевской по тексту: «**Того же лѣта Романъ Рязанский князь с братиею... Се же бысть месяца априля страстный недели въ среду**» (П, 108); ср. в Лаврентьевской: «**Того же лѣта ходиша... и взяша вежѣ ихъ**» (Л, 425). Так что уже это известие отнести к общему источнику этих летописей оказывается если не вовсе невозможным, то очень затруднительным.

«... под 1210 читаем то же, что в Лавр., под 1208 г., о победе Юрия Всеволодовича над рязанскими князьями».[1] Но прежде того, надо сказать, в Переяславской летописи идут статьи 6715–6717 (1207–1209) гг., не имеющие ничего общего с текстом Лаврентьевской.[2] Статья же 6718 (1210) г., отдельными словами совпадающая с последним сообщением статьи 6717 (1208) г. Лаврентьевской летописи, опять превосходит его подробностями и величиной; ср.: «**Поиде Изяславъ Володимеричь и кюрь Михайло Всеволодичь с половци на великого князя Всеволода... Гюрги же воротися къ отцу своему съ побѣдою въ градъ Володимирь**» (П, 109) и «**Тое же зимы кюръ Михаилъ со Изяславом, пришедша, начаста воевати волость Всеволожю... И возвратися князь Юрги ко отцю своему, славя Бога**» (Л., 434). Легче допустить, что во Владимирскую летопись было сделано заимствование (с сокращением) из Переяславской, нежели наоборот.

«...под 1211 то же, что в Лавр. под 1210, а именно о рождении Всеволода Константиновича».[3] Эти сообщения, действительно, близки друг другу по тексту: «**Родися Костянтину Всеволодичю сынъ, и нарекоша**

---

1 Там же.

2 Ср. стб. 108–109 Переяславской летописи и стб. 428–435 Лаврентьевской.

3 *Шахматов А. А.* Исследование... С. 92.

имя ему въ святѣмъ крещении Иоаннъ, а по княжьску Всеволодъ» (П, 109), «**Родися Костянтину сынъ Всеволодъ, а въ святемь крещеньи нарекоша ему имя Иоанн**» (Л, 435), — но они слишком кратки (причем в Лаврентьевской, как видим, опять короче, чем в Переяславской), чтобы быть уверенными в том, что мы не имеем здесь дела с обычной продиктованной темой формулой.

Все дальнейшие указываемые А. А. Шахматовым параллели, а именно: «...под 1212 то же, что в Лавр. под 1211, о женитьбе Георгия Всеволодовича; ниже то же, что в Лавр. под 1209, о походе сыновей Всеволода против новгородцев, схвативших своего князя Святослава Всеволодовича; под 1213 то же, что в Лавр. под 1212, об освобождении Юрием из заточения князей Рязанских; под 1214 и в Переясл., и в Лавр. о поставлении епископов Симона Владимирского и Пахомия Ростовского; ниже в Переясл. то же, что в Лавр. под 1213, о закладке в Ростове соборной церкви Св. Богородицы»,[1] — параллели лишь тематические, но ни в коем случае не текстуальные. Это записи разных людей, разных летописцев, работавших, как можно представить себе, в таких близких друг к другу городах, как Переяславль-Залесский и Владимир-Залесский. Неизбежно, что при такой близости «точек зрения» в поле их описания попадали часто одни и те же события, отчего в значительном и тут и там по объему и в целом различном, разнородном материале появились тематические совпадения. Таким образом, приведенные выше слова К. М. Оболенского, что «с 1206 г. начинается в Переяславском летописце вполне особое изложение», остаются, на мой взгляд, совершенно верными.

А это значит, что мы не имеем права, сопоставляя Переяславскую летопись с Лаврентьевской, говорить как об источнике первой из них о Владимирском своде ни 1216, ни 1215, ни 1214, ни 1212 гг., ни «начала XIII в.», если предполагается, что это начало переходит границу 1206 г. О своде 1216 г. в этом смысле писал А. А. Шахматов, считая, что он «доходил, предположительно, до 1216 г., т. е. до года Липецкой битвы,

[1] *Шахматов А. А.* Исследование... С. 90.

Юрьевской рати (21 апр. 1216 г.)».[1] О своде 1214 г. и своде «начала XIII в.» писал он же в более поздней работе.[2] Предположение о своде 1212 г. принадлежит М. Д. Приселкову,[3] опиравшемуся при этом на позднейшее высказывание А. А. Шахматова о владимирском своде 1212 г., «кончавшемся описанием смерти великого князя Всеволода и изложением его завещания детям».[4] Вот любопытное сообщение М. Д. Приселкова об эволюции мысли А. А. Шахматова: «В определении окончания этого владимирского свода А. А. Шахматов сначала высказался за 1206 г., относя изложение 1206–1214 гг. в переяславском "Летописце" к руке переяславского продолжателя, затем определил окончание владимирского свода как 1214 г., считая, что в Переяславле этот свод был только отредактирован, и, наконец, в позднейшем своем высказывании А. А. Шахматов определяет этот владимирский свод 1212 г., считая последним его известием описание смерти и завещательной беседы Всеволода с детьми».[5] М. Д. Приселков воспринял это последнее мнение А. А. Шахматова, как будто не заметив того, что в Лаврентьевской и Переяславской летописях описание смерти Всеволода и изложение его завещания детям не имеют ничего общего. Согласно М. Д. Приселкову, владимирский летописный свод 1212 г. был продолжен в Переяславле-Залесском по 1214 г. включительно; как он пишет, «переяславское (суздальское) летописание, использовавшее владимирский свод 1212 г. и продолжавшее его изложением двух последующих годов, далее этого не пошло», так как «у переяславского князя Ярослава не хватало забот более, чем на доведение своего летописания от 1212 до 1214 г.».[6]

---

[1] Там же.

[2] *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 51–54.

[3] *Приселков М. Д.* 1) Л (история текста)//Ученые записки ЛГУ. 1939. № 32. Сер. ист. наук. Вып. 2. С. 82–87; 2) История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 82–87.

[4] *Приселков М. Д.* Л (история текста). С. 83.

[5] Там же. С. 78, прим. 1.

[6] Там же. С. 84.

Мысль о владимирском своде 1215 г. принадлежит Ю. А. Лимонову. Заметим, что, высказывая ее, он не отрицает существования и свода 1212 г. Как и А. А. Шахматов, Ю. А. Лимонов полагает, что конец Радзиловской летописи (или ее протографа) был утрачен.[1] Идя даже дальше А. А. Шахматова, который, как мы увидим, считал, что только некоторые переяславские добавки сохранились в Радзивиловской, Ю. А. Лимонов полагает, что сохранились они там все.[2] Но при этом, в отличие от А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, он почему-то не считает, что Радзивиловская летопись восходит к Переяславской, но говорит, что обе они зависят от владимирского летописного свода. Убедительно датировав окончание Переяславской летописи мартом-апрелем 1216 г.,[3] ее общий с Радзивиловской источник он датировал несколько более ранним временем, 1215 г.[4]

Но коль скоро, вслед за К. М. Оболенским, мы признали изложение Переяславской летописи с конца 1206 г. по 1214 г. (ее конец) независимым от владимирского летописания, все рассуждения о переходящем границу 1206 г. владимирском источнике Переяславской летописи приходится, как уже сказано, оставить.

Подкрепленный таким образом вывод К. М. Оболенского можно графически показать так:

---

[1] Это ясно из того, например, что он пишет об отсутствующих в Радзивиловской летописи подробностях некролога Всеволода Юрьевича (в Лавр. — под 1212–1213 гг.) и о присутствующей там «настоящей политической программе Юрия и владимирских феодалов, оформленной в виде завещания Всеволода...» так, будто эта летопись содержит это завещание, а не кончается на статье 1206 г. См.: *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской земли. Л., 1967. С. 165–166.

[2] Там же. С. 123

[3] Там же. С. 158–159.

[4] Там же. С. 166.

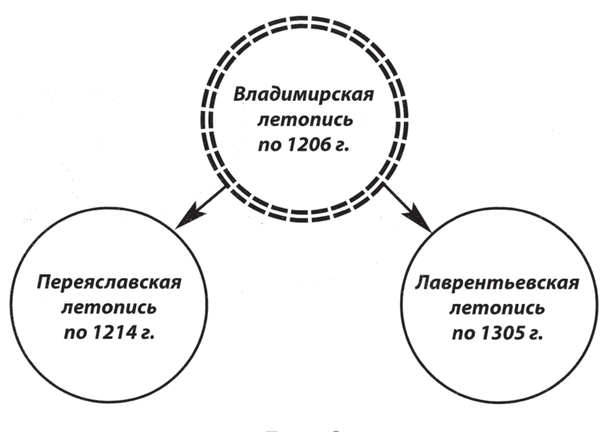


Рис. 2

Естественным образом мы теперь оказываемся перед вопросом: как соотносятся Радзивиловская летопись по 1206 г., т. е. общий источник Радзивиловского и Академического списков летописи, и Владимирская летопись по 1206 г., т. е. общий источник Лаврентьевской и Переяславской летописей?

Впрочем, есть препятствие прямому сопоставлению этих гипотетических источников — утверждение А. А. Шахматова, что Радзивиловская летопись происходит прямо из Переяславской летописи 1216 г. (1216-го потому, что, по А. А. Шахматову, конечная фраза завершающей статьи 1214 г. этой летописи «**Се же бысть лето високосное**» может относиться к високосному 1216 г.). Объясняя разницу в их окончании, А. А. Шахматов писал, что в основание Радзивиловской летописи был положен список Переяславской, который «подвергся... утрате окончания (листов, обнимавших события 1206–1214 гг.)».[1]

Но в этой гипотетической картине сразу же удивляет и настораживает то, что Переяславская летопись, прежде чем лечь в основание Радзивиловской, предполагается, случайно утратила как раз ту свою часть, которая в целом резко отличает ее от Лаврентьевской. А если посмотреть

[1] *Шахматов А. А.* Исследование... С. 91, 95.

более внимательно, можно заметить, что «линия отрыва» должна была пройти (в известии о погребении жены князя Всеволода Марии) точно-точно по границе текста Переяславской летописи, не совпадающего с текстом Лаврентьевской («...**и положиша ю у церкви святыя Богородица**» — это и последние слова Радзивиловской), и текста, с ним совпадающего (от слов «...**въ монастыри, юже бѣ сама сздала**...», т. е. перед началом небольших дословных выписок из Лаврентьевской, о которых мы говорили выше).

Что же побудило А. А. Шахматова высказать такую именно гипотезу, а не более естественное предположение, что Радзивиловская летопись зависит от Владимирской непосредственно, минуя Переяславскую? Вот как на этот вопрос отвечает М. Д. Приселков: «Предположение, что Радзивиловская летопись представляет собой текст владимирского свода 1212 г., а "Летописец Переяславля-Суздальского" — его переяславскую обработку, затруднительно высказать потому, что в Радзивиловской летописи мы имеем следы переяславской обработки (под 1157 г. прибавку "**В Переяславли Новем**" , а под 1177 г. — прибавка "**и переяславци**" в фразе "**тобе ростовци привели и боляре, а мене был с братом Бог привел и володимерци и переяславци**", которой нет в Лаврентьевском тексте (имеется в виду "прибавки", а не фразы. — *Г. П*)), и ряд сокращений, которых нет в "Летописце Переяславля-Суздальского". Тогда надо допустить, — продолжает М. Д. Приселков, — что Радзивиловская летопись была сближена с "Летописцем Переяславля", а этот последний — с Лаврентьевской летописью».[1]

Сокращения служить аргументом не могут, а две «прибавки» размером в три десятка букв вместе не кажутся слишком надежным основанием для умозаключения о прямой связи двух больших летописных текстов друг с другом. Переяславские вставки существуют, но — в Переяславской летописи, и они отмечены ее издателем, К. М. Оболенским: это, во-первых, замена в молитвенном обращении к Андрею Боголюбскому под 6683 (1175) г. (после рассказа о его убийстве) имени «**князя нашего**

[1] *Приселков М. Д.* Л (история текста). С. 85, прим. 1.

и господина Всеволода, своего же приснаго брата... с благородными дѣтми» (л. 371; так в Лаврентьевской, Радзивиловской и Московско-Академической) на имя «**князя нашего и господина Ярослава, своего же приснаго и благороднаго сыновца**» и просьба дать «**прижитие дѣтий благородныхъ**» (П, 84; первый сын Ярослава Всеволодовича Феодор родился в 1219 г.); во-вторых, это три прибавки — сравнительно с теми же Лаврентьевским, Радзивиловским и Московско-Академическим списками летописи — известий о переяславцах в рассказе той же статьи о войне между Михаилом и Всеволодом Юрьевичами, с одной стороны, и Мстиславом и Ярополком Ростиславичами, с другой.[1] Из наблюдений А. А. Шахматова[2] мы знаем, что такого же рода, хотя и менее значительное, отличие Переяславской летописи от Лаврентьевского, Радзивиловского и Московско-Академического текстов наблюдается и в статье следующего, 6684 (1176) г.: это — излишние слова «**и переяславци**» в сообщении о призвании в Суздальскую землю Михалка и Всеволода Юрьевичей. Можно указать, кроме того, в статье 6698 (1190) г. Переяславской летописи добавку «**в градѣ Переяславли**» к сообщению о рождении у великого князя Всеволода сына Феодора (в Радзивиловском списке эта статья отсутствует по причине утраты листа; судим по Московско-Академическому и Лаврентьевскому спискам). Дальше мы рассмотрим эти различия подробней.

Как же совмещается факт отсутствия этих переяславских замен и добавок в Радзивиловской летописи с утверждением о ее зависимости от летописи Переяславской? Неужели можно думать, что кто-то старательно восстанавливал в ней более древний, первоначальный текст и удалял вставки? А. А. Шахматов так точно и считает. Он полагает, что «Радзивиловская основывалась не на одной Переяславской летописи, а исправляла ее на основании еще другой суздальской летописи»,[3] что «дополнительным источником Радзивиловской летописи, источником, по которому

1 См.: Летописец Переяславля-Суздальского. С. I–II, 85–86.

2 *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 46.

3 Там же. С. 48.

отчасти сокращен, отчасти же исправлен основной ее источник, была Лаврентьевская летопись».[1] М. Д. Приселков, принимая, в принципе, этот вывод А. А. Шахматова, поясняет только, что в таком случае текст Переяславской летописи должен быть в Радзивиловской выправлен «по тексту одного из этапов образования Лаврентьевской летописи»,[2] «одного из предшествующих этапов образования нынешнего текста Лаврентьевской летописи».[3]

Того же взгляда на соотношение Радзивиловской и Переяславской летописей придерживается Я. С. Лурье. Не сомневаясь в наличии в Радзивиловской «переяславских черт», он рассуждает следующим образом: «Мало вероятно, что переяславские черты вносились в летописание начала XIII в. в два приема: сначала в РА, а затем снова и более решительно в П. Естественнее предположить, что оригинал Радз. и П. был составлен в Переяславле, а затем владимирский редактор устранил его переяславскую тенденциозность, но сделал это, как часто бывает при редактировании, недостаточно последовательно, оставив "неустраненные следы переяславской обработки"».[4] «Во всяком случае, — считает Я. С. Лурье, — восстановление нескольких первоначальных мест во владимирской переработке Переяславского свода представляется более вероятным, чем обратное предположение о первичности текста РА».[5]

В доказательство того, что следы влияния именно Переяславской летописи заметны в Радзивиловской, А. А. Шахматов и указал на те две, по его мнению, тоже переяславские добавки под 1157 и 1177 гг., о которых мы уже знаем из слов М. Д. Приселкова. В первом случае это слова «**в Переяславли (в) Новем**», отличающие сообщение Переяславской и Радзивиловской летописей от сообщения Лаврентьевской о завершении строительства Андреем Боголюбским каменной церкви Спаса, заложенной его

[1] *Шахматов А. А.* Исследование… С. 52.

[2] *Приселков М. Д.* История… С. 83.

[3] *Приселков М. Д.* Л (история текста). С. 86.

[4] *Лурье Я. С.* О происхождении Радзивиловской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т. 18. С. 69.

[5] Там же. С. 78.

отцом: «...**и церковь кончалъ, юже бѣ заложилъ преже отець его, святаго Спаса камену в *Переяславли Новѣм*** (это окончание статьи 6665 (1157) г. Радз.; см. л. 348); во втором случае это слова «**и переяславци**» в статье 6685 (1177) г., в речи Всеволода к Мстиславу («...**а мене былъ с братомъ Богъ привелъ и володимерци *и переяславци***»; см. л. 380).[1]

Однако же указание на место, где была заложена и закончена строительством церковь, представляется не позднейшей добавкой, но необходимой частью известия о такого рода событиях; отсутствие же указания на место, обессмысливающее сообщение, — результатом порчи текста. А. А. Шахматов, впрочем, писал об этом указании и как о пропущенном в общерусском источнике Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, «который, в свою очередь, заимствовал его из Переяславской летописи, но устранил слова "в Переяславли Новем", подобно тому как позже составитель Радзивиловской летописи устранял под 1175, 1176 и 1177 гг. тенденциозные вставки переяславского летописца».[2] Получается, по А. А. Шахматову, что эти слова сначала были добавлены, а потом пропущены. Но не проще ли представить себе, что в Переяславской и Радзивиловской летописях это сообщение имеет не дополненный, но первоначальный вид, а в Лаврентьевской лишено своего конца? И кроме того, летописцу Переяславля-Суздальского естественно было бы назвать свой город просто Переяславлем и его жителей — переяславцами, как он это и делает в уже известных нам случаях, а также под 6721 (1213) и 6722 (1214) гг.: «...**а Ярославу Переяславль**...», «...**и ехавъ Переяславль**...», «...**приехавъ въ Переяславль**...», «...**и съзвавъ вси переяславци**...», «**И тако сѣде Ярославъ в Переяславли на столѣ, идѣ же родися**», «...**послася къ брату къ Ярославу въ Переяславль**...», «...**и съвокупя переяславци поиде**...», «...**а Ярослав к Переяславлю**...» (П, 110–111); и что тоже естественно — пояснять название города, когда речь заходит об ином Переяславле, южном. Например: «**Приийде Ярославъ изъ Русьскаго Переяславля**...» (П, 108), «...**пойти ему на столъ въ Русьский Переяславль**», «...**а Володи-**

---

[1] *Шахматов А. А.* Исследование... С. 36.

[2] *Он же.* Обозрение... С. 77. Ср.: Там же. С. 46, прим. 1.

миръ въ Русьскый Переяславль и сѣде в нем» (П, 112). Так что слова «**в Переяславле (в) Новем**» не могут быть поставлены в ряд дополнений переяславско-суздальского летописца XIII в.

Что же касается предположительной добавки слов «и переяславци» в статье 6685 (1177) г., то стоит заметить, что в рассказе Лаврентьевской летописи о 70-х гг. XII в. северные Переяславль и переяславцы упоминаются неоднократно.[1] И если бы, допустим, хоть одно из этих упоминаний отчего-то пропало под пером какого-нибудь писца на каком-то этапе передачи текста от неведомого нам владимиро-суздальского источника Радзивиловской летописи к известному нам Лаврентьевскому списку 1377 г., то число «переяславских дополнений» среди свидетельств влияния Переяславской летописи на Радзивиловскую, наверное, не ограничилось бы у А. А. Шахматова двумя. Да и можно ли считать прибавленными слова «и переяславци» в устах переяславского князя, говорившего как раз о том, кто дал ему, его брату, княжившему во Владимире, и ростовскому князю Мстиславу, к которому он обращался, власть: «**Тобе ростовци привели... а мене былъ с братомъ Бог привелъ, и володимерци, *и переяславци***» (Л, 379). Несомненно, эти слова первоначальны.

Удивительно, что в данном случае, в вопросе о соотношении Радзивиловской, Переяславской и Лаврентьевской летописей, мысль А. А. Шахматова не проделала ту же эволюцию, какую она проделала в объяснении сходства Радзивиловского и Московско-Академического списков: сначала, как мы помним, он полагал, что второй из них сделан с первого, но потом, обдумав возникшую при этом необходимость допустить, что Московско-Академический список в таком случае должен быть выправлен по источнику Радзивиловского, склонился к более простой картине,

---

[1] См. в Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. I. Вып. 2) под 6683 (1175) г.: «**Уведевше же смерть княжю ростовци, и суздальци, и переяславци**...» (стб. 371); то же самое в Ипатьевской (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. С. 595) под 6684 (1176) г.: «...**и посади брата своего Всеволода в Переяславли**» (стб. 379), под 6685 (1177) г.: «...**а по переяславци посла Мстиславича Ярослава**...» (стб. 380), «...**и бывшю ему за Переяславлемъ**...» (стб. 382).

а именно решил, что эти списки независимо друг от друга отражают их общий источник («Радзивиловскую летопись» — протограф).

Итак, А. А. Шахматов не изменил своего мнения, что текст «Радзивиловской летописи объясняется вполне удовлетворительно как соединение текста Лаврентьевской и Переяславской летописей»,[1] а мы согласиться с этим по изложенным выше причинам не можем. И это побуждает нас взглянуть более внимательно на сходства и различия Радзивиловской летописи с той и другой. Ведь она обладает большим рядом особенностей, сближающих ее то с Переяславской летописью и отличающих от Лаврентьевской, то с Лаврентьевской — и отличающих от Переяславской. Картина, надо сказать, обычная для случаев, когда тексты независимо друг от друга восходят к одному (не в смысле одного списка, а в смысле одного вида текста) общему источнику. Но как в данном случае обстоит дело, мы сможем решить, лишь сличив Радзивиловскую летопись с родственными ей летописными текстами на всем ее протяжении. Значит, помимо Лаврентьевской и Переяславской мы должны привлечь к сравнению и Ипатьевскую летопись XV в.,[2] содержащую, как и Радзивиловская и Лаврентьевская, «Повесть временных лет» и на протяжении XII в. пользовавшуюся северным, владимиро-суздальским источником, родственным и Радзивиловской, и Лаврентьевской, и Переяславской летописям.

2. Схождения и расхождения

Переяславская летопись дошла до нас без своей начальной части, лишь со статьи 6646 (1138) г.[3] И уже в этой ее статье есть то (известие о смерти и похоронах Евфимии Володимировны), чего нет в Радзивилов-

---

[1] *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 51.

[2] См.: ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Переиздано: М., 1962. Т. 2.

[3] Предшествуют ей в рукописи «Повесть временных лет», известия 1137 и 1143 гг., а также две выписки из «Повести временных лет» (1102 и 1110 гг.), причем все это — выборки из летописи, которая «носила название “Летописець руских царей” и по многим данным принадлежала юго-западной Руси...» (*Шахматов А. А.* Исследование... С. 32).

ской, но что есть в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Но подойдем к этому году издали, начав с начала, — чтобы иметь необходимую для правильного восприятия перспективу.

Стремясь увидеть соотношение памятников летописания, мы будем учитывать разницу в смысле, в наличии или отсутствии фраз и целых сообщений, не беря в расчет незначительные разночтения, обязанные своим происхождением то поновлению лексики, то погрешностям писцов-копиистов.[1]

Особенности, отличающие Радзивиловскую летопись от Лаврентьевской и сближающие с Ипатьевской, идут с самого начала и примерно по конец XI в.,[2] чередуясь с особенностями, отличающими ее от Ипатьевской ле-

[1] См.: *Лихачев Д. С.* Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков. Изд. 2-е. Л, 1983. С. 65–87.

[2] Это, во-первых, само название «**Повесть временных лѣт черноризца Феодосьева монастыря Печерьскаго, откуда есть пошла Руская земля, и кто в ней почалъ первое княжити**», одинаковое в РА и Ип и иное в Л (Л, 1; Ип, 2); далее: отсутствующие в Л слова «**в дни Нектана и Фалека... столпъ до небесе**» (Л, 5; Ип, 4), «**и въ ширину локот 5433 локти**» (Л, 5; Ип, 4), «**прогнавши Волохы, иже бѣша преж прияли землю Словеньску**» (Л, 11, прим. 34; Ип, 9), «**всю власть Рюрикъ одинъ, и пришед ко Илмерю, и сруби городокъ надъ Волховом, и прозва Новъгород, и сѣде ту, княжя, раздаа волости**» (Л, 20, прим. 49; Ип, 14); статья 6442 (934) г. целиком: «**Первое приидоша Угре на Царьград и пленоваху всю Фракию. Романъ сотвори миръ со Угры**» (Л, 43; Ип, 9); под 6453 (945) г. слова «**дворъ Воротиславль и Чюдин, а перевѣсище бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другый, идѣже есть**» (Л, 55; Ип, 44), «**на Искоростѣнь град, яко тѣе бяху убили мужа ея, и ста около града с сыномъ своимъ**» (Л, 58; Ип, 46); под 6488 (980) г.: «**Варяшко же видѣвъ, яко убьенъ бысть Ярополкъ**», «**много воева Володимера с Печенѣгы**» (Л, 78; Ип, 66), «**издалеча и сбираеть особь богатьство, и въставъ и от нощи**» (Л, 81; Ип, 68); под 6492 (984) г.: «**а по смерти же рече со женами похоть творити блудную**» (Л, 84; Ип, 72), «**и бѣ стареишина Неврод**» (Л, 91; Ип, 78), «**и рѣша волъсви египетьстии царю: родился есть дѣтищъ в жидѣхъ**» (Л, 94; Ип, 81); под 6504 (996) г.: «**и Володимиръ с малою дружиною изыде противу**» (Л, 124; Ип, 109); под 6523 (1015) г.: «**Грив-**

тописи и сближающими с Лаврентьевской,[1] но также и с признаками (главным образом, пропусками), отличающими ее и от той, и от другой.[2] На гра-

ну, а главу отвергоша прочь» (Л, 134; Ип, 120), «**радуйтася, светозарное солнце... въ славу мученикомъ**» (Л, 139; Ип, 126), «**и дивна свѣтника, и мудра хитреца и**» (Л 140; Ип, 127), «**а нынѣ быша надобе утерлъ слезъ, и рече имъ**» (Л, 141; Ип, 128), «**Руси и Печенѣгъ, и изыде противу ему к Любичю об**» (Л, 141; Ип, 128–129); под 6524 (1016) г.: «**видивъ же Святополкъ и побеже, и одолѣ Ярослав**» (Л, 142; Ип, 129); под 6527 (1019) г.: «**се слышавше ту же казнь приимут, но и больши сее, понеже вѣдая се сътворять**» (Л, 145; Ип, 133); под 6532 (1024) г.: «**и трудишася Варязи, секуще Сѣверъ**» (Л, 148; Ип, 136), «**еже бо полонилъ Болеславъ, победив Ярослава**» (Л, 155; Ип, 143); под 6579 (1071) г.: «**аще вас погублю, то мзда ми будеть**» (Л, 178; Ип, 168); под 6582 (1074) г.: «**Антоний же, пришед к Чернигову**» (Л, 193; Ип, 185); под 6597 (1089) г.: «**и украси город Переяславьский здании церковными**» (Л, 209; Ип, 200); под 6602 (1094) г.: «**В лѣто 6602. Сотвори миръ Святополкъ с Половци и поя собѣ жену Тугорканю, князя Половецкаго**» (Л, 226; Ип, 216); под 6604 (1096) г.: «**гнаста по нем. Олегъ же вбежа въ Стародубъ и затворись ту. Святополкъ и Володимеръ**» (Л, 230; Ип, 220); под 6605 (1097) г.: «**И Кияном, яко миръ будет, и начата межи собою слати, и умиришася на семъ, яко рѣша Святополку**» (Л, 264; Ип, 238). Ср.: *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 30–31, 62–64.

[1] См.: *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 57–61.

[2] Далее указываю то, что, наличествуя в Л и Ип, отсутствует в РА: «**присѣдяху къ Дунаеви бѣ множьство ихъ, сѣдяху бо**» (Л, 13; Ип, 9); под 6406 (898) г.: «**По сем же Угри прогнаша Волъхи**» (Л, 25; Ип, 18); под 6453 (934) г.: «**а я возъвращюся похожю и еще. Пусти дружину свою домови**» (Л, 54; Ип, 43); под 6488 (980) г.: «**пристряпати къ граду бранью, а самъ мысля**» (Л, 77; Ип, 65); под 6496 (988) г.: «**имате плодъ вашь въ священье, тѣмже долъжни есмы работам Господеви**» (Л, 120; Ип, 105), «**умершю же старѣишему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ**» (Л, 121; Ип, 105); под 6500 (992) г.: «**Выпустили Печенѣзи мужь свои**» (Л, 123; Ип, 108); под 6504 (996) г.: «**и сверши яже насади десница твоя новыя люди си**» (Л, 124; Ип, 108); под 6532 (1024) г.: значительный рассказ о восстании волхвов в Суздале, от слов «**тогда. В се же лѣто. Въсташа волъсви в Суждали**» до слов «**и възврати-**

нице же XI и XII вв. происходит перемена в соотношении летописных текстов. Далее в Радзивиловской мы уже не видим перемежающихся черт общности то с Лаврентьевской летописью, то с Ипатьевской, но то и дело отмечаем факт отсутствия уже не фрагментов фраз и рассказов, как было до сих пор, а преимущественно целых сообщений, наличествующих в той и другой,[1]

ся Ярослав приде Новугороду» (Л, 147–148; Ип, 135); под 6545 (1037) г.: «**азъ призвах страхъ Господень, мои свѣти, моя мудрость, мое утвержење**» (Л, 152; Ип, 140); под 6562 (1054) г.: «**межю собою, Богъ будеть в васъ и покоривыть вы противныя подъ вы**» (Л, 161; Ип, 149–150); под 6579 (1071) г.: «**тѣмже аще умретъ человѣкъ, в землю идеть тѣло, а душа к Богу**», «**рече има Янь: какыи то Богъ сѣдя в безднѣ**» (Л, 177; Ип, 166), «**сице нама бози молвять**» (Л, 178; Ип, 167); под 6582 (1074) г.: «**се же старець послѣ похожаше ис церкви**» (Л, 190; Ип, 182), «**и отидоша, поругавшеся ему**» (Л, 193; Ип, 184), «**и молитву творяше над нимь**» (Л, 194; Ип, 185); под 6599 (1091) г.: «**и знаменавше мѣсто кдѣ копати**» (Л, 209; Ип, 201), «**отцем наслѣдникъ бывъ, послѣдовавъ ученью их и нраву их**» (Л, 213; Ип, 205); под 6604 (1096) г.: «**сѣкуще противныя, и сдѣя Господь въ тъ день спасенье велико, месяца**» (Л, 231; Ип, 222), «**сол свой из Новагорода**» (Л, 237; Ип, 227); под 6605 (1097) г.: «**Турова и Пиньска и прочих град твоих**» (Л, 258; Ип, 232), «**и боряшется с нима крѣпко, и не можаста его поврещи**» (Л, 260; Ип, 234), «**слыша людье, яко в Турийскѣ суть**» (Л, 268; Ип, 242); под 6609 (1101) г.: «**месяца априля в 14 день в 9 час дне въ среду**», «**и послаша по Половцѣ, и сняшася у Сакова**», «**и пояша тали межи собою**» (Л, 274, 275; Ип, 250). Ср.: *Шахматов А. А.* Обозрение… С. 65–68.

[1] Под 6610 (1102) г. в РА нет сообщений о смерти Ярослава Ярополчича и о выдаче за Болеслава «**в Ляхы**» Сбыславы Святополковны (Л, 276; Ип, 252); под 6612 (1104) г. — о приходе митрополита Никифора, смерти Вячеслава Ивановича и посажении Никифора на митрополичьем столе (Л, 280; Ип, 256); под 6614 (1106) г. — о пострижении Евпраксии Всеволодовны и Святослава Давидовича (Л, 281; Ип, 257–258); под 6615 (1107) г. — о смерти «**Володимерой**» княгини (Л, 281; Ип, 258), а также о смерти матери князя Святополка (Л, 282; Ип, 259); под 6616 (1108) г. — о смерти дочери Всеволода Катерины, и значительно короче — о вписании Феодосия в Синодик (Л, 283; Ип, 260); под 6617 (1108) г. — даты смерти и сообщения о похоронах Евпраксии Всеволодовны (Л, 283; Ип,

либо в одной Лаврентьевской[1] (кроме того, Ипатьевская летопись отсюда начинает все более и более превосходить Лаврентьевскую и Радзивиловскую количественно и, будучи южнорусской летописью, в дальнейшем постепенно отходит от них тематически).

Предшествующие этому рубежу различия могут быть объяснены работой множества переписчиков,[2] с разной степенью точности переписывавших знаменитую «Повесть временных лет» — и последовательно, один за другим (и тогда ошибки прочтения, замены слов и выражений, невольные перестановки, пропуски, описки и поправки суммировались), и параллельно друг другу (и тогда появлялась разница в ошибках). С начала же XII в. мы имеем дело, несомненно, с гораздо менее популярным текстом, а потому здесь мы видим меньше разночтений, зато обнаруживаем разницу в количестве известий. Очевидно, это результат сознательного исключения ряда сообщений из общей для трех летописей основы создателями Радзивиловской летописи или их предшественниками.

Не замечая после начала XII в. перемен в соотношении памятников, мы подходим к 6646 (1138) г., которым начинается уцелевшая часть Переяславской летописи. С этого момента привлекаем к сличению и Пере-

---

260), под 6620 (1112) г. — о смерти черниговского епископа Иоанна (Л, 289; Ип, 273); под 6622 (1114) г. — о поставлении епископом Даниила и смерти Святослава Владимировича (Л, 290; Ип, 277); под 6626 (1118) г. — о смерти переяславского епископа Лазаря (Л, 291; Ип, 285); под 6632 (1124) г. — подробностей затмения солнца и сообщения о смерти Василько Ростиславича, «Святополчей» княгини и Володаря Ростиславича (Л, 293; Ип, 288–289); под 6634 (1126) г. — о смерти «**Володимерей**» княгини (Л, 296; Ип, 290); под 6635 (1127) г. — о погребении Изяслава Святополчича (Л, 299; Ип, 293); под 6642 (1134) г. — о смерти переяславского епископа Маркела (Л, 302; Ип, 295 — здесь: «**Марко**»). Ср.: *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 65, 49.

[1] Под 6622 (1114) г. — о поставлении Кирилла епископом (Л, 290); под 6626 (1118) г. — о поставлении Сильвестра на место умершего переяславского епископа Лазаря (Л, 291); под 6630 (1122) г. — о смерти княгини «**Мстиславлей**» и переяславского епископа Даниила (Л, 292).

[2] См.: *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 57–68.

яславскую летопись. И мы видим, что, начинаясь, эта летопись примыкает не к Радзивиловской, а к Лаврентьевской и Ипатьевской, и такое ее положение не изменяется до статьи 6683 (1175) г.[1] включительно.

Напомню, что А. А. Шахматов говорил об «особенной близости Радзивиловской к Переяславской, в целом ряде случаев противополагающей их Лаврентьевской», указывая при этом на «общие пропуски сравнительно с Лаврентьевской, напр., под 1193–1196, 1198, 1201; лишние против Лаврентьевской известия под 1138, 1197, 1203–1205; более или менее значительные отличия их против Лаврентьевской под 1144, 1175, 1177 и т. д.».[2] Как будто это противоречит нашим наблюдениям. Но не

---

[1] Перечисляю отсутствующее в РА: под 6646 (1138) г. — сообщение о смерти и погребении Евфимии Володимировны (Л, 305; П, 53; Ип, 301 — здесь указано время смерти, но не сказано о погребении); под 6654 (1146 г.) — слова «**в неделю**» и последнее в статье сообщение о похоронах дочери Владимира Марицы (Л, 315; П, 57); под 6659 (1151) г. — сообщения о том, что погребали Ростислава Гюргевича в Переяславле «**братья Андрей, Глеб и Мьстислав**» и положили его «**близь стрыя своего Андрея и Святослава**» (Л, 330; П, 64; Ип, 418), и о том, как половец повернул Андреева коня, — период «**един же половчин... остали его вси половци**» (Л, 333; П, 65; Ип, 431), а кроме того — период от слов «**зане бѣ старѣи тогда**» до слов «**и дружину свою**» (Л, 333–334; П, 66; Ип, 437), период «**вышедшим же переяславьским пешим... приведешь пакы на ни половци**» (Л, 335; П, 66; Ип, 442–443), а также слова «**Андрей же рече... в волость свою Володимерю**» (Л, 335; П, 66); под 6666 (1158) г. — указание на день святого апостола Родиона, вторник (Л, 348; П, 73; Ип, 491); под 6676 (1168) г. — слова «**и поможе Богъ и святая Богородица и отня и дѣдня молитва князю Мстиславу Андрѣевичю с братьею своею**» (Л, 354; П, 76; Ип, 544); под 6677 (1169) г. — бóльшая часть большого рассказа о Феодорце (от слов «**В то же лѣто чюдо створи**» до слов «**будет проклят, тако**») (Л, 355–357; П, 76–78; Ип, 551–554); под 6683 (1175) г. — слова «Анбал Ясин ключник, Якым Кучкович» (Л, 369; П, 83; Ип, 586).

[2] *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 10.

все в этих заметках верно. Здесь замечу лишь, что под 1138 (6646) г. не Радзивиловская с Переяславской содержат лишнее против Лаврентьевской известие, но Лаврентьевская, Переяславская и Ипатьевская (Ип. под 1139 г.) — против Радзивиловской (о смерти и похоронах Евфимии Володимировны), а в статье 1144 (6652) г. лишних известий ни там, ни там нет. Так что признаков особенной близости в содержании Радзивиловской летописи к Переяславской прежде, по крайней мере, статьи 1175 г. не обнаруживается.

А. А. Шахматов привел также ряд общих Радзивиловской и Переяславской летописям чтений, начиная 1149 г. и кончая 1177 г., совпадающих то с Лаврентьевской, то с Ипатьевской летописями.[1] Но все это — незначительные разночтения, обязанные своим происхождением огрехам писцов. При этом ученый как будто не счел заслуживающим внимания или не заметил большой ряд броских особенностей, противопоставляющих Радзивиловскую летопись Лаврентьевской, Ипатьевской и Переяславской в пространстве до 1175 г.

Отметим, что в исходных наблюдениях А. А. Шахматова есть неточности, относящиеся и к части летописного повествования, следующей за 6683 (1175) г., к которой мы сейчас обратимся. Так, под 6704 (1196), 6706 (1198) и 5709 (1201) гг. не Радзивиловская и Переяславская летописи имеют общие сравнительно с Лаврентьевской пропуски, а одна Радзивиловская сравнительно с Лаврентьевской и Переяславской (сообщение о рождении у князя Всеволода сына Гавриила — Л, 412; П, 102; слова «**и постригъся и в скымѣ бывъ**» и сообщение о рождении у князя Всеволода сына Ивана — Л, 414; П, 104; сообщение о смерти и похоронах княгини «**Ярославлей**» — Л, 416–417; П, 105). В статье 5709 (1201) г. есть, кроме того, целый ряд общих черт у Радзивиловской и Лаврентьевской летописей, отсутствующих в Переяславской, в том числе сообщение о смерти черниговского князя Владимира (Л, 416). В статье же 6701 (1193) г. в Радзивиловской и Переяславской действительно опущено — сравнительно с Лаврентьевской летописью (Л, 416) — поучение, сле-

[1] Там же. С. 77–78, прим.

дующее за сообщением о пожаре во Владимире, но считать это место началом ряда общих пропусков Радзивиловской и Переяславской летописей реальных оснований нет.

Продолжим наши наблюдения. Хотя и за статьей 6683 (1175) г. более или менее регулярно встречаются общие избытки Лаврентьевской и Переяславской летописей относительно Радзивиловской,[1]

---

[1] Под 6684 (1176) г. — слово «**Всеволод**» (Л, 379; П, 88); под 6688 (1180) г. — сообщение о смерти и погребении Мстислава Ростиславича (Л, 387; П, 92; ср.: Ип, 609); под 6691 (1183) г. — о смерти и погребении княгини Ольги-Евфросиньи (Л, 389; П, 93; Ип, 624); под 6693 (1185) г. — слова «**освятившеся, не разумехом, куплена бывше**» (Л, 393; П, 95), «**святое Богородици... и отца своего**» (Л, 395; П, 96), «**в понедѣлник... Євдокима Новаго**», «**над врагы**», «**оружья добыша и конь и възвратишася**» (Л, 396; П, 96); под 6694 (1186) г. — сообщение о рождении Константина Всеволодовича (Л, 396–397; П, 96) и слова «**по 3 дни не пустили бяху ихъ к водѣ**» (Л, 398.; П, 97); под 6695 (1187) г. — слова «**на пренесенье святою мученику Бориса и Глѣба**» (Л, 404; П, 100); под 6697 (1189) г. — сообщение о смерти княжича Глеба (Л, 407; П, 101); под 6698. (1190) г. — слова «**на память святаго пророка Захарьи**» (Л, 408; П, 101), «**и тогда сущу князю великому в Переяславли в полюдьи**» (Л, 408–409; П, 101); под 6700 (1192) г. — «**сыну его Георгиеви**» (Л, 409; П, 101); под 6702 (1194) г. — «**в канунъ святаго Дмитрия**» (Л, 412; П, 102; ср.: Ип, 674); под 6703 (1195) г. — сообщение о том, что был срублен город Переяславль (Л, 412; П, 102); под 6704 (1196) г. — о рождении Всеволода-Гавриила (Л, 412; П, 102, за исключением слов «**на память... Матроны**»); под 6706 (1198) г. — слова «**и постригъся и в скымѣ бывь**» и сообщение о рождении у Всеволода сына Иоанна (Л, 414; П, 104 — опять-таки, за исключением слов «**на память...**»); под 6707 (1199) г. — слово «**великий**» (Л, 414; П, 104); под 6708 (1200) г. — «**лѣшпиѣ мужи, Мирошьчина чадь**», «**с поклоном и с молбою всего Новгорода**», «**князь же великий здумав... на всей своей воли**», «**у чудное святое Богородицы с радостию великою**» (Л, 415–416; П, 104–105); под 6709 (1201) г. — слово «**великою**» и сообщение о смерти и похоронах княгини «**Ярославлей**» (Л, 416–417; П, 105); под 6710 (1202) г. — о смерти и похоронах княгини Февроньи Михалковой (Л, 417; П, 105);

однако же параллельно в Радзивиловской с этого момента обнаруживается т о, что есть или только в Лаврентьевской,[1] или только в Переяслав-

под 6711 (1203 г.) — слова «**на память святаго Силивестра папы Римскаго**» (Л, 418; П, 105).

[1] Под 6683 (1175) г. — слова «**Всеволода**», «**брата**», «**съ благородными дѣтми**» (Л, 371); под 6684 (1176) г. — «**сѣмо**» (Л, 375), «**не хотяху створити правды Божия, но**», «**намъ**», «**завистью**» (Л, 378), «**и ѣха опять** (РА: «**възвратистася к**») **Володимерю**» (Л, 379); под 6690 (1182) г. — «**Володимерь**» (Л, 388; П: «**Суздаль**»); под 6695 (1187) г. «**и стоя в монастыри у Взнесенья на самый праздник Възнесенья Господня**», «**и Святославли мужи, и Ярославля, брата его, Всеволодичю Ольгову внуку**», «**к Роману и Игорю: Володимеру, Святославу и Ростиславу**», «**а брань славна лучьши есть мира студна, со лживым миромь живуще велью пакость землям творять**», «**Юргевичь Володимерь внукъ Мономаховъ**», «**но аще безаконья наша назриши... подвизанье на зло**», «**и Соломонъ премудрый глаголеть... ни по грѣхом нашим въздасть нам человѣколюбець**» (Л, 404–406); под 6696 (1188) г. — «**с ними с честью великою Новугороду**», «**Давид**», «**призирая на землю... жестокая по дѣлом ихъ**» (Л, 406–407); под 6697 (1189) г. — «**и сынѣ его Костянтинѣ**», «**и бысть радость велика в градѣ Володимери, и священа бысть**» (Л, 407); под 6698 (1190) г. — «**якоже Господь глаголеть... пастуха всей земли Ростовьской и Суждальской и Володимерьской**» (Л, 408), «**на канунъ святаго Олексѣя человѣка Божья и друга Божья Лазаря**» (Л, 408); под 6700 (1192) г. — «**и бысть радость велика в градѣ Суждали, ту сущу блаженому епископу Иоанну**» (Л, 409); под 6701 (1193) г. — «**избавленъ** (РА: «**соблюденъ**») **бысть от пожара**» (Л, 409); под 6702 (1194) г. — «**и бысть радость велика в градѣ Володимери**» (Л, 411; Ип, 673); под 6703 (1195) г. — «**Рязаньскый**» (Л, 412; П, 102: «**Бдрянскый**»); под 6704 (1196) г. — «**на память святаго апостола Фомы, и бысть радость велика в градѣ Володимери**», «**на память святое мученицы Капетолины**», «**на память святаго мученика Акепсимы**», «**на память святаго отца Григорья Ниськаго**» (Л, 413–414); под 6707 (1199) г. — «**христолюбивый**», «**на память святаго мученика... и бысть радость велика в градѣ Володимери**» (Л, 414–415); под 6708 (1200) г. — «**на память...**», «**блаженней**», «**на память святаго отца Спиридона**», «**Костянтин**», «**Ярослав, Володимер, и бысть радость

ской.[1] Со статьи этого же года начинают встречаться смысловые исправления, следы активного вторжения в текст пера редакторов. Очевидно, отсюда пошла гораздо более актуальная для них часть повествования. Первый из случаев смыслового расхождения видим уже в самой этой статье: летописи различаются молитвенным обращением к Андрею Боголюбскому.[2] Надо сказать, отредактировано обращение не только в

велика в градѣ Володимери» (Л, 415–416); под 6709 (1201) г. — слова «**Гюргевич, внукъ Володимерь Мономаха**», «**на память...**», «**тогда сущу великому князю в Переяславли з дѣтми своими с Костянтином и Юргемъ**», «**братья же проводиша**», «**и бысть радость велика в градѣ Переяславли**» и сообщение о смерти черниговского князя Володимера (Л, 416); под 6710 (1202) г. — «**ту сущу великому князю Всеволоду и сыну его Костянтину, и Юргию, и Володимеру**» (Л, 417); под 6713 (1205) г. — «**юже бѣ создала великая княгини и блаженая Всеволожа**» (Л, 421); под 6714 (1206) г. — «**на память святое мученици Євдокѣи**» (Л, 421).

[1] Под 6683 (1175) г. — слова «**и Суждалцем, и Муромцем**» (Л, 374; П, 86; Ип, 598); под 6684 (1176) г. — «**винами**» (в Л и Ип «**вирами**»), в тринадцати случаях около имени Михалки — имя его брата Всеволода, «**вороти**», «**и Полочане**», «**река**» (Л, 374–379; П, 86–88); под 6685 (1177) г. — «**и Переяславци**» (Л, 380; П, 89), «**и пустиша єю из земли**» (Л, 385–386: «**хочемъ слѣпити и... множьства ихъ ради клича**»; П, 91); под 6693 (1185) г. — «**априля 13**» (Л, 392: «**априля въ 18 день**»; П, 94; Ип, 630); под 6696 (1188) г. — «**детей**» (Л, 407: «**чади**»; П, 101); под 6705 (1197) г. — сообщение об изгнании новгородцами княжеского свояка Ярослава и приглашении Ярослава Черниговского и о том, что великий князь посадил свояка в Новом Торжке (Л, 414; П, 103; ср.: Ип, 702); под 6707 (1199) г. — слова «**прочь**», «**становищем**» (Л, 414: «**к морю**», «**зимовищем**»; П, 104); под 6713 (1205) г. — «**о целовании креста Олеговичами к великому князю Всеволоду, к его сыновьям и к Роману**» (Л, 421; П, 107); под 6714 (1206) г. — «**а Святослава выведе к собѣ**», сообщение о пострижении великой княгини Марии «**Всеволожей**», слова «**пребысть бо в монастыри... поиде к Богови**», «**плачющюся**», «**и Юрью сыну ея плачющися... и положиша ю в церкви святыє Богородицы**» (Л, 421–425; П, 107–108).

[2] См. выше, с. 34–35.

Переяславской летописи относительно Радзивиловской и Лаврентьевской, но и в этих двух — относительно Ипатьевской. Ср.:

Ипатьевская	**Радзивиловская и Лаврентьевская**	**Переяславская**
...Богꙋ молися помиловати *братью свою,* подасть имъ побѣдꙋ на противныѣ и мирнꙋю державꙋ и царство *честъно и многолѣтно* во вся вѣки вѣкомъ аминь.	...Богꙋ молися помиловати *князя нашего и господина Всеволода, своего же приснаго брата,* да подасть емꙋ побѣдꙋ на противныя, *и многа лѣта с княгынею и с благородными дѣтми,* и мирнꙋ державꙋ емꙋ (*его* — РА) и царство *его* (*небесное* — РА) и ныня и присно в бесконечныя вѣки аминь.	...Богꙋ молися помиловати князя нашего и господина *Ярослава,* своего же приснаго *сыновца,* и дай же емꙋ на противныя, и многа лѣта съ княгинею, и *прижитие дѣтий благородныхъ,* и мирнꙋ дръжавꙋ его и царьство небесное въ бесконечныя вѣки аминь.

Очевидно, что Ипатьевская летопись сохраняет первоначальный вариант мольбы к Андрею Боголюбскому, написанный, когда были живы и правили во Владимиро-Суздальской земле еще оба его брата, Михалко и Всеволод, т. е. в 1176 г. Летописи же Радзивиловская и Лаврентьевская представляют вариант вторичный, возможный не ранее 1177 г., когда после смерти Михалко во Владимире начал княжить Всеволод Большое Гнездо. К тому времени он уже имел жену и детей: в 1179 г. родилась его четвертая дочь Пелагея-Сбыслава (Ип, 613), так что уже в 1177 г. он мог быть помянут «**с княгынею и с благородными дѣтми**», если только не имелись ввиду его сыновья, которые рождались у него позже дочерей (в 1186 г. — Константин, в 1189 г. — Георгий, в 1190 г. — Ярослав, в 1194 г. — Владимир, в 1196 г. — Гавриил, в 1198 г. — Иван). Этот вторичный вариант мольбы не мог быть написан позднее 1206 г., когда первая жена Всеволода, мать его детей, аланка княгиня Мария умерла

(сообщение о ее смерти — последнее в Радзивиловской летописи). Переяславская же содержит третий вариант обращения, как отмечено К. М. Оболенским, — периода 1212–1219 гг., когда княживший в Переяславле-Залесском Ярослав Всеволодович был еще бездетным.

В Переяславской летописи есть и другие следы работы переяславского редактора над статьей 6683 (1175) г. Этот редактор старался что-то сказать в защиту своих сограждан, воевавших в том году против Михалко и Всеволода, и вставил: «**А переяславцемъ не хотящимъ его, но хотѣша Михалка съ братомъ его Всеволодомъ**», «**Переяславци же не от сердца идяхуть, но принужениемъ ростовскымъ**», «**А съ переяславци имяхуть володимерци едино сердце**» (П, 85–86). Очевидно, тот же редактор в статье следующего года (автор-владимирец писал там о призыве из Чернигова Михалко и Всеволода, отмечал, что владимирцы «**яшася по правду**», а сверх того заявлял: «...**володимерци прославлени Богом по всей земли за их правду, Богови имъ помагающю**») три раза присовокупил к владимирцам «**и переяславцев**» (ср.: Л, 375–379; П, 86–88). Он кое-что при этом и выпустил, изменив тем самым точку зрения повествователя: в Лаврентьевской и Радзивиловской летописях рассказ идет от лица владимирцев и естественным образом говорится «**сѣмо Володимерю**» (Л, 375), «**не хотящим *намъ* добра завистью, граду сему и живущим в немъ**» (Л, 378); «**сѣмо**» и «**намъ**» в Переяславской летописи отсутствуют (П, 86–87). Кроме того, в статье 6690 (1182) г., наверное, он заменил г. Владимир на «**Суждаль**» (Л, 388; П, 93), а в статье 6697 (1189) г. в рассказ об освящении церкви во Владимире почему-то вставил слова «**въ градѣ Ростовѣ**» (Л, 407; П, 101). Но вот отсутствующие в Лаврентьевской летописи слова «**и суждальцемъ и муромцемъ**» во фразу «**Не противу же Ростиславичемъ бияхуся володимерци, но не хотяще покоритися ростовцемъ и суждалцемъ и муромцемъ**...» (1175 г., Л, 374; П, 86) вставил не он, ибо они есть и в Ипатьевской летописи (Ип, 598); просто они пропущены в Лаврентьевской. Не является также ни редакторской правкой, ни смысловым разночтением указанное А. А. Шахматовым следующее отличие Лаврентьевской летописи от Переяславской и Радзивиловской: «...под 1196 г. каменная церковь заложена, по Лаврен-

тьевской, во имя Акима и Анны, а по Переяславской и Радзивиловской во имя зачатия Богородицы».[1] Иоаким и Анна — родители Богородицы, праздник ее зачатия — их праздник.

Среди особенностей статей Радзивиловской и Переяславской летописей 6684–6685 (1176–1177) гг., отличающих их от соответствующих статей Лаврентьевской, есть и смысловые, и не меняющие смысла. Границу между ними иной раз трудно провести. К смысловым относится сообщение под 6685 (1177) г. об ослеплении Ростиславичей. Вместо слов Лаврентьевской «...**хочемъ слѣпити и! Князю же Всеволоду печалну бывшю, не могшю удержати людии множьства ихъ ради клича**» (Л, 385–386) в Радзивиловской и Переяславской читаем: «**И пустиша ею из земли**» (П, 91). Вариант Ипатьевской (605) «**И потомъ, изведше я и слепивше, пустиша**» наводит на мысль, что мы имеем три вида сокращения одного и того же рассказа (в Лаврентьевской, заметим, он оборван, не дописан). Скорее всего, имеет место пропуск в Радзивиловской и Переяславской, а не добавка в Лаврентьевской летописи, ибо и в Ипатьевской говорится о том, что люди у князя требовали, чтобы он или убил, или ослепил пленников. Разумеется, пропуск этот далеко не бессмыслен, но ничего специфически переяславского в нем нет.

Статью 6684 (1176) г. Радзивиловской и Переяславской летописей отличают излишние сравнительно с Лаврентьевской слова «**и Полочане**» в перечне горожан, у которых существовало вече («**Новгородци бо изначала и Смолняне и Кыяне**...» — Л, 377; П, 87). Редакторская ли это добавка? Скорее, опять пропуск в Лаврентьевской. Кроме того, сверх Лаврентьевской, рядом с именем Михалко в этих летописях тринадцать раз помещается имя его младшего брата Всеволода. Если это добавки редактора, то, скорее, редактора владимирского, работавшего в промежутке 1177–1206 гг., нежели переяславского 1213–1219 гг. Но нет уверенности и в том, что это добавки, ибо, во-первых, они ничего не меняют в смысле рассказа: согласно Лаврентьевской летописи, Михалко пришел из Чернигова «**с братом Всеволодомь**», вместе с ним одержал победу над

[1] *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 48.

Ростиславичами, и владимирцы «**выидоша же с кресты противу Михалку и брату его Всеволоду**» (Л, 375 и 377), а, во-вторых, ту же самую формулу «**Михалко с братом его Всеволодом**» мы встречаем пять раз в Ипатьевской летописи, причем — в пяти других по сравнению с Лаврентьевской случаях, из которых три совпадают с «излишествами» Радзивиловской и Переяславской («**Михалку же доспѣвающю с братомъ Всеволодомъ**», «**поможе Богъ Михальку и брату его Всеволоду**», «**потом же Михалко и Всеволодъ поѣхаста въ Володимирь**» — Ип, 600–602). Рассказ Ипатьевской, заметим, значительно короче, чем повествование севернорусских летописей, но несомненно, что он восходит к общей с теми основе. И в данном случае в разных летописях она по-разному сокращена. В Лаврентьевской, очевидно, — позднейшими редакторами. А. А. Шахматов думает, что в данном случае «в Ипатьевской летописи отразился Суздальский (Владимирский) свод, более поздний, чем тот, который лег в основание Лаврентьевской».[1] Но мы видели, говоря о молитвенном обращении к Андрею Боголюбскому, несомненно более ранние черты во владимиро-суздальском тексте Ипатьевской летописи. Подобным может быть и этот случай. Как бы то ни было, свидетельствовать о присутствии в Радзивиловской летописи добавлений переяславского редактора он тоже никак не может.

А. А. Шахматов указывает, как на результат редакторского недоразумения (относя это недоразумение на счет владимирского редактора 90-х гг. XII в.), на два рассказа о борьбе с половцами южнорусских князей — под 6677 (1169) и 6679 (1171) гг. Он считает, что речь в них идет об одном и том же событии и что сначала во владимирской летописи (в «своде 1185 г.») находился только первый из них, почерпнутый из Летописца Переяславля Южного, а потом, в 1192–1194 гг., появился и второй, почерпнутый из другой летописи того же Южного Переяславля. Вставляя этот рассказ, владимирский редактор привычным образом, «следуя обычному своему приему», к имени Михалко, или Михаила Юрьевича, приписал два раза имя его брата Всеволода (Л, 363;

---

[1] *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 75.

П, 80–81).[1] В таком случае очень странно присутствие не одного только первого (под 1172 г.), но и второго из этих рассказов в южнорусской Ипатьевской летописи (под 1173 г.), причем с пятикратным упоминанием рядом имен братьев Михалки и Всеволода (Ип, 562–563). Никак нельзя вместе с А. А. Шахматовым быть уверенным, что речь оба раза идет об одних и тех же событиях: в рассказах есть схожие элементы, но различий там больше (в частности, в первом из них рядом с именем Михалки имя Всеволода не упоминается ни разу). А стало быть, сомнительно и существование двух летописцев Переяславля Южного, и то, что второе из этих сообщений было вставлено в летопись редактором позже, в 90-х гг. XII в.

Вернемся теперь к различиям занимающих нас летописей. В Лаврентьевской под 6708 (1200) г. новгородцы, прося у Всеволода Большое Гнездо его сына к ним княжить, называют его по имени и отчеству: «**Ты — господинъ, князь великий Всеволодъ Гюргевич**» (415). Согласно же Переяславской, они величают его именами его отца и деда: «**Ты господинъ, ты Гюрги, ты Владимиръ**» (104). А в Радзивиловской летописи имена деда и отца Всеволода соседствуют в обращении с его собственным именем: «**Господине, ты еси Володимиръ, ты Юрьгий, ты Всеволодъ**». Радзивиловская как будто соединяет варианты Лаврентьевской и Переяславской летописей или более полно передает то, что по-разному сокращено в них.[2] Заметим, что тогдашняя дипломатическая манера почтительного приравнивания человека к его или своим старшим родственникам (означающая готовность ему подчиниться) от-

---

[1] Там же. С. 53–54; ср.: *Шахматов А. А.* Исследование... С. 73–79.

[2] Словами «**Нъ о бо(го)любивы княже вторыі Всеволодъ**...» начинается надпись на фреске, изображающей князя-ктитора, в новгородской церкви Спаса-на-Нередице, расписанной в 1199 г. «Вторым Всеволодом» здесь назван, по всей видимости, свояк и ставленник Всеволода, княживший в Новгороде в 1182–1199 гг., Ярослав Владимирович, строитель храма. См.: *Пивоварова Н. В.* Ктиторская тема в иконографической программе церкви Спаса-на-Нередице // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Т. XXIII. С. 144–145.

ражена во всех сопоставляемых нами памятниках. Так, под 6688 (1180) г. в Лаврентьевской, Радзивиловской и Переяславской летописях говорится: «**Присластася Глѣбовича, Всеволод и Володимеръ, ко Всеволоду Юргевичу, рекуще: Ты господинъ, ты отець, брат наю старѣйший**...» (Л, 387; П, 92); и под 6694 (1186) г.: «**Они же, слышавше, оже хочеть ити на нь Всеволодъ, послаша к нему, глаголюще: Ты отець, ты господина, ты брат**...» (Л, 403; П, 99). Следуя этим традициям, переяславцы в Переяславской летописи под 6721 (1213) г. величают уже сына Всеволода, Ярослава, именем его отца: «**Ты нашь господинъ, ты Всеволодъ**» (П, 110). Заметим также, что статья 6708 (1200) г. Радзивиловской летописи имеет ряд мелких особенностей, сближающих ее с более полной статьей Лаврентьевской (слова «**на память святаго мученика Кюрика и Улиты**», «**блаженнѣмь**» — о епископе Иоанне, «**на память святаго отца Спиридона**», «**Костянтинъ... и бысть радость в градѣ Володимери**», отсутствующие в Переяславской), но и та же статья Переяславской имеет ряд черт, общих с Лаврентьевской летописью и отсутствующих в Радзивиловской (слова «**лѣпшие мужи, Мирошьчина чадь**», «**с поклоном и с молбою всего Новгорода**», «**князь же великий здумав... на всей своей воли**», «**у чудное святое Богородици с радостию великою**», «**с честью**»). Кое-какие пропуски против общего исходного текста встречаются, как мы видели, и в Лаврентьевской. Очевидно, случай с обращением новгородцев к Всеволоду — из их числа. Смысловой разницы при этом не получилось, скорее — стилистическая: оказалась утраченной фигура речи. Представить себе обратное, — что метонимия была создана позднейшим редактором, — невозможно.

Как видим, иной раз не с первого взгляда возможно решить, что́ перед нами — след редактуры, стремления писца упростить свою работу или результат его бессознательного огреха; однако же несомненно то, что начиная со статьи 6673 (1175) г. изменяется не только «группировка» летописей по степени близости, но и сам характер их отношений: появляются меняющие смысл исправления, сделанные разными редакторами.

3. Вторичные тексты

Есть и другой признак, указывающий приблизительно на то же время как на рубеж в истории владимиро-суздальского летописания: начиная со статьи 6685 (1177) г., в тексте Радзивиловской, Лаврентьевской и Переяславской летописей появляются заимствования из текста «Повести временных лет». На них обратил внимание более 150 лет тому назад автор статьи «Обзор русских летописцев в содержании и характере их, преимущественно церковно-историческом»; об откликах владимиро-суздальского летописца на упоминаемые им события он написал: «Разглагольствования его вышли не из собственного мышления; это чужие мысли, порожденные другими обстоятельствами, не понятые, не прочувствованные и не приспособленные к современности, а насильно приложенные к событиям и лицам другого времени и местности... Бо́льшая часть рассуждений взята суздальским летописцем из Нестора, у которого они полны намеков на тогдашнюю жизнь, приведены кстати, обмыслены и усвоены; тогда как у суздальского недостает даже искусства воспользоваться ими: он сводит мысли Нестора из разных мест в одно, или рядом стоящие разводит по разным местам».[1] Речь идет о восьми пространных компиляциях в статьях 6685 (1177), 6686 (1178) и 6693 (1185) гг. в общем тексте Лаврентьевской, Радзивиловской и Переяславской летописей, почерпнутых из одиннадцати мест «Повести временных лет» (см. рис. 3).[2]

---

[1] Православный Собеседник. 1860. Ч. 1. С. 385.

[2] 1) «...**помысливше высокоумьем своим, не вѣдуще... поне то есть глава земли**» — 6685 (1177) г. (Л, 381; П, 89); ср.: «**помыслив высокоумьемь своимь, не вѣдый... понеже то глава есть земли**» — 6523 (1015) г. (Л, 139–140); 2) «**и многы церкви запали огнемъ... трепетаху, зряще убиваемых**» — 6685 (1177) г. (Л, 383; П, 90); ср.: «**и многы церкви запалиша огнемь... трепетахуть, зряще убиваемых**» — 6601 (1093) г. (Л, 223); 3) «**тѣм же и мы, послѣдующе Давиду пророку... оскверниша святый дом твой**» — 6685 (1177) г. (Л, 384–385; П, 91); ср.: «**тѣм же и мы, послѣдующе пророку Давиду... оскверниша и пожгоша святый дом твой**» — 6604 (1096) г. (Л, 233); 4) «**тѣм же пророкомъ глаголеть нам... а злобвашиx не могох истерти**» — 6686 (1178) г. (Л, 386; П, 91); ср.: «**тѣм же пророкомъ**

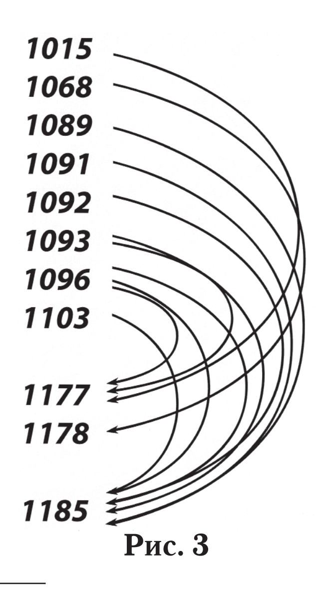


Рис. 3

нам глаголеть... а злобъ вашихъ не могохъ истерти» — 6576 (1068) г. (Л, 168); 5) «Бысть же сь мужь молчалив, милостив к убогым... и за землю Ростовьскую, иже» — 6693 (1185) г. (Л, 391–392; П, 94); ср.: «Бысть же Иоан мужь хытр книгам и ученью, милостив убогым... кроток, молчалив» — 6597 (1089) г. (Л, 208), «добраго пастуха, иже пасяше словесныя овца... Божьего помощью молися» — 6599 (1091) г. (Л, 212), «за поручение ему стадо... за землю Русьскую, иже» — там же (Л, 213); 6) «Се же ся здѣя грѣх ради наших... внити в царство небесное» — 6693 (1185) г. (Л, 392–393; П, 94–95); ср.: «Се же бысть за грѣхы наша... прочихъ злыхъ дѣлъ неприязнинъ» — 6600 (1092) г. (Л, 215), «Богъ кажеть рабы своя... внити в царство небесное» — 6604 (1096) (Л, 233); 7) «едино прѣщенье, едина казнь... паче инѣх казнимы есмы» — 6693 (1185) г. (Л, 393–394; П, 95); ср.: «едино прѣщенье, едина казнь... яко створихом, тако и стражем» — 6601 (1093) г. (Л, 223–224), «но обаче надѣемъся на милость... благому Владыце казати» — там же (Л, 224), «неиздреченному человѣколюбью» — (Л, 224), «понеже хотяще уклонихомся от заповѣдий... плачь по всѣмъ улицам упространися» — (Л, 224), «да никто же дерзнеть рещи... в лепоту паче инѣхъ казними есмы» — (Л, 225); 8) «В 31 день... сдѣя Господь спасения велико... оружья добыша и конь» — 6693 (1185) г. (Л, 396; П, 96); ср.: «И сдѣя Господь в тъ день спасенье велико... Побѣжени быша иноплеменьци» — 6604 (1096) г. (Л, 231–232), «и рече Володимер... Взяша бо тогда скоты, и овцѣ, и конѣ» — 6611 (1103) г. (Л, 279).

Кроме того, автор «Обзора» отметил, что «происшествия до 1170 г. по Лаврентьевскому списку нисколько не связаны между собою, и нет ничего между ними общего. Но с этого времени все описания событий, исключая последние краткие заметки, имеют общее то, что все вращаются около Всеволода и его семейства».[1] Напомним, что М. Д. Приселков, основываясь на распределении в Лаврентьевской летописи южнорусских известий и на общих соображениях, датировал первый владимирский свод 1177 г.[2] Но мы видели, что Ипатьевская летопись хранит мольбу к Андрею Боголюбскому о его братьях, возможную только в 1176 г. Наши наблюдения заставляют думать, скорее, о том, что в 1175–1177 гг. работа над владимирским летописанием активизировалась, а с 1177 г. приобрела отчасти новый, допускающий компиляцию характер. «Первое, что обращает на себя внимание, — сообщил мне О. В. Творогов, — что обращения к “Повести временных лет“ в основном группируются на протяжении статей 1177–1185 гг., т. е. можно полагать — перед нами тенденция, прием одного из составителей летописного свода, сохранившегося в составе Лаврентьевской летописи (также в Радзивиловской и Переяславской. — *Г. П.*), причем составителя, работавшего именно над статьями этого десятилетия». Может быть, этот летописец начал работать еще при жизни Михалко, но может быть — только с утверждением во Владимире Всеволода. Во всяком случае, мне кажется, ясно, что, откровенно черпая целые периоды из киевской летописи, этот владимиро-суздальский летописец достаточно ясно и прямо указывал, на что он ориентируется как на образец и сознательным продолжателем какого летописания он выступает.

А. А. Шахматов полагал, что статьи 1176–1177 и 1185 гг. Лаврентьевской летописи имеют признаки большей древности, нежели Радзивиловской и Переяславской, и обратил внимание на то, что, начиная с 1186 г., князь Всеволод Юрьевич именуется в летописи великим князем, а на этом основании высказал мысль о существовании владимирского свода 1185 г.,

---

[1] Обзор русских летописцев... С. 432.

[2] *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 64–78.

отраженного в Лаврентьевской летописи.[1] В пользу этой мысли говорит то, что после 6683 (1185) г. картина с заимствованиями, вторичными текстами, меняется: в двух следующих статьях опять обнаруживается несколько цитат, однако уже не из «Повести временных лет», а из соседней, предыдущей статьи 6693 (1185) г.[2] (см. рис. 4). На это явление обращал

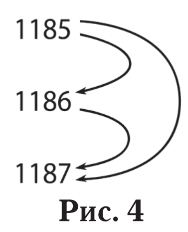


Рис. 4

внимание и автор «Обзора русских летописцев...»: «Наконец, в суздальской летописи встречаются постоянно повторения одних и тех же мыслей и одних выражений», — отметил он.[3] В чем тут может быть дело?

---

[1] *Шахматов А. А.* 1) Исследование... С. 71–73; 2) Обозрение... С. 11–12.

[2] 1) «**Се же и здѣся грѣх ради наших... да ны избавить от неприязни**» — 6694 (1186) г. (Л, 400; П, 98); ср.: «**Се же ся здѣя грѣх ради наших... грѣси наши и неправды**» — 6693 (1185) г. (Л, 392), «**Богъ бо казнить рабы Своя... и иными различными казньми**» — (Л, 392–393), «**христьяномъ бо многыми напастьми внити въ царство небесное**» — (Л, 393), «**Согрѣшихом казними есмы... кажеть ны добрѣ Владыка благый**» — (Л, 393), «**Да никто же дерзнеть рещи... в лѣпоту паче инѣх казними есмы**» — (Л, 394); 2) «**Богъ бо казнить рабы Своя... водою и огнемь**» — 6695 (1187) г. (Л, 405; П, 100); ср.: «**Богъ бо казнить рабы Своя... огнемь и водою**» — Л, 392–393 (это же место использовано в предыдущей статье); 3) «**Но аще безаконья наша назриши... подвизанье на зло**» — 6695 (1187) г. (Л, 405; в П нет); ср.: «**Аще бо безаконья назриши... движенья на зло**» — 6693 (1185) г. (Л, 393). Кроме того, обращает на себя внимание повторение в статье 6695 (1187) г. слов предыдущей статьи: «**Брань славна луче есть мира студна. Съ лживым же миром живуще, велику пакость землям творять**». — Ср.: Л, 403 и 405.

[3] Обзор русских летописцев... С. 439.

Наскучив выискиванием подходящих сентенций в «Повести временных лет», летописец начал повторять самого себя? Вероятней кажется, что летописца, ориентировавшегося на Нестора или Сильвестра, сменил человек, столь же откровенно бравший за образец своего непосредственного предшественника. Так или иначе, этот ряд переносов заставляет думать о 1185 г. как о каком-то рубеже во владимирском летописании.

Наблюдения А. А. Шахматова над пропусками в Радзивиловской и Переяславской летописях сравнительно с Лаврентьевской начиная с 1193 г. (об их неточности мы уже говорили), навели его на мысль о существовании владимирского свода 1192 или 1193–1194 гг., отраженного в Радзивиловской и Переяславской летописях.[1] М. Д. Приселков датировал второй владимирский свод, можно сказать, тем же временем — 1193 г.[2] В пользу этих гипотез наши наблюдения ничего не добавляют.

4. Рубеж 1206 г.

О датировке этими исследователями и Ю. А. Лимоновым Владимирского свода начала XIII в. речь шла раньше. Здесь же я хочу указать на тот очевидный факт, что все три вида близко-родственного текста, мыслимые нами как источники четырех реально дошедших до нас памятников — Радзивиловского, Московско-Академического, Архивского и Лаврентьевского списков, дружно оканчиваются на 1206 г. Представляется, стало быть, возможным говорить о сохраняемой этими памятниками в несколько различном виде с разной в разных местах степенью полноты и точности одной и той же владимирской, доведенной до 1206 г. летописи, или о Владимирском своде 1206 г.

Оканчивался он прочувствованным известием о смерти первой жены Всеволода Большое Гнездо — Марии. Не ее ли заботами составлялся и иллюстрировался этот свод? Как известно, спустя пять лет, в 1211 г., великий князь Всеволод вступил во второй брак — с дочерью витебского

---

[1] См. выше, с. 65, 69.

[2] *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 64–82.

князя Василька Брячиславича. Об этом скупо сказано («**Приведоша княгыню...**») в Переяславской летописи. Очевидно, новая великая княгиня для летописцев была несравнимо более далеким, чем Мария, человеком (и равным образом, наверное, — летописание для нее). Н. И. Милютенко вполне, на мой взгляд, резонно считает, что владимирским летописцем того времени был Симон, игумен Рождественского монастыря во Владимире (1203–1213 гг.), духовник княгини Марии, один из авторов Киево-Печерского патерика.[1]

В Архивском списке Владимирский свод 1206 г. продолжен Переяславской летописью, в Лаврентьевской — Ростовской. Так же прежде расходились летописи от «Повести временных лет» — по обосабливающимся землям. В интересующее нас время шел процесс дробления Владимиро-Суздальской земли. Наметившееся еще в 40–50-х гг. XII в. дробление это сделалось политической реальностью за два первых десятилетия XIII в.[2] Энергичный централизатор Всеволод Большое Гнездо, однако же, сам способствовал этому, выделяя уделы своим сыновьям. В 1207 г. Константин, его старший сын, получил от него в удел Ростов с пятью городами; летописателю Константина и принадлежит ростовское продолжение Владимирской летописи в Лаврентьевской. А годом раньше, за день до пострижения его больной матери в монахини и менее, чем за три недели до ее смерти, отец послал Константина княжить в Великий Новгород. Торжественная, непропорционально многоречивая, откровенно льстивая запись о его отъезде из Владимира, вступлении в Новгород и начале тамошнего его правления отличает статью 6714 (1206) г. Лаврентьевской летописи (Л., 421–424) от соответствующих статей Радзиволовской и Переяславской. И любопытно то, что в этой льстивой записи обнаруживаются — впервые после 1187 г. — заимствования, или цитации, в речи летописца отрывков из предшествующей части повест-

[1] *Милютенко Н. И.* Владимирский великокняжеский свод 1205 г. (Радзивиловская летопись)//ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 58.

[2] См.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 98–101.

вования. Там их целая серия. Все они сделаны из статьи 6683 (1175) г., завершавшей, как мы знаем, или начинавшей какой-то этап во владимирском летописании. Шесть фрагментов рассказа об убийстве Андрея Боголюбского приспособлены для похвалы его племяннику Константину Всеволодовичу. «**Рыдаеть же множьство правовѣрных, зряще отца сирымъ и кормителя омраченымъ...**» — говорится об оплакивании князя Андрея под 6683 (1175) г.. (Л, 368); «**Рыдаху же множство народа правовѣрных, зряще отцы сирымъ и кормителя отходяща**» — говорится о проводах князя Константина владимирцами под 6714 (1206) г. (Л, 422). И так далее.[1] Седьмое заимствование компилятор посвятил матери Константина, умершей 19 марта 1206 г., — за день до его вступления в Новгород: «**Аще не напасть, то не вѣнець, аще не труди, то ни честь, аще не брани, то ни дарове**» (Л, 425; ср.: «**Аще бо не напасть, то не вѣнець, аще ли не мука, то ни дарове**» — Л, 368). Летописец явно облегчал себе задачу, прибегая в целях создания риторических периодов к заимствованиям. Но, может быть, у владимиро-суздальских летописцев, — начиная с того, который взялся за работу с исходом третьей четверти XII в., после убийства Андрея Боголюбского, — стало хорошим тоном с самого начала путем откровенных повторений связывать свой текст с предшествующим, а тем самым и сопоставлять восхваляемого князя с его родственником-предшественником, и указывать на литературный образец, на который летописец в дальнейшем намерен ориентироваться. Но похоже, что этот придворный летописец Константина свою работу не

---

[1] «**На весь бо бяше церковный чинъ отверзлъ... паче и на милостыню**» (Л, 422–423) — ср.: «**на весь бо церковный чинъ и на церковники отверзлъ ему Богъ очи сердечнѣи... паче же на милостыню**» (Л, 368); «**слыша Господа глаголюща... то Мнѣ створисте**» (Л, 423) — ср.: «**слыша бо Господа глаголюща... то Мнѣ створисте**» (Л, 368); «**и пакы Давидъ глаголеть... и не преткнется**» (Л, 423) — ср.: «**и пакы Давыдъ глаголет... не поткнется**» (Л, 368); «**мужство же и умъ в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста**» (Л, 423) — ср.: «**мужьство же и умъ в немъ живяше, правда же и истина с ним ходяста**» (Л, 368); «**вторый Соломонъ бывъ мудростью**» (Л, 433) — ср.: «**вторый мудрый Соломонъ бывъ**» (Л, 368).

продолжил. В Лаврентьевской — две статьи 6714 (1206) г., как обычно бывает в тех случаях, когда к завершенному своду добавляют отдельно от него составленные записи. Кажется, и свод 1206 г. с его новгородским завершением существовал в дальнейшем как некое целое, которое уже последующие летописцы использовали как основу, как образец и как сокровищницу потенциальных цитат.

Первый признак такого использования этого варианта свода 1206 г. дает статья 6726 (1218) г., когда Константин Всеволодович, бывший к тому времени два года великим князем Владимирским, умер и на великокняжеский стол вернулся его брат Юрий: в посмертную похвалу князю Константину (Л, 442–443) включены фрагменты похвал Владимиру Мономаху, Андрею Боголюбскому и самому Константину из статей 1125, 1175 и 1206 гг. (всего их семь).[1] (Попутно заметим, что девять лет спустя, под 1227 г., сообщив о пожаре, уничтожившем во Владимире двор «блаженного князя Константина» и украшенную им церковь Св. Михаила, летописец сказал несколько слов о причинах и смысле несчастий и вставил молитву (Л, 449–450), выписав почти все это из статьи 1185 г. (Л, 392–393), где тоже говорится о пожаре во Владимире.)[2]

[1] «**украшенъ всѣми добрыми нравы**» — ср.: «**украшеный добрыми нравы**» (1125 г. — Л, 293); «**възлюби Бога всею душею**» — ср.: «**всею душею възлюби Бога**» (1125 г. — Л, 294); «**Божий страх отинудъ имѣ в сердци**» — ср.: «**Божий страх присно имѣя в сердци**» (1125 г. — Л, 294); «**не помрачи ума своего**» — ср.: «**не омрачи бо ума своего**» (1175 г. — Л, 368); «**Соломон бо рече: милостынями и безлобьем и вѣрою очищаются грѣси**» — ср.: «**И Соломон глаголет: милостынею и вѣрою очищаются грѣси**» (1206 г. — Л, 423); «**Чтяше же паче меры иерѣйский... от них молитвы и благословенье**» — ср.: «**чтяшеть же излиха чернечьскый... от них молитвы**» (1125 г. — Л, 294); «**поминая слово, глаголющее... имѣнья своего раздавая требующим**» — ср.: «**поминая слово, Господне, глаголющее... имѣнья своего, раздавая требующим**» (1125 г. — Л, 294).

[2] «**Богъ бо казнит рабы Своя напастми разноличными: огнем, водою, ратью**» — ср.: «**Богъ бо казнить рабы Своя напастьми различными: огнемь и водою и ратью**»; «**христьяном многими напастми и скорбьми внити в царство небесное**» — ср.: «**христьяномъ бо многыми напасть-**

И несомненно, что сводом 1206 г. располагал или как-то выделял его в том, чем он располагал, автор повествования о татарском завоевании Руси, находящегося в Лаврентьевской летописи под 6745–6747 (1237–1239) гг.: мы обнаруживаем там невиданное прежде количество заимствованных фрагментов (21) — при небывало широком диапазоне использованного летописного текста — от статьи 941 г. по статью 1206 г. (последняя — опять-таки в «Константиновом» варианте)[1] (см. рис. 5; подобнее об этом речь пойдет дальше). Это схоже с тем, как автор статей 1177–1185 гг. использовал «Повесть временных лет», но тот случай

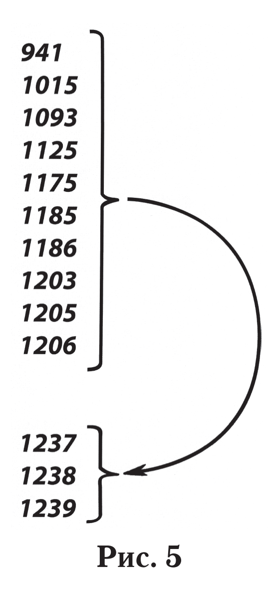


Рис. 5

ми внити в царство небесное»; «**но не предажь нас до конца имени Твоего ради**» — ср.: «**но не предажь нас до конца имени Твоего ради**»; «**аще бо на безаконья наша призриши... подвиженье на зло**» — ср.: «**аще бо безаконья назриши... движенья на зло**»; «**но обаче надѣемся на милость Твою**» — ср.: «**но обаче надѣемся на милость великаго Бога**».

[1] Подробно об этом и полное сопоставление текстов см.: *Прохоров Г. М.* Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 77–98. А также — в соответствующей главе далее.

значительно уступает этому во всех измерениях. Еще один случай отражения «Владимирского великокняжеского свода 1205 г.», как называет Радзивиловскую летопись Н. И. Милютенко, она обнаружила в так называемом «своде 1518 г.», т. е. во Львовской и Тверской летописях.[1]

5. В пользу такого именно понимания дела...

Придя к выводу о том, что 1206 г. был важным рубежом во владимиро-суздальском летописании, нельзя не вспомнить тех, кто шел примерно в том же направлении или пришел к тому же заключению, хотя и не сказал подробно о своем пути. Первым, кажется, был М. Перемышлевский, писавший более 170 назад: «...все они (летописи. — *Г. П.*), однако ж, до 1203 г. согласны в главных происшествиях, кроме небольших пропусков и маловажных разнословий, зависящих от неосторожности, глупости или высокоумия переписчиков. Следовательно, содержание сих летописей заимствовано из одного источника. С сего времени начинается существенная разность в списках; ибо является множество частных летописцев, кои подробно и нередко с пристрастием описывали только происшествия своей земли, не касаясь до прочих княжеств, кроме случаев, описание коих было необходимо для связи».[2] Вторым могу назвать Е. Ю. Перфецкого, написавшего: «Присмотревшись к взаимоотношениям сводов северной редакции, видим: Радзивиловский свод кончается в 1206 г., Суздальско-Переяславский кончается в 1214 г. Лаврентьевский же и Троицкий[3] своды, хотя и значительно дольше других ведут летописное повествование, но так разнятся, начиная с 1206 г., друг от друга, что

---

[1] См.: *Милютенко Н. И.* Владимирский великокняжеский свод 1205 г. (Радзивиловская летопись). С. 48.

[2] *Перемышлевский М.* О времени и причинах вероятного переселения славян на берега Волхова//Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. Ч. 3. № 9. С. 421.

[3] Е. Ю. Перфецкий имеет в виду, называя по-старому, Московско-Академический список летописи.

издатели их, с этого времени начиная, печатают их тексты отдельно».[1] Затем А. Г. Кузьмин отметил, на мой взгляд, совершенно справедливо, что «чисто текстологические данные заставляют предполагать существование свода, доведенного до 1206 г.», хотя сам он в обоснование этой мысли привел лишь одно наблюдение: «Именно на 1206 г. приходится смена владимирских записей ростовскими и в Лаврентьевской летописи».[2] В пользу такого именно понимания дела свидетельствуют и данные, добытые при изучении Новгородской 1-й летописи. Еще А. А. Шахматов отметил, что последнее по месту в рукописи известие Радзивиловской летописи о битве Ольговичей с Литвою в Синодальном списке Новгородской 1 находится не под 6713 (1205) г., где ему надлежало бы быть, а под 6711 (1203) г., иначе говоря, он отметил факт путаницы лет, свидетельствующий о том, что в распоряжении и этого летописца был владимирский источник, оканчивающийся около 1205 г.[3] Затем Н. Г. Бережков показал, что целая «группа статей Новгородской 1-й летописи, излагающая события восемнадцатилетнего промежутка, с 6713 (1205/6) по 6730 (1222/3) г., отличается очень большой неправильностью, непоследовательностью в обозначении годов».[4] В. Л. Янин уточнил, что в Новгородской 1-й летописи младшего извода такая непоследовательность начинается даже несколько раньше, в статье 6712 (1204/5) г.[5] И он сделал понятной ее причину, точнее сказать, причину того, что она начинается в этом месте: он показал, что оба извода Новгородской 1-й летописи, стар-

---

[1] *Перфецкий Е. Ю*. Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922. С. 99 // Труды философского факультета университета им. Коменского в Братиславе. № 1).

[2] *Кузьмин А. Г*. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 59.

[3] *Шахматов А. А*. Исследование... С. 51. В Н1Л младшего извода это сообщение — под 6712 (1204) г.

[4] *Бережков Н. Г*. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 247.

[5] *Янин В. Л*. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской 1-й летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники 1980. М., 1981. С. 175.

ший и младший, в пределах до 6712 г. имеют один общий источник, который здесь обрывается (В. Л. Янин называет его «Временником» 1204 г.).[1] Значит, мы можем распространить на этот источник вывод, сделанный ранее Ю. А. Лимоновым, — но только на основании анализа ряда известий XII в. Синодального списка Новгородской 1-й летописи старшего извода, — «что они были заимствованы из северо-восточного источника», чтения которого, «отличные от чтений Лаврентьевской летописи, Летописца Переяславля-Суздальского, совпадают с чтениями Радзивиловской летописи».[2] Заметим также, что след присутствия в этом источнике известия 6713 (1205/6) г. о битве Ольговичей с Литвою позволяет считать возможной его зависимость от отраженного в Радзивиловской летописи Владимирского свода того же 1206 г. Владимирская летопись, близкородственная Радзивиловской, но также и Лаврентьевской и Переяславской, фрагментарно отражена, как мы знаем, в первой части Ипатьевской летописи, оканчивающейся 6706 (1198) г. (далее там следует Галицко-Волынская летопись).[3] Возможно только, что это была Владимирская летопись, не доведенная еще до 1206 г. и не подвергшаяся при этом некоторой редакторской обработке.[4]

Итак, памятник русского летописания, представленный Радзивиловским списком, имел очень важное место в истории не только владимирского, но всего русского летописания. Потому-то и дошел он до нас в многократно отраженном виде. А как показывает Радзивиловский список и свидетельствует своими пропусками (периодов текста, оказывающего-

---

[1] *Янин В. Л.* К вопросу о роли Синодального списка... С. 175–181.

[2] *Лимонов Ю. А.* Указ. соч. С. 124–125.

[3] См.: *Шахматов А. А.* 1) Исследование... С. 39–44; 2) Обозрение... С. 69–79.

[4] А. А. Шахматов указывает отдельные следы позднейшей, как он думает, обработки владимирского источника Ипатьевской летописи, но считает, что это была обработка значительно более поздняя, следов которой еще «не могло быть во владимирских сводах конца XII и начала XIII в.» (Обозрение... С. 75).

ся в Радзивиловской между миниатюрами) родственный ему Московско-Академический,[1] свод этот был проиллюстрирован — честь, которой удостаивался далеко не каждый, точнее сказать, очень редкий этап в истории русского летописания.

Результатам наших наблюдений — в том числе и ответу на поставленный ранее вопрос о соотношении Радзивиловской летописи и общего источника летописей Лаврентьевской и Переяславской — можно, мне кажется, придать следующее графическое выражение:

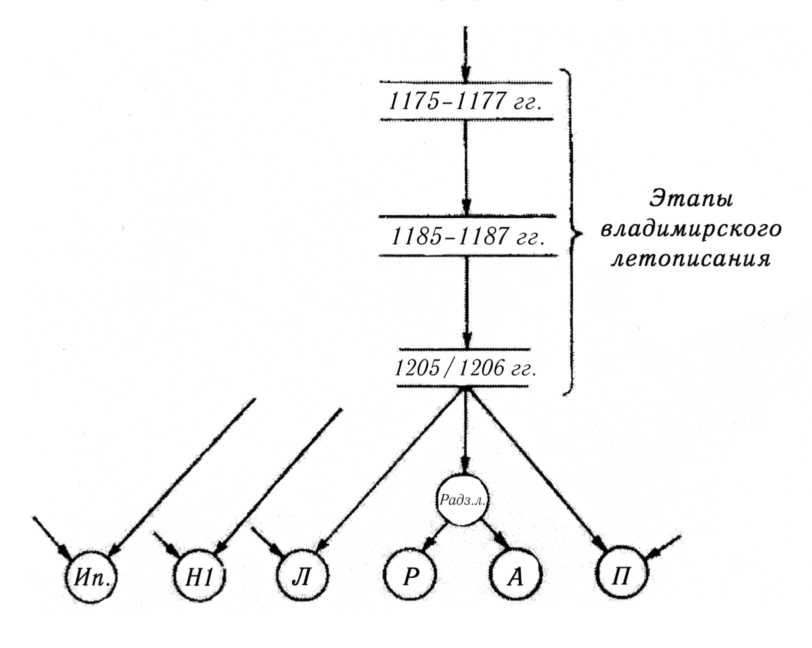


Рис. 6.

[1] См.: *Шахматов А. А.* Исследование... С. 27.

Глава 3

ВЛАДИМИРСКОЕ МЕСТНОЕ И ОБЩЕРУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЯ В XII В.

Исследователь летописания Владимиро-Суздальской Руси Ю. А. Лимонов критически отозвался об одном из важнейших выводов своего предшественника Е. Ю. Перфецкого:[1] «Абсолютизировав формально-текстологическую сторону шахматовского метода, он пришел к выводу о создании в конце XII в. “Владимирского общерусского летописного свода”».[2] Вывод Е. Ю. Перфецкого интересен и, как увидим, вовсе не беспочвенен. Обращаясь к его книге, читаем: «Анализ состава Новгородской IV-й, Софийской I-й, Тверской, Львовской и схожих [летописей] показывает, что общерусский материал этого древнего Владимирского свода черпался редактором его из различных летописных источников, — как киевского, так и местных (переяславского, суздальского, владимирского)».[3] «Этот первый Владимирский свод создавался там, где создавалась и Владимирская летопись, — при церкви Владимирской Божией Матери».[4] «...первая редакция Владимирского свода могла закончиться не ранее 1186 г. и не позднее 1189 г.».[5] «...можно думать, что составление во Владимире свода явилось по поручению самого князя...»;[6] «...я прихожу к заключению, что этот Владимирский общерусский летописный свод создался в 1189 г. Этот Владимирский свод 1189 г. ... имел громаднейшее значение в русском летописании, — этот свод лег в основу важнейших последующих летописных редакций. Текст этого свода является, в сущности, главнейшей основой дошедших до нашего времени сводов

---

1 *Перфецкий Е. Ю*. Указ. соч. С. 96

2 *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 7.

3 *Перфецкий Е. Ю*. Указ. соч. С. 18.

4 Там же. С. 55.

5 Там же. С. 31.

6 Там же. С. 56.

редакции Полихрона (так Е. Ю. Перфецкий, вслед за А. А. Шахматовым, называет общерусскую сводную летопись. — *Г. П.*), а именно: Тверского, Львовского, Воскресенского, Никоновского, Новгородского IV-го, Софийского I-го и того русского свода, который был использован Яном Длугошем для его Historia Polonica. Владимирский свод 1189 г. был вновь обработан во Владимире (1193 г.) в духе владимирской общерусской великокняжеской идеи», — писал Е. Ю. Перфецкий.[1]

Ю. А. Лимонов решительно отверг эти его выводы, так как, пишет он: «Только полнейшее игнорирование русской историографии в разработке проблем феодальной раздробленности могло привести к предположению о создании общерусских сводов в конце XII в. Гипотезы Е. Ю. Перфецкого достаточно ярко иллюстрируют односторонний метод исследования, базирующийся лишь на текстологическом анализе без раскрытия исторических и политических условий создания летописных редакций».[2]

Не принимаясь здесь за разбор самих наблюдений и аргументов Е. Ю. Перфецкого (как не принялся за это и Ю. А. Лимонов), отмечу только, что его методика сличения текстов кажется гораздо более надежно ведущей к истине, нежели «разработка проблем феодальной раздробленности» советскими историками и их «раскрытие исторических и политических условий создания летописных редакций».

Живя в Вене, старавшийся привлечь к сопоставлению и анализу как можно больше памятников летописания Е. Ю. Перфецкий не мог изучить тогда еще не напечатанные тексты так называемой Карамзинской рукописи, РНБ, F.IV.603, — две дополняющие друг друга подборки летописного материала в списке конца XV в., при мысленном сложении образующие то, что называли «Новгородской Карамзинской летописью»,[3] отражающей, по мнению А. А. Шахматова, «свод 1448 г.», гипотетический предшественник общерусских Софийской 1-й и Новгородской 4-й

---

[1] Там же. С. 96.

[2] *Лимонов Ю. А.* Указ. соч. С. 7.

[3] См.: Новгородская Карамзинская летопись//ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42.

летописей. Мне довелось проделать эту работу,[1] об этом подробнее скажу ниже; и я обнаружил, что первая из этих подборок протографична по отношению к обеим этим сводным летописям, Софийской 1-й и Новгородской 4-й, т. е. была использована их составителями, а вторая протографична только по отношению к Новгородской 4-й, сама будучи зависима от Софийской 1-й. Получилось, что не гипотетический «свод 1448 г.» (используя выражение самого А. А. Шахматова, его «ученая фикция»), а реально существующая первая подборка летописного материала в Карамзинской рукописи, доводящая свое изложение до 1411 г., представляет собой один из важнейших источников общерусского летописания в обоих известных нам его видах — центрально-русском и новгородском. Также нужно сделать вывод, что на мысленное сложение двух подборок воедино мы никакого права не имеем.

Следует заметить, что ни одна из этих двух летописных подборок ни в коем случае не является полноценным, рассчитанным на самостоятельное существование, памятником русского летописания. Это — *заготовки*, которые мы знаем, *как* использовались. Вопрос лишь в том, *когда* и *как* они создавались: единовременно, как создается *список*, или постепенно, как создается *летопись*. Именно яркие особенности содержания этих подборок заставили меня думать, что создание их *текстов* (в отличие от создания дошедшего до нас их *списка* конца XV в.) было протяженным, что создавались они постепенно, параллельно со сводами, которые они питали своей информацией. Дело в том, что первая подборка до определенного момента, до 1185 г., является *сводом* — сводом выборок из «Повести временных лет» (в чуть иной, нежели известные нам, редакции) и последующего местного владимирского летописания с выборками из местной же новгородской летописи. После 1185 г. она, за ис-

[1] См.: *Прохоров Г. М.* 1) Летописные подборки рукописи ГПБ, F. IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165–198; 2) Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1-я, Новгородская 4-я и Новгородская 5-я летописи) // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 137–205. См. соответствующие разделы в этой книге.

ключением нескольких инородных вкраплений в конце, чисто новгородская по материалу. Это никак не *летопись*, — это *выборка*, подборка материалов, предназначавшихся для общерусского летописного свода.

Очень интересно распределение в ней «неизвестно-откуда-взятых» материалов. Они изредка попадаются здесь в части до 5523 / 1115 г., и их литературное происхождение — киевское ли, новгородское ли — кажется несомненным, а затем идет вовсе чистый от них период в 82 года — по статью 6705 / 1197 г. Т. е. избыточные — по сравнению с известными нам источниками — материалы вновь начинают появляться в первой из подборок вскоре после 1185 г. — места, где в ней оканчивается *свод* и начинается выборка из одного источника. Эти материалы, я думаю, вероятней всего суть вставки самого выборщика, — ведь он не компьютер, а живой человек, знающий, что отвечает за подготовку местного материала для общерусского свода. Конец же сводной части и конец чистого от избытков периода, практически совпадая, показывают, что сведены эти материалы были не ранее 1185 г. и не позже 1197 г. Поскольку эти материалы оказались составной частью общерусской сводной летописи, резонно думать, что и ведены они были *в целях* ее создания.

Точнее сказать — воссоздания, потому что киевская летопись после «Повести временных лет» на протяжении XII в. — в точном соответствии с постепенной утратой Киевом общерусского политического значения — становилась все более местной, тогда как город Владимир неуклонно возвышался, и его летописание, зародившееся в середине столетия, расширялось. И именно в 1185 г. тамошний князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, добившись от Киевского митрополита Никифора поставления «**епископом Ростову, и Володимиру, и Суждалю, и всей земли Ростовьской**» своего кандидата Луки, стал (в летописи — со статьи 1186 г.) величаться *великим* князем,[1] т. е. заявил о своем *праве* на практически уже достигнутое им верховенство во всей Руси.

[1] ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. Радзивиловская летопись. С. 152. См. также: Радзивиловская летопись. Текст, исследование, описание миниатюр. СПб.; М., 1994. С. 239, 245.

Исследователь владимиро-суздальской архитектуры О. М. Иоаннисян отмечает, что активнейшее и амбициознейшее белокаменное строительство, ярко отражающее политические претензии Всеволода Большое Гнездо, было начато им как раз в 1185 г. Оно началось реконструкцией Успенского собора во Владимире, после завершения которой в 1189 г. «в течение 6–7 лет (с 1189 по 1196 г.) во Владимире практически синхронно ведется строительство Дмитриевского собора, комплекса дворцовых сооружений вокруг него, монастырского собора Рождества Богородицы и каменных стен детинца с башней, увенчанных каменной же надвратной церковью Иоакима и Анны»,[1] причем монастырь Рождества Богородицы, резиденция епископа, по мысли князя, «должен был стать главным русским монастырем и был удостоен сана "Великой архимандритии"».[2] Говоря о программе богатейшего скульптурного убранства Дмитриевского собора во Владимире, О. М. Иоаннисян показывает, что ее вдохновитель «был носителем очень амбициозной и откровенно имперской идеологии. Вне всякого сомнения, во время создания Дмитриевского собора таким во Владимире был только один человек — сам князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо».[3] «Основной смысл программы скульптурного убранства владимирских построек, возведенных как Андреем Боголюбским, так и Всеволодом Большое Гнездо, сводится, полагает исследователь, «к идее прославления единодержавной власти

[1] Пользуюсь с любезного разрешения Олега Михайловича Иоаннисяна текстом его еще неопубликованной книги «Древнерусское зодчество и архитектура европейского Средневековья», — глава «Владимиро-суздальское зодчество времени Всеволода Большое Гнездо и романская архитектура. Проблема происхождения мастеров и дальнейшее развитие традиции». С. 71 рукописи. См. его опубликованную статью: К вопросу о происхождении мастеров Дмитриевского собора во Владимире // Труды по русской истории. Сб. статей в память о 60-летии И. В. Дубова. М., 2007. С. 277–315.

[2] Там же. С. 77.

[3] Там же. С. 100.

князя».[1] Так что создание около конца XII в. во Владимире сводного общерусского летописания — дело, вопреки убеждению Ю. А. Лимонова, нисколько не противоречащее «раскрытию исторических и политических условий создания летописных редакций», а, напротив, вполне им соответствующее, а именно — точно соответствующее ярко выраженным в церковных делах и в зодчестве политическим амбициям Всеволода Большое Гнездо. Показательно, что и общерусская летопись, и активное строительство были начаты при нем одновременно, в 1185 г.

Расхождение в точном указании на год создания во Владимире общерусской сводной летописи у нас с Е. Ю. Перфецким, как видим, незначительное. Важно то, что, идя разными текстологическими путями, мы пришли практически к одному результату.

Итак, перерыв в сведении материалов из разных концов Руси в одном летописном тексте, *символизирующем* ее существование как некоего церковно-культурно-политического целого, наступивший, получается, после окончания «Повести временных лет», закончился в 1185 г. или же вскоре после этого года. Концепция возрожденного во Владимире общерусского свода была уже несколько иной, нежели предшествующего, киевской «Повести временных лет»: киевский материал входил в него уже не как главный, а в урезанном, выборочном виде на правах *местного*, как и новгородский, а также, заметим, как и свой, владимирский, потому что с середины XII в., как мы видели, существовала и с годами успешно росла также местная владимирская летопись, причем она положила в свое начало «Повесть временных лет» в целом виде.

Заговорив о местной владимирской летописи, мы не можем не напомнить о еще одном крайне любопытном совпадении — окончания использования кусков текста «Повести временных лет» во владимирском местном летописании XII в. и окончания сводной части первой подборки летописного материала в Карамзинской рукописи. Дело в том, что в Радзивиловской, Лаврентьевской и Переяславской летописях в промежутке 1177–1185 гг., как мы уже знаем, обнаруживается восемь обшир-

---

[1] Там же. С. 100–101.

ных компиляций материала, заимствованного из одиннадцати мест «Повести временных лет», — из ее текстов 1015–1103 гг. На 1185 г. вставки взятого оттуда материала резко прекращаются, и летописец начинает (под 1186 и 1187 гг.) повторять уже свой собственный текст из статьи 1185 г.[1] Получается, что, принявшись — не позже 1177 г. — откровенно черпать целые периоды из «Повести временных лет», владимиро-суздальский летописец решил, таким образом, ясно показать, на *что* он стал ориентироваться как на образец и сознательным продолжателем какого летописания он выступает. Но в 1185 г., совершенно очевидно, его концепция изменилась. Почему? Я раньше допускал, что «летописца, ориентировавшегося на Нестора или Сильвестра, сменил человек, столь же откровенно бравший за образец своего непосредственного предшественника. Так или иначе, этот ряд переносов заставляет думать о 1185 г. как о каком-то рубеже во владимирском летописании».[2] Теперь этот рубеж стал понятным: когда в 1185 г. по приказу Всеволода Большое Гнездо во Владимире начали создавать общерусское летописание, местную владимирскую летопись, попытавшуюся было подняться на уровень общерусской, продолжательницы в этом качестве киевской, ограничили в этих ее претензиях, оставив именно *местной* владимирской.

Е. Ю. Перфецкий полагает, что летопись во Владимире завели «с 50-х годов» XII в.[3] Ю. А. Лимонов так же думает, что летописные записи во Владимире стали делать в 50–70-х гг. XII в. М. Д. Приселков считает возможным, «что с 1158 г. во Владимире-на-Клязьме начинают вести непре-

---

[1] См.: *Прохоров Г. М.* 1) Радзивиловский список Владимирской летописи по 1206 г. и этапы владимирского летописания // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 70–72; 2) Радзивиловская летопись. Текст, исследование, описание миниатюр. С. 277–278.

[2] *Прохоров Г. М.* 1) Радзивиловский список Владимирской летописи по 1206 г. С. 72; 2) Радзивиловская летопись. Текст, исследование, описание миниатюр. С. 278.

[3] *Перфецкий Е. Ю.* Указ. соч. С. 96.

рывные записи...».[1] Н. И. Милютенко же указывает в этом смысле на 1157 г.[2] Затем, по мнению Ю. А. Лимонова, произошло следующее: «Летописец Юрия Долгорукого и свод 1155–1157 гг. (киевский великокняжеский. — *Г. П.*) попали на северо-восток, во Владимир... Это произошло в 70-х годах XII в.».[3] Равным образом «возникновение "Сказания о чудесах Владимирской иконы Божией Матери" — первого литературного памятника Владимира — надо, — считает он, — отнести к началу 70-х годов XII в.».[4] В 1178 г., по его расчетам, путем сведения летописных источников во Владимире был создан первый местный летописный свод, и далее, «именно в 1185–1189 гг. во Владимире составлялась местная летопись».[5]

Наши наблюдения над родственными памятниками — Ипатьевской, Радзивиловской, Московско-Академической, Лаврентьевской и Переяславской летописями — показывают, что, начиная со статьи 6673 (1175) г., изменяется не только «группировка» летописей по степени близости, но и сам характер их отношений: появляются меняющие смысл исправления, сделанные разными редакторами: значит, работа над летописью явно оживляется, а со статьи 6585 (1177) г., которым, кстати сказать, М. Д. Приселков датирует «первый Владимирский свод»,[6] в тексте Радзивиловской, Лаврентьевской и Переяславской летописей появляются, как мы уже знаем, откровенные заимствования из текста «Повести временных лет», свидетельствующие, по всей видимости, о выработке новой концепции местного летописания — его попытке подняться над местным уровнем. Попытка эта была остановлена, как мы уже ви-

---

1 *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV веков. Л., 1940. С. 65.

2 См.: *Милютенко Н. И.* Владимирский великокняжеский свод 1205 г. (Радзивиловская летопись). С. 57.

3 *Лимонов Ю. А.* Указ. соч. С. 61.

4 Там же. С. 75.

5 Там же. С. 87.

6 См.: *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 64–78.

дели, в 1185 г., когда решили создавать отдельную от местной общерусскую летопись.

Тот очевидный факт, что *все* виды близкородственного текста, мыслимые нами как источники четырех реально дошедших до нас памятников — Радзивиловского, Московско-Академического, Архивского и Лаврентьевского списков, дружно оканчиваются на 1206 г., дает возможность говорить о сохраняемой этими памятниками в несколько различном виде и с разной в разных местах степенью полноты и точности одной и той же владимирской, доведенной до 1206, точнее — до 1205/1206 г., местной летописи. Она оканчивается, как мы уже говорили, прочувствованным известием о смерти первой жены Всеволода Большое Гнездо Марии; потому можно допустить, что именно ее заботами эта летопись составлялась и иллюстрировалась (она была, судя по Радзивиловскому списку и пропускам текста в Московско-Академическом, проиллюстрирована); и весьма вероятно, повторяю (я согласен в этом с Н. И. Милютенко), владимирским летописателем того времени был игумен Рождественского монастыря во Владимире (в 1203–1213 гг.), духовник княгини Марии, один из авторов Киево-Печерского патерика — Симон.[1]

Такой представляется чрезвычайно важная в истории русского летописания работа над ним во Владимире в «предмонгольское» время, во второй половине XII — начале XIII в. Этим путем пришло в Московскую Русь, чтобы стать, как увидим, основой дальнейшей, уже великорусской историографической работы, и древнейшее киевское летописание, продолженное местным владимирским, и сводное общерусское, представление о котором мы получаем по подборкам летописного материала Карамзинской рукописи и по Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописям. Так что мы вполне уверенно можем присоединиться к словам Е. Ю. Перфецкого: «Текст этого свода является, в сущности, главнейшей основой дошедших до нашего времени сводов редакции Полихрона».

---

[1] *Милютенко Н. И.* Владимирский великокняжеский свод 1205 г. (Радзивиловская летопись). С. 58.

Глава 4

ЛЕТОПИСНЫЕ ПОДБОРКИ РУКОПИСИ РНБ, F.IV.603 И ПРОБЛЕМА СВОДНОГО ОБЩЕРУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ[1]

Вопрос о происхождении общерусского летописания остро дискуссионен в науке.[2] Речь идет о сводах, соединяющих материалы «местных» — центрально-русской (владимирской, московской) и новгородской — летописей. Такими сводами являются Софийская 1-я (далее — С1) и Новгородская 4-я (далее — Н4) летописи — московский и новгородский варианты общерусского свода. Они родственны друг другу, но ни одна из них из другой целиком не выводится. Подборки летописных известий в так называемой Карамзинской рукописи (далее — НК1 и НК2) при мысленном последовательном сложении статей одних и тех же лет той и другой образуют общерусский свод, сохранившийся в Н4. Операцию сложения этих подборок производили в уме (и говорили о результате этого сложения как о «Новгородской Карамзинской летописи») и А. А. Шахма-

---

[1] Впервые напечатано: *Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 165–198.

[2] См.: *Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV. 603 и проблема сводного общерусского летописания. С. 165–198; *Лурье Я. С.* Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 199–218; *Бобров А. Г.* 1) Новгородское летописание 20-х гг. XV в. // ТОДРЛ. Т. 48. СПб., 1993. С. 187–191; 2) Новгородский летописный свод 1411 г. и Варлаам Лисицкий // Новгород в культуре Древней Руси: Материалы Чтений по древнерусской литературе. Новгород, 1995. С. 89–101; 3) Новгородские летописи XV в. (Исследование и тексты): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 1996; 5) Новгородские летописи XV в. СПб., 2001.

тов, и М. Д. Приселков, и Я. С. Лурье. Последний даже намеревался издавать их в слитном виде как единый текст.

Эти две уникальные подборки летописного материала, дополняющие друг друга так, словно они — половинки одного рассеченного вдоль (и чуть наискосок) летописного свода, существуют в некогда принадлежавшей Н. М. Карамзину рукописи РНБ, F.IV.603. Как известно, большое сходство летописей С1 и Н4 от начала до 6926 (1418) г. и невозможность ни одну из них полностью вывести из другой породили гипотезу о «своде 1448 г.» — протографе этих двух главных разновидностей сводного общерусского летописания.[1] Мысленно воссозданная, сложенная из двух «половинок» (подборок Карамзинского списка), «Новгородская Карамзинская летопись» рассматривается в науке как промежуточное звено между «сводом 1448 г.» и Н4.[2]

Операция мысленного сложения подборок Карамзинской рукописи, впервые произведенная А. А. Шахматовым, стала настолько само собой разумеющейся, что никто даже не пытался по-настоящему изучать состав каждой из них. Я почувствовал в ходе моих изысканий необходимость проделать эту работу. И она привела меня к заключению, что на операцию сложения этих подборок мы не имеем права, а должны в наших

---

[1] См.: *Шахматов А. А.* 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв.//ЖМНП. 1900. № 9. С. 98, 104; 2) Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 151–160; *Лурье Я. С.* 1) К проблеме свода 1448 г.//ТОДРЛ. Т. 24. Л., 1969. С. 142–146; 2) Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей// ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974. С. 114–139; 3) Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 67–121.

[2] *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды... С. 96–98, 100; *Лурье Я. С.* Новгородская Карамзинская летопись//ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 207–213. Я. С. Лурье привлек мое внимание к летописным подборкам, о которых я здесь веду речь, за что я ему очень признателен. Представление о них у меня сложилось иное, чем у Я. С. Лурье. Это и является причиной появления предлагаемой вниманию читателя работы.

рассуждениях исходить из факта раздельного (хотя и в одной рукописи) существования *двух* текстов.

Какие же именно препятствия встречает гипотеза о единой «Новгородской Карамзинской летописи»? Половинками чего, в таком случае, оказываются летописные подборки Карамзинской рукописи? Каково отношение каждой из них к родственным им летописным памятникам? И что с изменением представлений об этих подборках меняется в наших общих представлениях о сводном общерусском летописании?

1. «Механическое» объяснение и недоумения

Подборки, о которых идет речь, помещаются в рукописи на л. 179–301 — первая, на л. 302–426 — вторая. Все эти листы (179–425 об.) написаны одной рукой в конце XV в.[1] Окружающие их части книги[2] созданы в XVII в. В конце рукописи, на л. 551, приписка: «**В лѣта 7143 августа с 15 числа, и во 144-м, и во 145-м годах** (в этом месте другою, кажется, рукою черными чернилами на поле приписано: “**да во 147-м году**”, — а ниже бледными коричневыми чернилами: “**июня по 14 день**”. — *Г. П.)* **по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича и всея Русии указу были на его государеве службе в Великом Новѣгороде боярин и воевода князь Петр Олександровичь Репнин да дияк Богдан Федоров сын Обобуров**». Ниже добавлено (опять бледными коричневыми черни-

---

[1] Насонов А. Н. (Псковские летописи. Вып I. М.; Л., 1941. С. XIX–XX) датирует их концом XV — началом XVI в. По моим наблюдениям, водяные знаки этой бумаги («буква Р» типа № 8622, по альбому Брике, — 1460–1489 гг. и № 8629 — 1495–1498 гг.; по альбому Н. П. Лихачева, № 1479–1497 и 1498 гг.; «голова быка», по Брике, типа 15375 — 1492 г. и № 15376 — 1498 г.; по Лихачеву, № 1270 — 1497 г.) позволяют говорить о конце XV в.

[2] Листы 1–178, где находится Палея сокращенной редакции, и л. 426–551, содержащие Псковскую летопись по 1547 г., Рукописание великого князя Всеволода, Послание на Угру, Духовную митрополита Киприана и другие добавки. Они тоже написаны одной рукой.

лами): «А указал государь пере...» (конец слова непонятен: «переписать»?). Эта приписка позволяет думать, что интересующие нас подборки летописного материала в списке XV в. были обретены в Новгороде московскими служилыми людьми в 30-х годах XVII в., ориентировочно в 1637–1639 гг., и вставлены в изготовленную по их заказу рукопись.

Что по содержанию представляют собой эти подборки?

А. А. Шахматов, называвший их «Карамзинским списком Новгородской летописи», так пишет об этом: «Здесь текст Новгородской 4-й летописи разбит на два списка: первый... содержит в себе выборку из Новгородской 4-й летописи преимущественно новгородских известий, а точнее, начальных известий из большей части летописных ее статей... Второй список... оказывается дополнительной выборкой известий из той же Новгородской 4-й летописи: в эту выборку попали преимущественно не начальные известия летописных статей ее; дополнительный характер ее объясняет и то, почему она (на л. 302) начинается без всякого заглавия со статьи 6496 (988) г. ...Если соединить текст обеих выборок, помещенных в Карамзинском списке, мы получим почти полный список Новгородской 4-й летописи. Список этот важен в особенности потому, что в целом ряде случаев представляет чтения более первоначальные, чем все... редакции этой летописи...; мы с полным основанием заключаем о большей первоначальности той редакции Новгородской 4-й летописи, которая отразилась в Карамзинском списке, сравнительно со всеми остальными редакциями. Эту редакцию, ввиду ее полноты и древности, мы назовем *основною* и находим возможным выводить из нее первую редакцию, представленную Новороссийским и Голицынским списками; вторую... редакцию выводим из первой редакции, а третью... из второй». Именно текст в этой основной редакции Н4, т. е. текст, суммированный из подборок Карамзинского списка, «должен быть, — по мнению А. А. Шахматова, — поставлен в непосредственное отношение к Софийской 1-й летописи».[1]

[1] *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды... С. 96–98, 100.

Первая подборка, НК1, возникла, полагает А. А. Шахматов, в Новгороде как извлечение из летописи главным образом новгородских известий, «быть может, с целью положить ее в основание более подробной, современной летописи». Дойдя до 1411 г., «составитель Карамзинского списка сообразил, что предшествующий труд не удовлетворяет своему назначению: он заметил, что благодаря известной механичности выборка опустила целый ряд новгородских известий, важных и интересных, вследствие того именно, что эти известия читались не в начале, а в конце тех или иных летописных статей; он заметил далее, что опущенные им известия общерусские могут представлять интерес для новгородской летописи, ибо во многих случаях с ними связаны и новгородские известия. Все это побудило составителя прервать выборку, но, не бросая ее, восполнить по протографу все опущенное. Так возникла вторая выборка, содержащая все то, что опустила первая»,[1] НК2.

Как видим, А. А. Шахматов считал объединенный текст двух подборок НК первоначальным, основным по отношению ко всем редакциям Н4. Со временем, однако, он изменил свое мнение и стал считать, что первоначальными по отношению к Н4 чтениями этот текст обязан правке по общему источнику Н4 и С1, «своду 1448 г.», т. е. что «протограф Карамзинского списка представлял собою соединение двух новгородских летописей — позднейшей Новгородской 4-й и старшей — свода 1448 г. ...причем свод 1448 г. был употреблен в качестве дополнительного источника для исправлений и дополнений основного текста».[2]

Я. С. Лурье усомнился в этом последнем заключении А. А. Шахматова: «Последовательное сопоставление этой летописи с Н4Л и С1Л, — пишет он, — подтверждает наблюдение А. А. Шахматова, что в НК в ряде случаев читается более первоначальный текст, чем в Н4Л... Но значит ли это, что текст НК отражает общий протограф Н4Л и С1Л?» Сам Я. С. Лурье пришел к выводу, родственному раннему выводу А. А. Шах-

---

1 *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 194–195.

2 Там же. С. 193.

матова, что НК отражает не Н4 и не «свод 1448 г.» непосредственно, а первую новгородскую переработку этого свода, выразившуюся в сокращении больших общерусских статей и введении ряда дополнительных новгородских известий. Н4 еще больше, чем НК, пополненная новгородским материалом, оказывается в его глазах вторичной переработкой оригинала, «свода 1448 г.». Иначе говоря, протограф обеих подборок НК был, по Я. С. Лурье, архетипом Н4.[1]

Главным, что роднит взгляды А. А. Шахматова и Я. С. Лурье на НК и что лежит в основе всех их рассуждений о нем, является уверенность, что НК1 и НК2 имели *один общий протограф*, который «имел вид обыкновенного свода»,[2] что они являются половинками *до них* единого текста. Базируется эта уверенность на том, что в сумме НК1 и НК2 дают цельный связный летописный свод, а порознь выглядят как обрубки.

Писец-новгородец, по А. А. Шахматову и Я. С. Лурье, решил выбрать из общерусского свода новгородские известия. Зачем? Разве не существовало в Новгороде XV в. той самой Новгородской 1-й летописи, которая послужила основным источником новгородских известий для общерусского свода?

Допустим, что писцом руководили какие-то недоступные нам соображения. Как подошел он к своей задаче? Достойным ее образом: стал механически списывать начала статей, изредка — статьи целиком. И А. А. Шахматов, и Я. С. Лурье признают механичность мыслимого ими разделения текста («...благодаря известной механичности, выборка опустила целый ряд новгородских известий»,[3] «...механичность этого разделения доказывается тем обстоятельством, что...»).[4] Эту механичность Я. С. Лурье оценивает даже как «систему, которую он (писец НК. — *Г. П.*) осуществлял достаточно добросовестно».[5]

---

[1] *Лурье Я. С.* Новгородская Карамзинская летопись. С. 208–213.

[2] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 193.

[3] Там же. С. 194.

[4] *Лурье Я. С.* Новгородская Карамзинская летопись. С. 211.

[5] *Лурье Я. С.* Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 203.

Получается, что, проделав гигантский труд, едва не завершив работу, писец забраковал свою «систему». Но он не применил другую, не восполнил огрехов! Он отказался от самой вызывающей у нас недоумение задачи; причем не просто отказался, не бросил работу, а проделал новый титанический труд, сводящий на нет весь предыдущий: скрупулезно списал *все* то — и только то! — что не списал прежде. Сам принцип выборочности пошел насмарку, будучи замещен принципом дополнительности. В результате текст свода оказался полным, но не цельным, разделенным. Ясно, что объяснение возникновения НК1 и НК2, предполагающее сначала бессмысленную механическую работу невнимательного писца, а затем противоположную ей по направленности тщательную работу того же человека и абсолютно никчемный результат, — это объяснение может быть принято только на самый худой конец и лишь за неимением никакого лучшего, усматривающего больше смысла в действиях, приведших к созданию занимающих нас выборок или подборок. Руководствуясь правилом примата сознательных изменений летописного текста над механическим, мы, как известно, бываем ближе к истине, чем поступая вопреки ему.[1]

Настораживает также то, что, говоря о механическом происхождении выборок НК, Я. С. Лурье гипотезу об их общем протографе, «Новгородской Карамзинской летописи», обосновывает с помощью другой гипотезы, хотя и весьма почтенной по возрасту (но все-таки гипотезы!), — об общем протографе С1 и Н4, «своде 1448 г.»: «...механичность этого разделения доказывается тем обстоятельством, что версии, совпадающие с С1 (и, следовательно, могущие быть отнесенными к общему протографу), не оказались в какой-либо одной из этих выборок, а обнаруживаются (как и индивидуальные версии Н4Л) то здесь, то там».[2]

Отношение подборок НК к Н4 и С1 любопытно. Годовые статьи НК1 являют собой, как правило, начала, а статьи НК2 — окончания погодных

---

[1] См.: *Лихачев Д. С.* Текстология. На материале русской литературы X–XVII вв. М.; Л., 1962. С. 365.

[2] *Лурье Я. С.* Новгородская Карамзинская летопись. С. 209.

статей Н4. Правило это не действует применительно к С1. Почему? Каким мыслится расположение материала в «своде 1448 г.»? По А. А. Шахматову, — таким же, как в Н4: «Новгородская 4-я летопись, — писал он, — а также свод 1448 г. составлены так, что (начиная с XII в.) первые части содержащихся в них погодных сообщений заняты вообще новгородскими известиями... а вторые общерусскими».[1] Дело в том, что А. А. Шахматов думал о «своде 1448 г.» как о новгородском по происхождению. Я. С. Лурье, вслед за М. Д. Приселковым,[2] мыслит его московским сводом и видит в С1 более верное его отражение. И оказывается вынужденным поместить в своей картине происхождения выборок НК, т. е. на пути к ним от «свода 1448 г.», по крайней мере, еще одного человека. Его задача — менять сообщения «свода 1448 г.» местами[3] и дополнять новгородскими известиями, создавая возможность писцу НК механически, ничего не выбирая, списывать только «начала» погодных статей. Неудача писца НК предопределена была, следовательно, бестолковостью или непоследовательностью перестановщика-дополнителя, создателя архетипа НК–Н4 (далеко не все новгородские известия, и старые и вновь до-

---

[1] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов... С. 194.

[2] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 149–151.

[3] Я. С. Лурье пишет, что, по его наблюдениям, случаев перестановки текста в Н4 и НК по сравнению с С1 немного (Еще раз о своде 1448 г. С. 215). Мне бросилось в глаза примерно 60 таких случаев. Ср.: 6525 (1017), 6549–6551 (1041–1043), 6586–6587 (1078–1079), 6596 (1088), 6633 (1125), 6645 (1137), 6655–6656 (1147–1148), 6667 (1159), 6673–6674 (1165–1166), 6678 (1170), 6686–6687 (1178–1179), 6694 (1186), 6701 (1193), 6720 (1212), 6726 (1218), 6736 (1228), 6738 (1230), 6744 (1236), 6764 (1256), 6774–6776 (1266–1268), 6780 (1272), 6790 (1282), 6798 (1290), 6800–6803 (1292–1295), 6805 (1297), 6810 (1302), 6815 (1307), 6825–6826 (1317–1318), 6830–6833 (1322–1325), 6835–6836 (1327–1328), 6841 (1333), 6848–6849 (1340–1341), 6853 (1345), 6858 (1350), 6874 (1366), 6876 (1368), 6878–6879 (1370–1371), 6885–6886 (1377–1378), 6888–6889 (1380–1381), 6892 (1384), 6902–6904 (1394–1396), 6914 (1406), 6917 (1409), 6919 (1411), 6921 (1413) гг.

бавленные, оказались в начале статей). Трудоемкой бессмыслицы мы должны предполагать теперь, благодаря неизбежному дополнительному допущению Я. С. Лурье, в два раза больше.[1]

2. «Раздублирование» протографа или огрехи дополнения?

Если подборки Карамзинского списка сложить, то в получившейся летописи окажется множество повторных (но не идентичных по тексту) сообщений об уже сказанном, т. е. смысловых дублирований. Большинство их (но далеко не все) обнаруживается в Н4 (в С1 их нет). Я. С. Лурье насчитал в Н4 порядка 30 таких дублирований[2] (на деле их почти в два раза больше). Исследователь предложил следующее объяснение их происхождения: имея в своем распоряжении текст, сходный с С1 (протограф С1–Н4), составитель НК (архетипа Н4) дополнил его по какому-то другому (вероятно, новгородскому) источнику; в Н4 часть получившихся дублирований была замечена и некоторые из них (обычно сходные с

[1] Я. С. Лурье в статье «Еще раз о своде 1448 г.» допускает возможность того, что писец-составитель НК *сознательно* делил текст своего протографа, вынося в первую подборку наиболее важные *для него* известия из новгородской истории, а во вторую помещая все остальные (Там же. С. 201). Получается, что исторический вкус этого писца-разделителя оказался полностью, от начала и до конца, удовлетворен достаточно непоследовательной работой его предшественника, создателя архетипа НК–Н4, ибо, выделяя часть летописного материала в особую подборку (заметим, материала *не только* новгородского по содержанию, но и всякого иного), писец НК *ни разу* не отступил от правила начинать с начала статьи, не менять порядок известий и ничего не добавлять и не убавлять. В его воле было лишь оборвать выборку в любом месте. Если же допустить, что создатель НК хоть в какой-то мере *сам* выбирал, невзирая на порядок протографа, и пополнял материал, необходимо допустить и то, что Н4 восходит прямо к занимающим нас летописным подборкам, является их соединением.

[2] *Лурье Я. С.* Общерусский свод — протограф... С. 119.

С1) опущены, хотя большинство дублирований осталось незамеченным и сохранилось. Т. е. дублирования в архетипе НК и Н4 возникли, по мнению Я. С. Лурье, «из-за того, что составитель этого памятника дополнил свой протограф (свод 1448 г.) по одному или нескольким источникам (главным образом, новгородским) и не заметил, что среди добавленных текстов были по-иному изложенные известия об уже упомянутых в протографе событиях».[1]

Меня поразило вот что: летописные подборки Карамзинской рукописи дублируют не каждая саму себя, а *друг друга*. Иными словами, один член огромного ряда «дублировок» помещается в НК1, другой — в НК2. Всего таких случаев насчитывается порядка 65.[2]

---

[1] См.: *Лурье Я. С.* 1) Новгородская Карамзинская летопись. С. 211; 2) Еще раз о своде 1448 г. С. 202.

[2] 6532 (1027) (о Мстиславе в Чернигове), 6563 (1055) (вокняжение Изяслава), 6580 (1072) (перенесение мощей Бориса и Глеба), 6584 (1079) (смерть Святослава), 6600 (1092) (чудо в Полотске), 6622 (1114) (затмение, смерть Святополка и вокняжение Владимира Мономаха), 6646 (1138) (смерть Ярополка и вокняжение Вячеслава), 6664 (1156) (смерть архиепископа Нифонта, избрание Аркадия), 6665 (1157) (смерть Юрия Долгорукого), 6666 (1158) (вокняжение Ростислава), 6667 (1159) (смерть митрополита Константина), 6668 (1160) (гибель Изяслава), 6673–6675 (1165–1167) (смерть Ростислава), 6674–6676 (1166–1168) (вокняжение Мстислава Изяславича), 6680 (1172) (о Романе), 6684–6685 (1176–1177) (смерть Михаила), 6691–6698 (1183–1190) (строительство церкви Св. Евпатия), 6732 (1224) (строительство церквей Семеном Борисовичем), 6780 (1272) (смерть Ярослава), 6782–6784 (1264–1276) (смерть Василия), 6802 (1294) (смерть Дмитрия), 6812 (1304) (смерть Андрея), 6826–6827 (1318–1319) (смерть Михаила Ярославича), 6827 (1319) (об Афанасии), 6830 (1322) (нашествие Ахмыла), 6835 (1327) (хождение в Орду Ивана Даниловича, поход татар на Тверь и бегство Александра в Псков), 6848–6849 (1340–1341) (смерть Ивана Калиты и вокняжение Семена), 6848–6849 (1340–1341) (убийство Глеба Святославича), 6860–6861 (1352–1353) (смерть Семена и новгородское посольство в Орду), 6862 (1354) (строительство церквей

В НК1 дублирований нет. Лишь один раз дважды — под 6549 (1141) и 6553 (1045) гг., — здесь говорится об одном и том же — о смерти матери князя Владимира, жены Ярослава, причем второе из этих сообщений точно, за исключением слов «**в лето 1-е егда начя здати святую Софию**», *повторяет* первое (причина повторения, это совершенно ясно, — в исключенных словах, ибо как раз под 6553 (1045) г. говорится о закладке Владимиром в Новгороде собора Св. Софии, т. е. этот год и есть «**лето 1-е егда начя здати Святую Софию**»).

И максимум три раза оба члена дубля (если это на деле не записи о разных событиях) находятся в НК2.[1]

на Ильиной улице), 6874 (1366) (о новгородских ушкуйниках), 6874–6875 (1366–1367) (конфликт Дмитрия Ивановича с Новгородом), 6875 (1367) (примирение князя с Новгородом), 6885 (1377) (смерть Ольгерда), 6885–6887 (1377–1379) (смерть митрополита Алексея), 6886 (1378) (битва на Пьяне), 6887 (1379) (битва на Воже), 6892 (1384) (возведение городка на Яме и «помрачение»), 6894 (1386) (бой под Мстиславлем), 6895 (1387) (укрепление Порхова и возвращение Василия Дмитриевича), 6896–6897 (1388–1389) (мор в Пскове), 6897 (1389) (смерть Дмитрия Ивановича), 6898 (1390) (мир Василия с Новгородом), 6900 (1392) (поход князя Василия на Нижний Новгород и бегство князя Семена в Орду), 6901 (1393) (вокняжение Витовта и мир с ним Новгорода), 6903 (1395) (первое взятие Смоленска), 6905 (1397) (приезд смоленского князя в Новгород), 6909 (1401) (освобождение Смоленска), 6910 (1402) (о звезде, рязано-литовская война), 6910–6911 (1402–1403) (взятие Вязьмы), 6912 (1404) (второе взятие Смоленска), 6914 (1406) (смерть митрополита Киприана), 6915 (1407) (приезд в Новгород Семена-Лугвеня), 6916 (1408) (нашествие Егидея), 6916–6917 (1408–1409) (смерть тверского епископа Арсения), 6917 (1409) (хождение Анфала к болгарам), 6918 (1410) (знамение в Св. Софии о судах), 6919 (1411) (возведение церкви владыкой Иваном).

[1] См. годы: 6764–6766 (1256–1258) («число» на Руси — может быть, и не дублирование), 6885–6886 (1377–1378) (взятие татарами Нижнего Новгорода — опять-таки, может быть, и не дублирование) и 6900–6901 (1492–1493) (поход на Нижний Новгород; под 6900 (1492) г. об этом дважды).

Удивительная симметричность размещения дублирующих друг друга сообщений по выборкам заставляет еще сильнее усомниться в существовании единого протографа НК. Статьи выборок разновелики и колеблются как в «абсолютных» размерах, так и относительно друг друга (НК1 и НК2): «имевший вид обыкновенного свода» протограф должен был быть разрезан не только «наискосок», но и как бы сильно дрожавшей рукой. Весьма различно и положение дублируемых и дублирующих известий внутри статей: они бывают и в их началах, и в серединах, и в концах, иногда же составляют статьи целиком. Получается, что один крайне небрежный человек (создатель «архетипа НК–Н4») 65 раз себя продублировал, а другой небрежный человек (писец-разделитель НК) нечаянно, прыгающей рукой, виртуозно точно его «раздублировал». Я. С. Лурье считает это естественным,[1] мне же кажется это совершенно невероятным.

[1] Я. С. Лурье полагает, что, поскольку большинство дублирований оригинала читалось в одних и тех годовых статьях, одна — в первой, другая — во второй части статьи, при «разрезании» годовой статьи пополам эти дублирования, «естественно, оказывались в разных выборках». Считая показательными лишь те случаи, когда известия об одном и том же читаются под разными годами «и их место в тексте годовой статьи (ближе к началу или к концу) могло быть, — как пишет Я. С. Лурье, — различным», он сосредоточивает внимание лишь на четырех отмеченных нами выше исключениях (дословное повторение известия о смерти княгини в НК1 и три дублирования, из которых два сомнительные, в НК2; см. предыдущее примечание), обходя, таким образом, вниманием весь громадный корпус несомненных случаев, когда НК1 и НК2 дублируют друг друга. При этом Я. С. Лурье предлагает мне привести примеры, когда распределение дублирований по разным выборкам не вытекает «естественно» из разделения годовых статей пополам т. е. когда в разные выборки попадают известия из одной и той же «части» статьи (Еще раз о своде 1448 г. С. 203). Если под «частями» понимаются статьи выборок, предложение бессмысленно; если же половины суммы сложения их статей, то таких примеров можно привести довольно много: под 6665–6666 (1157–1158), 6680 (1172), 6905 (1397), 6918–6919 (1410–1411) гг. оба

Но не могла ли *цель* разделения текста состоять в разнесении членов дублей по разным выборкам? Это невозможно: дублируемые известия тонут в море других, составляя ничтожный процент их общего количества, так что задача была бы совершенно несоразмерна необходимой для

члена дубля помещаются в правой «части», а под 6667 (1159), 6780 (1272), 6874 (1366), 6885 (1373), 6894 (1386), 6901 (1393), 6910 (1402), 6912 (1404), 6914 (1406), 6916 (1408) гг. оба — в левой. Как видим, положение известий-дублирований и под одним годом весьма различно, так что выделять те случаи, когда они под разными годами, нет оснований. И, заметим, наиболее резко противоречат гипотезе о единой «Новгородской Карамзинской летописи» примеры как раз тех дублирований, которые, при «разрезании» годовой статьи, «естественно, оказывались в разных выборках»: складывая статьи НК1 и НК2 6584 (1076), 6600 (1192), 6664 (1256), 6862 (1354) гг., получаем результат, который вряд ли возможно рассматривать как статьи одного протографа, поскольку эти небольшие статьи оказываются целиком (или почти целиком) состоящими из повторяющих друг друга известий, причем повторяющих в довольно близких выражениях. Маловероятным для единой летописи образом встречаются или сближаются дублирования и при соединении статей 6680 (1272), 6885 (1377), 6897 (1389), 6905 (1397), 6910 (1402), 6916–6919 (1408–1411) гг. Таким образом, в качестве примеров, когда распределение дублирований по разным выборкам не вытекает естественно из разделения единых годовых статей ни пополам, ни вообще как-либо механически, я указываю на *все* 65 случаев взаимного дублирования НК1 и НК2 *разом*. Если же, кроме того, привлечь для контроля Н4 — в качестве независимого отражения предполагаемого «архетипа НК–Н4», — можно привести еще один пример. Под 6665 (1157) г. НК1 и НК2 дублируют друг друга сообщениями о смерти князя Юрия Всеволодича, как бы деля единое в Н4 известие пополам. И вот что несколько странно: сообщение НК1 оказывается совпадающим по тексту с Н1, а сообщение НК2 — с Лаврентьевской летописью (далее — Л) (ниже я скажу об этом подробней). Конец же статьи Н4 (известие о смерти Юрия Владимировича — предпоследнее в статье) обнаруживается не в НК2, как следовало бы ожидать, предполагая механическое разделение протографа, а в НК1.

ее решения работе. Это невозможно было сделать и походя: дубли приходится специально, в ряде случаев — с трудом, выискивать, опознавать. Такое напряжение внимания не вяжется с механической работой выборщика.

Несамостоятельность, выборочность НК1 и НК2 остаются вне всяких сомнений, как, равным образом, не приходится сомневаться в их взаимно-дополнительном характере. Сомнительной оказывается лишь мысль о том, что эти две летописные подборки являются половинками одного генетически предшествующего им летописного свода. Но если НК1 и НК2 *не* «раздублируют» свой единый протограф, то они, очевидно, делают то, что они на наших глазах и делают — дублируют *друг друга*. Почему? Благодаря, видимо, как раз своему взаимно-дополнительному характеру. Дублирования, в таком случае, суть огрехи дополнения, точнее говоря, — *заготавливаемого* дополнения (в источнике или источниках, откуда материал для этого дополнения черпался, говорилось о том же другими словами, несколько иначе, иногда полней, а иногда под другими годами). Гораздо, конечно, вероятней, что один сводчик (или один ряд сводчиков) невольно дублировал другого сводчика (или других сводчиков), *готовя* дополнение к чужой работе, нежели уже дополняя ее: все-таки отбор и переписка отобранного материала оставляют в памяти более глубокий след, чем только ознакомление, брошенный взгляд, просмотр.

Спору нет, при работе с разными источниками сводчик легко может продублировать сам себя, и мы еще будем говорить о таких случаях. Но их единицы. Несравнимо чаще мы будем встречаться с примерами устранения, избежания дублирований при сведении разнородных материалов. Примеров же полного «раздублирования» летописного текста при механическом его расчленении мы, конечно, не сыщем.

Объяснение Я. С. Лурье и здесь грешит предпочтением механического и случайного сознательному и естественному.

Будучи заинтригован загадкой отношения летописных подборок Карамзинского списка друг к другу и не будучи удовлетворен устоявшимся в науке объяснением этого отношения, я решился на кропотливую и

трудоемкую, но необходимую для ее решения работу — сплошной постатейный анализ текста этих подборок в сравнении с родственными им летописными памятниками. Свои наблюдения я фиксировал в специально для этой цели разработанной таблице. Моей задачей было дать подобие математической или химической формулы *каждой* статьи подвергаемого анализу летописного материала. Таким путем я стремился достичь более далекой цели: увидеть то, что не видно «невооруженным глазом», — статистические закономерности, свойственные составу этих памятников и их взаимоотношениям.

3. Состав первой подборки Карамзинского списка

Результаты анализа поразили меня самого. Прежде всего оказалось, что по составу своего текста первая подборка, НК1, четко распадается на две части. По статью 6693 (1185) г. она оказалась сводом, соединяющим выборки из двух источников: центрально-русской летописи типа Л и новгородской типа Н1. После статьи 6693 (1185) г. НК1 — выборка из Н1.

Заимствования из Л обнаруживаются в НК1 с самого начала, от начала «Повести временных лет», и попадаются более или менее регулярно, — с частотой от одного до нескольких лет. Всего за два века до 1185 г. здесь насчитывается примерно 125 случаев ее присутствия.[1] Обрыв про-

[1] См. годы: 6360–6374 (852–866), 6376–6377 (868–869), 6387–6485 (879–977), 6491 (983), 6498–6527 (990–1019), 6529–6552 (1021–1044), 6555 (1047), 6573 (1065), 6581 (1073), 6583–6584 (1075–1076), 6587–6608 (1079–1200), 6612 (1104), 6622 (1114), 6625 (1117), 6629–6630 (1121–1122), 6632 (1124), 6634 (1126), 6640 (1132), 6644 (1136), 6646 (1138), 6655 (1147), 6662– 6664 (1154–1156), 6668 (1160), 6675–6676 (1167–1168), 6680 (1172), 6682–6683 (1174–1175), 6688–6689 (1180–1181) и 6693 (1185) гг. Кроме того, статьи 6488–6490 (980–982), 6492–6496 (984–988), 6553 (1045), 6559 (1051), 6562 (1054), 6565 (1057), 6569 (1061), 6571 (1063), 6574–6578 (1066–1070), 6580 (1072), 6582 (1074) гг. содержат материалы, которые могли быть заимствованы

исходит внезапно.[1] Лишь спустя 200 лет, в четырех статьях конца XIV — начала XV в. — под 6891 (1383), 6894 (1386), 6916 (1408) и 6919 (1411) гг., — мы вновь встречаем заимствования из центрально-русской летописи (для этого времени типа Рогожского летописца (далее — Рог), Троицкой (далее — Тр), Симеоновской (далее — Сим) и Московской Академической (далее — МАк) летописей, поскольку Л оканчивается на 1305 г.). За вычетом этих четырех небольших вкраплений, НК1 после 6693 (1185) г. до конца, т. е. по статью 6919 (1411) г., обнаруживает связь исключительно с Н1.[2]

как из Л, так и из Н1. Статья 6877 (1369) г. может быть основана как на Н1, так и на Сим.

[1] Только в пространстве 85 лет XII в. вставки из Л можно видеть в 23 статьях НК1 (см. предыдущую сноску). Иногда они весьма значительны — 6632 (1124), 6646 (1138), 6668 (1160), 6682 (1174) и 6683 (1175) гг. — иногда невелики. К примеру, относительно небольшой эксцерпт из статьи Л 6689 (1181) г., находящийся в статье НК1 6688 (1180) г., насчитывает порядка 30 слов (от слов «**Всеволод же благосерд сый**» до слов «**Всеволод в Володимерь**»), а эксцерпт из статьи Л 6890 (1182) г. — в статье НК1 6689 (1181) г., порядка 50 (период от слов «**Новгородци ж приведоша к себе**» до слов «**еха к Торжку**», далее слова «**и взяша град, а князя Ярополка яша**», «**и възвратись с победою в Володимирь**», «**в Володимирь, пусти их опять на Торжек**»). Зачастую заимствования из Л составляют годовые статьи НК1 целиком: 6629–6630 (1121–1122), 6634 (1126), 6640 (1132), 6655 (1147) и 6663 (1155) гг.

[2] Такого же изменения в составе С1 мы не наблюдаем. Лишь за период от 1186 г. вплоть до начала XIV в. мы обнаруживаем там влияние центрально-русской летописи типа Л, Тр и МАк в следующих погодных статьях: 6694 (1186), 6710 (1202) (Л 6711 / 1203), 6720 (1212), 6724 (1216) (Л 6725 / 1217), 6744 (1236) (?), 6745–6746 (1237–1238), 6763 (1255), 6770 (1262), 6777–6778 (1269–1270), 6780 (1272), 6785– 6787 (1277–1279), 6789–6791 (1281–1283), 6793–6794 (1285–1286), 6796–6798 (1288–1290), 6801–6803 (1293–1295), 6804 (1296) (Тр-Сим 6805 / 1297), 6806–6807 (1298–1299) гг. В том же промежутке обнаруживается, кроме того, влияние Ипатьевской (статьи 6732 / 1224, 6747 / 1239 и 6748 / 1240 гг.) и Псковской 3-й (6774 / 1264, 6776 / 1268, 6779 / 1271 и 6807 / 1299 гг.) летописей.

Если вслед за А. А. Шахматовым и Я. С. Лурье допустить, что НК1 представляет собой извлечение из единого свода, где материалы новгородской и центрально-русской летописей были уже слиты, необъяснимым окажется, как удалось после статьи 1185 г. обойти на протяжении 200 лет всё, восходящее к центрально-русскому источнику. Это столь же невероятно, как, зажмурившись, «раздублировать» громадный свод.

Вычленением новгородских по содержанию известий состав НК1 после 1185 г. объяснить невозможно потому, во-первых, что это заставило бы опять допустить «механику с чудесами», и потому, во-вторых, что множество сообщений о событиях *вне* Новгорода вошло в эту часть НК1 в передаче именно Н1.[1]

Не проще ли объяснить состав НК1 как результат *соединения* выборок из центрально-русской летописи, не переходящей порог 1185 г., с выборками из летописи новгородской?

В науке о русском летописании 1185 г. — уже отмеченный рубеж. Мы об этом не раз говорили. А. А. Шахматов полагал, что на этом годе

[1] См. годы: 6744 (1236) — о пленении татарами Болгарской земли, 6766 (1258) — о приходе Литвы под Смоленск, о взятии татарами Литовской земли, 6771 (1263) — о мятеже в Литве и завоевании Литвой Полотска, 6789 (1281) — о смерти митрополита Кирилла в Переяславле и похоронах в Киеве, 6827 (1319) — об убиении в Орде Михаила Тверского, его сына и бояр, о передаче великого княжения Юрию, 6829 (1321) — о походе князя Юрия на Дмитрия Михайловича Тверского и мире между ними, 6830 (1322) — о хождении тверского князя Дмитрия в Орду, получении им великого княжения, о после Ахмыле в Низовской земле, 6833 (1325) — о приходе из Орды Александра Михайловича с татарами и тягости Низовской земле, 6835 (1327) — об убийстве татарами Ивана Ярославича Рязанского, 6848 (1340) — о смерти князя Ивана Даниловича в Москве и хождении всех князей в Орду, 6849 (1341) — о смерти Узбека и Гедимина, 6851 (1343) — о хождении митрополита Феогноста в Орду, 6857 (1349) — о взятии краковским королем Волынской земли, 6885 (1377) — о смерти Ольгерда в Литве, митрополита Алексея — в Москве, 6886 (1378) — о приходе татар на Суздальскую землю и битве на р. Пьяне, 6887 (1379) — о битве на Воже, 6889 (1381) — о мятеже в Литве, и т. д.

оканчивалась одна из древнейших редакций владимирской летописи и что на этой редакции, как на общем основании, покоятся позднейшие летописные своды. По его мысли, Владимирский свод 1185 г. отразился, во-первых и главным образом, в Л (через ростовскую летопись), во-вторых, в Радзивиловской (через Л и — независимо — через владимирскую в редакции 1192 г. и через переяславскую), и, в-третьих, в Ипатьевской летописи (через общерусский свод, «полихрон», начала XIV в.).[1] Любопытно, что в НК1 мы обнаруживаем черты, роднящие ее, помимо Л, с Радзивиловской (далее — Радз) и Ипатьевской (далее — Ип) летописями. Так, выборки из центрально-русского источника в статьях НК1 6377 (869), 6389 (881), 6406 (898) и 6442 (934) гг. сближают ее с Радз; кроме того, у них есть общие пропуски: и там, и там нет сообщения 6519 (1011) г. о смерти княгини Анны (НК2 это сообщение восстанавливает), под 6532 (1024) г. пропущен рассказ о восстании волхвов в Суздальской земле и их избиении Ярославом (НК2 восполняет этот пропуск кратким сообщением). С Ип НК1 сближается известием 6608 (1100) г. о закладке Владимиром Мономахом церкви в Смоленске. Мы вправе думать о каком-то родстве отраженного в НК1 центрально-русского источника, оканчивающегося на 1185 г., с мыслимым А. А. Шахматовым Владимирским сводом 1185 г.

Я. С. Лурье отмечает невнимание НК1 к владимирским князьям.[2] Действительно, на протяжении XII в. НК1 берет из центрально-русского источника материал, относящийся либо к Новгороду,[3] либо к

---

[1] *Шахматов А. А.* Исследование о Радзивиловской, или Кенигсбергской, летописи//ОЛДП. 1902. С. 69–74 и стемма на с. 101; см. также: *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов… С. 51–63.

[2] См.: *Лурье Я. С.* Еще раз о своде 1448 г. С. 207.

[3] См. годы: 6625 (1117) (перемещение Владимиром Мономахом сына из Новгорода в Киев и посажение на стол в Новгороде Всеволода Мстиславича), 6662 (1164) (изгнание новгородцами Святослава — должно быть, Ярослава Изяславича — и посажение Романа Ростиславича), 6663 (1155) («**Оженишя новгородци Мстислава Юрьевича…**»), 6664 (1156) (смерть Новгородского архиепископа), 6668 (1160) (просьба нов-

Киеву,[1] но не к Владимиру. Легко заметить, что́ интересует выборщика из происходящего вне Новгорода: главным образом — смена в Киеве князей и митрополитов. Очевидно, что центрально-русский источник, использованный этим выборщиком, был киевским, а не владимирским. Можно представить себе, что НК1 сохраняет сводку новгородского и киевского материала, *заведомо* предназначенную для соединения именно с владимирским летописным материалом. Так это или не так (судить об этом уверенно еще рано), в этом новом наблюдении над составом НК1 за XII в. мы находим новое препятствие гипотезе о «Новго-

городцев у Андрея Юрьевича нового князя вместо выгнанного Святослава Ростиславича), 6682 (1174) (бегство Рюрика из Новгорода, посольство новгородцев к Андрею и посажение в Новгороде его сына Юрия), 6689 (1181) (посажение новгородцами у себя Владимира Святославича, а в Торжке — Ярополка, и столкновение Ярополка с Всеволодом).

[1] См. годы: 6612 (1104) (приход на Русь митрополита Никифора и небесные знамения), 6629 (1121) (смерть митрополита Никифора), 6630 (1122) (приход из Царьграда митрополита Никиты), 6632 (1124) (пожар в Киеве и затмение солнца), 6634 (1126) (смерть митрополита Никиты), 6640 (1132) (смерть Мстислава Владимировича и вокняжение в Киеве его брата Ярополка), 6644 (1136) (изгнание новгородцами, приход в Киев к Ярополку и сидение в Вышгороде «**лето едино**» Всеволода), 6646 (1138) (смерть в Киеве Ярополка Владимировича, вокняжение его брата Вячеслава, встреча его митрополитом и киевлянами, изгнание его Всеволодом и возвращение в Туров, посажение Всеволодом в Чернигове Владимира Давидовича), 6655 (1147) (поставление Изяславом в Киеве митрополита Клима Русина), 6664 (1156) (приход в Киев митрополита Константина, смерть киевского князя Ростислава Мстиславича на пути из Смоленска в Киев), 6676 (1168) (изгнание Мстиславом из Киева Владимира и его бегство к половцам), 6680 (1172) (смерть киевского князя Глеба Юрьевича, сидение в Киеве Ярослава Изяславича и посажение Андреем в Киеве Романа Ростиславича), 6683 (1175) (борьба Святослава Черниговского с Ярославом Изяславичем Киевским и Олегом Святославичем, посольство к Андрею Романа Ростиславича с просьбой «**Кыєва княжить**» и ответная просьба Андрея подождать).

родской Карамзинской летописи». Но если НК1 и НК2 родственны С1 и Н4 *не через посредство единого протографа*, то как же? Сравним подборки с этими летописями-сводами по отдельности.

4. Первая подборка Карамзинского списка и Софийская 1-я летопись

В С1 мы обнаруживаем несколько сокращенный вариант того же текста, что и в НК1.Сличая, то и дело видим: статьи С1 оказываются сокращением того именно сокращения или той именно выборки из летописей-источников, что составляют статьи НК1.[2]

[2] Так, С1 сокращенно передает содержание статьей НК1 6682–6683 (1174–1175) гг., а те — суть *соединение* эксцерптов из Н1 и Л; статьи 6608 (1100) г., а она *соединяет* отрывок из Ип со статьей Л того же года и отрывком из статьи тоже Л 6610 (1108) г.; статьи 6642 (1134) г., *составленной* из отрывков статей Н1 6642–6643 (1134–1135) гг., и статей 6705 (1197), 6708–6709 (1200–1201), 6717 (1209), 6722 (1214), 6728–6730 (1220–1222) гг., представляющих собой *извлечения* из соответствующих статей Н1. Статья С1 6523 (1015) г. соединила текст «Сказания о св. мучениках Борисе и Глебе», известного по спискам с XIII в. (ср.: *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 67–90; мое внимание на это обратил Я. С. Лурье), с текстом НК1 6523 (1015) г., источником которого послужили соответствующие статьи Л и Н1 и статья Н1 6524 (1016) г.; в итоге в С1 перешла *часть* вкраплений, сделанных в НК1 из *двух* статей Н1 (6523–6524 — 1015–1016 гг.). В качестве примера того, *как* С1 сокращает исходный материал, можно взять статью 6728 (1220) г. В НК1: «**Прииде архиепископ Митрофан, оправися Богом и святою Софиею в Новгород марта 7, а Антониа митрополит у себе дръжа в чьсти, и вда ему епископью в Перемышли**». Это — часть статьи Н1. В С1: «**Прииде в Новгород архиепископ Митрофан. А другому архиепископу Антонью вда митрополит архиепископью в Перемышле**».

Наряду с сокращенной передачей известий НК1, часто С1 какие-то из них опускает. Характер отбора материала в целом ясен: не попадают в С1, главным образом, незначительные в общерусском плане сообщения.[1]

Изредка (я отметил всего четыре случая) С1 исключает из статьи НК1 как раз то, что восходит к какому-то *одному* из ее источников (то к Л, то к Н1). Увидеть в этом закономерность не удается.[2]

Гораздо больше обнаруживается примеров посредничества текста НК1 между тем или иным источником (Н1 или Л) и *сводными* статьями С1.[3] Например, статья С1 6645 (1137) г. начата заимствованием из Л

[1] О закладке, возведении, освящении и росписи в Новгороде церквей (6616/1108, 6625/1117, 6627/1119, 6644/1136, 6662–6663/1154–1155, 6674/1166, 6678/1170, 6680/1172, 6688–6689/1180–1181, 6693/1185, 6700/1192, 6703/1195, 6707/1199, 6734/1226, 6820/1312, 6835/1327, 6858/1350, 6914/1406 гг.), о природных явлениях, как-то: течение Волхова, грозы (6571/1063, 6625/1117, 6633/1125, 6684/1176 гг.), о ценах на хлеб (6645/1137, 6678/1170, 6739/1231 гг.), пожарах (6858/1350 г.). Исключено поучение Новгородского архиепископа Луки (6566/1058 г.). Изредка С1 обходит сообщения, значение которых, мне кажется, шире узко-новгородских рамок, например, о хождении Новгородского архиепископа Нифонта к Суздалю (6656/1148 г.), о действиях князей Всеволода и Мстислава и их взаимоотношениях с новгородцами (6718/1210 г.), об уходе Ярослава из Новгорода (6736/1228 г.). Но общей картины это не меняет.

[2] Исключаются опять-таки несущественные в общерусском плане известия: в статье 6395/887 г. — заметка о византийских царях «Леон царствова сын Васильев..., царствоваста лет 25», происходящая из Л; оставлена только хронологическая выкладка по русской истории, происходящая из Л 6360/852 г., под 6625/1117, 6627/1119 и 6630/1122 гг. исключены имеющие своим источником Н1 известия о грозе, знамении в луне и церковном строительстве; оставлено только восходящее к Л.

[3] Статьи С1 6560 (1052), 6585 (1077), 6624 (1116), 6633 (1125), 6645 (1137), 6647 (1139), 6665 (1157), 6674 (1166), 6694 (1186), 6720 (1212), 6744 (1236), 6829 (1321), 6857 (1349), 6885 (1377), 6892 (1384) и 6904 (1296) гг. содержат материал Н1, восходящий к Н1 через НК1, а статья С1 6630 (1122) г. получает через НК1 материал из Л.

6646 (1138) г.: «**Взяша Олговичи с половци Прилук**», — а в остальном мы видим здесь текст НК1, за исключением последней его фразы «**И купиша юсмину по 7 резан**», статья же НК1 есть *часть* статьи Н1. Чтобы говорить о родстве НК1 и С1 через «Новгородскую Карамзинскую летопись» и «свод 1448 г.», надо признать и все совпадения НК1 с *одним* из источников С1 случайными.

Статей 6525 (1017) г. в НК1 две, причем источники их разные (этим и объясняется, конечно, дублирование даты)[1]. И С1, и Н4 объединяют их в одну, но Н4 повторяет порядок текста НК1, а С1 ставит впереди вторую. При этом С1 любопытным образом искажает смысл речи. В НК1 читаем: «**Победи Ярослав печенегы и отбегоша сетное и до сего дни**» («**сетное**» значит «совершенно», «окончательно»[2]). В С1 это слово заменено на «**посрамлены**» (слова «**и до сего дни**» при этом опущены), чем резко обеднено первоначальное содержание сообщения.

В целом С1 более или менее адекватно передает в своем составе основную часть текста НК1. Сильнее эта зависимость выражена в начале, где меньше местных новгородских известий, слабее — в конце. Слегка сокращенный, главным образом за счет местных известий, текст НК1 существенно пополнен в С1 иным русским историческим материалом, в первую очередь, по тем же самым источникам — центрально-русской летописи (типа Л, Тр, Рог, Сим) и новгородской (типа Н1).

О том, что это именно дополнения, а не неполная в НК1 передача их общего протографа, свидетельствует также размещение этих дополнительных известий внутри статей: они не образуют вместе с известиями,

---

[1] Первая из этих статей дает суммарную информацию о строительной деятельности Ярослава в Киеве, почерпнутую, во-первых, из статьи Н1 6545 (1037) г., во-вторых, из статьи Н1 6525 (1017) г., и, в-третьих, из статьи Л 6545 (1037) г. Вторая же статья НК1 6525 (1017) г. опирается только на статью Л 6544 (1036) г.

[2] См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. Вып. 1. Б. м., б. г. Стб. 342. За то, что я обратил на это слово внимание, благодарю Я. С. Лурье.

прошедшими через НК1, того порядка, какой они имеют в первоначальном источнике — Н1.[1]

Как обычно при сведении источников, в С1 появились дублирования. Я. С. Лурье указывает 4,[2] я заметил 7 дублирований в С1.[3] В трех случаях (6528 / 1020 – 6529 / 1021, 6596 / 1088 – 6598 / 1090 и 6665 / 1157 гг.) в них участвует материал, взятый из НК1; он продублирован сообщениями, заимствованными непосредственно из Н1 (6528 / 1020 г. — из Н1 6529 / 1021 и 6528 / 1020 гг.) и Л (6665 / 1157 г.). В трех случаях материал оба раза взят из центрально-русского источника (6673 / 1165–6675 / 1167 гг. — из статьи Л 6675 / 1167 г.; 6874 / 1366 и 6885 / 1377–6886 / 1378 гг. — из Тр-Сим), в одном случае — оба раза из Н1 (6770 / 1262 г. — из статей 6771 / 1263 и 6759 / 1251 гг.).

Правкой по Н1 объясняется, в частности,[4] то, что С1 изымает из статьи НК1 6411 (903) г. фразу «**Игорь и Олег пристроиста воя многы и корабли бесчислены**», представляющую собой сокращение статьи Н1 6429 (921) г., и возвращает ее, — но уже в том виде, какой она имеет в НК1, — под 6429 (921) г. Сверка с Н1 объясняет также, почему С1 опускает оба взаимоисключающих сообщения НК1 о смерти матери Владимира, жены

---

[1] Ср.: 6631 (1123), 6644 (1136), 6662 (1154), 6678 (1170), 6708 (1200), 6736 (1228), 6830 (1322), 6833–6835 (1325–1327), 6841 (1333), 6876 (1368), 6902 (1396), 6914 (1306) гг.

[2] См.: *Лурье Я. С.* Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей. С. 119, прим. 16.

[3] См. годы: 6528–6529 (1020–1021) (победа Ярослава над Брячиславом), 6596–6598 (1088–1090) (о Янке и Иоанне-скопце), 6665 (1157) (смерть Юрия Долгорукого), 6673–6675 (1165–1167) (смерть Ростислава Мстиславича), 6770 (1262) (смерть Александра Невского), 6874 (1366) (о новгородских ушкуйниках), 6885– 6886 (1377–1378) (взятие татарами Нижнего Новгорода).

[4] Три разбираемых здесь случая (6411 / 903–6429 / 921, 6549 / 1041–6553 / 1045 и 6662 / 1154 гг.) приведены Я. С. Лурье в качестве примеров первичности текста С1 по отношению к НК1. См.: Еще раз о своде 1448 г. С. 208–209.

Ярослава (6549 / 1041 и 6553 / 1045 г.): вместо них С1 берет единственное известие Н1 (6558 / 1050 г.), пополняя его неизвестно откуда взятой датой «**февраля в 14 день**» (согласно НК1, «**октября в 5 день**»; в Н1 даты нет). В статье 6662 (1154) г. в тексте, взятом из Л, НК1 допускает ошибку — пишет «**Романа**» вместо «**Мьстислава**»; С1 исправляет эту ошибку, очевидно, по Н1, откуда для этой статьи она делает дополнительные заимствования.

Любопытно изменение смысла, происшедшее при движении текста от Л к С1 в статье 6545 (1037) г.: в Л говорится о закладке митрополичьего собора Ярославом, а в С1 — об учреждении митрополии. Ставя НК1 между Л и С1, мы понимаем причину этого искажения: текст Л как бы разломан пополам выборкой НК1, а в С1 реставрирован: к выборке НК1 присоединили недостающее, но слово «митрополия» попало при этом не в первую половину, где ему надлежало бы быть, а во вторую:

Л	НК1	С1
Заложи Ярослав город великый, у него же града суть Златая врата. Заложи же и церковь святыя Софья, митрополию, и по сем — церковь на Золотых воротех святое Богородице Благовещенье, по сем святаго Георгия монастырь и святыя Ирина.	**Съвершен бысть град Киев, у него же суть врата Златаа. В то же лето священа бысть святаа София в Киеве.**	**Свершен бысть град Киев, и церковь святыя София свершена, а у града суть врата златы.** **Того же лета велики князь Ярослав митрополью устави и две церкви постави на Златых вратех: Благовещение и святаго Георгия.**

Небрежность дополнения породила еще одну ошибку: монастырь Св. Георгия превратился в надвратную церковь.

Помимо самих центрально-русской и новгородской летописей, С1 обращается для пополнения НК1 к внелетописным материалам. Так, используя статью НК1 6528 (1020) г. для своей статьи 6527 (1019) г., в место, где упоминается данная Ярославом новгородцам «Правда», С1 вставляет ряд юридических памятников (Судебник Ярослава, Судебник греческого царя Константина, Устав князя Владимира о церковных судах и десятинах), переписывая их, как явствует из самого ее текста, со **«свертка»** 1402 г., являющегося, в свою очередь, копией **«великого и старого Номоканона»**.[1] Из внелетописного же источника пополнен в С1 перечень князей статьи НК1 6395 (887) г. (опирающийся, в свою очередь, на хронологическую выкладку статьи Л 6360 / 852 г.).[2] В НК1 этот перечень доходит до сыновей Ивана Ивановича (середина XIV в.), а в С1 он продолжен до сына Ивана Васильевича.[3]

В итоге сравнения НК1 с С1 я прихожу к выводу, что НК1 на всем своем протяжении сохраняет первичный по отношению к С1 текст. В С1 он частью сокращен, но частью и пополнен по тем же источникам —

---

[1] Таким образом, получается, что в Н1 под 6524 (1016) г. и в С1 под 6527 (1019) г. — разные редакции «Русской Правды». Статья НК1 6528 (1020) г. опирается на статью Н1 6524 (1016) г., но сам текст «Правды» опускает. Нет никаких оснований считать, что в протографе НК1 была та же подборка юридических памятников, что и в С1. Этот пример тоже приведен Я. С. Лурье как свидетельство первичности С1 (см.: Там же. С. 208).

[2] В С1, по сравнению с НК1, выпущен ряд мест, восходящих к Л: фраза **«а от перваго лета Игорева до перваго лета Святославля лет 33»**, период от слов **«Мстислав Ярополк»** до слов **«Юрия Володимерича сынове»**, последний из названных в НК1 сыновей Всеволода Юрьевича **«Иоанн»**.

[3] При этом в С1 восполнен допущенный в конце перечня НК1 пропуск слов **«А от Александра Ярославича сынове: Дмитрий, Андрей, Василей, Данило»** и исправлена получившаяся вследствие этого пропуска ошибка НК1 — **«Данила Ярославича»** — вместо **«Данила Александровича»**.

центрально-русской и новгородской летописям, — а также по внелетописным материалам. Графически этот вывод изображен на схеме 1.

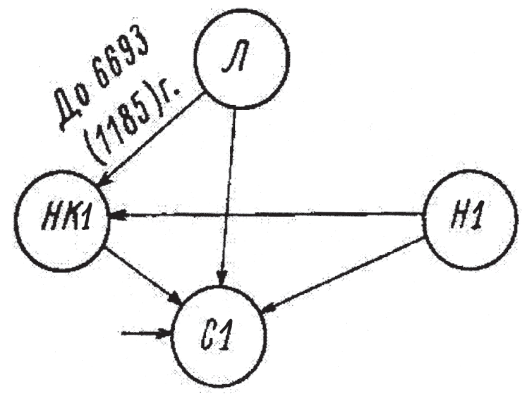


Схема 1

5. Вторая подборка Карамзинского списка и Софийская 1-я летопись

Отношение НК2 к С1 оказывается примерно таким же, каково отношение С1 к НК1, т. е. основу НК2 составляет выборка из С1.

Бросается в глаза, что НК2 выбирает из С1 тот материал, которого нет в НК1, иногда не очень точно (тогда что-то остается вне выборок или, наоборот, одна выборка дублирует другую), но часто совершенно точно[1]. Возникает впечатление, что *целью* создания НК2 было дополнение НК1. В принципе, это то же представление, что у А. А. Шахматова и Я. С. Лурье. Ведь писец НК, по их мысли, включал во вторую подборку

[1] См. годы: 6496 (988), 6545 (1037), 6559 (1051) (из С1 6560 / 1052 г.), 6563 (1055) (из С1 6565 / 1057 г.), 6630–6631 (1122–1123), 6633 (1125), 6644–6645 (1136–1137), 6647 (1139), 6655 (1147), 6668 (1160), 6674 (1166), 6678 (1172), 6682 (1174), 6693–6694 (1185–1186), 6701 (1193), 6720 (1212), 6726 (1218), 6733 (1225), 6830 (1322), 6833–6836 (1325–1328), 6841 (1333), 6857 (1349), 6876 (1368), 6878 (1370), 6903–6904 (1395–1306), 6906–6907 (1398–1399) (из С1 6906 / 1398 г.) и 6914 (1406).

все не вошедшее в первую, уже готовую, лежащую, очевидно, перед ним рядом со сводом-источником. Мой вариант картины отличается лишь заменой проблематичной «Новгородской Карамзинской летописи» в качестве источника вполне реальной С1.

Если бы, действительно, писец-выборщик восполнял НК1 по ее же источнику, то, ошибись в границах выписки на протяжении этой огромной работы хотя бы раз, он внес бы в НК2 что-то уже присутствующее в НК1, и тогда между этими двумя подборками возникли бы текстуальные совпадения. Но их нет. Есть огрехи дополнения — смысловые дублирования, о которых мы говорили выше, причина которых в том, что ряд сообщений НК1 изменил в С1 свой вид или из-за редакторской обработки, или вследствие обращения к иному источнику.[1] Лишь в двух случаях текст НК2 оказывается весьма близким к тексту НК1 (это наиболее грубые огрехи дополнения),[2] причем во втором из этих случаев отчетливо видно посредничество С1.[3]

---

[1] См. годы: 6532 (1024), 6563 (1055), 6580 (1072), 6603 (1095), 6622 (1114), 6665–6666 (1157–1158), 6668 (1160), 6673 (1165), 6680 (1172), 6744 (1236), 6780 (1272), 6782 (1274), 6802 (1294), 6812 (1304), 6826–6827 (1318–1319), 6835 (1327), 6849 (1341), 6861 (1353), 6874–6875 (1366–1367), 6885 (1377), 6892 (1384), 6894–6895 (1386–1387), 6897–6898 (1389–1390), 6900–6901 (1392–1393), 6903 (1395), 6905 (1397), 6909–6910 (1401–1402), 6912 (1404), 6914–6915 (1406–1407), 6917 (1409), 6919 (1411).

[2] Ср.: 1) под 6646 (1138) г. НК1 от слов «**И приде Олговичь с вышегородци, пристроився с братьею своею**» до слов «**И иде опять к Турову, а Всеволод вниде в Киев**» и НК2 от слов «**Приде же Всеволод Олгович, пристроився с вышегородци и с братьею своею...**» до слов «**...изыде к Турову. А Всеволод седе на столе**»; 2) под 6916 (1408) г. НК1 от слов «**А на ту осень Гедигей приде к Москве месяца ноября 23**» до слов «**...и прочия волости повоева**» и НК2 от слов «**Едигей приде ратью к Москве ноября 23**» до слов «**...и прочая волости повоева и до Тферского рубежа**».

[3] Слова «**и да грамоту в град**», «**и до Тферского рубежа**», отличающие НК2 от НК1, объясняются словами С1: «**и до Тферьскаго рубежа**», «**Приела Едигей свою грамоту к великому князю на Москву**».

Поскольку НК1 снабжала С1 преимущественно новгородским материалом, в НК2 из С1 попадает, главным образом, материал общерусский. НК2 обращается с ним свободно (подобно тому, как С1 — с НК1): по большей части его сокращает, исключает одно, другое пересказывает, иногда передает точно. Изменения текста не оставляют сомнений в том, что редактор — новгородец.[1]

Новгородца в создателе НК2 выдает и то, что для пополнения черпаемых из С1 материалов он самостоятельно обращается к Н1,[2] а также к каким-то неизвестным нам новгородским источникам (о них дальше будет речь), что порождает еще несколько смысловых дублирований текста НК1.[3]

Еще одним вспомогательным источником послужила для НК2 центрально-русская летопись — и тоже дала несколько «огрехов дополнения».[4] Впервые ее присутствие обнаруживается под 6580 (1072 г.; сама НК2, напоминаю, начинается с 6496 / 988 г.). Использование ее не

---

[1] Например, в рассказе 6894 (1386) г. о походе великого князя на Новгород произведена показательная замена. Вместо периода: «**Новгородци же слышавше, и начаша боятися велми, и послаша на вести испытавати. Они же, ездивше, не обретоша нигде же рати; переполошиша бо ся и устрашишася, слышавше великого князя стояща у города, и страшни быша того ради**», — написано: «**И новгородци вси, доспев, выехаша из града к Жилоту. Бяше бо силно велика и светла рать новгородскаа, коневой рати и пешей велми много, и охвочи битись. Но тогда не бе низовець на Жилотузе, и взвратився новгородци в град**».

[2] Прямые вставки из Н1 обнаруживаются в НК2 более или менее систематически, начиная с 6628 (1120) г. до конца, т. е. по 6936 (1428) г.; всего — примерно 90 раз.

[3] 6664 (1156), 6698 (1190), 6732 (1224), 6862 (1354), 6887 (1379), 6892 (1384), 6895 (1387), 6897 (1389) и 6918 (1410) гг. В трех случаях — 6584 (1076), 6892 (1384) и 6919 (1411) гг. — источник неясен.

[4] 6600 (1092), 6646 (1138), 6667 (1159), 6685 (1177) и 6830 (1322) гг. Кроме того, соответствующие известия 6886–6887 (1378–1379) гг. представляются слитыми из известий С1 и Тр-Сим.

обрывается на 6693 (1185) г., как в НК1, но продолжается, по крайней мере, по статью 6900 (1392) г.[1]

Выверяя по этому источнику заимствуемый из С1 текст (как правило, почерпнутый в С1 из центрально-русской же летописи), НК2 обычно берет статью в том объеме, какой она имеет в С1, но внутри нее производит отдельные замены — как бы восстанавливает первоначальные чтения. В наибольшей мере правке подвергаются большие повествования. Так, статья НК2 6886 (1376) г., где помещается рассказ о побоище на р. Пьяне, общими контурами отражает соответствующую статью С1 (в Тр-Сим она значительно больше по объему), но сам рассказ о побоище рядом чтений оказывается ближе к Тр-Сим, нежели к С1.[2]

---

[1] Исправления по центрально-русскому источнику усматриваются мною в статьях 6580 (1072), 6586–6587 (1078–1079), 6594 (1086), 6623 (1115), 6738 (1230), 6766 (1258), 6802 (1294) (по Тр — 6803/1295 г.), 6885–6887 (1376–1379) гг., дополнения — в статьях 6596–6597 (1088–1089), 6598 (1090), 6600 (1092), 6614 (1106), 6646 (1138), 6660 (1152), 6665 (1157), 6667 (1159), 6673 (1165), 6677 (1169), 6683 (1175), 6685 (1187), 6719 (1211), 6723 (1215) (из Л 6724/1216 г.), 6725 (1217), 6729 (1221) (из Л 6730/1222 г.), 6730 (1222) (из Л 6729/1221 г.), 6732–6733 (1224–1225), 6739 (1231), 6749 (1241), 6755 (1247), 6757 (1249), 6760–6761 (1252–1253) (из Л 6760/1252–6761/1253 гг.), 6763 (1255) (из Л 6762/1254 г.), 6764 (1256) (из Л 6764/1254 и 6766/1258 гг.), 6765 (1257), 6771 (1263) (?), 6772 (1264), 6775 (1267) (из Тр-Сим — 6777/1269 г.), 6779 (1271), 6793 (1285), 6798 (1290), 6812 (1304), 6830 (1322), 6837 (1329), 6842 (1334), 6846 (1338) (из Тр — 6845/1337 г.), 6849 (1331) (?), 6856 (1348), 6859–6860 (1351–1352) (из Тр – 6861/1353 г.), 6875 (1367), 6883 (1375), 6884 (1376) (?), 6898 (1390) (из Тр — 6901/1393 г.) и 6900 (1392) гг. Кроме того, в двух случаях (6664/1156 и 6688/1180 гг.) обнаруживаются дополнения из Ип, а в одном случае (6687/1179 г.) — исправление по ней.

[2] В С1 читаем: «**в силе велице**», в Тр и НК2: «**в силе тяжце**»; С1: «**...рати свои. И бысть множество ратных**»; НК2: «**...вой** (Тр: “**воеводы и воя многы**“, далее одинаково — Тр и НК2) **и бысть рать велика зело**»; С1: «**в небрежении**», Тр и НК2: «**небрежением**»; С1: «**въскладывахү**»; Тр и

Подобную же картину являет статья 6887 (1379) г. с ее рассказом о битве на р. Воже. В С1 этот рассказ пространней, чем в Тр-Сим (где не говорится о запоздалой и безуспешной погоне князя Дмитрия Ивановича за татарами). В «массах» НК2 следует за С1, но, пока это возможно, правит текст по летописи типа Тр.[1]

С еще более интересным явлением мы сталкиваемся, обращаясь к рассказу о Батыевом нашествии под 6745–6746 (1237–1238) гг. В С1, как известно, этот рассказ слит из повествований Л, Н1 и Ип.[2] В составе текста, взятого из Л, в С1 перешел ряд несамостоятельных мест рассказа — заимствований из предшествующей части летописи. В НК2 значительная часть этих заимствованных отрывков оказывается удаленной, причем в ряде случаев это сделано настолько точно, словно редактор видел, что перед ним — инородные вставки.[3] Только следы трех интерполяций-

---

НК2: «**вскладаша**»; С1: «**...порты с плеч спущав, а мед испиваху и допьяна, и ловы деяху, утеху творяще**», в Тр и НК2 здесь значительно более длинный период с небольшими разночтениями, от слов: «**...порты с плеч спущав, а петли разстегав**» до слов: «**...те вси поехаша, ловы деюще, утеху себе творяще, мняшесь аки дома**»; С1: «**много зла учиниша**», Тр и НК2: «**...волости новгородские воююще, а села жгуще, и множество людей посекоша, а жены и дети и девици в полон поведоша**».

[1] В Тр и НК2 нет слов С1 «**рати все совокупя ординьския**»; С1: «**и срете их**», Тр и НК2: «**и сретошась с татары**»; С1: «**промежи себе о реку о Вожю**», Тр: «**промежи собою реку имуще**»; НК2: «**промежи собою реку Вожю имуще**»; С1: «**Потом же**»; Тр и НК2: «**Не по мнозем же днех**»; С1: «**перейдоша**»; Тр и НК2: «**переехаша**»; в С1 нет слов Тр и НК2: «**нюкнуша** (НК2: "**кликнуша**") **гласы своими и поидоша на грунах и тъкнуша** (в Тр добавлено "**на**") **наших**»; С1: «**Великий же князь Дмитрий погони на них, бьючи и колючи их**»; Тр: «**...а наши после за ними, бьючи их и секучи, и колючи**»; НК2: «**...и наши вслед, секуче и колюще**»; С1: «**бысть нощь**»; Тр и НК2: «**наста нощь**»; С1: «**погонимся**»; Тр и НК2: «**гнатись**».

[2] См.: *Насонов А. Н.* Л и Владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в. // Проблемы источниковедения. 1963, № 11.

[3] По сравнению с С1 в НК2 (а также в Н4), отсутствуют следующие интерполяции-заимствования: 1) «**Си вся наведе на ны бог грех ради на-**

заимствований (не будь этих следов, мы вообще могли бы усомниться, что перед редактором НК2 был тот текст, что в С1) заметны в описании взятия татарами Владимира.[1] Похоже, что редактора здесь в первую очередь занимало составление как можно более внушительного описания взятия города, нежели очистка текста от вставок.[2] Еще три заимствования-интерполяции удержались в НК2 в описании похорон Василька и его характеристике, но — что показательно — они перемещены, переставлены, а одна из них при этом рассечена пополам, и вторая ее половина вынесе-

---

ших... противу Господеви» (в Л — из статей 1185 и 1186 гг., см.: *Прохоров Г. М.* Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 37. С. 78, прим. 3); 2) «**Он же, си слышав, възопи... паче же и о церкви**» (в Л — на основе статьи 1015 г., см.: Там же. С. 80, прим. 8); 3) «**Господи! Се ли годе есть... терпением и верою... молящуся с слезами... остах аз един**» (в Л — на основе статей 1206 и 1015 гг., см.: Там же. С. 80, прим. 8); 4) «**...поминая слово Господне... милостынями и верою очищаются греси**» (в Л — из статей 1125 и 1206 гг., см.: Там же. С. 81, прим. 10); 5) «**Но не предай же нас... милости Твоея от нас**» (в Л — из статьи 1185 г., см.: Там же. С. 82, прим. 12).

[1] 1) «**...а святую Богородицю церковь разграбиша и чюдную икону ея одраша**» (в Л — из статьи 1203 г., см.: Там же. С. 79, прим. 6); 2) «**...и чернци, и черници, слепыя и хромыя, и глухия**» (в Л — из статьи 1203 г., см.: Там же, прим. 4); 3) «**а других растреляхуть**», «вязаху», «**прочих имше**», «**а именье не мало взяша**» (в Л — из статьи 941 г., см.: Там же. С. 78, прим. 1).

[2] В Л только первое из этих заимствований участвует в описании взятия Владимира, второе же и третье были сделаны для описания разгрома татарами Рязани и Суздаля. Редактор С1, взяв описание разгрома Рязани из Л, слил его с описанием разгрома Рязани же, взятым из Н1; подобным же образом, соединив Л и Н1, он рассказал о взятии Владимира; описывая же разгром Суздаля по Л, он воспользовался отчасти описанием разгрома Владимира по той же Л. А редактор НК2 все эти три составные описания С1, слегка сократив, соединил и применил к одному г. Владимиру. В этом-то дважды слитном, «третичном», описании и сохраняются отмеченные следы трех заимствований-интерполяций.

на далеко вперед.[1] Очевидно, во вспомогательном центрально-русском источнике повесть о Батыевом нашествии читалась без интерполяций (в противном случае редактор НК2 не мог бы так четко видеть их в С1).

Под 6897 (1389) г. «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя рускаго» отличается в НК2 от версии С1 великим множеством мелких разночтений и одним большим — наличием в «похвальной» его части громадного избыточного периода.[2] Следующие за этим периодом слова («елико наиде») хорошо связываются с концом этого периода и хуже — с предшествующей ему (общей для НК2 и С1) фразой.[3] Потому кажется, что НК2 (а следом за ней и Н4) дает более полный текст «Слова», чем С1.[4] Можно представить себе, что выборщик, соз-

---

[1] Все эти отрывки — из одной серии вставок. В Л, а следом за ней и в С1 в этой серии скомбинированы четыре отрывка. Последний из них (**«Мужество и ум... с ним хожааше»**) оказался в НК2 впереди (**«Мужество и ум... с ним ходиста»**). Спустя фразу после него помещена в НК2 вторая половина первого отрывка (**«...да весь бо церковный чин... паче же и на милостиню»**), после большого периода ниже следует его первая половина (**«Рыдаху же много народ правоверных... звезду светоносную зашедшю»**). Предпоследнее в этой серии в Л и С1 заимствование (из статьи 1175 г.) оказывается в НК2 последним (**«...кровью мученическою омывся прегрешений своих с своим братом»**). Предшествующие две несамостоятельные фразы (**«...поминая слово Господне, глаголющее: “Блажении милостивии, яко ти помиловани будут”. И Соломон глаголеть: “Милостынями и верою очищаются греси”»**) в НК2 пропущены.

[2] От слов **«Бчелы же ничим же хужшу ему быти разумею»** до слов **«...яко солнца, луча испущая и вся съгрея»**.

[3] Ср. НК2: **«...яко солнца, луча испущая и вся съгрея, елико наиде. Тако и тъи, не умнюсь рещи о нем, яко в всю землю изыде слава его»**; С1: **«Сей же весь с похвалою добродетели вся лета жития его сверши; един же благочьстен родися, многым прародителем славу прорасти, елико наидеть. Тако и тъи. И не усумнюся рещи о нем, яко же: во всю землю изиде слава его»**. Мое внимание обратила на это М. А. Салмина.

[4] Но не лучший, ибо указанный период выделяется в тексте «Слова» крайней отвлеченностью от предмета речи и бессвязностью. Без него текст более целен. По этой причине его и мог выбросить редактор С1.

датель НК2, либо выправил текст С1 по какому-то, на его взгляд, более исправному списку «Слова» (подобно тому, как он выправил повествования о Батыевом нашествии, о побоище на р. Пьяне и о битве на р. Воже), либо — и это мне кажется более вероятным, поскольку слишком много мелких различий между этими двумя версиями, — просто заменил его. Следующие наши наблюдения говорят в пользу последней мысли.

Сверх Н1 и центрально-русской летописи типа Тр составитель НК2 черпал дополнительный материал из неизвестного нам источника или источников. В целом о корпусе «неизвестно-откуда-взятых» материалов мы будем дальше говорить специально (скажу, забегая вперед: большинство такого рода добавок — несомненно новгородского происхождения). Сейчас же нам важно понять, что́ представляют собой центрально-русские по содержанию дополнения в НК2 после 6900 (1392) г., на котором обрывается прямая связь НК2 с Тр. Возможны, по крайней мере, три варианта их происхождения: 1) из летописи неизвестного нам вида, 2) из внелетописных письменных памятников и 3) непосредственно из жизни (как результат собственного опыта и умения записывать виденное и слышанное составителем выборки).

Под 6903 (1395) г. вставлены записки дьякона Александрика о достопримечательностях Царьграда; под 6904 (1396) г. — перечень Ростовских епископов; под 6907 (1399) г. — несколько бессвязное риторическое предисловие к повести «**О преставлении князя Тферьскаго**», родственное началу предисловия к Тверскому летописному своду;[1] под 6910 (1402) г. — большое нравоучительное «слово» о комете и краткое сообщение о строительстве Переяславля («**Срубиша Переяславль**»); под 6914 (1406) г. к прощальной грамоте митрополита Киприана прибавлен поэтический «плач» о бренности и скоротечности человеческой жизни (и в самой грамоте восстановлена механически пропущенная фраза «**такожде всем князьям... мир и благословение**»); под 6916 (1408) г. — грамота Едигея; под 6917 (1409) г. — рассказ о смерти Тверского епископа

[1] Ср.: ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 463.

Арсения.[1] Таким образом, мы видим здесь шесть цельных, способных к самостоятельному существованию произведений, одно кочующее риторическое предисловие (6907 г.) и лаконичную запись летописно-информационного типа (6910 г.). Можно допустить, что все это было в центрально-русском источнике НК2, но возможно также, что составитель НК2 специально собирал для своей подборки списки могущих быть вставленными в летопись произведений и документов. Зачем он это мог делать, мы увидим, когда будем говорить о смысле создания НК2 как таковой.

Вставленный под 6904 (1396) г. перечень 35 ростовских владык имеет любопытную связь с текстом. Он помещен после известия о назначении Григория епископом и сообщения «**Сей уже Григорей 35-й бысть епископь Ростовский**». По-видимому, это сообщение и побудило вставить в летопись перечень. Но откуда же взялось само это сообщение? Должно быть, из С1, но оно там читается с ошибкой: «**Си же Григорий 30 и 5 *лет* бысть епископомь Ростову**». Говоря о Григории, С1 опирается на Тр, а там этой фразы вообще нет (вместо нее — перечень епископов, присутствовавших на поставлении). Каким бы ни был в данном случае источник С1, ясно, что перечня Ростовских епископов в нем не было: был бы перечень, понятны были бы цифры и не возникло бы ошибки. Вставляя перечень в НК2, естественно было исправить и искаженную фразу. Показательно, что при переходе от НК2 к Н4, когда перечень Ростовских епископов продлили по 37-го, эта фраза опять претерпела изменение: «**Се уже Григорий 30 и *осмой***». Выходит, ее форма прямо зависит от того, присутствует ли рядом перечень епископов и в каком именно виде. Сам же перечень порожден был, конечно, не летописью, а митрополичьей или епископской канцелярией.[2]

---

[1] Эти дополнения указывает Я. С. Лурье, как не дающие возможности говорить об обрыве на 6900 г. центрально-русского летописного вспомогательного источника НК2 (Еще раз о своде 1448 г. С. 211).

[2] Я. С. Лурье указывает на этот перечень, как на пример первичности текста НК2 по отношению к С1 (см.: Там же. С. 213).

Таким образом, не имея прямых свидетельств о влиянии на НК2 после 6900 (1392) г. центрально-русской *летописи*, мы не имеем, мне кажется, и достаточно надежных оснований для предположения об этом. «Центрально-русская» запись «**Срубиша Переяславль**» вполне могла быть сделана и сводчиком-новгородцем (мы еще будем говорить о массе новгородских дополнений в НК2). Впрочем, в одном случае, как будто, заметно влияние позднейшего московского летописного источника на НК2: мы обнаруживаем здесь рассказ о крещении митрополитом Киприаном в Москве трех татар, находящийся в Тр под 6901 (1393) г. Правда, в НК2 этот рассказ помещен под 6898 (1390) г. Чем же объяснить смещение записи на три года? Не попал ли этот рассказ к составителю НК2 как отдельная от летописи запись?

Как бы то ни было, 6900 (1392) г. как граница использования в НК2 центрально-русских по происхождению вспомогательных летописных материалов обращает на себя внимание. Известно, что в районе этого года оканчивается общий текст Троицкой и Симеоновской летописей, Рогожского и Владимирского летописцев.[1] А. А. Шахматов,[2] а вслед за ним В. Л. Комарович[3] приходили, сравнивая летописи, к предположению о существовании летописного свода 1392 г. в редакции митрополита Киприана. Возможно, что в НК2 мы имеем новое — на этот раз осколочно-дробное — отражение «свода 1392 г.».

Суммируя результаты сличения НК2 с С1, можно сказать, что НК2 являет в целом вторичный по отношению к С1 текст, но пополненный и

---

[1] См.: *Муравьева Л. А.* Об общерусском источнике Владимирского летописца // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 149.

[2] *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды... С. 151.

[3] См.: История русской литературы. Т. II. Ч. 1. М.; Л., 1945. С. 193–195. Здесь напечатаны только основные положения исследования В. Л. Комаровича, лишенные почти всех доказательств. В полном виде его работу см.: *Комарович В. Л.* Древнерусское областное летописание XI–XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора // Архив ИРЛИ, р. I, оп. 12, № 388. Глава «Начало Московского летописания». С. 249–258.

иногда исправленный по дополнительным источникам: летописным (Н1, Тр в части до 6900 г.) и внелетописным (ряд самостоятельных произведений и документов, записи составителя (или составителей) выборки). Графически этот вывод представлен на схеме 2.

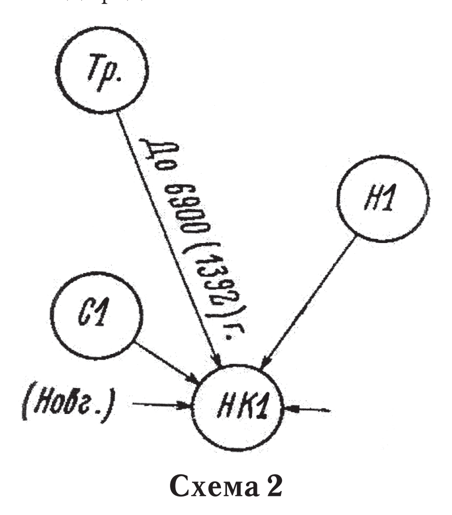


Схема 2

6. Подборки Карамзинского списка и Новгородская 4-я летопись

Н4 передает текст НК1 еще лучше, гораздо лучше, чем С1, практически целиком. Некоторые исключения есть и здесь, но их немного[1] и они

[1] Под 6549 (1041) и 6553 (1045) гг. выпущены дублирующие друг друга сообщения о смерти жены Ярослава, матери Владимира; под 6642 (1134) г., во избежание хронологической ошибки, исключено все, заимствованное в НК1 из статьи Н1 следующего года (С1 же следует здесь НК1); под 6738 (1230) г. сообщение НК1 о голоде и дороговизне опущено потому, что оно восполняется выпиской прямо из Н1. Подобным же образом, вместо того чтобы воспользоваться извлечениями НК1, редактор Н4 взял статьи Н1 6708 (1200) и 6736 (1228) гг. целиком. Статья НК1 6831 (1323) г. по какой-то причине опущена; на ее месте статья НК1 6832 (1324) г. Под 6918 (1410) г. в Н4 не включен текст посланий в Нов-

другого характера, нежели в С1: мелочи новгородской жизни отнюдь не кажутся составителю Н4 не заслуживающими внимания. Н4 опирается на НК1, явно, независимо от С1. Лишним примером этой независимости может служить статья 6525 (1017) г. Как я выше писал,[1] в НК1 — две статьи, помеченные этим годом, как результат сведения выборок из разных источников. И С1, и Н4 сливают их в одну, но С1 впереди ставит вторую статью НК1, а Н4 — первую.

Многие из немногочисленных в общем сокращений текста НК1 в Н4 продиктованы, совершенно очевидно, сопоставлением с НК2, т. е. стремлением избежать дублирований.[2]

Выше мы говорили, что если мысленно к статьям НК1 присоединить статьи НК2, то получится летопись, очень похожая на Н4, ибо текст НК1, как правило, начинает статьи Н4, а текст НК2 их завершает. И любопытно, что начало текста НК2 обычно отмечено в Н4 киноварными инициалами (а они начинают далеко не каждое сообщение или группу известий). Тот факт, что текст, совпадающий с НК1, имеет новгородскую по преимуществу тематику, а текст, совпадающий с НК2, общерусскую, А. А. Шахматов, как мы помним, объяснял принципом размещения материала в «своде 1448 г.», каковой он считал новгородским. По мнению Я. С. Лурье, этот свод был московским, но какой-то новгородец поменял в нем часть известий местами, добавил новгородские записи в начала статей и так создал «архетип НК–Н4»; стало быть, разница в тематической окраске подборок Карамзинского списка и размещение материала

город, во-первых, императора Мануила и патриарха Матфея (о поставлении в митрополиты Фотия) и, во-вторых, митрополита Фотия. И, наконец, ряд сообщений НК1 не включен в Н4 по той причине, что ее составитель предпочел здесь сообщения НК2, т. е. постарался избежать дублирований (см. ниже, прим. 2).

[1] См. выше, с. 98.

[2] 6600 (1192) г. — о чуде в Полотске; 6862 (1354) г. — о церкви Знамения на Ильине улице (статья целиком); 6885 (1377) г. — о смерти Ольгерда; 6897 (1389) г. — о смерти Дмитрия Ивановича; 6910 (1402) г. — о «**звезде хвостатой**».

в Н4 суть два независимых друг от друга отражения этого неизвестного нам архетипа. А не может ли быть Н4 результатом *реального* присоединения статей НК2 к статьям НК1?

НК1 оканчивается 6819 (1411) г., посреди л. 301 рукописи. Нижняя половина лицевой стороны и вся оборотная сторона листа оставлены чистыми. НК2 начинается статьей 6496 (988) г. на л. 302 и оканчивается статьей 6836 (1428) г. на л. 425 об. Конец последней статьи НК2 дописан на л. 426 писцом XVII в., присоединившим к НК2 Псковскую летопись. Не оборван ли конец НК2?

А. А. Шахматов считал окончание НК2 не показательным, так как к XVII в. мог быть утрачен конец рукописи XV в.[1] Но случайность ли, что редакции Н4, различающиеся главным образом окончаниями, расходятся как раз после 1428 г.?[2] Допуская, что Н4 была создана путем соединения НК1 и НК2, мы осмысливаем и это «случайное совпадение».[3]

НК2, как и НК1, почти полностью повторена в Н4. Во избежание дублирования сообщений, взятых из НК1, сделаны исключения в 9 статьях[4].

---

[1] *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды ... С. 97, прим. 1.

[2] На 6936 (1428) г. кончается общий с другими списками Н4 текст ее Новороссийского и Голицынского списков, представляющих вместе с Толстовским списком (оканчивающимся раньше — на 6926/1418 г.) первую редакцию этой летописи. А. А. Шахматов отмечал, что основная редакция Н4 (каковую он видел в мысленно соединенных подборках Карамзинского списка), первая редакция и вторая (Академический, Публичной библиотеки (или — Фроловский), Строевский и Синодальный списки) имеют тождественный текст только до 1428 г. См.: Там же. С. 100.

[3] Легко представить себе, что завершение НК2 начинало лист, на котором к XVII в. появились какие-то иные по жанру записи или помарки. В таком случае, решив продолжить НК2 летописью, этот лист вынули, а конец статьи 6936 (1428) г. переписали заново.

[4] 6584 (1076) г. — о смерти Святослава Ярославича (статья целиком); 6664 (1156) г. — об избрании Аркадия; 6680 (1172) г. — о Романе; 6732 (1224) г. — о строительстве церквей Семеном Борисовичем (в данном случае стремились избежать дублирования сообщения, заимствуемого, может быть, непосредственно из Н1); 6905 (1397) г. — о приезде смолен-

Сверх того обнаруживается лишь 5 или 6 пропусков.[1] Отмечу, что Н4 передает текст НК2 не только почти целиком, но и довольно точно.

Всего сводчику (или сводчикам) Н4 удалось избежать 15 дублирований, один раз слив известия НК1 и НК2 воедино (6665 / 1157 г.), 9 раз, как я уже сказал, последовав только за НК1, и 5 раз отдав предпочтение НК2.

Случай слияния известий НК1 и НК2 интересен. НК1 сообщает (словами Н1): «**Той же весны преставись князь Юрьи Володимерич в Киеве**». НК2 говорит (словами Л): «**Преставись Юрьи Володимерич Монамаха майа 15, княжив в Киеве лет 3, и положиша и в церкви святаго Спаса на Берестовем, в то время Андрею сущу в Суздале**». Н4 нарушает обычный порядок присоединений статей НК2 в целом виде к статьям НК1 и, чтобы слить эти два известия, перемещает известие о смерти князя Юрия НК2 вперед по тексту. Слитное известие Н4 выглядит следующим образом: «**Той же весни преставися князь Юрьи Володимеричь в Киеве мая в 15, княжив в Киеве лета 3; и положиша в церкви святаго Спаса на Берестовем, в то время Ондрею сущу в Суздале**» (6665 / 1157 г.).

Лишь два дублирования (6532 / 1024 и 6892 / 1384 гг.) принадлежат только Н4, т. е., можно думать, созданы ее сводчиками.[2] Это значительно меньше того, чего им удалось избежать.

ского князя в Новгород; 6916 (1408) г. — о нашествии Едигея (т. е. то, что в НК2 через С1 восходит к НК1); 6917 (1409) г. — об Анфале; 6918 (1410) г. — о знамении в Св. Софии (статья целиком); и 6919 (1411) г. — о возведении церквей владыкой Иоанном.

[1] 6825 (1417) г. — сокращена часть статьи 6824 (1316) г., происходящая из С1 6825 (1317) г.; 6898 (1390) и 6902 (1394) гг. — текст грамот Константинопольского патриарха Антония (в первом случае списан лишь конец, начиная с даты, за которой идут подписи, во втором — грамота лишь упомянута); 6900 (1392) г. — о возведении церкви Успения и монастыря (возможно, невольный результат вставки, сделанной как раз на этом месте); 6903 г. — о Темиркутлуе и Тохтамыше (в НК2 это — из С1, а там — из Троицкой-Воскресенской 6906 / 1398 г.); 6924 (1416) г. — о татарах у Киева (случайный пропуск?).

[2] 6532 (1024) г. — о восстании волхвов и их избиении в Суздале (один раз — по источнику, близкому к Л, второй — по НК2); 6892 (1384) г. —

Любопытное дословное повторение начала статьи 6890 (1382) г. мы видим в ее же конце — запись о смерти некоего Михаила, отца Матфея, и еще два новгородских сообщения. Обрамлена повторенными известиями Повесть о взятии Москвы Тохтамышем. А. А. Шахматов убедительно рассудил: «Ясно, что повторение этой летописной статьи, а в ней и домашнего известия новгородского летописца, явилось следствием вставки Повести о взятии Москвы; следовательно, повесть эта и указанная статья восходят к двум различным источникам, а так как повесть несомненно заимствована из общерусского свода, то ясно, что летописная статья 1382 г., дважды повторенная, возводится к новгородской летописи»[1]. Тот же вывод делает и М. Д. Приселков[2]. Я. С. Лурье же считает, что создатель Н4 добавил в статью 1382 г. (из неизвестного нам новгородского вспомогательного источника) только запись о смерти отца Матфея Михайлова и «вместе с соседними известиями по недоразумению вписал дважды — в начале и конце 6890 г.»[3]. Но никто пока не обратил внимания на то, что повторенной вместе с сообщением о смерти Матфеева отца оказалась не случайная группа известий, а целиком статья НК1 6890 (1382) г. Повесть же о взятии Москвы Тохтамышем представляет собой целиком статью НК2 того же года. О чем это говорит? Следуя рассуждениям А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова с учетом замечаний Я. С. Лурье (о том, что запись о смерти Матфеева отца — *прибавка* к другим повторенным в Н4 известиям, сделанная именно в оригинале Н4), мы должны две подборки Карамзинского списка признать двумя главными источниками Н4: НК1 — новгородским, НК2 — общерусским.

Первым после НК1 и НК2 вспомогательным источником для Н4 послужила Н1. Ее непосредственное влияние заметно в 116 статьях, начиная с 6508 (1000) г. и кончая 6933 (1425) г.

о распре в Новгороде из-за Патракия (один раз — по Н1, второй — по неизвестному новгородскому источнику или запись сводчика-очевидца).

1 *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды... С 115.

2 *Приселков М. Д.* История русского летописания... С. 144.

3 *Лурье Я. С.* Новгородская Карамзинская летопись. С. 213.

Лишь в девяти случаях можно ставить вопрос о непосредственном влиянии С1 или ее протографа на Н4.[1] И только в пяти — о заимствовании прямо из Л или Тр.[2] По сравнению с заимствованиями из НК1, НК2 и Н1 и на общем фоне Н4, охватывающей русскую историю от ее начала до третьего десятилетия XV в., это ничтожно мало. Невероятно, чтобы создатели Н4, располагая центрально-русской летописью типа Л и Тр или общерусским сводом типа С1, так мало их использовали. Не име-

[1] Имею в виду следующее в Н4 и С1, чему нет соответствия ни в НК1, ни в НК2, ни в Н1: 6376 г. — слова «**лет 18 и месяц 11**»; 6829 (1321) г. — известие о знамении (в С1 это слияние сокращенных известий Н1 и Тр–Сим); 6833 (1325) г. — С1: «**Княжения великого Юрия Даниловича 3 лета**», Н4: «**А княжил Юрьа 3 лета**»; 6840 (1332) г. — сообщение о голоде (в Н4 оно представляется сокращением С1); 6849 (1341) г. — об убийстве немцами псковских послов и о походе псковичей с князем Александром Всеволодичем на Латыголу; 6875 (1367) г. — о гибели псковского воеводы Силы (Н4: «**Селилы**»); 6883 (1375) г. — о стригольниках; 6901 (1393) г. — слова «**Муром, Мещеру, Торусу**»; 6917 (1409) г. — о мире псковичей с Витовтом (Н1: «**с Литвою**») и немцами. Я. С. Лурье (Новгородская Карамзинская летопись. С. 211, прим. 16) указывает девять других будто бы подобных случаев: 6716 (1208) г. — об убийстве Олексы, 6736 (1228) г. — о походе на Емь, 6763 (1255) г. — о столкновении новгородцев с Александром, 6770 (1262) г. — о третьей поездке Александра в Орду, 6778 (1270) г. — о мятеже в Новгороде, 6853 (1345) г. — о буре на Волхове, 6858 (1350) г. — об обмене пленными, 6921 (1413) г. — о пожаре в Твери, 6923 (1415) г. — об избрании владыки. Но указанные места 6736 (1228), 6763 (1255), 6778 (1270), 6853 (1345), 6921 (1413) и 6923 (1415) гг., расходясь в целом ряде чтений с С1, совпадают с Н1, откуда они, вне всяких сомнений, и взяты. Сообщения же 6716 (1208) и 6770 (1262) гг. имеют равные шансы быть взятыми как из С1, так и из Н1. Последнее, конечно (учитывая степень использования Н1 в Н4), намного вероятней.

[2] 6532 (1024) г. — о восстании и избиении волхвов; 6550 (1042) г. — «**плени**» вместо «**победи**»; 6552 (1044) г. — слова «**сего ради немилостив есть на кровопролитье**»; 6816 (1308) г. — о море и дороговизне, ср. Тр 6817 (1309) г.; 6842 (1334) г. — слова «**оданого лета**».

ем ли мы здесь дело со случаями дефекта текста в самом списке НК XV в. или же с исторически сложившимся в процессе переписки подборок комплексом лакун? Ведь достаточно писцу НК или кому-то из его предшественников что-нибудь пропустить в тексте, чтобы у нас создалось впечатление о непосредственной связи Н4 с источниками подборок. А писец практически не может не делать ошибок, и для таких громадных текстов, как НК1 и НК2, 14 упущений — немного. Устанавливая взаимоотношения летописных памятников, мы опираемся на сознательные изменения текста при переходе от одного свода к другому. Общность же Н4 с С1 и Лаврентьевской-Троицкой не выходит за пределы объяснимого работой писцов, их огрехами.

Движение текста от Н1 к Н4 можно проиллюстрировать примером сложения статьи Н4 6669 (1161) г. Н4 полностью повторяет содержание соответствующей статьи Н1; нарушен лишь порядок сообщений. Произошло это так: НК1 взяла из Н1 сообщение о возвращении Святослава в Новгород, С1 повторила НК1, НК2 почерпнула из Н1 сообщение о посадничестве Озарьи, пренебрегши известием о погоде и ценах, а Н4, суммируя НК1 и НК2, вставила *между* их текстами и это известие.

Тем именно обстоятельством, что значительная часть материала попала в Н4 через посредство НК1 и НК2, а иногда (в случае дублирований) и более длинным путем (НК1→С1→НК2), объясняется отмеченный А. А. Шахматовым факт, что «Софийская 1-я даже в тех своих статьях, где излагаются события новгородские, в целом ряде случаев древнее Новгородской 4-й и ближе к тексту Новгородской 1-й летописи».[1]

Типичный пример путей движения текста от источника (в данном случае Л) к Н4 может дать статья 6545 (1037) г. Выше мы видели, как С1 дополняет выборку НК1 из Л.[2] Теперь проследим дальнейшее: (НК1→Н4 и С1→НК2→Н4):

---

[1] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов… С. 152.

[2] См. выше, с. 100.

НК1	С1	НК2	Н4
Съвершен бысть град Киев, у него же суть врата Златаа. В то же лето священа бысть святаа Софиа в Киеве.	**Свершен бысть град Киев, и церковь святыя София свершена, а у града суть врата златы.** **Того же лета велики князь Ярослав митрополью устави и две церкви постави на Златых вратех: Благовещение и святаго Георгия.**	**Ярослав митрополью устави и две церкви постави: Благовещение на Златых вратех и святаго Георгия.**	**Свершен бысть град Киев, у него же суть врата Златая. В то же лето священа бысть святая София в Киеве. Ярослав митрополию устави и 2 церкви постави: Благовещение на Златых вратех и святаго Георгиа.**

Теперь может быть представлена в целом схема движения текста от местных летописей к сводам (схема 3):

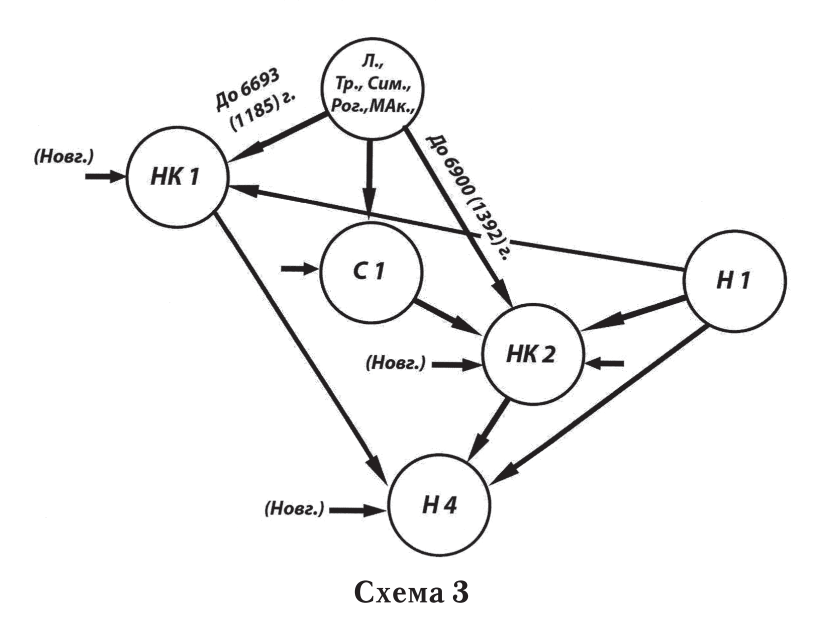


Схема 3

(*Новг.*) — дополнительные записи новгородского происхождения; стрелка — пополнение иным материалом.

7. «Неизвестно-откуда-взятые» материалы

Составив представление о движении текста в изучаемой группе памятников — летописей, выборок, сводов, мы должны постараться осмыслить и полученную схему в целом, и каждый ее «кружок», и каждую ее стрелку в отдельности. После сличения текстов у нас остались «в осадке» «неизвестно-откуда-взятые» в памятники материалы. Что они собой представляют? Не позволят ли они нам «заглянуть» в «кружочки»?

Когда мы мысленно соединяем, сливаем существующие раздельно древние летописные тексты, то делаем это (если вообще имеем на это право) «химически чисто», не привнося в результат соединения ничего от себя — никаких собственных добавок и правок. У древнего сводчика, как и выборщика, такого запрета не было. Работая с текстом, относящимся к давно прошедшим временам, он мог заменять слова, выражения, вписывать новую княжескую титулатуру, вставлять в летопись существующие вне ее повести и документы. Пожалуй, только откровенно фантазировать, выдумывать события, которых не было, о которых он нигде ничего не читал и не слышал, без особых на то причин он не стал бы, — по крайней мере, в массовом порядке. Сводчик же или выборщик современного для него летописного материала мог, сверх того, добавить «от себя» и что-то информативное — на основе случайных источников и собственного жизненного опыта. Я даже думаю, он просто не мог вовсе не быть сам летописцем. Ведь мы имеем дело с живыми людьми, а не с роботами, механическими анализаторами и синтезаторами.

Когда видишь, что на каком-то пространстве свод поддается практически полному разложению на известные нам составные части, «чист» от добавок, естественно думать, что этот материал был сведен не в настоящем, а в будущем по отношению к нему времени, — не современниками событий, о которых идет речь. Когда же после анализа остается частый пунктир «избытков», не должны ли мы, решая, чтó они суть такое, предусматривать наряду с возможностью влияния неизвестного нам письменного источника и возможностью деформации в ходе времени тех источников, с которыми мы свод сравниваем, возможность вкрапления записей сводчика-современника? Как бы в итоге ни распределяли мы «избыточный» материал между этими тремя возможными объяснениями, оценивать, осмыслять его мы вправе, только выделив весь его корпус целиком, а не выборочно.

Начнем с НК1. В этой подборке в девяти случаях обнаруживаются хронографические по своему характеру избытки (из НК1 они переходят затем в С1 и Н4),[1] а кроме того, — 52 случая летописного типа «неизвестно-откуда-взятых» материалов и уточнений. Большинство из них — несомненно новгородского происхождения,[2] лишь меньшинство не связывается с

[1] 6370 (862) г. — в тексте, родственном в целом Л, слова «**добра**», «**всемь**», «**нарядник**», обнаруживаемые в Хронографе (см.: *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 37. С. 104–106); 6376 (868) г. — излишек против Л: «**Нача царствовати Василей, сын Михайлов. При сем трус бысь в Цариграде 40 дний, почен на святаго Полуекта**» (ср.: *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 260, 273); 6428 (920) г. — слова «**Константином царем и Николою патриархом**» (ср.: Там же); 6437 (929) г. — добавка к имени царя Симеона «**Болгарский**» (см.: *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Хронограф... С. 107); 6449 (941) г. — рассказ о походе Игоря насыщен вставками из Хронографа (см.: Там же. С. 110–112). Хронографическими представляются мне также следующие избытки: 6374 (866) г. — фраза «**А Аскольд и Дир в мале приде к Киеву**»; 6375 (867) г. — «**Тишина бысть**» (ср. слова Палеи из того же места повествования: «**тишине же бывши**» — ГПБ, F. IV. 603, л. 175 об.); 6384 (876) г. — «**Михайлова царства лет 24. Скончa Великий круг**»; 6479 (971) г. — «**Царьствова Василей и Константин в Цариграде**».

[2] 6538 (1030) г. — о народообразовательной деятельности в Новгороде Ярослава, о смерти архиепископа Акима и о его ученике Ефреме; 6540 (1032) г. — о походе на Железные врата; 6544 (1036) г. — грамота и характеристика деятельности Ярослава; 6549 (1041) и 6553 (1045) гг. — о смерти матери Владимира; 6562 (1054) г. — о разделе Смоленска, приходе Ярослава в Новгород и походах на Чудь; 6566 (1058) г. — поучение архиепископа Луки; 6568 (1060) г. — о его смерти; 6569 (1061) г. — о поставлении архиепископа Стефана; 6575 (1067) г. — подробности захвата Всеславом Новгорода; 6576 (1068) г. — о путешествии в Киев и удавлении владыки Стефана; 6577 (1069) г. — о победе над Всеславом и обретении в новгородской Святой Софии Владимирова креста; 6586 (1078) г. — о поставлении архиепископа Германа; 6603 (1095) г. — о путешествии в Киев и смерти Германа; 6604 (1096) г. — о поставлении архиепископа Никиты; 6616 (1108) г. — указание места захоронения Никиты и имя владыки — инициатора росписи Святой Софии; 6623 (1115) г. — о церкви Феодора Тирона: «**среди двою улиць: Щеркове и Розважи**»; 6706 (1198) г. — имя строителя церкви Ильи-пророка и о строительстве церкви св. Евфимии в монастыре;

Новгородом[1]. Интересно распределение этих материалов. Избытки хронографического характера находятся в повествовании о IX–X вв. (6370–

6820 (1312) г. — к сообщению о мире Новгорода с Михаилом Тверским добавлено: «**на полуторе тысяч сребра**»; 6835 (1327) г. — возведение церкви Богородицы на Десятине приписано, в отличие от Синодального списка Н1 (в Комиссионном списке этого сообщения нет), не архиепископу Моисею, а Святославлей княгине; 6841 (1333) г. — о мире новгородцев с князем Иваном; 6853 (1345) г. — о закладке Акинфом Жабиным Спаса на Ковалеве; 6858 (1350) г. — о пожаре и о закладке церкви Флора и Лавра; 6868 (1360) г. — имя матери Семена Андреевича (ктитора) — Наталья; 6872 (1364) г. — о завершении деревянных церквей и «**костра каменного**»; 6873 (1365) г. — о знамении в церкви Петра в Славне; 6889 (1381) г. — о строительстве церкви св. Власия; 6890 (1382) г. — о завершении церкви Рождества на Поле; 6896 (1388) г. — о завершении церкви Богородицы в Торгу; 6897 (1389) г. — добавка о «**порушении**» старой церкви; 6899 (1391) г. — указание места церкви Константина: «**на Росткине улице**»; 6901 (1393) г. — о строительстве церкви Богородицы «**на Хресцех**»; 6902 (1394) г. — подробности похода новгородцев на Псков; 6907 (1399) г. — приезд в Новгород князя Андрея; 6909 (1401) г. — добавки: «**сына посаднича**», «**а самых сведоша к Москве**»; 6912 (1404) г. — подробности о приеме Юрия Смоленского в Новгороде; 6915 (1407) г. — о приеме новгородцами князей Даниила и Юрия; 6917 (1409) г. — о хождении «**Алфана**» в Болгары; 6918 (1410) г. — добавки: «**идяше аки кровь**», «**белками**», «**денгами московскими**», «**о судех церковных**», «**и взяша окупа с Марьина града 300 златых пенязев**», а также — два послания в Новгород и о закладке каменного Орешка; 6919 (1411) г. — о рождении в Копорьи сына у Лугвеня.

[1] 6389 (881) г. — относящиеся к Олегу добавки «всероссийского» характера: «**И обладайте всею Рускою землею**», «**дани устави по всей Рустей земли**», «**И многы ины страны притяжа к Рустей земли и дани възложи на ня**»; 6526 (1018) г. — от слов «**И ту убиша Буды воеводу**» до слов «**Передславу, дщерь Володимерю, сестру Ярославлю**»; 6528 (1020) г. — от слов «**Коснятин же беше тогда в Новеграде**» до слов «**в Муроме на реце Оце**» (конец статьи); 6545 (1037) г. — день смерти и место захоронения князя Всеволода в Пскове; 6738 (1230) г.— о смерти смоленского князя Мстислава; 6836 (1328) г. — имя царя «**Озбяк**»; 6907 (1399) г. — о смерти Михаила Тверского; 6910 (1408) г. — «**и князь Александр Патрикиевичь**», «**а иных поимаша**» (в рассказе о рязанско-литовской войне); 6916 (1408) г. — о смерти Тверского епископа Арсения; 6919 (1411) г. — о выдаче княжны Анны в Царьград.

6479 гг.); нет, конечно, никаких сомнений в том, что они литературного происхождения. Дальше, в промежутке 6526–6623 (1018–1115) гг., избыточные материалы встречаются гораздо чаще — в среднем чуть чаще, чем раз в 5 лет. На 6623 (1115) г. эта серия добавок кончается, и за ней идет совершенно чистый от избытков период в 82 года — 6624–6705 (1116–1197) гг. Затем они обнаруживаются под 6706 (1198) и 6738 (1230) гг. И вновь далее идет чистый от избытков период почти той же протяженности — в 81 год — 6739–6819 (1231–1311) гг. С 6820 (1312) г. начинается и продолжается до конца вторая большая (и последняя) серия «неизвестно-откуда-взятых» материалов; средняя частота их появления — чуть реже, чем раз в четыре года.

Обрыв первой серии «избытков» (1115 г.) заставляет вспомнить конец «Повести временных лет». Наши наблюдения заставляют думать, что своими хронографическими чертами С1 и Н4 обязаны именно НК1, и что сама НК1 обязана ими неизвестной нам редакции «Повести временных лет», дошедшей до нее, может быть, в новгородской обработке, но, может быть, и в составе киевской летописи. Не исключено, конечно, что часть избытков (из серии до 1115 г.) попала в НК1 из новгородского источника, а часть (в том числе и хронографического типа) — из киевского.

Период следующих за 1115 г. 70 лет, последний сводный период в НК1, был составлен (выборками из новгородской и киевской летописей), несомненно, позже самих этих лет (отсутствие избытков-дополнений). Конец сводной части НК1 (1185 г.) и конец ее первого чистого от избытков периода (1197 г.), практически совпадая, показывают, что сведены эти материалы были после 1185 г., но не позже конца XII в.

Что же касается второго периода в НК1, где «неизвестно-откуда-взятые» материалы отсутствуют, то он поразительным образом совпадает с перерывом в использовании НК1 в С1: с 6745 (1237) по 6819 (1311) г. С1 берет новгородский материал не из НК1, а из Н1 непосредственно. К систематическому, почти столь же регулярному, как прежде, использованию НК1 С1 возвращается точно с того же 6820 (1312) г.,[1] с которого-

[1] 6820 (1312), 6829–6830 (1321–1322), 6832–6836 (1324–1328), 6841–6842 (1333–1334), 6849 (1341), 6857 (1349), 6878 (1370), 6885 (1377), 6891–6892 (1383–1384), 6902 (1394), 6906 (1398), 6814 (1306), 6817 (1309) гг.

го начинается вторая полоса избытков-дополнений в НК1. Что означает это совпадение? Что представляют собой «неизвестно-откуда-взятые» материалы этой серии?

В списках конца XVII–XVIII вв. существует доведенный до времени списков так называемый «Летописец Новгородской вкратце церквам Божиим»;[1] в нем обнаруживаются многие из относящихся к церковному строительству или к Новгородской епископской кафедре «избытков» НК1 (как и «избытков» НК2 и Н4). Можно предположить, что подобный летописец существовал за века до рубежа XVII–XVIII вв., когда он появляется в единственном известном нам виде. Но основывать что-либо на этом предположении, конечно, опасно. К тому же далеко не все из избытков, даже относящихся к Новгороду, обнаруживаются в этом «Летописце церквам Божиим». И он не обрывается на 80 лет после татарского нашествия (как и на 80 лет после 1115 г.). Даже если допустить, что какая-то часть избыточных материалов НК1 была почерпнута из не дошедших до нас новгородских летописцев, совпадение второго периода их отсутствия в НК1 с перерывом использования НК1 в С1 объяснения не получит. Причину надо искать в самой связи НК1 с С1.

Представим себе, что после 1185 г. выборка из новгородской летописи создавалась в Новгороде как заготовка новгородской составляющей общерусского свода, специально для него, т. е. делалась и наращивалась параллельно с ростом местной новгородской летописи: выписка из новой годовой статьи могла быть отсылаема сводчику и одновременно тут же, в Новгороде, вносима в особую книгу. Татарское нашествие прервало на время связь Новгорода с Владимиром, — оборвалась и доставка выборок-заготовок для общерусского свода (перерыв на 1237–1311 гг. в использовании НК1 в С1); прекратилось, конечно, и само изготовление этих выборок (второй перерыв цепи «неизвестно-откуда-взятых» избыточных материалов в НК1 — 1231–1311 гг.). Центрально-русский сводчик прибег для времени перерыва непосредственно к местной новгородской летописи, может быть, «задним числом». Во втором десятилетии XIV в. прежний порядок достав-

[1] См.: Новгородские летописи. Изд. Археографической Комиссии. СПб., 1879. С. 172–390.

ки из Новгорода подборок летописного материала был восстановлен, — отсюда точное совпадение начала новой серии «неизвестно-откуда-взятых» избытков в НК1 и начала нового периода использования НК1 в С1. Лакуна в НК1 заполнена была тоже «задним числом» (зачем это было сделано, мы увидим ниже). Заполнена по какой-то причине не вся: остался большой разрыв (самый большой пропуск лет в НК1) как раз после момента татарского нашествия — с 6746 (1238) по 6756 (1248) г.

Перейдем к С1. Есть ли какая-нибудь регулярность в характере и распределении ее «неизвестно-откуда-взятых» материалов?

Избытки фактически-информативного характера очень редки в начальной части С1;[1] здесь мы видим главным образом следы работы редактора — аранжировщика и церемониймейстера.[2] Бросается в глаза систематически проставляемая великокняжеская титулатура правящих князей и заголовки типа «**Мстиславле. Взятие Киевское от князя Мъстислава ис Суздаля**» (6674 / 1166 г.) или: «**Отселе Суждальское княжение наста Андреем Юрьевичем, а стол — великий город Володимер**» (6677 / 1169 г.).

Добавочная информация о событиях начинается после столетнего перерыва сообщением о рождении у Юрия Долгорукого сына Дмитрия и основании г. Дмитрова (6665 / 1157 г.). Дальше снова какое-то время нет никаких фактических дополнений (и это наводит на мысль, что о Дмитрии и г. Дмитрове было внесено в летопись гораздо позже самих событий, по памяти). Более или менее непрерывный ряд избыточных со-

[1] 6496 (988) г. — возведение Владимиром церкви в Киеве и основание г. Владимира (от слов «**Того же лета постави князь Владимир в Киеве**» до конца статьи); 6558 (1050) г. — дата смерти княгини; 6560 (1052) г. — приход на Русь греческих певцов; 6565 (1057) г. — об игумене Феодосии.

[2] 6523 (1015) г. — замена рассказа об убийстве Бориса и Глеба; 6527 (1019) г. — вставка об обретении и захоронении тела Глеба (от слов «**И оттоле крамола преста в Руской земли**» до слов «**честную раку Бориса и Глеба**»); 6580 (1072) г. — распространения в рассказе о перенесении мощей Бориса и Глеба; 6527 (1019) г. — юридические памятники и мелкие редакторские пометы под 6587 (1079), 6589–6590 (1081–1082), 6594 (1086), 6596–6598 (1088–1090) гг.; отсылки к «Киевскому» (летописцу), см.: *Лурье Я. С.* Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей. С. 122.

общений начинается с 6701 (1193) г. (о смерти Варлаама, игумена Спаса-на-Хутыне). Далее, т. е. с конца XII — начала XIII в., избытков делается великое множество; они идут до конца без заметных перерывов; всего их около 90; средняя частота их «пульсации» менее одного раза в три года;[1] тематика их самая разнообразная, «общерусская»; со второй половины XIV в. начинается преобладание московских по содержанию, возрастают в числе и литовские.

Таким образом, начало сплошного ряда информативных избытков в С1 тоже указывает на конец XII в. как на время возникновения сводного общерусского летописания. По всей видимости, это произошло во Владимире, вскоре после того, как Всеволод Юрьевич принял титул великого князя. Тогда, очевидно, определен был и порядок доставки владимирскому сводчику новгородских летописных материалов. Этот порядок был нарушен в XIII в. татаро-монгольским нашествием, но восстановлен в первой четверти XIV в.

Что показывают «избытки» в НК2? Там я заметил примерно 70 добавочных, по сравнению с известными нам источниками, материалов, начиная с 6573 (1065) по 6936 (1428) г., т. е. до конца. По 6823 (1315) г. они носят общерусский характер.[2] С 6855 (1347) г. до конца идет сплошной

---

[1] См. годы: 6701 (1193), 6703 (1195), 6724 (1216), 6726 (1218), 6732 (1224), 6747–6748 (1239–1240); 6750 (1242), 6753–6754 (1245–1246), 6759 (1251), 6770 (1262), 6780 (1272), 6798 (1290), 6802 (1294), 6806 (1298), 6818 (1310), 6831 (1323), 6835 (1327), 6839 (1331), 6844–6845 (1336–1337), 6849 (1341), 6855 (1347) (два), 6864 (1356), 6866 (1358), 6868 (1360), 6870 (1362), 6872–6873 (1364–1365), 6874 (1366) (два), 6878–6880 (1370–1372), 6883 (1375) (два), 6888 (1380), 6890–6891 (1382–1383), 6894 (1386) (пять), 6895 (1387), 6896 (1388) (два), 6897 (1389) (три), 6898 (1390) (два), 6899 (1391), 6900 (1392) (два), 6901 (1393) (два), 6903 (1395) (два), 6905–6906 (1397–1398), 6910 (1402) (два), 6911 (1403), 6913 (1405) (два), 6914–6917 (1406–1409), 6924–6925 (1416–1417), 6926 (1408) (два), 6930 (1422) (три), 6931 (1423), 6933 (1425) (четыре), 6934–6935 (1426–1427).

[2] См. годы: 6573 (1065) (о Всеславе Полотском), 6581 (1073) (о печерском игумене), 6584 (1076) (о смерти Святослава), 6596 (1088) (о мощах Николы), 6597 (1089) (название церкви), 6633 (1125) (слова «**кня-**

поток преимущественно новгородских дополнений;[1] «общерусские» добавки в нем тонут.[2] В части до середины XIV в. средняя частота их появления менее чем раз в 15 лет. Начиная с 1347 г. они появляются в 10 раз чаще (т. е. в среднем чуть реже, чем раз в полтора года).

В Н4 «лишних» материалов в два раза меньше, чем в НК2; это бросается в глаза. За исключением трех неопределенных,[3] все они новгородские. И кроме трех «отдельно стоящих»,[4] идут они сплошной цепью, начиная с 6858 (1350) г.[5] (средняя интенсивность появления — примерно раз в 2,5 года).

жи с кротостию»), 6660 (1152) (о строительстве и конце миротворного круга), 6672 (1164) (дата похода «**на Болгары**»), 6732 (1224) (о звезде), 6750 (1242) (о хождении князей к татарам), 6757 (1249) (о смерти Василия Ярославича, победе суздальцев и гибели Михаила Московского), 6764 (1256) (о смерти Данила Ярославича), 6788 (1280) (о покрытии собора во Владимире), 6799 (1291) (об убийствах у татар), 6801 (1293) (о хождении князей в Орду, смерти Михаилы Глебовича и возвращении из Орды), 6823 (1315) (о татарах в Ростове).

[1] См. годы: 6855–6860 (1347–1352), 6862 (1354), 6865–6866 (1357–1358), 6869 (1361), 6873 (1365), 6875 (1367), 6878 (1370), 6882–6883 (1374–1375), 6885 (1377), 6893–6895 (1385–1387), 6897–6904 (1389–1396), 6907 (1399), 6910 (1402), 6912 (1404), 6914 (1406), 6916–6917 (1418–1409), 6919–6920 (1411–1412), 6925–6926 (1417–1418), 6928 (1420), 6930 (1422), 6932 (1424), 6934 (1426), 6936 (1428).

[2] См. годы: 6860 (1352) (о «**снеме**» на Москве), 6885 (1377) (о море в Смоленске), 6893 (1385) (о хождении Василия Дмитриевича в Орду), 6898 (1390) (грамота патриарха Антония). Об общерусских добавках после 6900 (1392) г. см. выше, с. 109–110. Можно, кроме того, указать случаи добавок, о которых нельзя с уверенностью сказать, новгородские они или общерусские: 6912 (1404) (о поездке митрополита к Витовту), 6928 (1420) (о переезде Свидригайла из Угор в Литву) и 6934 (1426) (об окончании мора) гг.

[3] 6781 (1273) г. — второе «**число**»; 6829 (1321) г. — мор; 6839 (1331) г. — затмение.

[4] 6649 (1141) и 6655 (1147) гг. — отчества посадников; 6828 (1320) г. — о хождении Луки «**на Мурманы**» и об избавлении немцами ушкуев.

[5] См. годы: 6858–6859 (1350–1351), 6861 (1353), 6863 (1355), 6866 (1358), 6869 (1361), 6875 (1377), 6877 (1369), 6879 (1371), 6886 (1378),

Различить как-либо по тематическому признаку новгородские дополнения НК1, НК2 и Н4 нет никакой возможности. Во всех трех памятниках дополнения самые разнообразные (о церковном и крепостном строительстве, смерти посадников, избрании новых, о взаимоотношениях с князьями, волнениях в городе, течении Волхова, погоде, ценах и т. п.). Не исключено, конечно, повторяю, что источником каких-то из этих «избыточных» известий послужили письменные материалы. Но не похоже, чтобы они играли здесь сколько-нибудь значительную роль. Почему тогда ни Н1, местная новгородская летопись, уделяющая основное внимание внутренней жизни города, ни НК1, не менее заинтересованная в этой теме, ни НК2, дополняющая ее, ни Н4, сводящая все это воедино, — почему ни одна из них не использовала эти материалы, располагая ими, если не полностью, то хотя бы в основном? Ведь каждая из них, оказывается, имеет что-то свое, что можно прибавить о жизни в Новгороде. Даже Н4 оказывается в состоянии существенно пополнить своих предшественниц. Более вероятным мне представляется, что разные люди, разные летописцы, делали свои добавки о происходящем в Новгороде параллельно. Поле зрения каждого из них в этом отношении, как и в других, не было всеобъемлющим; т. е. я склоняюсь к мысли, что генератором дополнительных записей в значительной степени была здесь действительность, сами события.

Появление в НК2 с 1347 г. интенсивной пульсации преимущественно новгородских дополнений побуждает думать, что эта выборка получила свое начало в Новгороде около середины XIV в. Несомненно, что тогда располагали более древними списками общерусского свода, С1, чем дошли до нас, — и этим объясняются более редкие избытки в предшествующей 1347 г. части; но не исключено также, что выборщиком был привлечен какой-то дополнительный материал и для прошлого. По крайней мере, по ходу наращивания выборки он такой материал (особенно списки цельных произведений и документов) привлекал.

Поток новгородских дополнений в Н4, начинающийся с 1350 г., показывает, что сразу следом за НК2 была начата Н4. Ясно отсюда, что НК2

6890 (1382), 6892–6894 (1384–1386), 6897–6900 (1389–1392), 6906 (1398), 6908–6909 (1400–1401), 6911 (1403), 6913–6914 (1405–1406), 6919 (1411), 6924 (1416), 6926 (1418), 6928–6929 (1420–1421).

мыслилась и создавалась именно как заготовка *для* Н4. К существующей и, очевидно, как-то поновленной тогда подборке новгородского материала НК1, о которой было известно, что она составляет основу новгородской информации общерусского свода, постатейно присоединили новосозданную, дополнительную по отношению к ней, подборку общерусского материала, вытяжку из общерусского свода — НК2. Получилось в итоге не что иное, как новгородский «извод», вариант общерусского свода — Н4. Инициатором его создания следует признать, очевидно, энергичного Новгородского архиепископа середины XIV в. Василия Калику (1331–1352 гг.).

Не противоречит ли нашей мысли тот факт, что НК1 содержит в своей начальной части материалы, относящиеся к XIV в.? Так, этой выборке предпослан список русских городов, дальних и ближних, включающий Нижний Новгород, галицкие, волынские, литовские и даже болгарские города; под 6395 (887) г. помещен перечень русских князей, доведенный до сыновей Ивана Ивановича — Дмитрия и Иоанна; там же находится список епископий, включающий Сарайскую и Суздальскую. Не означает ли это, что НК1 вся возникла не ранее XIV в.? Я думаю, нет: если эта выборка-заготовка наращивалась после 1185 г. постепенно, как летопись (следом за Н1), то ее, несомненно, как летопись и поновляли, делая с нее списки. При этом могла поновляться не только графика и орфография. Перечни, такие как здесь, — по своей природе поновляемая часть внутри летописи. Для их продления специально оставлялось место (оно оставлено и в Карамзинском списке XV в. для продолжения перечня князей). Перечень мог быть пополнен и в самом древнем списке, не только при его копировании. Однако обычно такого рода перечни «доводились летописцами до своего времени и только механическими копиистами оставлялись без изменений».[1] В данном случае окончание перечня князей в НК1 и Н4 на Иване Ивановиче и его сыновьях Дмитрии и Иоанне указывает на ту самую середину XIV в. (Иван Иванович был великим князем в 1354–1359 гг.), на какую указывают начала сплошных рядов местных новгородских дополнений в НК2 и Н4 (в НК1, напоминаю, они идут на всем ее протяжении, за исключением двух отмеченных выше больших

[1] *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 386.

перерывов). Значит, в середине XIV в., при заведении в Новгороде общерусского свода, обновили его новгородскую составляющую. До сих пор она служила для центрально-русских — очевидно, митрополичьих — нужд, теперь призвана была служить и для самого Новгорода.

Новгородский вариант общерусского свода, Н4, наращивался с ходом времени тем же порядком, каким был создан, — путем присоединения к выборкам из новгородской летописи, НК1, выборок из летописи сводной общерусской, НК2. Получавшийся свод контролировался по местной новгородской летописи, Н1, и пополнялся заметками самих сводчиков.

Одного из новгородцев-сводчиков, создателей Н4, мы, кажется, знаем. В промежутке между 1375 и 1411 г. в числе «неизвестно-откуда-взятых» материалов мы встречаем серию записей о событиях в семье Матфея Михайлова (об одной из них мы говорили выше): в 1375 г. родился он сам, в 1382 г. умер его отец, в 1405 г. скончалась Феодосия Матфеевна (его мать?), в 1406 г. он женился, а в 1411 г. стал отцом. Трудно представить себе, что летописец привлек для этих записей какой-то письменный источник или написал это о ком-то другом, не пояснив, кто такой этот Матфей Михайлов. Скорее всего, он писал о себе.

Новгородский вариант общерусского свода просуществовал как живой, длящийся не более 80 лет. В 1411 г. по какой-то причине оборвалось составление первой выборки. Это не оказалось для свода смертельным, так как рядом была сама Н1, из которой эта выборка черпалась. Но спустя 17 лет, в 1428 г., прекратилось составление и второй подборки — общерусской, и эту потерю свод не мог уже возместить и в качестве общерусского прекратился (наращивался он далее преимущественно выборками из Н1).

8. Глядя со стороны

Итак, НК1 и НК2 мы признаем *памятниками работы*, имевшей целью создание летописных сводов. Первая из них была использована дважды (в С1 и Н4), а вторая в паре с первой составила основу Н4. Надобности в гипотезах о «своде 1448 г.», «основной редакции Н4» или

«Новгородской Карамзинской летописи» я теперь не вижу.[1] Отношение С1 и Н4 вполне удовлетворительно может быть объяснено с помощью реально дошедших до нас текстов. Для этого достаточным оказалось руководствоваться принципом комплексности в подходе к ним[2] — рассматривать *всю* группу родственных памятников в совокупности. Если же отступить от этого правила и рассматривать памятники попарно, то каждый раз надо предполагать существование не дошедших до нас протографов и протографов этих протографов. Рассматриваем мы С1 и Н4 изолированно, — рождается предположение о «своде 1448 г.»;[3] берем отдельно

[1] Как писал сам автор этих гипотез А. А. Шахматов, «разумеется, само собой, что исследователь не только может, но и должен считаться с предшественниками и результатами их работ. Но отношение к ним должно быть прежде всего критическим. И, во всяком случае, исследователь обязан указывать те основания, которые он имеет для того, чтобы следовать не за источником, а за его истолкователем» (Заметки о древнейшей истории Русской Церкви // Научный исторический журнал. Т. 2. Вып. 2. № 4. СПб., 1914. С. 45). Познакомившись с источниками, я не смог последовать за их истолкователями.

[2] См.: *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 376.

[3] Одним из мотивов, побудивших А. А. Шахматова датировать предполагаемый общий источник С1 и Н4 1448 г., послужила запись под 6888 (1380) г., общая для этих двух летописей: «А Благовещение бысть в Велик день, а перво сего бысть за 80 лет и за 4, а потом будет за 80 лет без лета, а потом за 11 лет». Неясные в этой фразе слова «“а потом за 11 лет” могли быть, — рассуждает А. А. Шахматов, — написаны только лицом, работавшим над летописью в таком году, который предшествовал году совпадения Благовещения с Пасхой одиннадцатилетним промежутком. Такой год в течение XIV–XVI вв. мог случиться под 1369, 1448 и 1532 гг., ибо Пасха совпадала с Благовещением в 1380, 1459 и 1543 гг. Из трех указанных годов останавливаемся на 1448-м, ибо о 1369 г. не может быть речи... о 1532 г. нельзя думать потому, что большинство самих списков Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей относится к XV в.» (*Шахматов А. А.* Обозрение... С. 154. См. также: *Лурье Я. С.* К проблеме свода 1448 г. С. 143–144). Но, во-первых, нельзя, мне кажется, забывать ясные слова «а потом будет за 80 лет без

две подборки Карамзинского списка, — является гипотеза о «Новгородской Карамзинской летописи»; сравниваем эту сконструированную в уме летопись с Н4, — получаем гипотезу (уже «второго этажа») об их общем архетипе; сопоставляем этот архетип со столь же нереальным «сводом 1448 г.», — допускаем существование неизвестной нам новгородской летописи в *двух* (более полном и более кратком) видах...

Плоды применения к истории летописания платоновско-аристотелевского приема логического восхождения от общего к единому (безупречного как такового, но при изучении конкретного исторического материала нуждающегося в многосторонней проверке этим конкретным материалом) таковы, что реальные летописные тексты оказываются в генеалогических стеммах (а следовательно, и в головах исследователей) в ничтожном меньшинстве. Ослабевает внимание к самим нуждающимся в неустанном нашем внимании конкретным реальным памятникам: гипотезы имеют свойство не только объяснять их соотношение, но и как бы «материализоваться», а «материализуясь», заслонять от нас саму реальность.

лета», как свидетельствующие о времени, когда работал летописец, т. е. о 1380 г. А во-вторых, легко представить себе, что в одном из ранних списков общерусского свода было что-то пропущено или произошла описка, в результате которой из какого-то иного числа получилось 11. 1459 г. от 1543 г., когда должно было быть второе после 1380 г. совпадение Благовещения с Пасхой, разделяет 84 года. Подставляя в текст 84 вместо 11, понимаем, *почему* летописец вообще стал писать о промежутках между этими совпадениями, — потому что все они близки к 80: «А Благовещение бысть в Велик день, а перво сего бысть за 80 лет и за 4, а потом будет за 80 лет без лета, а потом за 80 и 4 лета». Одиннадцать писалось как АІ; 80 писалось как П, 4 — как Д. Небрежно написанное или затертое, поврежденное «П» могло быть спутано с «А», а «Д» при весьма частом тесном варианте написания легко могло быть принято невнимательным переписчиком за «І». Так это или не так, не только возможным, но и наиболее вероятным объяснением непонятного места мне кажется палеографическое, — на уровне работы писцов-копиистов. По крайней мере, оно не требует насилия над текстом.

Какие, к примеру, иные варианты соотношения НК1 и НК2 друг с другом и с С1 и Н4 были продуманы в течение многих десятилетий после высказанных А. А. Шахматовым предположений? О единственном ином пути мысли пишет Я. С. Лурье: «Такое своеобразное разделение текста (на НК1 и НК2. — *Г. П.*), а также преимущественно новгородский состав первой подборки, естественно, вызывают у исследователя предположение: не являются ли две подборки, помещенные в НК, двумя самостоятельными памятниками — источниками свода 1448 г.? К сожалению, однако, это заманчивое предположение сразу же опровергается рядом фактов».[1] Решившись на минуту отказаться от мысли о едином протографе НК1 и НК2, Я. С. Лурье не решился отказаться на ту же минуту от гипотезы о «своде 1448 г.», и встреча реальных текстов НК1 и НК2 с реальными текстами С1 и Н4 не произошла.[2] Всегда в науке актуальна указанная самим А. А. Шахматовым опасность смешения порождаемых нашим умом «научных фикций» (так он называл свои гипотезы) с исследуемой действительностью.[3]

В какой-то мере гипотетичны, конечно, все наши построения. Простота построения (наряду с количеством связываемых воедино фактов) — один из главных критериев оценки. Проще та картина, в которой больше реальности и меньше химерических явлений и бессмыслицы. Частота использования одного привычного приема (в данном случае приема мышления средневековых реалистов) не может быть критерием истинности. Наука только тогда живет, а не умирает, когда расширяет число методов, точек зрения, подлежащих обсуждению фактов и моделей. В противном случае мы утрачиваем «необходимую стереоскопичность» зрения.[4] Стереоскопичность же ви́дения требуется от исследователя при

---

[1] *Лурье Я. С.* Еще раз о своде 1448 г. С. 200.

[2] Следом за А. А. Шахматовым, Я. С. Лурье сопоставляет с С1 и Н4 лишь единую «НК», стараясь решить, как она соотносится с их протографом. См.: *Лурье Я. С.* Новгородская Карамзинская летопись. С. 208.

[3] *Шахматов А. А.* Заметки о древнейшей истории Русской Церкви. С. 45.

[4] См.: *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 377.

изучении летописания в значительно большей степени, чем при изучении любого другого типа литературных памятников. Ибо в ряду литературных жанров Древней Руси летописание резко выделяет громадная протяженность, *растянутость процесса творчества* — на века. Учитываем ли мы этот факт?

Молчаливо предполагается (если только предполагается), что протяженно в процессе создания летописи лишь само ее ведение, наращивание записей, а сведение воедино разнородных известий, создание «сводов», практически единовременно. За изучением сводов уже почти забыто ведение летописей как литературный процесс (возможно ли, чтобы физики, увлекшись корпускулярной теорией, забыли волновую, или стали одну из них излагать в терминах другой?).

Мостиком в наших умах между представлениями о сводчике и летописце-творце должны, на мой взгляд, послужить «неизвестно-откуда-взятые» в свод материалы, — прежде всего, они позволяют нам в сводчике видеть летописца и судить о характере творческого процесса.

Схемы, которыми историки летописания после А. А. Шахматова пользуются для изображения генеалогических связей между сводами (кружочки или квадратики, соединенные стрелками; выше мы такой схемой воспользовались), способны отразить только ряд единовременных событий, однородных моментов в процессе возникновения сложных памятников. Остальные характеристики творческого процесса остаются при этом в тени. А средства, которыми мы пользуемся, имеют, как известно, обратное влияние на само наше мышление. Эти стеммы, будучи применены к летописанию, оказываются гораздо менее адекватными действительности, чем когда они призваны изображать соотношение списков или редакций повестей, «слов», житий и других тому подобных произведений, процесс создания которых, сравнительно с летописью, моментален. В таких случаях мы гораздо более определенно знаем, *какое* творческое событие отражает тот или иной кружок. В каждом же кружке на схеме, обозначающем памятник летописания, можно видеть вход в глубокий тоннель (или срез одного из разветвлений летописного «древа»).

Исследователи летописания нуждаются в дополнительных к принятым схемах и моделях. Не выходя, моделируя, из пределов плоскости, можно представить себе нечто вроде схемы железнодорожных путей — двоящихся, троящихся, множащихся, текущих параллельно, пересекающихся, дающих тупиковые отростки, сливающихся... Такая схема отражала бы, так сказать, пути ведения погодных записей — собственно летописания. Но и она не отражала бы того, что происходит при создании сводов: здесь общим становится не «будущее» — то, что за точкой встречи, а «прошлое» — то, что до нее, причем часто не целиком, а выборочно. Но ведь длительным мог быть, как мы увидели, и сам процесс *сведения* материала разных летописей. Как быть в таком случае?

Схем, как и приемов изучения, — чем больше, тем лучше. «Принципы изучения текста должны быть реалистическими»,[1] а реализм требует изобретательности. Когда мы «ближе к Шахматову»: довольствуясь введенным им методом или вводя, подобно ему, новые?

Мне кажется также, что должна, в конце концов, отойти в прошлое манера иллюстрировать свою мысль отдельными примерами, взятыми из громадного материала. Дело тут совсем не в недоверии, и вообще без иллюстраций никак не обойтись. Но совершенно необходимо при этом публиковать данные «сквозного» анализа сравниваемых летописных текстов. Для этого необходимо научиться как-то изящно кодифицировать эти данные, — экономно в отношении места и емко в отношении информации. Безумие, если столь трудоемкую работу мы будем делать параллельно, каждый по-своему и каждый лишь для себя самого. Надо создать «общую память». Только так наша наука сможет сделать качественный скачок (вслед за многими другими науками).

Итак, внимательное полное исследование подборок летописного материала Карамзинского списка, НК1, НК2, привело меня к убеждению, что на их сложение права мы не имеем. Дело здесь прежде всего в принципиально разном составе этих подборок: их постатейный анализ показал, что первая из них по 1185 г. является сводом выборок из киевской

[1] *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 389.

и новгородской летописей, а далее, за некоторыми незначительными исключениями, — выборкой из одной только местной новгородской, Н1; обнаружилось также, что эта подборка первична по отношению к обоим видам общерусского летописания, т. е. по отношению и к С1, и к Н4. Вторая же подборка летописного материала в Карамзинской рукописи, НК2, восполняющая первую, первична, как оказалось, только по отношению к Н4, а по отношению к С1 вторична, ибо представляет собой выборку из нее (с некоторыми дополнениями).

Обнаруженное взаимоотношение летописных текстов — местных летописей, выборок и сводов — избавило меня от необходимости предполагать, что существовал не дошедший до нас общий источник С1, Н4 и «Новгородской Карамзинской» летописей, будь то «Новгородско-Софийский свод» или «свод 1448 г.». Движение текста от местных летописей к сводам и от одного свода к другому оказалось ясно очевидным при внимательном сопоставлении *существующих* — названных выше — памятников летописания.

Но то, что стало очевидным в итоге полного исследования памятников общерусского летописания мне, благодаря фиксации результатов наблюдений в специально для этого разработанной таблице, решительно отказался признать Я. С. Лурье,[1] хотя я предоставлял свою таблицу в его — как и всех заинтересованных исследователей — распоряжение (я ведь хотел и хочу, чтобы таблица стала общей копилкой результатов наших исследований летописных текстов и их соотношения). Не соглашаясь с самой моей картиной движения текстов от памятника к памятнику, Я. С. Лурье стойко держался представления о «Новгородской Карамзинской» как о единой, хотя и расчлененной, летописи, отражающей, по его мнению, созданный в XV в. общий источник С1 и Н4.

Первоначально той же точки зрения придерживался А. Г. Бобров.[2] Но в ходе изучения материала он признал мою правоту и даже отвел

---

1 См.: *Лурье Я. С.* 1) Еще раз о своде 1448 г.; 2) Две истории Руси XV в. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994.

2 *Бобров А. Г.* Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. Т. 46. СПб., 1993. С. 3–20.

странные, на мой взгляд, возражения, которые Я. С. Лурье сделал против моего утверждения о первичности первой подборки Карамзинского списка по отношению к Софийской 1-й летописи.[1] Таким образом, нашелся исследователь, согласившийся с тем представлением о движении летописных текстов, которое показывает моя таблица (А. Г. Боброву я тоже предоставлял возможность ею пользоваться). Но, отказавшись от мнения Я. С. Лурье о возникновении общерусского летописания, А. Г. Бобров не присоединился к моему. О его представлении об этом мы поговорим позже.

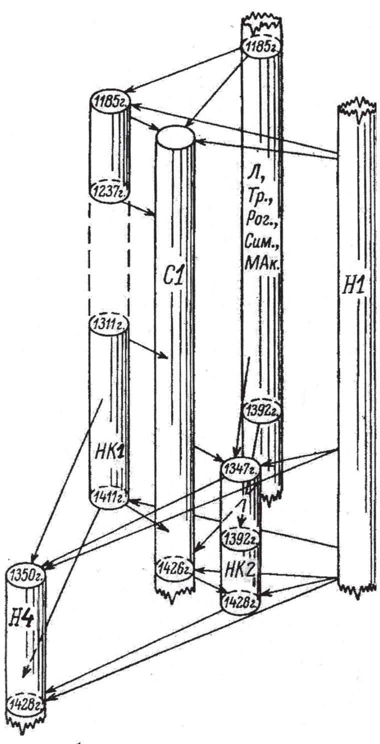
Здесь я публикую составленную мною аналитическую таблицу — результат постатейного сличения группы летописей (предложенная вниманию читателя глава вся основывается на этой таблице). По таблице легко проверить и *увидеть* то, о чем я говорю. Допускаю, что по ней можно сделать наблюдения, которые ускользнули от моего взгляда, и выводы, которые не пришли мне в голову. Наверное, кто-то сможет кое-что в ней и уточнить.

Предваряю ее перечнем-объяснением используемых условных знаков, а также схемой 4, где летописные памятники обозначены не кружочками, а «трубами»: «трубы» (в отличие от кружочков) дают возможность отразить протяженность самого процесса летописания, протяженность связей между летописями и внутренние рубежи в их истории.[2]

---

[1] *Он же*. Новгородские летописи XV в. С. 14–18.

[2] Предложенную выше схему 3 можно рассматривать как «поперечный разрез» этой «трубчатой» схемы. Схема же, которую предлагает для моих выводов Я. С. Лурье (Еще раз о своде 1448 г. С. 212), меня не устраивает, потому что подобной «стереоскопичности» видения не предусматривает. Достоинство гипотезы о «своде 1448 г.» Я. С. Лурье видит в меньшем числе «гипотетических звеньев»: по его подсчетам, она требует их всего 4, а моя картина — 14. Но верен ли этот «перевод»? Разве всегда каким-то образом определенный и охарактеризованный момент или период творческой истории реального текста — это гипотетический свод-протограф? Разве второе — не специфический, частный случай первого? Чем больше удается нам установить «точек» и



Рваные концы «трубы» — процесс летописания; продолжается; *ровно срезанные «трубы»* — начало или конец работы.

Схема 4

описать «отрезков» внутри многовекового *процесса* летописания, тем лучше. А чем больше мы растворяем реальность в необязательных (без которых можно и вовсе обойтись) химерах-предположениях, тем хуже. Мне кажется также, что достаточно представить себе, что летописи и своды росли *параллельно* (а этому и должна способствовать «трубчатая» схема), чтобы полученный выше (на основании наблюдений над дублированиями, перестановками, искажениями, переносами и исправлениями) вывод о двух путях движения текста от местных летописей к сводам (но не от С1 и Л к своду Н4!) показался не парадоксальным, а скорее — неизбежным. Текст движется, главным образом, через выборки, но также в какой-то мере и непосредственно.

Оказываясь в состоянии обойтись без гипотез А. А. Шахматова о едином протографе НК и о «своде 1448 г.», я вместе с тем восстанавливаю в правах его *основную* мысль о сводном общерусском летописании, — его представление о «существовании общерусских митрополичьих сводов, сменявших друг друга, начиная с первой четверти XIV столетия»[1]. Я только отодвигаю начало сводного общерусского летописания к 80-м годам XII в.

Пусть в заключение основные выводы этой работы послужат комментарием к схеме 4. НК1 была начата в 1185 г. путем слияния подборок новгородского и киевского летописного материала. Этот сплав был положен в основу сводной общерусской летописи, С1, созданной, по всей видимости, во Владимире вскоре после 1185 г. и ведшейся с тех пор без заметных перерывов по XV в.

НК1 после 1185 г. — выборка-посредница между новгородской летописью, Н1, и общерусской. Кажется, татарское нашествие на 80 лет прервало это посредничество. С середины XIV в. началось вторичное (параллельное с первичным) использование НК1 — в самом Новгороде, в заведенном тогда новгородском варианте, или изводе, общерусского летописного свода, Н4.

Для создания основы Н4 к годовым статьям НК1 стали присоединять статьи специально с этой целью начатой НК2 — материалы, выбранные и далее по ходу лет выбираемые из главного ствола общерусского летописного свода (с некоторыми добавками и коррективами). В числе вспомогательных источников НК2 была, можно думать, центрально-русская летопись типа Тр, доведенная до 1392 г.

Новгородцы, сводчики Н4, старались не отступать слишком далеко от свода-образца, С1, но все же пополняли результат соединения НК1 и НК2 заимствованиями непосредственно из Н1, а также собственными заметками. Таким порядком Н4 росла — практически одновременно, параллельно с питавшими ее С1 и Н1 — несколько десятилетий. В XV в., с прекращением поставок общерусского материала (1426 г. — конец заимствований в НК2 из С1; 1428 г. — конец НК2), она потеряла свой общерусский характер.

[1] См.: *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV вв. С. 79.

Глава 5

ТАБЛИЦА МАТЕРИАЛОВ ПОСТАТЕЙНОГО АНАЛИЗА ОБЩЕРУССКИХ ЛЕТОПИСНЫХ СВОДОВ

(Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1-я, Новгородская 4-я и Новгородская 5-я летописи)[1]

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

В	— Воскресенская летопись	влад.	— владимирское по содержанию известие
ЖАН	— Житие Александра Невского		
Ип	— Ипатьевская летопись	костром.	— костромское по содержанию известие
К	— список Карамзина	лит.	— литовское по содержанию известие
Л	— Лаврентьевская летопись	митр.	— известие, как-то связанное с митрополитом
МАк	— Московский Академический список летописи	моск.	— московское по содержанию известие
О	— список Оболенского	нижегор.	— нижегородское по содержанию известие
Пск1	— Псковская 1 летопись	новг.	— новгородское по содержанию известие
Пск2	— Псковская 2 летопись	пск.	— псковское по содержанию известие

[1] Первоначально опубликовано: *Прохоров Г. М.* Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи)//ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 137–205.

Пск3	— Псковская 3 летопись	ред.	— редакторские заметки
Р	— Радзивиловская летопись	рост.	— ростовское по содержанию известие
Сим	— Симеоновская летопись	смол.	— смоленское по содержанию известие
ТвСб	— Тверской летописный сборник	сузд.	— суздальское по содержанию известие
Тр	— Троицкая летопись	тат.	— известие о татарах
Ц	— список Царского	твер.	— тверское по содержанию известие

Условные знаки в таблице

Л	текст равен тексту Л[1]	> Л	те же известия, что в Л, но изложенные полнее и иначе
≤Н1	текст составляет часть текста Н1[2]	≷ Л	текст в чем-то короче, а в чем-то полнее, чем в Л, текстуальных совпадений нет, только — по содержанию
≥Н1	часть текста составляет статью Н1	НК1 + НК2	соединение текстов НК1 и НК2[3]

---

[1] Под равенством я понимаю отсутствие различий, говорящих о сознательной редакторской правке текста, но не различий порядка отличий одного списка от другого того же текста. Такие случаи не комментируются, поскольку текст местных летописей, послуживший источником для сводов, берется за исходный. Комментируются лишь изменения, которые он в движении претерпевает.

[2] В комментарии указывается, какую часть. Если же все — короче, комментария нет.

[3] Соединение подразумевает и последовательное присоединение одного текста к другому (чаще всего), и их слияние.

⋚ Л	часть текста совпадает с частью текста Л	≤Л + ≤Н1	соединение частей текстов Л и Н1
≈ Л	текст приблизительно равен тексту Л[1]	Л+? (новг.)	текст, совпадающий с Л, пополнен «неизвестно-откуда-взятым» новгородским по содержанию материалом
≲ Н1	текст приблизительно равен части текста Н1	Л х Н1	текст Л, подвергшийся влиянию версии Н1
≳ Л	часть текста приблизительно равна статье Л	Л (=Н1)	текст совпадает как с Л, так и с Н1
< Н1	те же известия, что в Н1, но изложенные короче и иначе		

[1] Это значит, что отличия незначительны; более или менее деформируя облик текста, они оставляют его в целом тем же.

ТАБЛИЦА

<table>
<tr><th>Листы и годы</th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>Л. 179–180 об.</td><td>?[1]</td><td>—</td><td>—</td><td>НК1[2]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] «А се имена всем градом Руским, ближним и дальним». [2] Н1: «А се имена всим градам Рускым далним и ближним».</td></tr>
<tr><td>л. 181–186 об.</td><td>Л[1] +?[2]</td><td>НК1[3]</td><td>—</td><td>НК1[4]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] «Лѣтописець Рускиа земля. Повѣсти временных лѣт...». [2] «и посадиша старѣйшину Гостомысла». [3] «Летописець Роускыя земьля. Еулогисон. Повѣсти времянных лет...». [4] «Лѣтописец Руския земля. Господи, благослови, отче. Повѣсть временных лет...».</td></tr>
<tr><td>л. 186 об. — 187 об.</td><td>Н1[1]</td><td>НК1[2]</td><td>—</td><td>НК1[3]</td><td>≈Н4[4]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] «Софейскый временник, еще нарицается Лѣтописание Рускых князей и земля Рускыа...». [2] «Софейскый Временник, еще нарецается Лѣтописець (вар.: Лѣтописание) Рускых князь...». [3] «Софейскый Временик, еще наречается Лѣтописание Рускых князей и земля Руския...». [4] «Временик, иже наричаеться Лтописец земля Руская и о князех Рускых...».</td></tr>
<tr><td>6360 /852</td><td>≤Л</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td>6362 /854</td><td>—</td><td>Н1 (НК1?)[1]</td><td>—</td><td>Н1 (НК1?)</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] «Начало земли Рустей». Не пропущена ли эта статья (фраза) в списке НК1?</td></tr>
<tr><td>6366 /858</td><td>Л+?[1]</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] «В 7-е лѣто царства своего».</td></tr>
</table>

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6367 /859</td><td>≈Л</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td>6370 /862</td><td>⋚ Н1 (6362)+ Л (или ≤Н1(6332)+ ≥Л)[1]</td><td>НК1[2]</td><td>—</td><td>НК1[3]</td><td>≈Н4[4]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] «А се начало князей Руских. От начала княжениа их скажем». Некоторые особенности этого текста НК1 (слова «добра», «всемь», «нарядите») роднят его с Хронографом, см.: Творогов О. В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 104–106. [2] «А се от начала князей руских и начала княжения их скажем». [3] «А се начало князей Русьтиих. От начала княжения их скажем». [4] «Начало князей Руских. Отселе начнем княжения их сказати известно».</td></tr>
<tr><td>6374 /866</td><td>≤Н1(6362)+ ≤Л(6360) +≥Л(6374)[1]</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Излишняя против Л конечная фраза: «А Асколд и Дир в мале приде к Киеву».</td></tr>
<tr><td>6375 /867</td><td>Хр(?)[1]</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] «Тишина бысть»; в качестве параллели могу привести только слова Хронографической палеи: «тишине же бывши...» (РНБ, F.IV.603, л. 175 об.).</td></tr>
<tr><td>6376 /868</td><td>≥Л(Л+ Хр?)[1]</td><td>НК1</td><td>—</td><td>≥НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Излишек — «Нача царствовати Василей сынь Михайлов, царствова лѣт 18 и месяць 11. При сем трус бысть в Цариградѣ 40 дний, поченъ на святого Полуекта» — оказывается близкородственным Хронографической палее, ср.: «По Михаиле царствова Василей лет 19, самодержец бысть. При сем... трус бысть за 40 дний почен на св. Полиекта» (РНБ, F.IV.603, л. 176).</td></tr>
</table>

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6377 /869</td><td>Л(ТрРА)</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td>6384 /876</td><td>Хр(?)[1]</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] «Михайлова царства лѣт 24. Сконча Великий круг». — Хронографический по характеру источник.</td></tr>
<tr><td>6387 /879</td><td>Л+?[1]</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Собственные хронологические расчеты? (подобный расчет см. под 6366 г.). О Рюрике: «...княжив лѣт 17» (ср. 6370 г. о призвании варягов), «И от перваго лѣта Михайлова до первого лѣта Олгова, Рускаго князя, лѣт 29» (ср. 6360 г.: «...наченшу Михаилу царствовати...»).</td></tr>
<tr><td>6389 /881</td><td>РА+≤Н1 (6362)+?[1]</td><td>6390 (как в Л) НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Добавки «всероссийского» характера, относящиеся к Олегу: «И обладаше всею Рускою землею», «дани устави по всей Рустѣй земли»; «И многы ины страны притяжа к Рустѣй земли и дани възложи на ня».</td></tr>
<tr><td>6391 /883</td><td>≈Л+≤Л (6392)</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td>6395 /887</td><td>Л (ТрРА)[1]+ Л (6360)[2]</td><td>≤НК1[3]</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Заметка о византийских императорах: «Леон царствова сын Васильев, иже и Левь прозвася, и брат его Александр, иже царствоваста лѣт 25». Хронология и перечень русских князей от Олега до сыновей Иоанна Иоанновича: Дмитрия и Иоанна. Оставлено место для пополнения перечня. [2] Из Л (6360): от слов «От перваго лѣта Олгова» до слов: «лѣт 31»; затем от слов «А от перваго лѣта Игорева» до слов «а Володимир 37». [3] НК1 минус Л, т. е. исключена заметка о византийских царях. Пропущена фраза: «А от перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святославля лет 33». Перечень русских князей продолжен до сыновей Василия Дмитриевича: Юрия, Иоанна и Василия.</td></tr>
</table>

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
л. 191–192	?[1]	≥НК1[2]	—	≤НК1[3]	Н4

[1] «**Бывший устав царемь Львом Премудрымь...**» (перечень епископий). [2] К перечню русских епископий добавлены: «**21. Самборьская. 22. Пермьская**». [3] Из перечня русских епископий исключены: «**6. Володимерская. 7. Галицкая**». Добавки те же, что и в С1.

6406 /998	Л (Р)[1]	НК1	—	НК1	≥Н4[2]

[1] «**О Мефодии и о Констянтине**». [2] В конце статьи добавлено: «**Мы же на предняя возвратимся**».

6410 /902	Л (Р)	НК1	—	НК1	—
6411 /903	Л(ТрА)+ ≤Н1(6429)[1]	Л(ТА) [НК1– ≤Н1(6429)]	—	НК1	Н4 (6429)

[1] Из Н1: «**Игорь и Олег притвориста воя многы и корабли бечислены**».

6412 /904	—	—	—	—	Н4 (6411)
6415 /907	≈Л[1]хН1 (6430)	НК1	—	НК1	Н4

[1] Л: «**И выиде Олег на брег и воевати нача**»; Н1, НК1 (а также С1 и Н4): «**Изыде Олегъ ис корабля и повелѣ извлещи корабли на брегъ, и повоева...**»; Л: «**...въсия парусы с поля и идяше к граду**»; НК1 (и Н4): «**...въспяша чрез поля на колесих и кораблих, и идяху къ граду по полю с силою многою**»; С1: «**...въсияша парусы чрез поля...**»; Л и Н4: «**с Оленом**»; НК1 и С1: «**съ Леоном**»; Л: «**велиции князи**»; НК1 (С1, Н4): «**князья**»; Л: «**и да творят им мовь, елико хотят**»; НК1 (С1, Н4): «**да и творять им в колико (елико) хотят**»; Л: «**умрети**»; НК1, С1, Н4: «**смерть приати**»; Л: «**парусы**», НК1: «**пря**»; Н1, С1, Н4: «**прь**»; Л: «**взимают**»; НК1, С1, Н4: «**емлют**». Л: «**мыта**»; НК1, С1, Н4: «**вины**»; Л: «**и Перуном, богом своим, и Волосом, скотьем богом**»; НК1, С1, Н4: «**и Власиемь, скотьим богом**»; Л и С1: «**парусы**»; НК1 и Н4: «**пре**» («**при**»); Л: «**к Киеву**»; Н1, НК1, С1, Н4: «**къ Киеву и къ Игорю**».

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6419 /911</td><td>Л</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td>6420 /912</td><td>≈Л[1]</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>≤Н4[2]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Л: «свѣтлых и великих князь и его великих бояр»; НК1, С1, Н4: «свѣтлых болярь»; Л: «похотѣнием наших великих князь»; НК1, С1, Н4: «похотѣниемь наших князь»; Л: «вѣре»; НК1, С1, Н4: «мире»; Л: «всегда»; НК1, С1, Н4: «выну»; Л: «непостыжму»; НК1, С1, Н4: «неподвижну»; Л, С1: «и ко всем»; НК1, Н4: «яко все мы»; Л: «всегда», С1: «выну»; НК1 и Н4: «войну»; Л: «а ему ж начнуть не ати вѣры, да клянется часть та, иже ищеть неятью вѣры, да егда клянется по вѣре своей»; НК1, С1, Н4: «а ему ж начнут неятие вѣры, да егда клянется по вѣре своей»; Л: «или с куплею, или в солбу»; С1: «или послом... или с куплею»; НК1, Н4: «ли с молбою... или с куплею»; НК1, С1, Н4 пропущено: (Л) «царя вашего, да аще въ кое время, елико их приидеть и хотят остати у»; НК1, С1, Н4 пропущено (Л): «ци своих не имать, да възратит имение»; Л: «и повелѣ тростъ держати человѣком и ходити по городу и звати, тростем трясомом, бес комара граду», — выделенных курсивом слов нет в НК1, С1, Н4. Л: «списа на дщице сеа: “Увы тобѣ, оканный граде, яко”»; НК1, С1, Н4: «списа на дщицу сия вины: “То бѣ окаанный чародѣй, како”». Пропущено: «...царя вашего, да аще в иное время, елико их приидеть и хотят остати у».</td></tr>
<tr><td>6421 /912</td><td>≈Л[1]</td><td>НК1+≤Л</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Л: «Константин сын Леонов»; НК1, С1, Н4 доб.: «зять Романов»; Л, С1: (древляне) «затворишася от Игоря»; НК1, Н4: «заратишася» (= Тр).</td></tr>
<tr><td>6422 /914</td><td>≤Л[1]+≤Н1[2]</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>≈Н4[3]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] От начала до слов «...болши Олговы». [2] От (следующих затем) слов «И бѣ у него воевода» до конца. [3] «По сем после скажем» (ср. Н4: «По сем же скажем в приключившихся лѣтех сих»).</td></tr>
<tr><td>6423 /915</td><td>Л</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>≤Н4[1]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] В конце годовой статьи сокращено: «...в свое имя и нарече Андриань град».</td></tr>
</table>

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6428 /920	Л+Хр[1]	Под 6423; НК1	—	НК1	Н4
[1] Доб. слова: «**Константином царемь и Николою патриархом**»; ср. в Палее (РНБ, F.IV.603, л. 176): «**По Константине же царствова Роман, поставлен Константином царем и Николою патриархом**».					
6429 /920	—	≤Н1	—	—	—
6437 /929	≥Л+Хр[1]	НК1	—	НК1	Н4
[1] К имени Симеон доб.: «**Болгарскый**». См.: *Творогов О. В.* Повесть временных лет… С. 107.					
6442 /934	Л (РА)	НК1	—	НК1	Н4
6449 /941	Л х Хр[1]	НК1	—	НК1	Н4
[1] В основу положена статья Л, но вся она насыщена вставками из Хр. См.: *Творогов О. В.* Повесть временных лет… С. 110–112. О. В. Творогов, однако, полагает, что в «своде 1448 г.» слиты лишь ПВЛ 2-й редакции, т. е. текст Лаврентьевской летописи, и новгородский источник. Между тем, НК1, С1 и НК (т. е. «свод 1448 г.») обнаруживают гораздо больше близости к тексту т. н. «Хронографа по великому изложению», чем каждый из его источников. Потому я и полагаю, что при слиянии новгородского летописания с центрально-русским был привлечен и Хронограф.					
6450 /942	Л	НК1	—	НК1	≈Н4[1]
[1] Ошибочно сказано, что Симеон был побежден хорватами.					
6451 /943	Л	НК1	—	НК1	Н4
6452 /944	Л	НК1	—	НК1	Н4

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6453 /945</td><td>≈Л[1]</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>≤Н4[2]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Вм. «корабли елико хотят» написано: «да посылают в Греки к великымъ царемь Греческимъ съ слы (Н4 и С1: послы) и с гостьми»; вм. «съли слебное, а гостье месячное» — «тогда възмꙋт мѣсячное свое первое от града Киева»; нет «сꙋгꙋбо» (о цене); вм. «на тех странах, и та страна не покаряется вам, и тогда аще просит вои ꙋ нас князь Рꙋсский» — «да воюет, да дамы емꙋ елико бꙋдет»; вм. «обрꙋче свое» — «...мечи своя нагы и прочее орꙋжие»; вм. «и от всех боляр» — «...от Игоря и от всех людий»; вм. «придоша к цареви» — «Слы же исповедася вся речи Игореви»; вм. «в лодьи» — «присташа под Боричевым, бе бо тогда вода»; нет «ни на возах». [2] Сокращен список послов («...Алисков и инеи; всех 50»). Нет окончания Н4: «...и пристрои вои на прок их». Иначе: «...от всех светлых князии»; в Н4 — «...от всея князья».</td></tr>
<tr><td>6454 /946</td><td>≈Л[1]</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] «Начало княжениа Святославля». Пропущено: «победита Деревлены. Деревляне же», написано: «И побѣгоша древляне»; пропущено: «да сего ꙋ вас прошю мала».</td></tr>
<tr><td>6455 /947</td><td>≈Л[1]</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] После слов «в Пскове» пропущено: «и до сего дне»; вм. «село ее Ольжичи и доселе» — «село Олзино и до сего дни» (= Тр.).</td></tr>
<tr><td>6466 /952</td><td>Л (6463)[1]</td><td>Под 6463, НК1[2]</td><td>—</td><td>НК1[3]</td><td>Н1[4]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] «О крещении Олжинѣ». [2] «Крещение Олгино от Царяграда». [3] «О крещении Олжинѣ». [4] Н5 дает ту же дату, что и Н1, и Л, отличную от даты в НК и Н4 (6466). С этой годовой статьи здесь начинается следование тексту Н1.</td></tr>
<tr><td>6472 /964</td><td>Л</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>—</td></tr>
<tr><td>6473 /965</td><td>Л</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н1</td></tr>
</table>

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6474 /966	Л	НК1	—	НК1	Н1
6475 /967	≤Л[1]	НК1	—	НК1	Н1
[1] После слов «**одолѣ Святослав**» пропущено: «**Болгары**».					
6476 /968	≈Л[1]	НК1 (х Л?)[2]	—	НК1	Н1
[1] «**жажею**» вм. «**водою**». [2] Как в Л: «**водою**».					
6477 /969	Л	НК1	—	НК1	Н1
6478 /970	Л	НК1	—	НК1	Н1
6479 /971	Хр(?)[1]+ Л[2] х Н1(?)[3]	НК1	—	≈НК1[4]	Н1+≤Н4[5]
[1] Начальная фраза неизвестного происхождения: «**Царствова Василей и Константин въ Цариградѣ**». [2] Доб. (в Л нет) «**пинехросу**» (в конце договора). [3] Слова «**и Грецѣ противу, и сразистася полка, и оступиша Русь**». [4] Вм. «**на Царьград**» (НК1, С1) или «**Царюгороду**» (Л) — «**на царь**». [5] От слов: «**и посла слы ко цареви**» до конца годовой статьи вставлен из Н4 мирный договор с греками.					
6480 /972	≥Л[1]	НК1	—	НК1	Н1
[1] Доб. «**зимовав в Бѣлобережьи**» (=Тр.)					
6481 /973	Л+≤Н1 (6480)	НК1	—	НК1	—
6483 /975	Л	НК1	—	НК1	Н1
6485 /977	Л х Н1 (?)[1]	НК1	—	НК1	Н1
[1] Вм. «**ратившемася**» — «**изступившемася**» (как в Н1).					

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6488 /980	Л x Н1[1]	НК1	—	НК1	≤Н1[2]
[1] Из Н1 — имя поставленного в Новгороде кумира — «**Перун**» и к слову «**смыслено**» доб. «**и законно**». [2] Нет конца статьи от слов: «**...Зло бо есть женскаа прелесть**».					
6489 /981	Л (=Н1)	НК1	—	НК1	Н1
6490 /982	Л (=Н1)	НК1	—	НК1	Н1
6491 /983	Л x Н1	НК1	—	НК1	Н1
6492 /984	Л (=Н1)	НК1	—	НК1	Н1
6493 /985	Л (=Н1)	НК1	—	НК1	Н1
6494 /986	Л (=Н1)	НК1	—	НК1	Н1
6495 /987	Л (=Н1)	Под 6496; НК1	—	НК1	Н1
6496 /988	Л (=Н1)	НК1+?[1]	≤С1[2]	НК1+НК2 (=С1)	Н1
[1,2] От слов «**Того же лѣта постави князь Владимеръ в Кыев перву церковь святого Егорьгиа...**» до слов «**...люди крестив Роускиа и намѣстнеци по всей земле**» (конец статьи).					
6497 /989	≥Н1	Под 6496: НК1(6497)+ НК1(6498)+ ≤НК1(6499)	—	НК1	Н1+?[1]
[1] В перечне князей после Василия Васильевича доб. имя Дмитрия Юрьевича; пропущена Смоленская епископия.					

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6498 / 990</td><td>Л (≈Н1 6499)</td><td>В статье 6499 (см. предыдущую графу)</td><td>—</td><td>НК1</td><td>—</td></tr>
<tr><td>6499 / 991</td><td>Л (6499)+ Л (6500)</td><td>Под 6501; НК1 (6499)</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н1</td></tr>
<tr><td>6504 / 996</td><td>Л (≈Н1)</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н1</td></tr>
<tr><td>6505 / 997</td><td>Л</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td>6508 / 1000</td><td>—</td><td>—</td><td>—</td><td>Н1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td>6509 / 1001</td><td>Л</td><td>≤Л или Н1 (6510)</td><td>С1</td><td>Н1(6510), т. е. ≥НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td>6511 / 1003</td><td>—</td><td>—</td><td>—</td><td>Н1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td>6515 / 1007</td><td>—</td><td>—</td><td>—</td><td>≈Н1[1]</td><td>Н1[2]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] «Принесении си в святую». [2] «Принесены быша в святую Богородицу князи». Видимо, здесь была произведена сверка с Н1.</td></tr>
<tr><td>6519 / 1011</td><td>—</td><td>≤Л (Н1)</td><td>С1</td><td>НК2 x Н1[1]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Из Н1 доб.: «Володимера».</td></tr>
<tr><td>6522 / 1014</td><td>Л (≈Н1)</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td>6523 / 1015</td><td>≤Л[1]+≤Н1[2]+ ≤Н1 (6524)[3]</td><td>⋚НК1[4]</td><td>—</td><td>НК1</td><td>≤Н4[5]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Пропущено (равным образом в С1 и Н4): «Ѹмре же на Берестовѣмь», «ю же бе създал сам» (Л и Н1). [2] Из Н1 — от слов «Аще бо в невѣжестве етера съгрѣшенна быша» до слов «...по правдѣ живуще погибают»; «Рече бо Бог: Кто идеть прелстить</td></tr>
</table>

Ахава? И рече бес: Се аз иду»; «**Тѣм же глаголеть Давидь: Аще въистину убо право глаголете, право судите, сынове человечестии, ибо в сердции безаконие дѣлаете на земли, неправду рукы ваша сплетают, уничижени быша грѣшници от ложеснъ, заблудшия от чрева, глаголюще лжу, ярость их по образу змиину**; **ѣто и селика постиже мя... очюжденый от твоеа доброты**», «**стенющу и плачющу и въздыхающу и часто Бога призывающу**»; «**святый же ехаша в корабльци... окаанниии оступиша корабли**»; «**месяца сентября 5 день. И принеся я**»; «**и въсприаста вѣнця нетлѣнныя**»; «**убийци**»; «**яко же рече Давидъ: Схранит Господь... якоже бѣ лѣпо и честно**». [3] Из статьи Н1 6524 г.: «**ркошя новгородци: Сего мы насилья не можем терпѣти. И събрашась в нощь**», «**тысящу**», «**а друзии бѣжаша из града**», «**и створи вече на поли Ярослав, и рече к ним**», «**в безумьи моем... златом окупати**», «**Братье**», «**Хощу на нь пойти, потягнѣте по мнѣ**». [4] Рассказ об убийстве Бориса и Глеба (Житийное сказание о Борисе и Глебе), основанный, возможно, на тексте НК1, имеет несколько иную композицию и гораздо более пространен за счет «благочестивых» медитаций (молитв, цитат из Св. Писания и т. п.). Начальная же часть статьи, включая похвалу князю Владимиру, и конечная — рассказ о столкновении и примирении Ярослава с новгородцами — совпадают с НК1. А. А. Шахматов полагал, что текст статьи об убиении Бориса и Глеба в Н1 основывается, во-первых, на Начальном своде, предшествующем ПВЛ, и, во-вторых, на «своде 1448 г.», отраженном в данном случае в С1 (что, на мой взгляд, невозможно, ибо соотношение Н1 и С1 представляется мне здесь обратным). См.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнерусских летописных сводах. СПб., 1908. С. 30–32. [5] Пропущена речь Давида от слов «**Тем же глаголаше Давид**» до слов «**...ярость их по образу змеину**». Как в Н1: «**...бяху с Борисом**» (в Н4: «**...бяху с Борисом оу них**»).

6524 /1016	Л x Н1[1]	НК1	—	НК1+Н1[2]	Н4[3]

[1] Из Н1 имя Святополкова воеводы «**Вълчий Хвост**», период «**И нача Днепръ мерзнути... яко в нощъ велит сещися**», «**на ону страну Днепра**», «**и той нощи**» «**на сѣчю... главы себѣ убрусом**». [2] Оканчивающие статью слова: «**О Правде. Правда Рускаа**» (о данной Ярославом «Правде Русской» говорится, и приводится сам ее текст, в Н1). [3] Опущено: «**О Правде...**».

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6525 (1) / 1017	≈Н1 (6545) х ≲Н1 (6525)[1] х ≲Л (6545)	НК1 (6525_2)+ НК1 (6525_1)	—	НК1 (6525_1) НК1 (6525_2)	Н4
6525(2) / 1017	≤Л (6544)[2]				

[1] О закладе Св. Софии. Из Л — «**Златаа врата**». [2] О печенегах.

6526 / 1018	Л+?[1]	НК1	—	НК1	Н4

[1] От слов «**И ту убиша Буды воеводу**» до слов «**Передславу, дщерь Володимерю, сестру Ярославлю**», «**поволочив Передславу**».

6527 / 1019	Л	НК1+?[1]+ см. ниже, под 6528 г.	—	НК1	Н4

[1] От слов «**И оттолѣ крамола преста в Руськой земли**» до слов «**всечестную Бориса и Глеба**». Вставка эта — речь идет об обретении тела и захоронении Глеба — явно редакторская, основывается на статье 6523 г. НК1 и связана с переделкой рассказа об убиении Бориса и Глеба: под 6523 г. в С1 находим своего рода отсылку сюда, к статье 6527 г.: «**не бысть памяти ни единому ихъ о взыскании телеси святого** (Глеба. — *Г. П.*) ***дондеже*** **не терпя Ярославу сего злаго убийства, движеся на братоубийца оного, оканного Святополка. И брани многи с ним съставивъ... вѣзвращаашеся**».

6528 / 1020	≤Н1 (6524)+?[1]	6527_1: НК1+ юридич. памятники.[2]	—	НК1	Н4

[1] От слов: «**Коснятин же бѣше тогда в Новѣграде**» до слов «**в Муромѣ на рецѣ Оцѣ**» (конец статьи). [2] Судебник Ярослава, Судебник греческого царя Константина, Устав князя Владимира о церковных судах и о десятинах; следом — запись великого князя Василия Дмитриевича о том, что он со «**своим отцом, с Киприаном митрополитом**» «**изнашед старый Намоканон**», возобновил старое законодательство, касающееся церковных судов. «**Списан же бысть сей сверток из великого и старого Намоканона на Москве в лето 6911, индикта 11, месяца ноября 11**», т. е. 11 ноября 1402 г.

Понятно, почему этот «сверток» 1402 г. был вписан в летопись именно здесь, под 6528 г.: статья 6528 г. НК1 основывается на статье 6524 г. Н1, а редактор С1, проверяя НК1 по ее источникам, в том числе и по Н1, увидел там (6524 г.) «Правду Русскую». Может быть, первоначально, до 1402 г., в общерусском своде находился текст «Правды», заимствованный из Н1, и лишь после находки князем Василием Дмитриевичем и митрополитом Киприаном старого Номоканона на этом месте поместили находящуюся там ныне подборку юридических памятников. Подборка эта разрывает собой в С1 летописный текст, заимствованный из НК1.

	—	6528; Н1+Н1 (6529)	—	—	—
6529 /1021	≥Л[1]	НК1[2]	—	НК1	≥Н4[3]

[1] Рассказ связан с Новгородом; незначительные добавки: «**съ вои ис Полотска**», «**весь полонъ и скотъ**», «**слышав ту вѣсть и съвокупивъ воя многы**», «**и полон у него отъя, елико бяше Новгородской области, и посла я к Новуграду**», «**И оттолѣ его призва к себѣ... вся дни живота его**». [2] О победе Ярослава над Брячиславом — дублировка сообщ. 6528 г. (из Н1 6529). [3] Здесь полнее: «**...и поим Новгородцы *и жены, и дети, и имения их*, и скот весь полон**» (ср. в С1).

6530 /1022	Л	НК1	—	НК1	Н4
6531 /1023	Л	НК1	—	НК1	Н4
6532 /1024	⋚Л[1] Р(?)	НК1+⋚Л[2]	≤С (или ≤Л)[3]	С(≥НК1)+ ≤Л[4]+НК2[5]	≥Н4[6]

[1] Пропущен рассказ о восстании и избиении Ярославом в Суздале волхвов, от слов «**Ярославу сущу в Новѣгородѣ тогда**» до слов «**а человек не вѣсть ничтоже**»; несколько пространней о битве на р. Листвене; пропущено в конце статьи: «**и сѣдяше Мьстиславъ Черниговѣ, а Ярославъ Новѣгородѣе**», «**7 лѣт быс(ть) и родися... имя ему Изяславъ**». [2] О восстании и избиении волхвов; более пространный, чем в Л, рас-

сказ. [3] Краткое сообщение об избиении Ярославом волхвов: «**Ярослав Володимерич в Суждалѣ изби влъхвы**» — очевидно, восполнение пропуска НК1; далее — «**А брат его лютый Мстислав сѣде в Черниговѣ**»: эта последняя фраза может иметь основание как в начале статьи С1 (тогда это дублирование НК1), либо в конце статьи Л (тогда это — восполнение НК1). [4] О восстании и избиении волхвов. [5] Дублирование НК1. [6] «**Бог един есть на небеси сдержай вся**».

6534 /1026	Л	НК1+ Л (6535)	—	НК	Н4
6536 /1028	Л	6535, НК1	—	НК1	Н4
6537 /1029	—	—	—	—	?[1]+ ≈Лавр.[2]

[1] «**Ярослав ходи на Ясы и взять**». [2] На поле в выноске: «**Сие же лѣто мирно бысть всеи земли Рустеи отовсюду**».

6538 /1030	≤Л[1]+? (новг.)[2]	НК1+≤Л[3]	—	НК1	≤Н4[4]

[1] Пропущено о рождении у Ярослава четвертого сына. [2] О народнообразовательной деятельности Ярослава в Новгороде, смерти архиепископа Акима и об ученике его Ефреме. [3] О рождении у Ярослава четвертого сына (восполнение НК1). [4] Пропущено: «**Ярослав же Белзы взял**».

6539 /1031	Л	НК1	—	НК1	Н4
6540 /1032	Л+? (новг.)[1]	НК1	—	НК1	Н4

[1] «**И тогда же Улебь иде из Новаграда на Желѣзная врата, и опять мало их приде**».

6541 /1033	—	Л	—	—	—
6544 /1036	≲Л[1]+? (новг.)[2]	6542, НК1		НК1	≈Н4[3]

[1] Пропущено о рождении Вячеслава Ярославича; незначительные отличия в тексте: к имени Мстислава добавлено «**брат Ярославль**», к словам «**приде к Киеву**» добавлено «**веснѣ**». [2] О грамоте Ярослава новгородцам и характеристика Ярослава, от слов «**и людем написа грамоту, рекъ: По сей грамотѣ дайте дань**» до слов «**понеже чтяше самъ книгы**». [3] Как в С1: «**...иже бе зачал сам**», «**Луку Жидяту**». Как и в С1: «**...и сам чтяше книги**».

6545 /1037	≲Л[1]	≈НК1+ ≲Л[2]	≤С1[3]	НК1+НК2	Н4

[1] О строительстве Киева и освящении Св. Софии. [2, 3] Искаженный эксцерпт из Л, от слов «**Того же лѣта великий князь Ярославъ митрополию устави**» до слов «**по всей земли Русъской**». НК1 и С1 «разорвали» единую фразу Л: в Л слово «**митрополья**» относится к церкви Св. Софии; НК1 сказала о Св. Софии, опустив слово «**митрополью**»; в С1 это слово самостоятельно. Кроме этого, в Л говорится о монастыре Св. Георгия, а в С1 — о второй церкви на Златых вратах.

6546 /1038	? (новг.?)[1]+ ≥Л[2]	НК1	—	НК1	Н4

[1] «**Иде Ярослав к Киеву веснѣ**». [2] «**а на зиму ходи на ятвягы и не може их взяти**», в Л: «**Ярослав иде на Ятвягы**».

6547 /1039	Л[1]	НК1	—	НК1	Н4 (6546)

[1] Перестановка слов сравнительно с Л; она отражена в С1 и Н4.

6548 /1040	—	Л	—	—	Н4 (6548)
6549 /1041	≥Л(6551)[1]+ ?(новг.?)[2]	6551, ≤НК1[3]	—	≤НК1[4]	Н4

[1] Тот же рассказ о походе Владимира с Вышатой на Царьград, но в более подробном изложении; в конце статьи — родственная Л, но более подробная запись об отношениях Ярослава и Казимира. [2] О смерти княгини, матери Владимира, жены Ярослава — «**в лѣто 1-е, егда начя здати Святую Софию**» (в Л о ее смерти — под 5558 г.; о закладке Св. Софии в Новгороде в Н1 под 6553 г.). Поскольку Владимир был

новгородским князем, можно думать, что источник всей этой статьи НК1 6549 г. (более подробный, чем Л) — новгородский. Согласно этому источнику, очевидно, исправлена и дата. [3,4] Исключено сообщение о смерти княгини, матери Владимира, жены Ярослава.

<table>
<tr><td>6550
/1042</td><td>≈Л</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td>6552
/1044</td><td>≤Л[1]+Н1</td><td>НК1+≤Л[2]</td><td>—</td><td>НК1+Л[3]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Нет последних слов статьи: «на собѣ... на кровопролитьє». Может быть, случайный пропуск в списке НК1. [2,3] Восполнение недостающего в НК1.</td></tr>
<tr><td>6553
/1045</td><td>Л (=Н1)+
? (новг.?)[1]</td><td>≤НК1[2]</td><td>—</td><td>≤НК1[3]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О смерти княгини, матери Владимира, жены Ярослава. Сообщение дословно совпадает с сообщением о том же под 6549 г., нет лишь последних слов «в лѣто 1-є егда начя здати святую Софию». Помещено оно здесь, вероятно, потому что в статье речь идет о закладке Владимиром Св. Софии в Новгороде, т. е. это и есть «лѣто 1-є». [2,3] Исключено сообщение о смерти княгини, матери Владимира, жены Ярослава.</td></tr>
<tr><td>6555
/1047</td><td>≥Л[1]</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О походе Ярослава на мазовшан, добавлено «третье», ибо в статье 6549 г. — в числе отличий НК1 от Л — сказано о первых двух походах Ярослава на мазовшан.</td></tr>
<tr><td>6557
/1049</td><td>Н1</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td>6558
/1050</td><td>≤Н1[1]</td><td>НК1+⋚Н1[2]</td><td>—</td><td>НК1</td><td>≥Н4[3]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Исключено о смерти жены Ярослава. [2] Доб. о смерти жены Ярослава с указанием даты («февраля въ 10 день»), чего нет в Н1. [3] «...архиепископом Лукою».</td></tr>
<tr><td>6559
/1051</td><td>Л
(или Н1)[1]</td><td>НК1</td><td>≤С1
(6560)[2]</td><td>НК1+НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Доб. слово «Киеву». [2] О начале Печерского монастыря и о приходе в Киев греческих певцов.</td></tr>
</table>

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6560 /1052	Н1	НК1+ ≤Л[1]+?[2]	—	НК1	Н4
[1] О начале Печерского монастыря. [2] О приходе греческих певцов.					
6561 /1053	—	Л	—	—	
6562 /1054	Н1 (=Л)+? (новг.)[1]	НК1	—	НК1	≈Н4
[1] О разделе Смоленска, о приходе Изяслава в Новгород, о походах на чудь Остромира и Изяслава.					
6563 /1055	≤Н1[1]	НК1+ ≤Н1[2]	≤С1[3]+ ≤С1 (6565)[4]	НК1+НК2[5]	Н4
[1] «**Начало княжениа Изяславля в Киевѣ**». Пропущено о половцах. [2] Вставлено пропущенное в НК1 о половцах. [3] Слегка изменен заголовок статьи («**Поча княжити в Киевѣ Изяслав Ярославлич**»). [4] Об игумене Феодосии. О вокняжении Изяслава. Дублирует НК1.					
6565 /1057	Л (=Н1)[1]	НК1+?[2]	—	НК1	Н4
[1] Пропущено «**(в) Смолиньскѣ**». [2] Об игумене Феодосии.					
6566 /1058	Н1+? (новг.)[1]	≤НК1[2]	—	НК1	≤Н4[3]
[1] «**Поучение архиепископа Луки к братьи**». [2] За исключением Поучения архиепископа Луки. [3] Нет поучения архиепископа Луки к братии.					
6567 /1059	≥Н1[1]	НК1	—	НК1	Н4
[1] Доб.: «**и ведоша и в Киев**».					
6568 /1060	Н1+? (новг.)[1]	НК1	—	НК1	Н4
[1] О смерти архиепископа Луки.					

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6569 /1061	Л (=Н1)+? (новг.)[1]	НК1	—	НК1	Н4
[1] О поставлении архиепископа Стефана.					
6571 /1063	Л (=Н1)	≤НК1[1]	—	НК1	≤Н4[2]
[1] Опущено сообщение о течении Волхова в обратном направлении и истолкование этого знамения. [2] Нет известия о смерти Судислава.					
6572 /1064	Н1	НК1	—	НК1	Н4
6573 /1065	Н1+ Л (6572)	НК1	?[1]	1+НК2	≤Н4[2]
[1] «**Князь Всеслав Полотскый был у Пскова ратью, и перси билъ порокы**». В Л, НК1, С1 находим лишь: «**А в се же лѣто Всеслав рать почал**» (в Н1: «**ноча рать копити**»). [2] Нет описания знамений, нет про Всеслава и «**порокы**».					
6574 /1066	Л (=Н1)	НК1	—	НК1	Н4
6575 /1067	Л (=Н1)+? (новг.)[1]	НК1	—	НК1	Н4
[1] Добавка о действиях Всеслава в Новгороде: «**...до Неревскаго конца и пожже; и поимав все у святѣй Софии, и паникадила, и колоколы, и отъиде**».					
6576 /1068	≤Л (≤Н1)[1]+ ? (новг.)[2]	НК1	—	НК1	≈Н4[3]
[1] Пропущены поучение о казнях Божиих («**Наводит бо Богъ по гнѣву своему… на предълежащее паки возвратимся**») и конец поучения о преступлении против крестного целования («**крестом бо побѣжени бывають силы бѣсовьскыя… крестом прогоними бывають**»). [2] О путешествии владыки Стефана в Киев и удавлении его там своими холопами. Дублирование цифрового обозначения года.					
6577 /1069	Л (Н1)[1]+? (новг.)[1]	НК1	—	НК1	Н4
[1] О победе Глеба с новгородцами над Всеславом и об обретении в Св. Софии Владимирова креста.					

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6578 / 1070	≤Л (Н1)[1]	Л (=Н1) (≥НК1)[2]	—	НК1	Н4
[1] Опущено о рождении князя Ростислава Всеволодовича. [2] Восстановлено опущенное в НК1.					
6579 / 1071	Л (Н1)	НК1	—	НК1	≤Н4[1]
[1] Опущено: «**...победи Ярополк Всеслава у Голотична**».					
6580 / 1072	≲Л (Н1)[1]	≥Л (≥Н1)	≤С х Л (Н1)[2]	НК1+ НК2[3]	Н4
[1] Как бы заглавие: «**Пренесение мощем святого Бориса и Глѣба**»; сам рассказ опущен, от него оставлена лишь одна (предпоследняя) фраза: «**И бѣ тогда дръжа Вышегород Чюдин, а церковь Лазорь**». [2] Сокращение рассказа о перенесении мощей свв. Бориса и Глеба. Как в С1 — «**браты**», список же участников совпадает с Л и Н1 (в С1 полнее). [3] Дублирование НК1.					
6581 / 1073	Л х Н1	≤НК1[1]	?[2]	НК1+ НК2	Н4
[1] Исключено сообщение об основании Печерской церкви. [2] О преставлении Печерского игумена Антония.					
6582 / 1074	≤Л (Н1)[1]	Н1	—	НК1	Н4
[1] Вм. рассказа о преставлении Феодосия Печерского — краткое сообщение об этом.					
6583 / 1075	≤Л[1]	НК1	—	НК1	Н4
[1] Опущено — о строительстве Печерской церкви.					
6584 / 1076	≤Л[1]	НК1	?[2]	НК1[3]	Н4
[1] О смерти Святослава Ярославича. Опущено — о походе Владимира Всеволодовича и Олега Святославича в помощь ляхам на чехи, а также дата вокняжения Всеволода («**месяца генваря**»). [2] О смерти Святослава Ярославича — краткое сообщение, дублирующее статью НК1; в отличие от НК1 и С1 указано: «**княжив лѣт 4**». [3] НК2 не привлечена здесь, совершенно очевидно, с целью избежания дублирования НК1.					

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6585 / 1077</td><td>Н1</td><td>≤Л[1]+НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>≥Н4[2]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] «**Поиде Изяслав с Ляхы**» — начало статьи Л. Далее в списках К, О, Ц и В доб.: «**А писано в Киевьском**». Ясно, что имеется в виду Л (= Ип), где этот рассказ продолжается. [2] О победе Глеба с новгородцами над Всеславом и об обретении в Св. Софии Владимирова креста.</td></tr>
<tr><td>6586 / 1078</td><td>? (новг.)[1]</td><td>≤Л[2]+? (ред.)[3]+ НК1</td><td>⋚С1 (6587)х Л</td><td>НК1+ НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О поставлении архиепископа Германа. [2] «**Бѣже Олегъ сынъ Святославль**» — начало статьи Л. [3] Далее в списках К и О доб.: «**Ищи в Киевьском**». В Л (=Ип) находится подробный рассказ о столкновении Олега и Бориса с Изяславом и Всеволодом.</td></tr>
<tr><td>6587 / 1079</td><td>Л</td><td>НК1+ ≲Л (6586)+ ? (ред.)[1]</td><td>С1 (х Л)?[2]</td><td>НК1+ НК2</td><td>≥Н4[3]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Запись (среди выборок из статьи 6586 г. Л): «**Убиение Глѣбова писано в Киевском в шестое**». [2] Из Л добавлено «**июня в 23**». [3] Здесь полнее: «**...выиде *противу***», «**створи мир с *Романом* и с Половци**»; «**...за *Святым Спасом***»: ср. в С1: «**...убиен бысть Глѣбъ Святославич в Заволочии маия 30 и положен бысть в Черниговѣ за Святымъ Спасомъ**».</td></tr>
<tr><td>6588 / 1080</td><td>Л</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td>6589 / 1081</td><td>—</td><td>? (ред.)[1]</td><td>—</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] «**В десятое** (в списке К “**девятое**“. — *Г. П.*) **писано; ищи в Киевьском**».</td></tr>
<tr><td>6590 / 1082</td><td>—</td><td>? (ред.)[1]</td><td>—</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] «**В Киевьском ищи**».</td></tr>
<tr><td>6591 / 1083</td><td>Л</td><td>НК1</td><td>—</td><td>НК1</td><td>—</td></tr>
</table>

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6592 /1084	—	? (ред.)[1]	—	—	—

[1] «**в Киевьском ищи**».

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6593 /1085	—	? (ред.)[1]	—	—	—

[1] «**в Киевьском ищи**».

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6594 /1086	—	? (ред.)[1]	≤С1(6595)х Л[2]	НК2	Н4

[1] «**в Киевьском ищи**». [2]По Л, очевидно, исправлена дата.

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6595 /1087	—	≤Л (6594)[1]	—	—	—

[1] Сокращение за счет риторических распространений.

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6596 /1088	≤Л[1]+ ≤Л (6597)[2]+ ≤Л (6599)[3]	Н1 (≤Л)[4]+ (ред.)[5]+ ≤НК1[6]	≤Л[7]+?[8]	НК1+ НК2	≤Н4[9]

[1] «**Взяша Блъгаре Муром**». [2] От слов «**Иде Янька в Греки**» до слов «**...бѣ скопець, высок телом**». [3] От слов «**В се же лѣто бысь знамение в солнци**» до конца («**иже вскорѣ и погыб**»). [4] «**Священна бысть церкви св. Михаила**». Это же первые слова статьи Л. [5] «**Ищи в Киевьском. Се писано в 7 в Киевьском о Янке**». Ясно, что редактор, сверяя НК1 с Л, увидел — это следует из его записи, что в Л сообщение о Янке стоит под 6597 г. [6] Короче о митрополите Иоанне-скопце; исключено — о Переяславском митрополите Ефреме и о явлении в Ростове волхва. [7] Об освящении церкви Св. Михаила в монастыре Всеволожем. [8] О перенесении мощей св. Николы Мирликийского. [9] Нет известия о освящении церкви Св. Михаила митрополитом Ефремом, нет описания Ефрема, известия о солнечном затмении 21 мая, о волхве в Ростове, о перенесении мощей св. Николая Мирликийского.

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6597 /1089	—	≤Н1[1]+ ?(ред.)[2]+≤Л[3]	⋚Л (≥С1)[4]	НК2	≤Н4(6596)[5]+ ≤Н4(6597)[6]

[1] Об освящении Печерской церкви. [2] Между заимствованными из Н1 и Л сообщениями находим запись: «**Ищи в Киевьском**». [3] О преставлении митрополита Иоанна-

скопца. [4] Те же сообщения, что в С1, но первое подробней. К названию церкви прибавлено «**Ѵспенье**», чего нет ни в Л, ни в Ип. [5] По ошибке в эту годовую статью внесено известие о перенесении мощей св. Николая Мирликийского (так как ниже дублируется обозначение статьи). [6] Нет известия о преставлении митрополита Иоанна (видимо, была замечено дублирование в Н4).

6598 /1090	—	≤Н1[1]+? (ред.)[2]+ ≤Л (6597)[3]	≤Л (⋚С1)[4]	НК2	Н4

[1] О Янке (дублирует сообщение 6596 г.). [2] Между заимствованными из Н1 и Л сообщениями читаем: «**Ищи в Киевьском**». [3] О закладке каменного града Переяславля. [4] О строительстве в Переяславле — взято из Л больше, чем в С1.

6599 /1091	—	Н1+≤Л[1]	С1	НК2	Н4

[1] Из Л пополнено сообщение Н1 о перенесении мощей преп. Феодосия Печерского.

6600 /1092	≤Л[1]	НК1	≲Л[2]	НК2[3]	≤Н[4]

[1] Только о чуде в Полотске. [2] В том числе и о чуде в Полотске. [3] Сообщение (статья) НК1 опущено во избежание дублирования. [4] Нет известия о знамениях и о взятии половцами трех городов.

6601 /1093	—	≲Л[1]	С1	НК2	Н4

[1] Исключены распространения по поводу смерти князя Всеволода и сильно сокращен рассказ о сражении Святополка и Владимира с половцами.

6602 /1094	≤Л[1]	НК1	—	НК1	Н4

[1] Нет начального сообщения о мире Святополка с половцами и женитьбе его на половчанке, а также конечного — о преставлении Владимирского епископа Стефана.

6603 /1095	≤Л[1]+ (новг.)[2]	≤НК1[3]+ ≤Л[4]+ ≤Н1[5]+≤НК1[6]	≤С1[7]	НК1+ НК2	≤Н4[8]

[1] Взяты только сообщения о нападении половцев во главе с Девгеневичем на греков, об уходе Давыда Святославича из Новгорода и приглашении новгородцами Мстислава Владимировича из Ростова и о «**прѹзех**». [2] О путешествии в Киев и смерти владыки Германа. [3] О Девгеневиче с половцами. [4] О нападении половцев на Юрьев. [5] За исключением сообщения о «**прѹзех**». [6] О князе Давыде, новгородцах и князе Мстиславе Владимировиче. [7] Исключено сообщение о походе Девгеневича с половцами на греков. [8] Нет сообщения о «**прѹзех**».

6604 /1096	?(новг.)[1]+ ≤Л[2]	≤Л[3]	С1	НК1+ НК2	Н4

[1] О поставлении архиепископа Никиты. [2] Незначительно сокращенный рассказ о походе Святополка и Владимира на Олега. [3] Сокращенное сообщение о столкновении Мстислава и Олега.

6605 /1097	—	≲Л[1]	≤С1	НК2	Н4

[1] Незначительные сокращения в рассказе об ослеплении Василька Теребовольского; значительные — в рассказе о последующих событиях.

6606 /1098	—	≤НК1(6608) или ≤Л(6610)[1]	—	—	Н4

[1] Общая часть статьи Л(6610) и НК1(6608).

6607 /1099	—	НК1(6611)	—	—	—
6608 /1100	≲Ип(6609)[1]+ Л+≤Л(6610)[2]	НК1	—	НК1	Н4

[1] О закладке Владимиром Мономахом церкви в Смоленске. [2] От слов «**приде Мстислав сын Володимерь с новгородци**» до слов «**акы от лѹны полны свѣтящеся**».

6609 /1101	—	Н1	С1[1]	НК2	Н4

[1] В Н1 — «**представися**»; в С1, НК2 и Н4 — «**ѹспе**».

6611 /1103	≤Н1[1]	—	—	НК1	Н4

[1] О закладке церкви Благовещения на Городищи.

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6612 /1104</td><td>≤Л[1]</td><td>≤НК1[2]</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О приходе на Русь митрополита Никифора и о небесных знамениях. [2] Только о знамениях.</td></tr>
<tr><td>6614 /1106</td><td>—</td><td>≲Л[1]</td><td>С1+≤Л[2]</td><td>НК2</td><td>≤Н4[3]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О половецком набеге. [2] О смерти Яня и о пострижении Святоши. [3] Опущено: «...февраля в 17».</td></tr>
<tr><td>6615 /1107</td><td>Н1</td><td>≤Л(6614)[1]</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О пострижении Святоши.</td></tr>
<tr><td>6616 /1108</td><td>≥Н1[1]</td><td>≤НК1[2]</td><td>—</td><td>НК1 (х Н1?)[3]</td><td>Н4+ Н4(6618)</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Сверх Н1 указано место захоронения архиепископа Никиты и имя владыки — инициатора росписи Св. Софии. [2] Только о преставлении и захоронении архиепископа Никиты (как и в НК1, указано место). [3] Как в Н1, отсутствует только имя владыки.</td></tr>
<tr><td>6618 /1110</td><td>≈Н1[1]</td><td>НК1</td><td>С1(6619)</td><td>НК1+ НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] В Н1 — о приходе в Новгород архиепископа Иоанна (и указана дата), в НК1 — о его поставлении (а даты нет).</td></tr>
<tr><td>6619 /1111</td><td>—</td><td>≤Л[1]</td><td>С1(6620)</td><td>НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Самое начало рассказа о знамении в Печерском монастыре.</td></tr>
<tr><td>6620 /1112</td><td>—</td><td>≤Ип(6619)[1]</td><td>—</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О походе на половцев.</td></tr>
<tr><td>6621 /1113</td><td>⋚Н1[1]</td><td>—</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О победе Мстислава над чудью и о закладке им церкви Св. Николы в Новгороде. Сверх Н1 указаны инициатор закладки, сам князь и место: «на княжи дворѣ».</td></tr>
</table>

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6622 /1114</td><td>≤Л[1]</td><td>≤НК1[2]+ ≲Л[3] +≤Л(6623)[4]</td><td>С1</td><td>НК1+ НК2[5]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Короче о знамении в солнце, о смерти Святополка и входе в Киев Владимира Мономаха. [2] Еще короче — о знамении. [3] О смерти Святополка и о вокняжении Владимира. [4] Об устройстве Владимиром моста через Днепр. [5] Дублирует НК1 (ср. прим. 1–3).</td></tr>
<tr><td>6623 /1115</td><td>⋚Н1[1]</td><td>≤Л[2]</td><td>С1 х Л[3]+ ≤С1(6624)[4]</td><td>НК1+ НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О закладке церкви Св. Федора Тирона; сверх Н1 указано: «средь двою ѹлиць: Щерковѣ и Розважи», но нет даты (Н1: «априля в 28»). [2] Лишь названо — перенесение мощей свв. Бориса и Глеба; преставление Олега Святославича. [3] О преставлении Олега Святославича, из Л (?) — дата («августа 18»). [4] О преставлении Володаря и Василько Ростиславичей.</td></tr>
<tr><td>6624 /1116</td><td>Н1</td><td>НК1+ ≤Л (6632)[1]+≤Л[2]</td><td>≤С1[3]</td><td>НК1+ НК2</td><td>≤Н4[4]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О преставлении Володаря и Василько Ростиславичей. [2,3] О создании Ярополком города «Дрьючаном». [4] Нет известия о Ярополке Владимировиче.</td></tr>
<tr><td>6625 /1117</td><td>≤Л[1]+≤Н1[3]</td><td>≤НК1[2]</td><td>—</td><td>—</td><td>≤Н4[4]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1,2] О перемещении Владимиром сына Мстислава из Новгорода в Киев и о посажении в Новгороде Всеволода Мстиславича. [3] Исключено лишь сообщение о смерти посадника Добрыни. [4] Опущено: «...декабря 6» (это последние слова годовой статьи в Н4).</td></tr>
<tr><td>6626 /1118</td><td>—</td><td>—</td><td>—</td><td>≤Н1[1]</td><td>—</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О смерти посадника Дмитрия Завидовича.</td></tr>
<tr><td>6627 /1119</td><td>≤Н1[1]+≤Л[2]</td><td>≲НК1[3]</td><td>—</td><td>НК1+ ≤Н1[4]</td><td>≤Н4[5]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Пропущено — о преставлении посадника Константина Моисеевича. [2,3] О смерти царя Алексея и воцарении Иоанна Порфирогенита. [4] О смерти посадника Константина Моисеевича; доб. в конце статьи. [5] Нет последнего известия Н4 о преставлении посадника.</td></tr>
</table>

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6628 /1120	—	—	≥Н1[1]	НК2	Н4
[1] Доб.: «**ис Києва**».					
6629 /1121	≤Л[1]	НК1	—	НК1	Н4
[1] Нет даты.					
6630 /1122	≤Л[1]	НК[1]+≤Н1[2]	≤С1[3]	НК1+ НК2	Н4
[1] О приходе митрополита Никиты. [2,3] О женитьбе Мстислава.					
6631 /1123	≤Н1[1]	НК[1]+≤Н1[2]	≤С1[3]	НК1+ НК2	Н4
[1] О походе Всеволода с новгородцами на Емь. [2,3] О женитьбе Всеволода Мстиславича.					
6632 /1124	≤Л[1]+Н1	≤Н1[2]	—	НК1	Н4
[1] О пожаре в Киеве и о затмении солнца; последнее сообщение слито с сообщением о том же Н1. [2] Сокращенное сообщение о затмении.					
6633 /1125	≤Н1[1]	≲Л[2]+≤НК1[4]	≶С1[3]	НК1+ НК2	Н4
[1] Опущено о смерти Владимира Мономаха и вокняжении Мстислава. [2,3] Сокращенное сообщение о смерти Владимира и вокняжении Мстислава. В НК2 добавлено: «**княжи с кротостию**». [4] Только о вокняжении в Новгороде Всеволода.					
6634 /1126	≤Л[1]	≤НК1[2]	—	НК1+ ≤Н1[3]	Н4
[1] Только о смерти митрополита Никиты. [2] Опущена дата, доб.: «**Рускый**». [3] О начале посадничества Мирослава Горятиновича.					
6635 /1127	≤Н1[1]	≤Л[2]	С1	НК1+ ≤Н1[3]+ НК2	Н4
[1] Только о закладке Всеволодом церкви, о паводке, о снеге, морозе и дороговизне. [2] Только — и кратко — о войне Мстислава с кривичами. [3] О «**метыле**» и дополнено о голоде.					

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6636 /1128	≤Н1[1]	≤Л[2]	≤Н1[3]	НК1+ ≤Н1[4]+ НК2	≤Н4[5]
[1] О голоде и о паводке. [2] О смерти полотского князя Бориса. [3] О смерти игумена Кириака, Иоанна Всеволодовича и «**Всеславича Полотского**». [4] О посадничестве, а затем о смерти Завида Дмитриевича; дополнено о голоде. [5] Нет конца статьи Н4 о посадничестве Завида Дмитриевича, о преставлении Бориса Всеславича Полотского, о преставлении Завида Дмитриевича.					
6637 /1129	—	—	Н1	НК2	Н4
6638 /1130	Л+Н1[1]	≲Л(6637)[2]	≤Н1[3]+С1	НК1+ НК2	Н4
[1] К рассказу Л о походе сыновей Мстислава на Чудь доб.: «**с новгородци**»; об отвержении архиепископа Иоанна и поставлении архиепископа Нифонта. [2] О заточении полотских князей «**к Царюграду**»; вм. Мстислава назван Всеволод. [3] О завершении церкви Св. Иоанна и о посадничестве Петрилы.					
6639 /1131	—	≤Л[1]+ НК1 (6640) х Л(6640)[2]	С1	НК2	Н4
[1] О походе Мстислава на Литву. [2] Из Л добавлена дата; сверх НК1 и Л указано количество лет княжения в Киеве Мстислава.					
6640 /1132	≤Л[1]	—	—	—	Н4
[1] О смерти Мстислава и вокняжении Ярополка.					
6641 /1133	≤Н1[1]	НК1	—	НК1	Н4
[1] О походе Всеволода с новгородцами на чудь.					
6642 /1134	≤Н1[1]+ Н1(6643)[2]	≤ НК1[3]	≤Н1[4]	≤НК1[5]+ НК2+ ≤Н1[6]	≈Н4[7]

[1] От слов «**Иде Исаия игумен...**» до слов «**мене Богъ послушает**», — о битве суздальцев с новгородцами и задержании суздальцами митрополита. [2] О закладке Всеволодом и архиепископом Нифонтом церкви на Торговище, о закладке «**Рожнѣдом**» церкви «**на Иаковли улице**» и о путешествии архиепископа Нифонта в Киев. [3] Сокращенно — о битве суздальцев с новгородцами и о задержании суздальцами митрополита. Начало статьи (первая фраза без даты). [5] Исключено заимствованное из статьи 6643 г. Н1 (см. прим. 2). [6] Дописана дата («**в субботу пянтикостную**») и о посадничестве Иванка Павловича. [7] Некоторые пропуски дат.

6643 /1135	—	≤Л[1]	С1	≤Н1[2]+ НК2	Н4

[1] Об обмене городами между Юрием и Ярополком Владимировичами и о взятии половцами с Ольговичами Нежатина городка и Варсуча. [2] Включено только о приходе епископа 4 февраля.

6644 /1136	≤Н1[1]+ ≤Л(6646)[2]	≤НК1[3]+ ≲Л[4]+ ≲Л(6646)[5]+ ≤Н1[6]	≤С1[7]	НК1+ ≤Н1[8] +НК2	Н4

[1] Об изгнании новгородцами князя Всеволода и об освящении церкви Св. Николы. [2] О Всеволоде (начало статьи), от слов «**а Всеволода выгнаша новгородци от себе...**» по слова «**сѣде ту лѣто едино**». [3] Исключено об освящении церкви Св. Николы. [4] О битве Ольговичей с Владимировичами, о взятии Ольговичами Треполя и Халепа. [5] О походе Ярополка на Чернигов от слов «**послаша по Половци и пачаша воевати на Суле**». [6] О браке Святослава Ольговича. [7] См. прим. 4– 6 (т. е. за исключением взятого из НК1). [8] Об убийстве Юрия Жирославича.

6645 /1137	⋚Н1[1]	<Л (6646)[2]+ ≤НК1[4]	≤С1[3]	≤Н1[5]+ НК1+ НК2	Н4

[1] Исключено о посадниках (начало статьи); доб. день смерти и место захоронения князя Всеволода в Пскове. [2, 3] О взятии Ольговичами с половцами Прилука. [4] Исключен конец — о цене за «**осмину**». [5] О посадниках (начало статьи).

6646 /1138	≤Н1[1]+≤Л[2]	НК1	≲С1+≤Л[3]	НК1+ НК2[4]	Н4+ Н4(6647)

[1] Об изгнании новгородцами Святослава Ольговича и вокняжении в Новгороде Ярослава Юрьевича. [2] О смерти Ярополка Владимировича и вокняжении в Киеве Вячеслава, о встрече в Киеве Вячеслава, об изгнании его Всеволодом и о посажении в Чернигове Владимира Давидовича. [3] Дата смерти Ярополка. [4] О смерти Ярополка и вокняжении Вячеслава — дублирование НК1.

6647 /1139	≤Н1[1]	НК1+≲Л[2]	≤С1[3]	НК1+ НК2	—
[1] Незначительные сокращения. [2,3] О попытке Святослава Ольговича изгнать из Переяславля Андрея Владимировича.					
6648 /1140	≤Н1(6650)[1]	—	—	—	—
[1] О вторжении еми и шведов. Вероятно, *в списке* НК1 ошибочно записан год.					
6649 /1141	—	≤Л[1]+≤Н1[2]	С1+≤Н1[3]	НК2+ ≶Н1[4]	Н4
[1] О смерти и погребении Андрея Владимировича. [2] Сокращенно о бегстве Святослава Ольговича и о Якуне. [3] О возвращении в Новгород из Суздаля беглецов. [4] О посадничестве Судилы; доб. его отчество — Иванович.					
6650 /1142	—	НК1(6648)[1]	—	НК1 (6648)[2]	Н4
[1,2] См. прим. под 6648 г.					
6651 /1143	—	≤Н1[1]	С1+≤Н1[2]	НК2	≤Н4[3]
[1] О женитьбе Святослава Всеволодовича; опущено указание времени. [2] Восстановлено указание времени. [3] Нет: «**...а княгиню приведе из Моравы**».					
6652 /1144	≤Н1[1]	—	—	НК1+ ≤Н1[2]	Н4
[1] О постройке церкви на Торговищи. [2] О посадничестве Нежаты Твердятича.					
6653 /1145	—	≤Н1[1]	≤Н1[2]+С1	НК2	Н4
[1] О походе на Галич. [2] О закладке церкви в Смоленске.					

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6654 / 1146</td><td>≤Н1[1]</td><td><Н1 х Л[2]</td><td>С1</td><td>НК1+ НК2</td><td>≈Н4[3]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О постройке четырех церквей. [2] О смерти Всеволода Ольговича, вокняжении в Киеве его сына Игоря и о захвате княжения Изяславом Мстиславичем. [3] По ошибке доб.: «…на Смядынє»; «…5 июня».</td></tr>
<tr><td>6655 / 1147</td><td>≤Л1[1]</td><td><ЛхИп[2]+НК1</td><td>⋚С1[3]+≤Н1[4]</td><td>НК1+ НК2+ ⋚Н1[5]</td><td>≤Н4[6]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О поставлении Изяславом митрополита Клима (начало статьи). [2,3] Об убийстве киевлянами Игоря Ольговича; в рассказе Л, более кратком, чем в Ип, нет о знамении над убитым (зажегшиеся свечи); но в Ип нет имени посланного за мертвым тысяцкого (Лазарь). В НК2, сравнительно с С1, доб.: «на конець града», что обнаруживаем только в Ип. [4] О преставлении игумена Антона. [5] О преставлении посадника Константина; доб. его отчество: «Микулиничь». [6] Нет сообщения о преставлении игумена Антона, пропущено отчество посадника Константина.</td></tr>
<tr><td>6656 / 1148</td><td>≤Н1[1]</td><td>≤Н1хЛ(6657)[2] +≤НК1[4]</td><td>≤С1[3]</td><td>НК1+ НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О хождении архиепископа Нифонта в Суздаль и о замене Изяславом в Новгороде Святополка Ярославом. [2,3] О походе Изяслава с новгородцами к Ростову; из Л (6657) доб. «от Ѵглича поля воротишася к Новѵгородѵ». [4] Исключено первое сообщение.</td></tr>
<tr><td>6657 / 1149</td><td>—</td><td>≤Н1[1]</td><td>—</td><td>≤Н1 (=С1)[2]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О войне новгородцев с суздальцами и о набеге еми на водь. Предполагаю пропуск статьи этого года в списке НК1.</td></tr>
<tr><td>6658 / 1150</td><td>—</td><td>Н1</td><td>—</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>6659 / 1151</td><td>—</td><td>≤Н1[1]</td><td>—</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Оставлены первые два сообщения.</td></tr>
</table>

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6660 / 1152</td><td>—</td><td>—</td><td>≤Л[1]+? (влад.-сузд.)[2]</td><td>НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О возвращении князей от Чернигова к Новгороду-Северскому. [2] О строительной деятельности Юрия Владимировича во Владимиро-Суздальской земле и о конце «великого круга миротвореннаго».</td></tr>
<tr><td>6661 / 1153</td><td>Н1</td><td>—</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td>6662 / 1154</td><td>≲Н1+≲Л[2]</td><td>≲НК1[3]+≲Н1[4]</td><td>≤С1(6665)[5]+ ≤Л х Ип[6]+ С1(6665)[7]</td><td>НК1[8]+ НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О закладке церкви Св. Саввы (в Н1 о поставлении) и от слов «Тогда же иде Ростислав» до слов «и введоша Мстислава сына Юрьева». [2] Об изгнании новгородцами Святослава Изяславича (в Л — Ярослава) и посажении Романа Ростиславича. [3] Исключено сообщение о церкви Св. Саввы и заимствованное из Л. [4] Все остальное, что не вошло в НК1. [5] О рождении у Юрия сына Дмитрия и о закладке города Дмитрова. [6] С некоторыми сокращениями — о борьбе Изяслава с Ростиславом и Мстиславом; от слов: «Тогда же слышав Изяслав Давидович»; из Ип фраза: «Изяслав же иде к Чернигову». [7] От слов «Тогда же прииде Ростислав Мстиславич» до конца. Переставлено, очевидно, согласно Л. [8] «Святослава» заменено на «Ярослава» (как в Л). Возможно, здесь описка в списке НК1.</td></tr>
<tr><td>6663 / 1155</td><td>≤Л[1]</td><td>Н1</td><td>≤С1(6665)[2]</td><td>НК1+ НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О браке Мстислава Юрьевича. [2] Об изгнании Юрием Владимировичем из Киева Изяслава и о приезде Андрея Юрьевича с иконой Богородицы.</td></tr>
<tr><td>6664 / 1156</td><td>≤Л[1]+≤Н1[2]</td><td>≤Н1[3]</td><td>≤Ип[4]+≲Н1[5]</td><td>НК1+ ≤Н1[6]+ ≤НК2[7]</td><td>Н4+?[8]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О смерти Новгородского архиепископа и о приходе в Киев митрополита Константина (начало и конец статьи). [2] О выборе нового архиепископа, Аркадия, и о постройке заморскими купцами церкви на Торговищи. [3] Только о смерти Новгородского архиепископа; в Л и НК1 — другая дата. [4] Об архиепископе Нифонте. [5] Об архиепископе</td></tr>
</table>

Нифонте; кратко — об избрании Аркадия. [6] Фраза «**И тогда пойдеши ставитися**» и об изгнании и смерти посадника Судилы. [7] Исключено об избрании Аркадия во избежание дублирования НК1. Сообщение о смерти архиепископа Нифонта дублирует НК1. [8] После слов «**вь то же лѣто поставиша купци заморстии церковь святыя Пятница на Торговищи**» доб. «**а Федор Пинещиниць св. Пантелеймона** ***камену***».

6665 /1157	≤Н1[1]	≈НК1+? (влад.-сузд.)[2]+ ≲Л(6662)[3]+ ≤Л(6663)[4]+Л[5]	≤С1[6]+≤Л[7]	НК1+ НК2[8]	Н4

[1] За исключением последних сообщений: о смерти игумена Андрея и замене его Олексой и о грозе с градом. [2] О рождении у Юрия сына Дмитрия и о закладке Дмитрова. [3] О борьбе за Киев Изяслава с Ростиславом и Мстиславом и об изгнании Юрием Изяслава. [4] О приезде Андрея Юрьевича к Суздалю и Ростову с иконой Богородицы. [5, 6] О смерти Юрия. [7] О пребывании Андрея в Суздале. [8] Известия о смерти князя Юрия НК1 и НК2 слиты в одно.

6666 /1158	≤Н[1]	≲Л[2]	С1	НК1+ НК2[3]	≈Н4[4]

[1] Незначительные сокращения; исключено — о поставлении Дионисия игуменом. [2] О деятельности Андрея и об уступке Киева Мстиславом Ростиславу. [3] Сообщение о посажении Мстиславом в Киеве Ростислава дублирует НК1. [4] «**апреля 15**», в Н4 — «**8 апреля**».

6667 /1159	Н1	≤Л[1]+НК1	≤Л[3]+≤С1[2]	НК1+ НК2[4]	≤Н4[5]

[1, 2] О нападении Изяслава с половцами на Чернигов и битве на р. Десне. [3] Об изгнании епископа Леона; о кончине и погребении митрополита Константина. [4] Сообщение о смерти митрополита Константина дублирует сообщение НК1 (из Н1). [5] Нет сообщения об изгнании епископа Леона и опущено известие о преставлении митрополита Константина.

6668 /1160	≤Л[1]+≤Н1[2]	НК1+Ип(6669 и 6670)[3]+Л[4]	≤С1[5]	НК1+ НК2[6]	≤Н4[7]

[1] О просьбе новгородцев у Андрея Юрьевича нового князя. [2] О победе Ростислава над Изяславом. [3] О нападении Изяслава на Ростислава и о его гибели (дублирование НК1). Слов Ростислава над умирающим Изяславом нет в Ип. Нет и сообщения о том, что Мстислав посадил в Киеве Ростислава, а сам ушел **«к Велыню»**. [4] О завершении во Владимире церкви Пресв. Богородицы и о пожаре в Ростове. [5] См. прим. 3–4. [6] Сообщение о гибели Изяслава дублирует сообщение НК1. [7] Нет последнего известия о пожаре в Ростове.

6669 /1161	≤Н1[1]	НК1	≤Н1[2]	НК1+ ≤Н1[3]+ НК2	Н4

[1] О возвращении Святослава в Новгород. [2] О посадничестве Озарьи. [3] О погоде и ценах.

6671 /1163	Н1	НК1	—	НК1	Н4
6672 /1164	—	≤Н1[1]+≤Л[2]	≥С1[3]	НК2	≤Н4[4]

[1] Короче о нападении шведов на Ладогу. [2] Короче о ереси епископа Леона и совсем кратко о походе князя Андрея **«на Болгары»**. [3] Добавлена дата похода **«на Болгары»** (в Л нет). [4] Нет известий о поставлении епископа Леона, о ереси, о Царьграде.

6673 /1165	≤Н1[1]	≤Л(6675)[2]+ ≤Н1[4]	≤С1[3]+≤Л[5]	НК1+ НК2	≤Н4[6]

[1] Некоторые перестановки, незначительные сокращения и нет двух последних фраз. [2,3] О смерти Ростислава Мстиславича. [4] О поставлении Новгородского архиепископа Ильи. [5] Доб. дата. [6] Нет о преставлении Ростислава Мстиславича.

6674 /1166	≤Н1[1]	≤Л[2]+≤НК1[4]	≤С1[3]	НК1+ НК2	Н4[6]

[1] Первые два сообщения (о смерти митрополита Ионы и закладке церкви Св. Спаса). [2,3] О борьбе за Киев (вся статья Л с небольшими сокращениями, особенно за счет риторики). [4] Только о смерти митрополита Ионы.

6675 /1167	≤Л[1]+≤Н1[2]	≤НК1[3]+ ≤Н1[4]	—	НК1[5]+ ≤Н1[6]	Н4

[1] О смерти Ростислава Мстиславича. [2] С некоторыми сокращениями вся статья, за исключением сообщений о Мстиславе Изяславиче и о митрополите Константине. [3] Исключено о закладке в Новгороде церкви Бориса и Глеба. Сообщение о смерти Ростислава Мстиславича дублирует сообщение статьи 6673 г. (из этой же статьи 6675 г. Л). [4] О митрополите Константине. Может быть, это сообщение опущено в *списке* НК1. [5] Сообщение о смерти Ростислава дублирует НК2 6673 г. [6] См. прим. 4.

6676 /1168	≤Н1[1]+≤Л[2]	НК1	—	НК1[3]	Н4

[1] Начало статьи, до слов «**голов множество плѣниша**». [2] Начало статьи: об изгнании Мстиславом Владимира из Киева и о бегстве Владимира «**в половцы**». [3] О вокняжении в Киеве Мстислава дублирует НК2 6674 г.

6677 /1169	—	?(ред.)[1]+ <Л[2]+ ≤Н1[3]+⋚Н1[4]	≤Л[5]+С1	НК2	≥Н4[6]

[1] Слова: «**Отселѣ Суздальское княжение наста Андрѣем Юрьевичем, а столъ — великий град Володимеръ**». [2] О победе Михаила Юрьевича над половцами. [3] О столкновении суздальцев и новгородцев. [4] Иной, но родственный рассказ о походе князей на Новгород. [5] О Федорце Белом Клобуке. [6] В летописной повести Н4 говорится о переговорах: новгородцы с суздальцами «**съездишася по 3 дни**», в Н5 в этом месте: «**и слы съежахуся по три дни и не умиришася**».

6678 /1170	≤Н1[1]	⋚Н1[2]+≤НК1[4]	≤С1[3]	НК1+ НК2	Н4+?[5]

[1] За исключением последних двух сообщений (о смерти Мстислава, Глеба и водворения Владимира Мстиславича). [2,3] О смерти Мстислава; к названию г. Владимира доб. «**Волынский**». [4] Об изгнании из Новгорода Романа и замещении его Рюриком. [5] Здесь появляется уточнение «**...в 70 дней**».

6679 /1171	≤Н1[1]	НК1	—	НК1+ ≤Н1[2]	≤Н4[3]

[1] О преставлении князя Владимира в Киеве (первое сообщение статьи Н1). [2] О смене посадников. [3] Нет сообщения о смене посадников.

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6680 /1172</td><td>≤Н1[1]+≤Л[2]+ ≲Л(6683)[3]</td><td>≤НК1[4]+≤Л[5]</td><td>≤С1[6]</td><td>НК1+ ≤НК2[7]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О закладке церкви Св. Иакова в Новгороде и о смене князей в Киеве. [2] О преставлении Глеба Юрьевича и о посажении Андреем в Киеве Романа. [3] О сидении в Киеве Ярослава Изяславича. [4] За исключением сообщения о закладке церкви. [5] О посажении Андреем в Смоленске Ярополка. [6] О посажении Андреем в Киеве Романа. [7] Во избежание дублирования НК1 исключено совпадающее с НК1 (о Романе).</td></tr>
<tr><td>6681 /1173</td><td>—</td><td>≤Л</td><td>С1</td><td>НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td>6682 /1174</td><td>≤Н1(6684)[1]+ Н1[2]+Л[3]</td><td>≤НК1[4]+≤Л[5]</td><td>≤С1[6]</td><td>НК1+ НК2</td><td>≈Н4[7]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О церквах Св. Михаила и «Ѹсекновение Иоанново». [2] О Романе Ростиславиче. [3] О бегстве Рюрика из Новгорода и о вокняжении Юрия. [4] За исключением сообщений о церквах. [5,6] О вражде Ростиславичей с Андреем и Юрием. [7] Перестановка известий.</td></tr>
<tr><td>6683 /1175</td><td>≤Н1[1]+≤Л[2]</td><td>⋚Л[3]+≤НК1</td><td>≲Л[4]</td><td>НК1+ НК2+ ≤Н1[5]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О смене в Новгороде Юрия Андреевича Святославом. [2] От начала, т. е. от слов «Сѣдящу Изяславу Ярославичу в Киевѣ», до слов «тогда вамь дамъ отвѣт». [3] Об убийстве Андрея Боголюбского. [4] Коротко о борьбе за Владимир после смерти Андрея. [5] О посадниках.</td></tr>
<tr><td>6684 /1176</td><td>≤Н1[1]</td><td>≤НК1[2]</td><td>≤Н1[3]</td><td>НК1+ НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] От начала по слова «и порубиша я». [2] За исключением сообщения о Волхове. [3] О нападении чуди на Псков (короче).</td></tr>
<tr><td>6685 /1177</td><td>—</td><td>≲Л[1]</td><td>⋚Л[2]+С1</td><td>НК2[3]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Сокращающая переделка всей статьи, исключено начало — сообщение о смерти Михаила. [2] О смерти Михаила; доб.: «княжив лѣто». [3] О смерти Михаила — дублировка НК1 6684 г.</td></tr>
</table>

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6686 /1178</td><td>≤Н1[1]</td><td>≶Н1[2]</td><td>С1</td><td>НК1+ НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] За исключением сообщения о смерти Мстислава. [2] О смерти Мстислава доб.: «в Новгороде в гробници Володимера Ярославича».</td></tr>
<tr><td>6687 /1179</td><td>≤Н1[1]</td><td>НК1(6686)</td><td>≤Н1х Ип(6686)[2]</td><td>НК1+ НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О строительстве церкви Благовещения. [2] О приходе в Новгород Мстислава Ростиславича и о походе на чудь и на очелу. Из Ип — диалог князя и новгородцев и подробности похода.</td></tr>
<tr><td>6688 /1180</td><td>≤Н1[1]+ ≤Л(6689)[2]</td><td>≤НК1[3]</td><td>≤Ип(6686)[4]</td><td>НК1+ НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] От слов «Послаша новгородци» до слов «и убиша их новгородци 300»; кроме того — последняя фраза. [2] От слов «Всеволод же благосердъ сый» до слов «Всеволод въ Володимирь». [3] Выпущено — о закладке церкви Богоявления в Новгороде. [4] О походе с новгородцами на Полотск и о смерти Мстислава.</td></tr>
<tr><td>6689 /1181</td><td>≤Н1[1]+ ≤Л(6690)[2] х Н1</td><td>≤НК1[3]</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О строительстве церквей. [2] Слова: «новгородци же проведоша к себѣ... еха к Торжку», «и взяша град, а князя Ярополка яшя», «и възвратися с побѣдою в Володимирь», «в Володимирь, и пусти их опять на Торжок». [3] За исключением сообщений о строительстве церквей и об изгнании из Новгорода Владимира Святославича и присылке Всеволодом Ярослава.</td></tr>
<tr><td>6690 /1182</td><td>—</td><td>≤НК1(6689)[1]</td><td>—</td><td>—</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Об изгнании новгородцами Владимира и о посажении Ярослава.</td></tr>
<tr><td>6691 /1183</td><td>≤Н1[1]</td><td>≲Н1[2]</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4(6692)</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О строительстве церкви Св. Евпатия. [2] Остальная часть статьи.</td></tr>
</table>

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6692 /1184	Н1	≤НК1[1]	—	НК1	—
[1] За исключением сообщения о закладке церкви.					
6693 /1185	≤Л (6694) х Н1[1]+≤Н1[2]	≤НК1[3]+<Л[4]	≤С1[5]	НК1+ НК2	Н4
[1] О затмении солнца. [2] О строительстве церквей. [3] Только о затмении. [4, 5] О походе на половцев.					
6694 /1186	≤Н1[1]	<Л[2]+≤НК1[4]	≤С1[3]	НК1+ ≤Н1[5]+ НК2	≥Н4[6]
[1] Выборка. [2, 3] О походе князя Игоря. [4] О приходе в Новгород Олексы Мануиловича. [5] Об убийствах в Новгороде. [6] Гаврила Неревенич назван посадником.					
6695 /1187	≤Н1[1]	НК1	≤Н1[2]	НК1+ НК2	Н4
[1] Начало и конец статьи. [2] Об избиении «**перьмских** (в Н1: **печерских**. — *Г. П.*) **и югорских**».					
6696 /1188	≤Н1[1]	—	—	НК1+ НК2	Н4
[1] За исключением конца статьи.					
6697 /1189	—	≤Н1 (6698)[1]	—	≤Н1[2]	Н4
[1] Об избиении псковичами чуди. [2] О посадничестве Мирошки Незнанича.					
6698 /1190	—	—	С1(6697)+ ≤Н1 (6691)[1]	НК2[2]	Н4
[1, 2] О строительстве церкви Св. Евпатия; дублирует сообщение НК1 6691 г.					
6699 /1191	≤Н1[1]	НК1	—	НК1	Н4
[1] Вторая половина статьи.					

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6700 / 1192	≤Н1[1]	≤НК1[2]	—	НК1	Н4
[1] Выборка. [2] За исключением двух сообщений о церковном строительстве.					
6701 / 1193	≤Н1[1]	? (новг.)[2] + НК1	≤С1[3]	НК1+ НК2	Н4
[1] Небольшие исключения. [2, 3] О смерти Варлаама, игумена храма Спаса-на-Хутыни.					
6702 / 1194	≤Н1[1]	≤Н1[2]	С1	НК1+ НК2	Н4
[1] О возвращении из Югры и о репрессиях в Новгороде. [2] О пожарах в Новгороде.					
6703 / 1195	≤Н1[1]	≤НК1[2]+? (новг.)[3]	—	НК1	Н4
[1] С некоторыми сокращениями и не до конца. [2] За исключением сообщения о церковном строительстве. [3] О походе Мстислава с новгородцами на Киев и о конфликте новгородцев, Ярослава и Мстислава.					
6704 / 1196	≤Н1[1]	≤НК1[2]	—	НК1 (+≤Н1?)[3]	Н4
[1] С некоторыми пропусками и не до конца. [2] Только об изгнании из Новгорода Ярослава и его правлении в Торжке. [3] Слова «**братеника, на Лубяници, Корев Яковичь**». Может быть, это — пропуск в *списке* НК1.					
6705 / 1197	≤Н1[1]	≤НК1[2]	—	НК1	Н4
[1] Не до конца. [2] С некоторыми сокращениями.					
6706 / 1198	≤Н1[1]+? (новг.)[2]	≤НК1[3]	—	НК1	Н4
[1] С пропусками и не до конца. [2] Имя строителя церкви Ильи Пророка («**Ревша**») и о строительстве церкви Св. Евфимии в монастыре. [3] О смерти двух сыновей Ярослава.					
6707 / 1199	≤Н1[1]	≤НК1[2]	—	НК1	≤Н4[3]

<table>
<tr><td colspan="6">[1] Незначительные пропуски и перестановки. Место церкви Пресв. Богородицы — «на Михалицѣ» — не указано в Комиссионном списке Н1, но указано в Синодальном. [2] С пропуском двух известий о церковном строительстве. [3] Нет известия о граде в Русе.</td></tr>
<tr><td>6708 / 1200</td><td>≤Н1[1]</td><td>≤НК1[2]+≤Н1[3]</td><td>—</td><td>Н1(или НК1+ ≤Н1[4])</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Начало статьи. [2] То же, но короче. [3] Фраза: «А полонъ весь... избытокъ убѣжа». [4] Восполнение недостающим.</td></tr>
<tr><td>6709 / 1201</td><td>≤Н1[1]</td><td>≤НК1[2]</td><td>—</td><td>НК1</td><td>≤Н4[3]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Выборка. [2] То же, но короче. [3] Нет известия о граде в Русе (дублирования).</td></tr>
<tr><td>6710 / 1202</td><td>—</td><td>≤Л(6711)[1]</td><td>С1</td><td>НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О знамении в небе; короче, чем в Л.</td></tr>
<tr><td>6711 / 1203</td><td>—</td><td>НК1(6712)[1]</td><td>≤Н1(+≤Л?)[2]</td><td>НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] В Синодальном списке — под 6711 г. [2] О взятии Киева. Из Л, возможно, — о княжении в Киеве по его взятии Всеволода Святославича Черного.</td></tr>
<tr><td>6712 / 1204</td><td>≤Н1[1]</td><td>≤Н1[2]+?[3]+?[4]</td><td>≤С1[5]</td><td>НК1+ ≤Н1[6]+ НК2</td><td>≤Н4[7]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О победе Ольговичей над Литвой. [2] «О взятьи богохранимого Царяграда». [3] Об иконе Одигитрии и «О ризѣ Пресвятей». [4] О знамении в небе, о Романе и Рюрике. [5] Без даты. Кратко — о взятии Царьграда; об иконе и о ризе — нет; остальное без сокращения. [6] О посадниках; короче. [7] Нет известия о преставлении посадника Мирошки и о последующей смене посадников.</td></tr>
<tr><td>6713 / 1205</td><td>—</td><td>≤Н1[1]</td><td>—</td><td>≤Н1[2]</td><td>—</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О смене князей в Новгороде. [2] О посадничестве Дмитра Мирошкинича.</td></tr>
</table>

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6714 /1206	—	—	—	≤Н1[1]	—
[1] О смерти посадника.					
6715 /1207	≤Н1[1]	—	—	НК1	Н4+ Н4(6716)[2]
[1] О церковном строительстве; выборка. [2] О церкви Св. Пантелеимона.					
6716 /1208	≤Н1[1]	НК1+≤Н1[2]	—	НК1+ ≤Н1[3]	≤Н4[4]
[1] Начало и конец статьи. Пропуск обессмысливает сообщение о чуде. Возможно, это дефект *списка* НК1. [2, 3] Пропущенное в НК1. [4] Нет известия о церкви Св. Пантелеимона.					
6717 /1209	≤Н1[1]	≤НК1[2]	—	НК1+ ≤Н1[3]	Н4[4]
[1] Пропущено о привозе мертвого Дмитра Мирошкинича и о посадничестве Твердислава Михайловича. [2] Незначительные сокращения. [3] О привозе мертвого Дмитра Мирошкинича.					
6718 /1210	≤Н1[1]	≤НК1[2]	—	НК1	Н4
[1] За исключением последних слов: «**и приде Мстислав в Новгород**». [2] Только начало.					
6719 /1211	≤Н1[1]	НК1	≤Л[2]+≤Н1[3]	НК1+ ≤Н1[4]+ НК2	Н4
[1] Вторая половина статьи. [2] О княжении Константина Всеволодовича в Ростове. [3] О пожаре в Новгороде; короче. [4] О посадничестве Дмитра Яконича.					
6720 /1212	≈Н1	≤Л[1]+≲НК1	<С1[2]	НК1+ ≤Н2	≈Н4[3]
[1] О преставлении князя Всеволода; похвала ему. [2] Коротко — о преставлении Всеволода. [3] «**...княжив в Суздале лет 9**».					

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6721 /1213	—	—	≈Н1	НК2	Н4
6722 /1214	≤Н1[1]	≈НК1	≲Н1[2]	НК1+ ≤Н1[3]+ НК2	Н4
[1] Начало статьи, за исключением первого сообщения (о громе и зиме). [2] О походе Мстислава с новгородцами на Киев. [3] О громе.					
6723 /1215	—	≤Н1(6725)[1]	≤Л(6724)[2]+ ≲Н1[3]	НК2	Н4
[1] Об уходе Мстислава из Новгорода в Киев и о том, что он оставил в Новгороде княгиню и сына. [2] О закладке Константином церкви Спаса в Ярославле. [3] Начиная с известия о посольстве новгородцев к Ярославу до конца.					
6724 /1216	—	?(новг.)(≥Н1)[1] +≤Л(6725)[2]	С1	НК2	Н4
[1] Гораздо более подробный, чем в Н1, но родственный ему рассказ о столкновении Мстислава с новгородцами и Ярослава; кроме того, сообщение о походе Всеволода Мстиславича на Ригу. [2] Об избиении Глебом в Рязани братии.					
6725 /1217	≤Н1[1]	—	<Л(6726)[2]+ <Н1[3]	НК1+ НК2	Н4
[1] За исключением конца статьи (о пожаре в Новгороде). [2] О смерти Константина Всеволодовича. [3] О пожаре в Новгороде.					
6726 /1218	≤Н1[1]	?[2]+≲НК1[3]	≤С1[4]	НК1+ ≤Н1[5]+ НК2	Н4
[1] Выборка из начала статьи. [2] О взятии болгарами Устюга. [3] Выборка с сокращениями. [4] См. прим. 2. [5] Остальная часть статьи — не затронутая выборкой НК1.					
6727 /1219	≤Н1[1]	≤НК1[2]	—	НК1+ ≤Н1[3]	Н4
[1] С пропусками и не до конца. [2] Выборка. [3] Только о новых посаднике и тысяцком, и то короче.					

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6728 /1220	≤Н1[1]	≤НК1[2]	—	НК1+ ≤Н1[3]	Н4
[1] Начало статьи; короче. [2] То же, еще короче. [3] Остальная часть статьи, за исключением сообщений о походе Всеволода на Смоленск и о пострижении жены Твердислава.					
6729 /1221	≤Н1	≲НК1	≲Л(6730)	НК1+ НК2	≤Н4[1]
[1] Нет известия об изгнании новгородцами Всеволода и о закладке в Суздале церкви.					
6730 /1222	≤Н1[1]	≤НК1	<Л(6729)[2]	НК1+ НК2	Н4
[1] Выпущено о приходе Всеволода в Новгород по взятии смолянами Полотска.					
6731 /1223	≤Н1[1]	≲Н1[2]	—	НК1	Н4
[1] Середина статьи; короче. [2] Выпущено: об Арсении Хутынском.					
6732 /1224	≤Н1[1]	≲Н1[2]хИп[3]х ТвСб (?)[4]	≤Н1[5]+ ?[6]+<С1[7]+ ≤Л[8]+⋚Н1[9]	НК1+ ≤Н1[10] +≤НК2[11]	Н4

[1] Только о строительстве церквей Семеном Борисовичем. [2] Только о татарах. [3] Из Ип: «**безбожние моавитяне, рекомии татарове**», «**придоша на землю Половетьскую... до реки Днѣпра**», «**Аще не поможете намъ... иссѣчени будете**», «**Бывшу же съвѣту всѣх князей... нежели на своей**», «**Тогда бо бѣ Мьстислав в Киеве... бѣ в Владимире млад**», «**Данил же видев... не бѣ на нем порока**», «**Татарам же победившим... Чагонизъкан их убьен быстъ**». [4] Слова: «**по Дону и в Луку моря**», «**И вси их князи, а ис Киева... 500 мужь и инем странам**», «**И Александр Попович ту убьен быстъ с инеми 10 храбров**», «**а князь Владимир Рюрикович прибеже в Киев и сѣде на столѣ**», «**от татар мѣсяца июня 16 день**», «**Богъ вложи недоумѣние в нас... и по волостемъ**». [5] О столкновении новгородцев и рушан с Литвой. [6] О звезде «**Индокит**» (ср. в конце статьи 6731 г. Л). [7] О татарах и о Владимире Рюриковиче в Киеве. Что сокращен именно рассказ С1, видно по упоминанию «**Олександра Поповича**» и по дате — «**июня 16**» (в Н1 — «**майя в 31**», в Л — «**мая в 30**»). [8] О поставлении митрополита Кирилла. О строительстве церквей Семеном Борисовичем; доб.: «**и мо-**

настырь устрои». [10] О конфликте Всеволода с новгородцами (конец статьи). [11] Во избежание дублирования сообщения Н1 исключено сообщение о строительстве церквей Семеном Борисовичем.

6733 /1225	≤Н1[1]	≤НК1[2]+≤Н1[3]	≤Л[5]+≤С1[4]	НК1+ НК2	Н4

[1] О приходе и уходе Михаила из Новгорода (начало статьи) и об архиепископе Антонии. [2] Только первое сообщение; короче. [3, 4] Остаток статьи; короче, чем в Н1. [5] О закладке церкви Юрием в Нижнем Новгороде.

6734 /1226	≤Н1[1]	⋚НК1[2]	—	НК1	Н4

[1] Начало и конец статьи. [2] Самое начало; доб.: «**с погани Литовськыа**» (основание — предыдущая статья).

6735 /1227	≤Н1[1]	≤Н1[2]	С1[3]	НК1+ НК2	Н4

[1] О волхвах. [2, 3] О походе на емь.

6736 /1228	≤Н1[1]	≤Н1[2]+≤НК1[3]	—	Н1[4]	Н4

[1] Об архиепископе Антонии (начало статьи) и об уходе из Новгорода Ярослава (в середине). [2] О войне с емью. [3] Об уходе Ярослава. [4] Статья полностью.

6737 /1229	≤Н1[1]	≤НК1[2]	—	НК1+ ≤Н1[3]	Н4

[1] С сокращениями и пропусками. [2] Короче. [3] О посадничестве Внезда Водовика (короче).

6738 /1230	≤Н1[1] +? (смол.)[2]	≤Н1[3]+? (смол.-рост.)[4]+ ≤НК1[5]+≤Н1[6]	≤С1[7](хЛ?)[8]	≤НК1[9]+ ≤Н1[10]+ НК2	Н4

[1] О приходе архиепископа Спиридона и о голоде (конец статьи). [2] О смерти смоленского князя Мстислава Давидовича. [3] О землетрясении и помрачении солнца; очень кратко. [4] О море в Смоленске и перенесении мощей св. Леонтия в Ростове. [5] Нача-

ло и конец. [6] О походе Ростислава на Торжок и о голоде; короче. [7] См. прим. 3–4. [8] Из Л (?) — дата землетрясения («**месяца майя 3**»). [9] Первое и последнее сообщения. [10] От слов «**в том же лѣтѣ раскотораася Стефан Твердиславичь**» с некоторыми пропусками до конца.

6739 /1231	≤Н1[1]	≤НК1[2]	≤Л[3]+≤Н1[4]	НК1+ НК2+ ≤Н1[5]	Н4[6]

[1] За исключением первого (о пожаре) и последнего (о смерти в Чернигове посадника) сообщений. [2] Короче и без последнего сообщения (о гибели Олдана Подвоского и возвращении без мира). [3] О рождении у Василька сына Бориса; короче. [4] Первое сообщение (о пожаре). [5] Последнее сообщение (о смерти в Чернигове посадника). [6] Пропущено: «**Выезд, посадник Новгородский**».

6740 /1232	≤Н1[1]	≤НК1	—	НК1	Н4

[1] О смерти архиепископа Антония (конец статьи); короче.

6741 /1233	≤Н1[1]	≤НК1 x Н1(?)[2]	≤Н1[4]	НК1 x Н1(?)[3]+ НК2	Н4

[1] О смерти Федора Ярославича и митрополита Кирилла. [2, 3] Сообщение о смерти Федора Ярославича ближе к Н1. Вероятно, текст слегка изменен в *списке* НК1. [4] Остаток статьи; короче.

6742 /1234	—	≤Н1[1]	С1хН1	НК2+ ≤Н1[2]	Н4

[1] О походе Ярослава под Юрьев и о нападении Литвы; короче. [2] Доб. имена погибших новгородцев.

6743 /1235	—	≲Н1[1]	С1	НК2	≤Н4[2]+ ≤Н4(6744)[3]

[1] О нападении Изяслава с половцами и Михаила с черниговцами на Киев и пленении Владимира Рюриковича. [2] Нет о вокняжении Изяслава в Киеве. [3] О вокняжении Ярослава Всеволодовича, о затмении.

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6744 / 1236</td><td>≤Н1</td><td>≈НК1+≤Л(?)[1]</td><td>≤С1[2]</td><td>НК1+ НК2</td><td>—</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О затмении. Изложено иначе. [2] О Ярославе Всеволодиче в Киеве (измененное в С1 сообщение НК1) и о затмении.</td></tr>
<tr><td>6745 / 1237</td><td>≤Н1</td><td>Н1+Н1(6746) х Л[1]</td><td>≤С1х?[2]</td><td>НК1+ НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О Батыевом нашествии. [2] Правка.</td></tr>
<tr><td>6746 / 1238</td><td>—</td><td>Н1 х Л х Ип[1]</td><td>≤С1х?[2]+ ≤Н1(6747)</td><td>НК2</td><td>≤Н4[3]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Продолжение рассказа о татарском нашествии. [2] Правка. [3] Нет известия про городец в Шелони.</td></tr>
<tr><td>6747 / 1239</td><td>—</td><td>≤Н1+ ≲Ип(6746)[1]х ?[2]</td><td>≤С1[3]</td><td>НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О взятии Переяславля и Чернигова. [2] Об осадной технике татар и о мире, заключенном ими у Киева с Мстиславом, Владимиром и Даниилом. [3] За исключением заимствованного из Н1; короче.</td></tr>
<tr><td>6748 / 1240</td><td>—</td><td>≤Ип(6746)[1]+ ≤Ип(6747)[2]+ ≤Ип[3]+?[4]</td><td>≤Н1[5]+С1[6]</td><td>НК2</td><td>≤Н4[7]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Конец статьи (до слов «И не послушааше его»). [2] Начало статьи (до слов «иноплеменых языкъ безбожных татаръ»). [3] Только о действиях татар. [4] «и воеваша до Володавы и по озеромъ» (в конце). [5] С сокращениями; в рассказе о Невском побоище период от слов «Бысть же тогда чюдо» до слов «А инии мнози язвени быша» перенесен в конец. [6] Текст С1 разрывает собой заимствование из Н1. [7] Пропущено: «…не мози страдати в земли сей долго».</td></tr>
<tr><td>6749 / 1241</td><td>—</td><td>≈Н1(6748)[1]</td><td>≤Л[2]+≤Н1</td><td>НК2</td><td>≤Н4+ Н4(6750)[3]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Небольшие риторические распространения. [2] О рождении у Ярослава сына Василия; короче. [3] «Иде Александр к Батыю царю, а Олег Рязанский к канови поиде».</td></tr>
</table>

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6750 / 1242	—	≳Н1[1]	?[2]+≤С1 (или ≤Н1)	НК2	≤Н4[3]

[1] Риторические распространения и доб. известие об избиении Александром Литвы. [2] О хождении Александра к Батыю, а Олега Рязанского «**к Канови**» (ср. 6751 г. Л — о поездке Ярослава к Батыю, а Константина Ярославича «**к Канови**»). [3] Нет известия, которое вошло в предыдущую статью.

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6751 / 1243	—	≤Н1[1]	—	≤Н1[2]	≤Н4[3]

[1] За исключением последнего сообщения. [2] Последнее сообщение; короче. [3] Пропущено: «**...посадничав 13 лѣт бес три месяц**».

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6752 / 1244	—	≈Н1	—	—	Н4
6753 / 1245	—	≤Н1(6754)[1]+ ≥Н1[2]	—	—	Н4

[1] Вторая половина статьи, за исключением двух последних сообщений. [2] Об убиении в Орде Михаила Черниговского и его боярина Федора; риторические распространения. Любопытна лишь одна добавка — «**Северянин родом**» — об убийце Михаила Домане.

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6754 / 1246	—	?[1]+≲Н1[2]	≤С1[3]+≤Н1[4]	НК2	Н4

[1] О деятельности и смерти в Орде Ярослава и о выкупе пленных у татар Александром. [2] О поездке Александра в Орду. [3] О второй поездке Александра в Орду; очень коротко; добавлено слово «**вторая**» (что касается первой поездки, имеется в виду сообщение НК2 6750 г.). Что сокращена именно С1, а не Н1, показывают слова «**съ честию**» (в Н1: «**с великою любовию**»). [4] Вторая половина статьи, за исключением двух последних сообщений; короче.

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6755 / 1247	—	—	≲С1[1](6753)+ ⋚Н1(6754)[2]+ ≤Л[3]+ ≲Л(6757)[4]	НК2	Н4

[1] Об убиении Михаила Черниговского и боярина Федора; та же дата, что в С1 (23 сентября). [2] О смерти Ярослава; доб.: «**княжив в Володимере лѣто**». [3] О Святославе. [4] Об Андрее.

6757 /1249	Н1	НК1 (или Н1)	≲Л[1]+?[2]	НК1+ НК2	Н4

[1] О смерти Владимира Угличского. [2] О смерти Василия Ярославича, о победе суздальцев над Литвой у Зубцева и о гибели на Поротве Михаила Ярославича Московского.

6758 /1250	Н1	≈НК1 (или Н1)[1]	—	НК1	Н4

[1] Вм. «**в Новгородѣ**»: «**в Руси**».

6759 /1251	≤Н1[1]	НК1+ ?[2] + ⋚Н1[3]	—	НК1+ ≤Н1[4]	Н4

[1] Начало статьи. [2] О нашествии Неврюя, поражении и бегстве князя Андрея. [3] От слов «**По пленении же Неврюеве**» до конца. К заголовку «**Преставление великого князя Александра**» доб.: «**напреди чти преставление великого князя Александра**». Имеется в виду статья 6770 г., где это «**Преставление**» повторено. Небольшие стилистические изменения: вм. «**солнце земли Суждальской**» — «**солнце земли Руской**»; в конце доб.: «**и за все великое княжение**», «**и за правовѣрную вѣру**». [4] О погоде и голоде (пропущенное в С1).

6760 /1252	—	—	≲Н1[1]+≤Л[2]	НК2	Н4

[1] О Неврюе и Андрее; доб.: «**а княжил на Руси 3 лета**» и (к словам «**и убиша его**») «**Чудь**». [2] О смерти Святослава Всеволодовича; короче.

6761 /1253	—	Н1	≤С1(Н1)[1]+ ≤Л(6760)[2]+ ≤Л[3]	НК2	Н4

[1] О победах над Литвой и над немцами. [2] Об Александре во Владимире. [3] О рождении Дмитрия Борисовича.

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6762 / 1254</td><td>—</td><td>Н1</td><td>—</td><td>—</td><td>—</td></tr>
<tr><td>6763 / 1255</td><td>—</td><td>≤Н1[1]+ ≲Л(6765)[2]</td><td>≤Л(6762)[3]</td><td>Н1+ НК2</td><td>≤Н4[4]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] За исключением последнего сообщения (о посаднике). [2] О татарских численниках; вм. «всю землю Суждальскую и Рязанскую и Мюромьскую» — «всю землю Руськую»; небольшое риторическое распространение. [3] О рождении Константина Борисовича. [4] Нет имени князя Бориса.</td></tr>
<tr><td>6764 / 1256</td><td>≤Н1[1]</td><td>≲Н1</td><td>≲Л[2]+ ≤С1(6763)[3]+ ?[4]+≤Л(6766)[5]</td><td>≤Н1+ НК2</td><td>≈Н4[6]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Последнее сообщение. [2] О походе на емь. [3] О численниках. Дата исправлена по Л. [4] О смерти Даниила Ярославича. [5] О смерти Олега Рязанского; короче. [6] «Данилъ Александрович» — ошибочно.</td></tr>
<tr><td>6765 / 1257</td><td>—</td><td>≤Н1[1]</td><td>≤Л[2]+≈С1</td><td>НК2+ ≤Н1[3]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Небольшие пропуски. [2] О приезде Глеба из «Кановы земли». [3] О смерти посадника Онаньи, об убийствах посадника Михалки и Миши, о новых посаднике и тысяцком; короче.</td></tr>
<tr><td>6766 / 1258</td><td>Н1</td><td>≈НК1</td><td>≲С(6763)хЛ[1]</td><td>Н1+ НК2[2]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О «числе»; как в С1 (6763) — «на всю землю Рускую»; доб.: «царства Батыева в 21 лѣто» (счет от нашествия). Дата (год) исправлена согласно Л, где под 6766 г. речь идет о приезде численников во Владимир и в Новгород. [2] Дублирование НК2 6764 г.</td></tr>
<tr><td>6767 / 1259</td><td>—</td><td>≤Н1[1]</td><td>≤С1[2]</td><td>НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] За исключением конца (начиная с сообщения о морозе). [2] За исключением начала (о луне) и конца (об Александре).</td></tr>
<tr><td>6768 / 1260</td><td>—</td><td>≈Н1</td><td>—</td><td>—</td><td>Н4</td></tr>
</table>

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6769 / 1261</td><td>≤Н1[1]</td><td>—</td><td>—</td><td>НК1</td><td>≤Н4[2]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Начало статьи. [2] Нет: «…и отпущение грѣхов».</td></tr>
<tr><td>6770 / 1262</td><td>—</td><td>≥Л[1]+ЖАН[2]+ ⋚Н1[3]+ ≤Н1(6771)[4]+ ≤Н1(6759)[5]</td><td>≤С1[6]+≤Н1[7]</td><td>НК2+ <Н1[8]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О восстании против «бесермен»; риторические распространения; доб. о ногах Зосимы, влачимых псами по городу. [2] Из Жития Александра Невского: о полках, посланных «поплънити христианы», о наборе в татарскую армию; о желании Александра идти в Орду, чтобы «отмолить люди от бѣд», и о посылке им полков «на западныя страны». См.: Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 51, прим. 1. [3] О походе на Юрьев (короче) и о поездке Александра в Орду. [4] О смерти Александра Невского. [5] «Преставление князя Александра». Повторение: см. статью 6759 г. С1. [6] О вече «на бесермен по всемъ градом Рускым» и о походе на Юрьев. [7] О застреленном «муже добром» и Петре Мясниковиче. [8] О третьей поездке Александра в Орду; доб. слово «третье» — счет поездок ведет редактор НК2, ср. статью 6754 г.</td></tr>
<tr><td>6771 / 1263</td><td>≤Н1[1]</td><td>≈НК1</td><td>≲Л(?)[2]</td><td>НК1+ НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Вторая половина статьи. [2] «Родился Глѣбу сынъ Михаил». В Л (в начале статьи) точно так же сказано о рождении у Глеба сына Демьяна, а в Тр — Василия.</td></tr>
<tr><td>6772 / 1264</td><td>≤Н1</td><td>НК1+≤Н1[1]</td><td>≲Н1(6771)х С1(6770)[2]+ ≲Тр-Сим[3]</td><td>НК1+ НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Последние слова. [2] О смерти Александра Невского. Из Н1 — «в церкви святыа Богородица Рожества»; из С1 — о чернечестве; доб. — «и в скимѣ». [3] В Л в этом месте — лакуна по 6791 г. О смерти Андрея Ярославича и вокняжении его брата Ярослава Тверского.</td></tr>
<tr><td>6773 / 1265</td><td>≤Н1[1]+ ≤Н1(6776)[2]</td><td>≈Н1</td><td>≤С1 (или Н1)[3]</td><td>≤НК1[4]+ НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Первое сообщение; короче. [2] Начало статьи. [3] О Воишелге. [4] Первое сообщение.</td></tr>
</table>

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6774 / 1266</td><td>—</td><td>≈Пск3 (6773)[1]+≤Н1[2]</td><td>≤С1[2]</td><td>≤НК1 (6773)[3]+ НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О походе Довмонта с псковичами на Литву; о приходе Ярослава в Новгород — как в Н1. [2] О походе Довмонта. Заимствованное из Н1 6776 г. (см.: 6773 г., прим. 2).</td></tr>
<tr><td>6775 / 1267</td><td>—</td><td>≤Н1[1]</td><td>⋚Н1(или ≤Н1+⋚С1)[2]+ ≤Тр-Сим (6773)[3]</td><td>НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О походе на Литву (конец статьи). [2] О пожаре (начало статьи Н1; короче) и о походе на Литву; доб.: «и Герденя убиша». [3] О смерти Дмитрия Святославича; короче.</td></tr>
<tr><td>6776 / 1268</td><td>—</td><td>≲Н1[1]+≤Пск3[2]</td><td>≤С1хН1</td><td>НК2+ ≤Н1[3]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] За исключением конца. [2] О «Домонте», от слов «князь же Домонтъ проиде землю непроходимую» до конца. [3] О посадничестве Павши Онаньича.</td></tr>
<tr><td>6777 / 1269</td><td>≤Н1[1]</td><td>≈Н1+ ≤Тр-Сим[2]</td><td>—</td><td>НК1+ ≤Н1[3]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Начало статьи. [2] О кончине Дмитрия Святославича. [3] О Ратиборе Клуксовиче.</td></tr>
<tr><td>6778 / 1270</td><td>—</td><td>≲Н1[1]+ ≤Тр-Сим[2]</td><td>≤С1[3]</td><td>≤Н1[4]+ НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] За исключением первого сообщения; стилистическая правка. [2] Об убиении Романа Рязанского и обращение летописца к князьям. [3] Только об убиении Романа Рязанского. [4] За исключением первого сообщения; к имени убитого Иванка добавлено: «Коровьяка».</td></tr>
<tr><td>6779 / 1271</td><td>—</td><td>≤Н1[1]+Пск3[2]</td><td>≤С1[3]+≤Тр[4]</td><td>НК2</td><td>Н4[5]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О затмении (первое сообщение). [2, 3] О нападении латын на псковские села и победе Домонта; в НК2 короче. [4] О хождении в Орду Ярослава, Василия и Дмитрия. [5] Пропущено: «...немец 800»; полнее: «...а сами приехаша во Псков вси здорови». Ср. в С1: «...в град Пьсков прииде, и вси с ним здрови приидоша».</td></tr>
</table>

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6780 /1272	Н1	≈НК1 (или Н1)+?[1] ≤+Тр-Сим[2]+ ≤Пск3[3]	≤С1[4]	НК1+ НК2[5]	Н4

[1] О смерти Михаилы Ярославича. [2] О вокняжении Василия Ярославича. [3] О защите Домонтом псковских земель от немцев и «**поганой Латыны**». [4] За исключением конца (о послах Дмитрия и Василия в Новгород и выборе новгородцев; в С1 — из НК1 или непосредствено из Н1); короче. [5] Сообщение о смерти Ярослава Ярославича, более краткое (сокращение С1), дублирует более полное известие НК1.

6781 /1273	≤Н1[1]+ ≤Н1(6782)[2]	≲Н1[3]	—	НК1+ ?[4]+ ≤Н1[5]	Н4

[1] За исключением сообщений о посадниках. [2] Об избрании наследника владыке Далмату. [3] За исключением сообщений о дороговизне, об обращении новгородцев к Василию и двух последних сообщений о посадниках (о целовании к Михаилу и о замене Михаила Павшею). [4] О втором числе «**из Орды от царя**». [5] О посадничестве Михаила Мишинича.

6782 /1274	≲Н1[1]	≤Н1	≤С1(6784)[2]	НК1+ ≤Н1[3] +НК2	Н4

[1] Начало и конец статьи. [2] О смерти Василия Ярославича и вокняжении Дмитрия. [3] О смерти посадника Павши.

6784 /1276	≤Н1[1]	≲Н1[2]	—	НК1[3]	Н4

[1] За исключением последнего сообщения (о посольстве к Дмитрию Александровичу); короче. [2] За исключением первого сообщения (о падении стены Св. Софии). [3] Сообщение о смерти Василия Ярославича дублирует сообщение в НК2 6782 г.

6785 /1277	≤Н1	Н1+Тр-Сим (МАк?)[1]	≤С1[2]	НК1+ НК2	Н4

[1, 2] О походе князей «**в Татары на Ясы**», о смерти и перенесении в Ростов тела Бориса Васильевича.

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6786 /1278	Н1	≈Н1+ ?[МАк? или Тр-Сим (6785)?][1]+ ≤Л[2]+?[Тр-Сим (6789)?][3]	≤С1[4]	НК1+ НК2	Н4

[1] О взятии Дмитрием Александровичем «**Тетякова**». Ошибка? Ср. Тр-Сим 6785 г. о взятии Глебом Васильковичем ясского города Дедякова. [2] О смерти Глеба Васильковича. [3] О вокняжении в Ростове Дмитрия и Константина. В Тр-Сим (6789 г.) говорится об их ссоре в Ростове. [4] См. прим. 1–3.

6787 /1279	—	≈Н1+ ≤Тр-Сим[1]	≤С1[2]	НК2	Н4

[1] О смерти Юрия Александровича Суздальского.

6788 /1280	≤Н1[1]	НК1	? (влад.)[2]	НК1+ НК2+ ≲Н1[3]	≈Н4[4]

[1] Начало статьи. [2] «**Кирилъ митрополит в Володимерѣ покры церковь Святую Богородицю съборную оловомъ**». [3] О посадниках. [4] Иначе: «**И даша посадничество сыну его Семиону**», в Н4 — «**...даша посадничество Семиону Михайловичу**».

6789 /1281	≤Н1[1]	Н1+≤МАк[2]	≤С1[3]	НК1+ НК2	≤Н4[4]

[1] За исключением первого сообщения. [2, 3] О татарской рати на Дмитрия Александровича. В НК2 чуть короче. [4] Пропущено: «**Ростовская**».

6790 /1282	≤Н1[1]	≤Тр-Сим[2]+ ≤Н1[4]	≤С1[3]	НК1+ НК2	≈Н4[5]

[1] Выпущены слова «**и поихаша разно мѣсяца генваря в 1**». [2, 3] О второй татарской рати на Дмитрия Александровича и о его поездке к Ногаю. В НК2 чуть короче. [4] За исключением последнего сообщения (о дороговизне хлеба). [5] Дмитрий ошибочно назван Андреем.

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6791 /1283	Н1	≈Н1+ ≲Тр-Сим[1]	≤С1[2]	НК1+ НК2	Н4
[1, 2] О поставлении митрополита Максима, возвращении Дмитрия, мире его с Андреем и убийстве Семена (начало статьи Тр-Сим); короче.					
6792 /1284	≤Н1	≈Н1	—	НК1	Н4
6793 /1285	Н1	≥Н1[1]+?[2]+ ≤МАк[3]	≤С1[4]+≤Л[5]	НК1+ НК2	Н4
[1] Незначительные распространения. [2] О смерти Романа Володимерича Углицкого. [3] Об Андрее Александровиче, приведшем на Русь ордынского царевича, об изгнании царевича Дмитрием Александровичем с братией и об изымании Андреевых бояр. [4] См. прим. 2–3; чуть короче. [5] О закладке церкви Спаса в Твери.					
6794 /1286	—	≤МАк[1]	≤С1	НК2+ ≤Н1	≈Н4[2]
[1] О разделе отчины Дмитрием (Углече Поле) и Константином (Ростов) и о рождении у них сыновей. [2] Иначе: «**...а тысячкое Андреяну Михайловичу**», в Н4 — «**...Андреяну Олуферьевичу**».					
6795 /1287	—	≤Н1[1]	—	≤Н1[2]	Н4
[1] Начальные слова статьи. [2] За исключением последних слов статьи.					
6796 /1288	—	≲МАк[1]	С1	НК2	Н4
[1] О смерти Ростовского епископа Игнатия; доб.: «**великий чюдотворець**».					
6797 /1289	Н1	≈Н1+ ?(рост.)[1]+ ≤Тр-Сим (6796)[2]	≤С1[3]	НК1+ НК2	Н4
[1] О завладении Дмитрием Ростовским всей вотчиной и его походе на Кашин. [2] О смерти Ростовского епископа Симеона. [3] См. прим. 1–2.					

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6798
/1290</td><td>—</td><td>≤МАк[1]+
≤Тр
(6797)[2]</td><td>≤Тр[3]+
≤МАк[4]+С1</td><td>≤Н1[5]+
НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О знамении в луне и о рати среди татар. [2] О поставлении Тверского епископа Андрея. [3] Об освящении церкви Спаса в Твери. [4] Об освящении «святой Богородицы деревянной» в Устюге. [5] За исключением сообщений о посадниках (начало статьи); о посадничестве Юрия Михайловича вставлено ниже, в текст НК2.</td></tr>
<tr><td>6799
/1291</td><td>≤Н1[1]</td><td>—</td><td>? (тат.)[2]</td><td>НК1+
НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О крамольниках, грабивших Торг. [2] Об убийстве Нагуем Телебуги и Алгуя.</td></tr>
<tr><td>6800
/1292</td><td>≤Н1[1]</td><td>≤Н1[2]</td><td>≲Н1[3]</td><td>НК1+
НК2[4]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Пропущена середина (о починке церкви Св. Федора и о походе на емь). [2] О смерти Дмитрия Александровича, о походе на Немецкую землю (ошибка; должно быть «Емьскую землю») и о нападении шведов. [3] О походе на «Емичь»; короче. [4] Вм. «Емичь» написано «Немець».</td></tr>
<tr><td>6801
/1293</td><td>≤Н1[1]</td><td>≲Н1хТр-Сим[2]</td><td>?(костром.)[3]+
?[4]+≲С1[5] (6902)[6]</td><td>НК1х
Н1[7]+
НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Пропущено о князе Андрее и Дюденевой рати; короче. [2] Из Тр-Сим: «Переяславль» и «14 градовъ». [3] О княжении в Костроме Иоанна Дмитриевича. [4] О хождении всех князей в Орду, преставлении там Михаилы Глебовича и возвращении Андрея, Федора и Дмитрия с Константином. [5] О Дюденевой рати. [6] О вокняжении в Ярославле Федора, а в Углече Поле Александра Константиновича. [7] Те же сообщения, что в НК1, но текст восполнен по Н1.</td></tr>
<tr><td>6802
/1294</td><td>≲Н1[1]</td><td>≶Н1[2]+
≤МАк[3]+
≤МАк(6801)[4]</td><td>≤С1[5]хТр (6902)[6]</td><td>НК1+
НК2[7]</td><td>≤Н4[8]</td></tr>
</table>

[1] Сообщения переставлены; незначительные сокращения. [2] Подробнее о кончине Дмитрия Александровича; опущено о церкви Св. Федора (последнее сообщение). [3] О вокняжении Андрея, о преставлении Дмитрия Ростовского и наследовании его

власти Константином Борисовичем. [4] О вокняжении в Ярославле Федора, а в Угличе Поле — Александра Константиновича. [5] О смерти Дмитрия Александровича, об Андрее, Дмитрии Ростовском и Константине Борисовиче. [6] Из Тр: «**в черньцох и в скимѣ**». [7] Сообщение о смерти Дмитрия Александровича дублирует НК1. [8] Нет: «**...и село его великое взяша и пожгоша**».

6803 /1295	Н1	≤МАк[1]+ ≈Н1	≤С1[2]	НК (или Н1)+ НК2	Н4

[1,2] Об уходе князя Андрея Александровича с княгиней в Орду; в НК2 короче.

6804 /1296	Н1	МАк[1]+ Тр-Сим (6805)[2]	≤С1	НК1+ НК2	Н4

[1] О «**нелюбьи**» между князьями. [2] О татарском после, о съезде всех князей во Владимире, об их разделении и примирении.

6805 /1297	Н1	≤МАк[1]+ ≤Н1 (или НК1)[3]	≤С1[2]	НК1+ НК2	Н4

[1,2] Об обманном взятии Александром Глебовичем у отца княжения Смоленского. [3] О возведении новгородцами города Копорье.

6806 /1298	—	≲Л+?[1]+ ≥МАк[2]	≤С1	НК2	Н4

[1] О поездке Андрея Александровича в Новгород (Нижний?). [2] О походе Федора Ярославского на Смоленск.

6807 /1299	≤Н1[1]	≤НК1 (или Н1)+Пск3 (6780)[2]+ ⋚ МАк?[3]	≲С1[4]+≤Н1[5]	НК1+ НК2х Н1	≤Н4[6]

[1] Нет — о пожаре; только о смерти архиепископа Климента и выборе Феоктиста. [2] О защите Домонтом Пскова от немцев и его смерти (≥Н1). [3] О переезде во Владимир митрополита Максима и о смерти Федора Ярославского; добавлена дата смерти («**сентября в 19 день**»). [4] См. прим. 2–3. [5] О пожаре. [6] Отсутствует дата смерти: «**...сентября в 19 день**».

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6808 / 1300	≤Н1[1]	≤НК[2]	≤С1 (или Н1)[3]	НК1+ НК2	Н4

[1] О приезде митрополита Максима в Новгород, поставлении в архиепископы Феоктиста и о закладке церкви. [2] За исключением сообщений о пожаре и закладке церкви. [3] Об основании города Венец Земли в устье Охты на Неве; короче.

6809 / 1301	—	≈Н1+≶МАк[1]	≤С1	НК2	≤Н4[2]

[1] О буре в Ростове; доб. дата («**июля в 6**»). [2] Нет даты: «**...июля 6**» в конце статьи.

6810 / 1302	≤Н1[1]	≲Тр(6881)[2] + ≤Н1[4]	≲С1[3]	НК1+ НК2	Н4

[1] Начало статьи (о закладке каменного «**города**» в Новгороде). [2, 3] О смерти Ивана Переяславского и переходе Переяславля во власть Данилы Московского; в НК2 короче. [4] О каменном Новгороде, о новгородском посольстве в «**Доньскую**» землю и об уходе Андрея Александровича в Орду (исключены два сообщения о церковном строительстве).

6811 / 1303	≤Н1[1]	≲Л[2]+ ≲Л (6812)	≈С1	НК1+ НК2	Н4

[1] Только о церковном строительстве (Синодальный список Н1). [2] О смерти Бориса Андреевича (Костромского). [3] О смерти Данилы Александровича Московского.

6812 / 1304	≤Н1[1]	Н1+≲Тр-Сим (6814)	≤Тр-Сим (6813)[2]+ ≲С1[3]	НК1+ НК2[4]	Н4

[1] Об Иване Даниловиче в Переяславле и убиении Окинфа. [2] О хождении в Орду Михаила Тверского. [3] О смерти Андрея Александровича, об Иване Даниловиче и Окинфе. [4] О смерти Андрея — дублирование НК1.

6813 / 1305	≶Н1[1]	≶Тр-Сим (6814)[2]+ ≤Тр-Сим (6815)[3]+ ≤Тр-Сим	≤С1	НК1+ НК2	≈Н4[7]

		(6816)[4]+ ?(ред.)[5]+ ?(нижегор.)[6]			

[1] О возведении церкви (начало статьи); доб. ее название: «**Покров Святыа Богородица**». [2] О возвращении Михаила Тверского из Орды и походе его на Москву; доб.: «**и взя с великими князи с Даниловичи мир**». [3] О смерти митрополита Максима. [4] О смерти Александра Даниловича. [5] Слова: «**А от Михаила великого князя княжения до Таитемировы рати 10 лѣт**». [6] О восстании черных людей в Нижнем Новгороде, приезде туда из Орды князя Михаила Андреевича и избиении им «**вѣчников**». [7] Здесь иначе: «**...декабря в 6**», в Н4 — «**...декабря в 16**»; в Н5 — «**...изби всех вѣчников**», в Н4 — «**...изби вѣчники**».

6815 /1307	≤Н1	≤Н1[1]+МАк[2]	≤С1[3]	НК1+ НК2	Н4

[1] За исключением последнего сообщения (о церковном строительстве); короче (сокращения иные, чем в НК1). [2, 3] О смерти Константина Борисовича Ростовского в Орде.

6816 /1308	—	Тр-Сим[1]+ ≤Н1 (6817)	≤С1[2]	НК2+ ≤Тр[3]	Н4

[1, 2] О поставлении митрополита Петра; в НК2 короче. [3] О море и дороговизне.

6817 /1309	≤Н1[1]	—	—	НК1	Н4

[1] Первые слова статьи.

6818 /1310	≤Н1[1]	≤Н1[2]+МАк[3]+ ≲Тр-Сим[4]	≤С1[5]	НК2+ НК1	Н4

[1] За исключением первого и последнего сообщений; короче; в начале — перестановка. [2] О походе новгородцев на Узерву ставить город (первое сообщение) и о смерти архиепископа Феоктиста. [3] О рождении сына Федора у Василия Константиновича Галицкого. [4] О митрополите Петре и о бое Василия и Святослава под Брянском. [5] За исключением последнего сообщения (о смерти архиепископа); короче.

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6819 / 1311</td><td>≤Н1[1]</td><td>≲Н1[2]+≲Тр[3]</td><td>≈С1</td><td>НК2+ НК1+ ≤Н1[4]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Последнее сообщение; короче. [2] О походе новгородцев на немцев и на емь (начало статьи). [3] О походе Дмитрия Михайловича Тверского на Нижний Новгород. [4] О пожаре; короче.</td></tr>
<tr><td>6820 / 1312</td><td>≥Н1[1]</td><td>≤НК1[2]</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] К сообщению о мире новгородцев с Михаилом Тверским доб.: «на полуторе тысяч сребра». [2] За исключением последнего сообщения (о церковном строительстве). С НК1 сближают слова: «на полторы тысячи гривен серебра».</td></tr>
<tr><td>6821 / 1313</td><td>≤Н1[1]</td><td>≤Тр-Сим[2] + НК1(или ≤Н1)[3]</td><td>—</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Начало статьи. [2] О смерти Тахты и воцарении Озбяка. [3] Исключенным остается лишь сообщение Н1 о церковном строительстве.</td></tr>
<tr><td>6822 / 1314</td><td>—</td><td>≲Н1[1]</td><td>≤С1</td><td>≤Н1[2]+ НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] За исключением конца (о дороговизне в Новгороде и о грабежах в Пскове). [2] Исключенное в С1.</td></tr>
<tr><td>6823 / 1315</td><td>—</td><td>≲Н1[1]</td><td>≤С1+? (рост.)[2]</td><td>НК2х Н1+ ≤Н1[3]</td><td>≈Н4[4]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] За исключением конца (о посадничестве Семена Климовича); к имени Тайтемиря доб. имена: Марходжа и Индый. [2] Вставлено сообщение о том, что татары по пути в Новгород из Орды были в Ростове. [3] О посадничестве Семена Климовича. [4] В конце статьи ошибка: «Михаилу Климовичу».</td></tr>
<tr><td>6824 / 1316</td><td>—</td><td>≈Н1[1]+МАк[1] хТр-Сим (6826)[2]</td><td>≲С1[3]+ ≲С1 (6826)[4]</td><td>≤Н1[5]х ≤НК2[6]</td><td>Н4</td></tr>
</table>

[1] О приходе на Русь из Орды Василия Константиновича с татарскими послами Сабанчеем и Казанчием. [2] О сотворенном ими зле Ростову (ср. Тр-Сим 6826 г. о после «**именем Кончя**», взявшем «**весь Ростов ратью**»). [3] Только о походе Михаила на Новгород и о Василии Константиновиче с татарами (Ростов); исключено о расправе со сторонниками Михаила в Новгороде. [4] За исключением начала и конца (от слов «**И поидоша новгородци...**»). [5] О расправе со сторонниками Михаила в Новгороде. [6] Только взятое из статьи этого года С1 (см. прим. 3).

6825 /1317	—	Н1	—	≤НК2 (6824)[1]	≈Н4[2]

[1] Взятое из С1 (6826). [2] Иначе: «**...что сидели в тале**».

6826 /1318	—	≈Н1+ ⋚Тр-Сим[1]	≤С1[2]+ <С1(6827)[3]	НК2	≤Н4[4]

[1] О после Конче. [2] Начало и конец. [3] Краткое сообщение о хождении в Орду Юрия и Михаила, об убиении Михаила и привозе тела его в Москву. [4] В конце статьи пропущено: «**...и везоша его на Москву**».

6827 /1319	Н1	?(твер.)[1]+ ≲Н1[2]	≲С1[3]	НК1[4]+ НК2[5]	Н4

[1] Повесть «**Убиение князя Михаила Ярославича Тферьского в Орде от царя Озбяка**». [2] О присылке Юрием в Новгород брата Афанасия. [3] О привозе тела Михаила в Тверь и о присылке в Новгород Афанасия (доб.: «**из Орды**»). [4] Сообщение о гибели Михаила в Орде дублирует сообщение НК2 6826 г. [5] Сообщение об Афанасии дублирует сообщение НК1.

6828 /1320	—	МАк[1]	≈С1	НК2+? (новг.)[2]	Н4

[1] О приезде Юрия Даниловича из Орды в Ростов, а оттуда в Новгород, о смерти Юрия Александровича Ростовского, о «злых татарах» в Ростове и об их изгнании. [2] О хождении Луки на Мурманы и об избиении немцами ушкуев Игната Малыгина.

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6829 / 1321</td><td>≤Н1[1]</td><td>НК1+≤Тр-Сим (хН1?)[2]+ ≤Тр-Сим (6828)[3]+ ≤МАк[4]</td><td>≈С1[5]</td><td>НК1+ ≤С1(?)[6]+ ?[7]+НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Первая половина статьи. [2] Сообщение о затмении: начало по Н1 (дата), а кончено по Тр-Сим. [3] О смерти князя Бориса Даниловича. [4] О смерти Давыда Ярославского. [5] См. прим. 3–4. [6] О затмении. [7] О море: «Мор бысть на люди».</td></tr>
<tr><td>6830 / 1322</td><td>≲Н1[1]</td><td>НК1+≤Н1[2]</td><td>≲Тр-Сим+ ≤С1[3]</td><td>НК1+ ≈НК2[4]</td><td>≤Н4[5]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Вторая половина статьи (начиная с сообщения о смерти Афанасия), за исключением последних слов; вм. «Спаса на Городищи» — «Спаса в Нередицах в монастыри». [2] О князе Юрии, немцах и походе Юрия с новгородцами к Выборгу (короче); вставлено в середину текста НК1. [3] См. прим. 2; короче. [4] Сообщение об Ахмыле (из Тр-Сим через НК2) дублирует сообщение НК1. [5] Исключено дублирование, нет последних известий о походе Юрия к Выборгу и о вокняжении Дмитрия Михайловича.</td></tr>
<tr><td>6831 / 1323</td><td>≤Н1[1]</td><td>Н1+≤Пск3[2]</td><td>≤С1[3]</td><td>НК1 (6832)[4]+ НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Начало статьи. [2] О нападении на Псков немцев и защите Пскова литовским князем Давыдкой. [3] Перенесено в конец и сокращено взятое из Н1 — восполнение НК1. [4] НК1 (6831) совсем не вошла в Н4. Перескок со статьи 6831 г. на статью 6832 г. объясняется одинаковым началом этих двух статей: «Ходиша (6832 г.: “Идоша“) новгородцы с князем Юрьем».</td></tr>
<tr><td>6832 / 1324</td><td>≤Н1[1]</td><td>НК1</td><td>—</td><td>≤Н1[2]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Пропущено сообщение о завершении и освящении церкви. [2] О завершении церкви.</td></tr>
<tr><td>6833 / 1325</td><td>≤Н1[1]</td><td>≤Тр-Сим+ ≲Н1[2]+НК1[3]</td><td>≤С1[4]+≤Н1(6834) или С1 (6834)[5]</td><td>НК1+ НК2+ ≲С1(?)[6]</td><td>Н4</td></tr>
</table>

[1] Начало статьи. [2] За исключением начала. [3] Помещено в конце. [4] Восполнение НК1. [5] Дата поставления архиепископа Моисея. [6] Фраза в конце: «**...А княжил Юрьи 3 лета**» (ср. С1: «**Княжения великого Юрия Даниловича 3 лета**»). Возможно, случайное совпадение, возможно также — пропуск *в списке* НК2.

6834 /1326	≤Н1[1]	НК1+ ≤Н1[2]+ ≤Тр-Сим	≤С1[3]	НК1+ НК2	Н4

[1] Начало и конец статьи. [2] За исключением сообщения о пожаре. [3] Только взятое из Тр-Сим; короче.

6835 /1327	≤Н1[1]	≤НК1[2]+ ≤Тр-Сим[3]+ ? (твер.)[4]+ ≤Н1[5]	≤С1[6]	НК1+ ≤Н1[7]+ НК2[8]	≤Н4[9]

[1] Возведение церкви Пресв. Богородицы на Десятине приписано княгине Святославлей, а в Н1 (Синодальный список, в Комиссионном это сообщение отсутствует) — архиепископу Моисею. Далее — вторая половина статьи. [2] Исключено — о возведении церкви. [3] Исключено об освящении церкви в Москве; остальное короче. Сообщение о хождении в Орду Ивана Даниловича дублирует сообщение, взятое из НК1. [4] О Щолкане и победе над ним Александра Михайловича Тверского. [5] Дата боя Александра Тверского и Щолкана и об иссечении «гостей Хопыльских». [6] За исключением начала и конца, несколько короче. [7] О «мятеже» в Новгороде. [8] Сообщения о хождении в Орду Ивана Даниловича, о татарской рати на Тверь и о бегстве Александра в Псков дублируют сообщения НК1. [9] Доб.: «**Родися князь Андрей Иванович**» (ср. С1).

6836 /1328	⋚Н1[1]	≲Тр[2]+≤Н1[3]+ ?(рост.)[4]+ НК1	≤С1[5]	НК1+ НК2	Н4

[1] За исключением последнего сообщения (о пожаре в Юрьеве); к слову «**цесарь**» доб. имя «**Озбяк**». [2] Об Иване Даниловиче и митрополите Феогносте. [3] О пожаре в Юрьеве. [4] О смерти Константина Ростовского. [5] См. прим. 2–4; чуть короче.

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6837 / 1329</td><td>≤Н1[1]</td><td>≤Н1(хНК1?)[2]</td><td>≲Тр-Сим+ ≤Н1[3]</td><td>НК1+ НК2</td><td>≤Н4[4]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Первая половина статьи в сокращении. [2] Та же часть статьи, что в НК1, но полнее. [3] Об избиении новгородцев, пошедших на Югру (из 2-й половины статьи). [4] Нет о закладке двух церквей в Москве.</td></tr>
<tr><td>6838 / 1330</td><td>—</td><td>≲Тр[1]+Пск1 и 3 (6835)[2]+Н1[3]</td><td>≤С1[4]</td><td>≥НК2[5]х Н1[6]</td><td>≤Н4[7]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О церкви Спаса. [2] О походе князей с митрополитом на Псков, бегстве Александра в Литву, мире и о возведении псковичами каменного Изборска. [3] Все — короче; доб., что архиепископ Моисей «сниде со владычества на Коломицю». [4] Нет добавки, отмеченной в прим. 3. Пропуск в списке НК2? См. следующее прим. [5] Доб.: «быв 5 лет и съиде с владычества в монастырь на Коломици». [6] Слова «Пострижеся в схиму». [7] Пропущена дата «января 1».</td></tr>
<tr><td>6839 / 1331</td><td>—</td><td>⋚Н1[1]+?[2]</td><td>≤МАк[3]+≤С1[4]</td><td>?[5]+НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Подробнее о хождении новгородцев с владыкой Василием в Волынь к митрополиту. Короче — конец статьи (о возвращении Василия). [2] О хождении в Орду Ивана Даниловича и Константина Михайловича Тверского. [3] О смерти Федора Васильевича Ростовского. [4] Незначительные сокращения. [5] О помрачении солнца.</td></tr>
<tr><td>6840 / 1332</td><td>—</td><td>≤Н1[1]+≤Тр[2]+ ≤Тр (6841)[3]</td><td>≤С1[4]</td><td>≲Н1[5]+ ≥НК2[6]</td><td>≈Н4[7]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Середина статьи. [2] О голоде. [3] О смерти Александра Васильевича Суздальского. [4] Чуть короче; исключено (или пропущено в списке) о голоде. [5] Начало и конец статьи. [6] Есть — о голоде (см. прим. 4). [7] Пропущено отчество Александра Суздальского.</td></tr>
<tr><td>6841 / 1333</td><td>≤Н1[1]+? (новг.)[2]</td><td>≲Н1[3]+≈НК1</td><td>≤С1[4]</td><td>НК1+ НК2х Н1[5]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Начало статьи с сокращениями. [2] О мире новгородцев с князем Иваном. [3] Вторая половина статьи; короче. [4] См. прим. 3. [5] Из Н1 — «мѣсяца октября».</td></tr>
</table>

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6842 / 1334</td><td>≤Н1[1]</td><td>НК1</td><td>≤Н1[2]+≤Тр[3]</td><td>НК1+ НК2 хТр[4]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Конец статьи; короче. [2] Начало статьи. [3] Начало статьи. [4] Из Тр — «**одиного лѣта**».</td></tr>
<tr><td>6843 / 1335</td><td>—</td><td>≤Н1[1]</td><td>≤Н1[2]+С1</td><td>НК2+ ≤Н1[3]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Середина статьи. [2] О церкви Воскресения (начало статьи) и о поездке владыки Василия в Москву. [3] О Волхове и мосте.</td></tr>
<tr><td>6844 / 1336</td><td>—</td><td>≤Н1[1](или Сим)[1]+? (твер.?)[2]</td><td>≤Н1[4]+≤С1[3]+ ≤Н1(6845)[5]</td><td>≤НК2[6]+ ≤Н1[7]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О хождении в Орду Ивана Даниловича. [2, 3] О возвращении из Орды Федора Александровича. [4] О закладке церкви Входа в Иерусалим и о медных дверях Св. Софии. [5] О пожаре Москвы и Торопца, об Александре, завершении и освящении церкви Входа в Иерусалим и о рати Ивана на двинян. [6] См. прим. 3–4, т. е. составитель Н4 опустил взятое в НК2 из статьи 6845 г. Н1. [7] О пожаре в Пскове.</td></tr>
<tr><td>6845 / 1337</td><td>—</td><td>?(новг.)[1]+≤Н1[2]</td><td>—</td><td>≤Н1[3]+ ≤НК2 (6844)[4]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О захвате немцами и о возвращении новгородцами Корельского города, о знамении в церкви Св. Троицы на Рядитине улице. [2] О хождении Александра Михайловича в Орду и о войне корелы и немцев с новгородцами (дублирование?). [3] О поездке владыки Василия в Псков. [4] Заимствованное из статьи Н1 6845 г. (см. под 6844 г. прим. 5).</td></tr>
<tr><td>6846 / 1338</td><td>≤Н1(6845)[1]</td><td>≤Н1[2]</td><td>≤Тр(6845)[3]+ ≤Н1[4]</td><td>НК1+ ≤Н1[5]+ НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О войне корелы и немцев с новгородцами. [2] Выборка. [3] О рождении Василия Семеновича; короче. [4] Иная, чем в НК1 и С1, сокращенная выборка. [5] О паводке на Волхове (начало статьи), об убитом Михее Копорьянине и о строительстве нового моста.</td></tr>
</table>

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6847 /1339	—	≤Н1[1]	≤С1(или Н1)[2]	НК2+ ≤Н1[3]	Н4

[1] За исключением сообщений об окончании росписи владычней церкви и о пожаре; к сообщению о смерти в Орде князя Александра Михайловича и его сына Федора доб.: «**за християньскую вѣру**». [2] Только о знамении, возвращении князя Ивана из Орды и новгородском посольстве к нему. [3] Добавлены имена послов и сообщения о пожаре.

6848 /1340	≤Н1[1]	≤Тр-Сим (6847)[2]+≤Н1[3]	≤Н1(6847)[4]+ ⋚Н1[5]+≤С1[6]	НК1+ НК2+ ≤Н1[7]	≈Н4[8]

[1] Опущено о пожарах и о мосте. [2] О Товлубии и татарской рати на Смоленск. [3] Об убийстве брянцами Глеба Святославича. [4] О хождении в Орду Ивана Даниловича, Александра и Федора (начало статьи) и об убийстве в Орде Александра Михайловича и его сына Федора. [5] О пожарах; короче; доб.: «**А всѣх церквий погорѣ 50, а людий 70 душъ**». [6] См. прим. 2. [7] Подробности о пожаре. [8] Иначе: «**...рать Русская и ничим же *не озлоблена***»; нет даты 29 декабря, видимо, она показалась сомнительной, так как события происходили «**...той же осени**».

6849 /1341	≤Н1[1]	⋚Тр-Сим (6848)[2]+ ?(новг.)[3]+ ≤Пск 1, 2 и 3[4]+Тр-Сим[5]+ ≤НК1(6848)[6]+ НК1	≤С1[7]+≤Н1[8]+ ≤Н1(6848) (или Тр 6848, или С1 6848)[9]	НК1+ НК2[10]+ ≤С1(?)[11]	Н4 х Н1[12]

[1] За исключением начала, известия в середине статьи (о строительстве терема) и конца. [2] О смерти Ивана Даниловича и хождении князей в Орду; полнее перечень князей. [3] О походе новгородцев на Устюжну. [4] Об убийстве немцами псковских послов и походе на Латыголу; о возведении немцами города на Псковской земле. [5] О литовской рати на Можайск. [6] О Торжке. [7] О смерти Ивана Даниловича, хождении князей в Орду, вокняжении Семена Ивановича, литовской рати на Можайск и

возведении немецкого города на Псковской земле. [8] О починке Св. Софии (начало статьи). [9] Об убийстве брянцами Глеба Святославича — дублирование сообщения в статье 6848 г. (из НК1). [10] О смерти Ивана Калиты и об убийстве Глеба Святославича — дублирование НК1 6848 г. [11] О немцах, псковских послах и Латыголе (см. прим. 4). Думаю, что это пропуск в *списке* НК2. [12] В Н5 известие об убийстве Глеба Брянского изложено полнее, чем в Н4, причем наблюдается сходство с этим известием в Н1: «**Той же зимы убиен бысть князь Глеб Святославлич Брянский от своих клятых Брянчов декабря в 6, в Николин день, и митрополит был ту, но не мог их уняти**» (ср. в Н1: «**...и в то время и митрополит ту бяше, и не возможе уняти их, но вышедше из церкви святого Николы**»).

6850 /1342	≤Н1[1]	≤Пск1, 2 и 3 (6849)[2]+ ⋚Н1[3]	≤Н1[4]+≤С1[5]	НК1+ ≤Н1[6]+ НК2	Н4

[1] О Луке Варфоломееве (не всё). [2] О войне псковичей с немцами, осаде Изборска и литовской помощи. [3] О победе псковичей над немцами под Новым городком (доб.: «**а сами все здорови**») и о хождении в Орду Семена Ивановича. [4] О псковском посольстве в Новгород и походе новгородцев (короче), о закладке церкви Благовещения. [5] За исключением конца (о Семене Ивановиче). [6] Продолжение рассказа — до конца статьи; далее (после текста НК2) — о пожаре и смерти посадника (из середины статьи).

6851 /1343	≤Н1[1]	≤Н1(хНК1?)[2]	≤С1(или Н1)[3]	НК1+ НК2	Н4

[1] За исключением конца (о церкви Благовещения на Городище); к сообщению о хождении Феогноста в Орду доб.: «**за причет церковный**». [2] Есть слова «**за причет церковный**». [3] О церкви Благовещения; кратко.

6852 /1344	—	Н1	—	—	≤Н4 (6853)[1]

[1] Здесь лишь два известия: о закладке церкви Св. Пятницы и закладке церкви Св. Козьмы и Дамиана.

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6853 /1345</td><td>≤Н1[1]+? (новг.)[2]</td><td>≲Н1[3]+≲Тр[4]</td><td>≤С1[5]</td><td>НК1+ ≤Н1[6]+ НК2</td><td>≤Н4[7]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Начало статьи. [2] О закладке Акинфом Жабиным Спаса-на-Ковалеве. [3] О литовской междоусобице и о ветре в Новгороде. [4] О смерти ярославского и муромского князей. [5] За исключением сообщения о ветре; короче. [6] О ветре и новом посаднике. [7] Нет известия о преставлении Василия Ярославского и тех известий, которые вошли в предыдущую годовую статью.</td></tr>
<tr><td>6854 /1346</td><td>—</td><td>≲Н1[1]+≲Тр[2]</td><td>≤С1[3]хН1[4]</td><td>НК1</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] За исключением сообщения о крестчатых ризах. [2] О море «на бесермен». [3] За исключением конца статьи (о поездке в Новгород Семена Ивановича). [4] О крестчатых ризах.</td></tr>
<tr><td>6855 /1347</td><td>—</td><td>≤Сим[1]+≶Н1 (6956)[2]+? (псков.)[3]+?[4]</td><td>?(новг.)[5]+ ≤С1[6]</td><td>НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О бое немцев с Литвой. [2] В рассказе о взятии Магнушем Орехова следующие перемены: вм. слов «к новгородцам рек» — «в Новгород, к новугородскому владыцѣ Василию и ко всѣм новгородцем послы своя черньцы, а ркучи»; вм. «с малою дружиною» — «а с ними четыре ста рати»; доб. от слов «Бысть же бой си на Жабче полѣ» до слов «а в городкѣ оставиша рать свою»; доб.: «но зашли ми дела царева»; вм. «долго» — «немного»; пропущено от слов: «Князь же Иван прииха в Новгород» до слов «а в Ореховце оставив рать»; доб.: «Оле милосердие Божие... убиша 9 человекъ». Опущено о пожаре и о повелении расписать церковь Воскресения. [3] О жаловании новгородцев Пскову. [4] О Евстафии, Антонии и Иоанне, убитых за веру в Вильне. [5] О мире новгородцев с Литвой. [6] Только начало; короче.</td></tr>
<tr><td>6856 /1348</td><td>—</td><td>—</td><td>≶С1(6855)[1]+ ≤Тр[2]</td><td>≤Н1[3]+ НК2</td><td>Н4+ ≤Н4 (6860)[4]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Продолжение рассказа, начатого в предыдущей статье НК2. Сверх С1: о походе к Корельскому городку, об уходе псковичей из-под Орешка и подробности взятия</td></tr>
</table>

городка. [2] О рождении Данилы Семеновича. [3] О повелении расписать церковь Воскресения. [4] Здесь помещено «**Рукописание Магнуша**».

6857 /1349	Н1	НК1(или Н1)+ ≤Тр (6856)[1]	?(новг.)[3]+ ≤С1[2]	НК1+ НК2	Н4

[1, 2] О приводе литовских князей из Орды в Москву. [3] О походе новгородцев и двинян «**на Мурманы**».

6858 /1350	? (новг.)[1]	≤Н1[2]+≲Тр[3]	? (новг.)[5]+ ≤С1[4]+ ≤Н1[6]+? (псков.)[7]	≈НК1[8]+ ≤НК2[9]+ ≤Н1[10]+? (новг.)[11]+ ?[12]	Н4

[1] О пожаре и о закладке церкви Флора и Лавра. [2] О размене новгородцев пленными со шведами. [3, 4] О посольстве Ольгерда в Москву и возвращении князем Семеном «**Корьядовой чади**». [5] О строительстве церквей Козьмы и Дамиана и Иоанна Златоуста. [6] О походе на Выбор, о мире в Юрьеве и о каменной «**полате**» владыки. [7] О гибели Юрия Витовтовича под Изборском и его похоронах в Пскове, о начале мора (см. статью 6860 г. Н1) и поучение. [8] Вм. «**пожар**» — «**буря**», вм. «**заложиша**» — «**поставиша**». [9] О церкви Иоанна Златоуста доб.: «**заложи Юрьи посадник**». [10] Имена воевод, ходивших к Выборгу; имена новгородцев, вымененных в Юрьеве, и о новом посаднике. [11] Об изгнании из Новгорода в Псков посадника Федора и др. [12] Сообщение: «**А рать немецкая истопе в море**».

6859 /1351	—	≈Тр-Сим (6860)	С1+?(новг.)[1]+ ≤Тр[2]	≥НК2[3]	Н4

[1] О поновлении церкви Бориса и Глеба в Околотке. [2] Об обновлении Мурома. [3] К сообщению о церкви доб.: «**Ореховьским серебром**».

6860 /1352	≤Н1(6861)[1]	?(новг.)[2]+ ≤Н1[3]	≲С1[2]+ ?(моск.)[4]+ ?(новг.)[5]+⋚Н1[6]+ ≤Тр (6861)[7]	НК1+ НК2	≤Н4[8]

[1] За исключением сообщения о владычнем посольстве в Царьград. [2] «**Рукописание Магнуша**». [3] О смерти архиепископа Василия и возвращении на кафедру Моисея. [4] О «**снеме**» на Москве князей Семена и Константина Васильевича «**про причетъ**

церковный». [5] О закладке новгородцами каменного Орехова. [6] За исключением последнего сообщения (о смерти митрополита Феогноста); сверх Н1 — описание мора в Пскове и о похоронах архиепископа Василия. [7] О поставлении митрополитом Феогностом Алексея в епископы г. Владимира и благословении «**в свое место на митрополии**». [8] Нет рукописания Магнуша; иначе: «**...и возведоша опять Моисея на владычество**» (ср. в Н4: «**...и паки възведоша архиепископа на свои ему стол**»).

6861 /1353	—	≤Сим(6862)[1]+ ≤Н1[2]+≤Сим (6862)[3]	С1+⋚Н1[4]	НК2[5]+? (новг.)[6]	≤Н4[7]

[1] О смерти Семена и Андрея Ивановичей, рождении Владимира Андреевича, смерти митрополита Феогноста и хождении в Орду. [2] Вторая половина статьи. [3] О вокняжении Ивана Ивановича. [4] О посольстве владыки Моисея в Царьград; доб. имена царя — «**Иван Кантакузин**» — и патриарха — «**Филофей**». [5] Сообщение о смерти Семена Ивановича и о новгородском посольстве в Орду дублирует НК1 6860 г. [6] О возведении церкви «**Семион святый**». [7] Нет последнего известия о вокняжении Ивана Ивановича.

6862 /1354	Н1 (вторая)[1]	≲Тр[2] +? (нижегор.)[3]	С1+⋚Н1[4]+ ≤Н1 (вторая)+? (новг.)[5]+ Н1 (6864)[6]	НК2[7]+ ≲Н1[8]	≤Н4 (6861)[9]+ ≤Н4[10]

[1] Вторая статья 6862 г. (в списках ТА она — вторая 6863 г.). [2] О поставлении митрополита Алексея. [3] О женитьбе Бориса Константиновича Суздальского на дочери Ольгерда. [4] О возвращении владычнего посольства из Царьграда; сверх Н1 — имя посла, «**Сава**», и слова «**всему Новгороду благословение**». [5] О возведении «церкви Дмитрия на Лубяници» и о ловле рыб руками. [6] О падении церкви Сорока святых. [7] Статья НК1 (сообщение о «**церкви Знамения на Ильине улице**») не включена, очевидно, во избежание дублирования. [8] О посадничестве Александра, Дворянинцева брата (по Н1 ему дали не посадничество, а «**тысячкое**»). [9] Начало статьи = концу Н4 (6861), но здесь имеется уточнение: «**...брата великого князя Семиона**». [10] Пропущено о крестчатых ризах для архиепископа Моисея.

<table>
<tr><th></th><th>НК1</th><th>С1</th><th>НК2</th><th>Н4</th><th>Н5</th></tr>
<tr><td>6863 /1355</td><td>—</td><td>≤Сим[1]+? (нижегор.)[2]</td><td>Н1 (вторая)+ ≥С1[3]</td><td>НК2+? (новг.)[4]</td><td>≤Н4 (6862)[5]+ ≥Н4[6]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О смерти Константина Васильевича Суздальского. [2] О хождении в Орду Андрея Константиновича и получении отцовского княжения (Суздаль, Нижний Новгород и Городец); ср. Сим 6864 г. о его возвращении. [3] О Константине Суздальском доб.: «честно боронив отчину свою от силнѣе себе князей»; о церкви Спаса, где он был положен, — «в созданей ему». [4] О мире новгородцев с князем Иваном. [5] О ризах. [6] О смерти Константина Суздальского, доб.: «...от сильнѣе себе князей и от Татар».</td></tr>
<tr><td>6864 /1356</td><td>≤Н1[1]</td><td>? (моск.)[2]</td><td>≤Н1[3]</td><td>НК1+ НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О «церкви Георгия на Лубянице» (начало статьи). [2] О «съезде» в Переяславле Ивана Ивановича и Андрея Константиновича (только в списке Ц). [3] О возведении церкви Сорока святых.</td></tr>
<tr><td>6865 /1357</td><td>—</td><td>? (⋚ Тр)[1]</td><td>С1+≤Н1[2]+ ? (новг.)[3]</td><td>НК2</td><td>≈Н4[4]</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О татарских делах и хождении в Орду митрополита Алексея; сверх Тр — о взятии Жанибеком «Тивирижьского» царства и о после Кошаке, причинившем «великую истому» русским князьям. [2] О строительстве двух церквей владыкой Моисеем. [3] Об убийстве Самсона Колыванова в Югре. Ошибочно: «предстателем Товлубиемь».</td></tr>
<tr><td>6866 /1358</td><td>—</td><td>? (нижегор.?)[1]</td><td>С1+Н1</td><td>НК2+? (новг.)[2]</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] О смерти князя Ивана Андреевича. [2] О целовании (креста) «бочек не пити».</td></tr>
<tr><td>6867 /1359</td><td>≤Н1[1]</td><td>≤Сим+≲Н1[2]</td><td>С1+≲Н1[3]</td><td>НК1+ ≤Н1[4] +НК2</td><td>Н4</td></tr>
<tr><td colspan="6">[1] Второе сообщение. [2] Об уходе архиепископа Моисея и избрании Алексея. [3] О возведении «церкви Прокопия», о жеребьевке, дата, о поставлении Алексея в Твери в дьяконы и в попы. [4] Вторая половина статьи от слов «Той же весны, Богу попустившю».</td></tr>
</table>

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6868 /1360	≶Н1[1]	≲Н1[2]хТр[3]+ ? (новг.)[4]	≤С1[5]+≤Н1[6]	НК1+ ≤НК2+ ≤Н1[7]	Н4+? (новг.)[8]

[1] О послах и наместниках Дмитрия Константиновича в Новгороде и о закладке церкви Св. Федора (середина статьи); доб. имя матери ктитора Семена Андреевича — Наталья. [2] Выборка. [3] Имя царя — Ходырь. [4] О взятии новгородцами Жукотина и «**избиении бесермен**». [5] За исключением сообщений о мятеже в Орде, о знамении и огненных зорях (из Н1). [6] О море в Пскове и его прекращении и о пожаре в Корельском городке. [7] О результатах пожара в Корельском городке. [8] Полнее: «...***ради быша новгородцы своему владыце***» (ср. в Н1: «**...и возрадовашася радостию великою зѣло в тот день**»).

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6869 /1361	—	≲Тр-Сим[2]+? (яросл.)[2]+ ≤МАк[3]	С1+? (новг.)[4]	≥НК2[5]	≈Н4[6]

[1] Убийцей Ходыря назван его сын «**Темиръхожин**» вм. брата Мурата (Тр). [2] В числе князей, отправившихся в Орду, сверх Тр назван Михаил Ярославский. [3] Об ограблении в Орде ростовских князей. [4] О починке новгородских укреплений на серебро, взятое с полатей Св. Софии. [5] К сообщению о серебре, взятом в Св. Софии, доб.: «**владычня Моисеева скоплениа**». [6] В Н4 иная формулировка: «**Того лѣта в Новгороде починиваше город каменный**», в Н5 — точнее: «**Того лѣта в Ногороде город каменный учиниша выше**».

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6870 /1362	—	≤Сим+≤Н1[1] +?(псков.)[2]	≤Н1[3]+≤С1[4]	НК2	≤Н4[5]

[1] О смерти архиепископа Моисея. [2] О захвате псковичами немецких и заморских гостей (в списках К и О). Ср. иное сообщение об этом в Пск 1, 2 и 3. [3] Два первых сообщения (о церквах). [4] За исключением последнего сообщения. [5] Нет первых двух известий о новгородских церквах, поставленных Алексеем и Моисеем.

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6871 /1363	—	≲Сим[1]+ ≤МАк[2]+≤Н1[3]	≲С1[4]	НК2	Н4[5]

[1] Об изгнании Дмитрием Ивановичем Дмитрия Константиновича с великого княжения и из Галича (в Сим речь идет о «**Галичьском Дмитреи**»). [2] О приезде Андрея

Федоровича с Иваном Ржевским из Переяславля в Ростов. [3] За исключением сообщения о росписи церкви на Болотове. [4] См. примеч. 1–2. [5] Пропущено имя Дмитрия Ивановича.

6872 /1364	≤Н1+? (новг.)[1]	⋚Тр-Сим[2]+ ≤МАк[3]+? (новг.)[4]	≤С1[5]	НК1+ НК2	Н4

[1] О завершении деревянных церквей Воздвижения и Луки и «**костра каменного**» в Корельском городке. [2] О смерти Ивана Ивановича (доб.: «**Малой**») и о море в Нижнем Новгороде (доб.: «**и на Костроме, и в Ярославле**») и в Переяславле. [3] О поездке князя Константина Васильевича на Устюг. [4] О походе новгородцев по Оби. [5] Опущено о море.

6873 /1365	Н1+? (новг.)[1]	≤Тр[2]+МАк[3]+ ?(нижегор.-моск.)[4]	?(новг.)[5]+С1	НК1+ НК2	Н4

[1] О знамении в церкви Петра в Славне. [2] О смерти Андрея Константиновича Суздальского, нападении Тягая из Наручади на Рязань. [3] О море в Ростове; доб. о «**меженине**». [4] О борьбе Дмитрия Константиновича и Бориса за Нижний Новгород, ордынских послах к Борису, отнятии Нижегородской епископии у владыки Алексея, миссии Сергия в Нижний Новгород, походе Дмитрия Константиновича с московской ратью на Нижний Новгород и об удалении Бориса в Городец. [5] О море в Торжке и о закладке церкви Троицы на Рядятине улице.

6874 /1366	Н1	≲Тр-Сим[1]+ ?(новг.)[2]+ ⋚Н1 (6875) или Тр (6875)[3]	≤С1[4]	НК1+ НК2[5]	Н4

[1] О новгородских ушкуйниках (два раза), о событиях в Александрии (по сообщение о затмении), о женитьбе Дмитрия Ивановича на дочери Дмитрия Константиновича. [2] Имена и число погибших. [3] О новгородском посольстве к Дмитрию Ивановичу и мире, в статье 6875 г. Н1 и Тр нет речи новгородцев. [4] За исключением второго сообщения о новгородских ушкуйниках и о ссоре и мире Дмитрия Ивановича с Новгородом. [5] Об ушкуйниках — дублирование НК1.

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6875 /1367	≤Н1[1]	≲Тр-Сим[2]+ ? (псков.)[3]	≤С1+≤Сим[4]+ ≲С1 (6874) х Н1[5]+ ?(новг.)[6]	НК1+ ⋚Н1 (6874)[7]+ ≥НК2[8]	≤Н4[9]

[1] За исключением конца статьи. [2] О Булактемере и о нападении немцев на псковские земли. [3] О «**мире и одиначестве**» Новгорода и Пскова и о походе псковичей на немецкую землю. [4] О громе в Городце. [5] О мире новгородцев с Дмитрием Ивановичем. [6] Доб. имя «**Прокофа**» и — о закладке Лазутой церкви в Славнинском конце. [7] К имени Василия (новгородского купца, захваченного княжескими боярами) доб. фамилия (Машков) и сверх того назван Прокопий Киев. [8] В НК2 нет (пропуск в списке?) сообщения о гибели псковского воеводы Селилы (по С1: «**Силы**»). Сообщение о ссоре Дмитрия Ивановича с новгородцами дублирует НК1 6874 г., а о новгородском посольстве, мире Новгорода с Дмитрием Ивановичем и освобождении захваченных купцов дублирует статью НК1 этого года. [9] Пропущено: «**...генваря 30**»; пропущено дублирование о пленении Дмитрием Ивановичем Василия Машкова. Нет о закладке Лазутой церкви Св. Петра в Славнинском конце.

6876 /1368	≤Н1[1]	⋚Н1 (или НК1)[1]х Н1 (6881)[2]+ ≲Сим (6875)[3] + Тр-Сим[4]	≤С1[5]	НК1+ НК2	Н4

[1] О нападении немцев на Изборск и походе новгородцев под Псков. [2] Сообщение о приезде князя Владимира в Новгород слито с сообщением статьи 6881 г. Н1. [3] О хвостатой звезде. [4] О московском походе на Тверь и Ольгердовой рати на Москву; короче. [5] См. прим. 2–3.

6877 /1369	≤Н1 (или Сим)[1]	≤Сим (6878)[2]+ ≤Сим[4]	≤С1[3]	НК1+ ⋚Н1[5]+? (новг.)[6]+ НК2	≤Н4[7]

[1] О закладке двух церквей. [2,3] Об оползне в Нижнем Новгороде (конец статьи). [4] О закладке и возведении укреплений в Переяславле. [5] О пожаре; доб.: «**пред Воздви-**

жением». [6] Об ушкуйниках. [7] Пропущено: «**...пред Воздвижением**», «**...за Благовещением**». Нет известия о десяти ушкуйниках, побитых болгарами.

6878 /1370	≤Н1[1]	?(митр. нижегор.)[2]+ ?[3]+НК1	?(новг.)[4]+ ≤С1[5]	НК1+ НК2	Н4

[1] Первое сообщение. [2] О крещении митрополитом Алексеем в Нижнем Новгороде Ивана Борисовича. [3] О хождении в Орду Михаила Александровича Тверского. [4] О походах новгородцев на Волгу. [5] См. прим. 2–3; короче.

6879 /1371	≤Н1[1]	≤Тр-Сим[2]+ ≤МАк[3]	С1	НК1+? (новг.)[4] +≤Н1[5]+ НК2	≤Н4[6]

[1] Первое и последнее сообщения. [2] Выборка. [3] О рождении у Дмитрия Ивановича сына Василия. [4] О возведении церкви Андрея Юродивого, дата пожара, о взятии новгородцами Ярославля и Костромы. [5] О пожарах в Новгороде и Торжке. [6] Нет о пожаре 20 августа; нет даты рождения Василия Дмитриевича.

6880 /1372	—	≤Сим[1]+ ≥Тр-Сим (6881)[2]	≥С1[3]+≤Н1[4]	НК2	≈Н4[5]+?[6]

[1] Об изгнании Олегом Владимира Прянского из Рязани. [2] Подробнее о действиях Михаила Тверского и литовцев. [3] Доб. заголовок: «**О различных градопленениих: о Дмитровѣ, и о Переяславли, и о Кашинѣ, и о Торжку, и о Любутскѣ**». [4] Последнее сообщение (о рве) [5] «**О Дмитровѣ и о Переяславли... о различных градех и о пленении их**», «**индикта 10**». [6] Доб.: «**Того же лѣта поновиша церковь святого Пантелеимона, бѣ бо палася**».

6881 /1373	≤Н1[1]	—	—	НК1	Н4

[1] О приезде в Новгород князя Владимира (первое сообщение).

6882 /1374	≤Н1[1]	—	? (новг.)[2]	НК1+ НК2	Н4

[1] О возведении церкви Спаса на Ильине (первое сообщение). [2] О пожаре в Юрьевом монастыре.

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6883 /1375	—	⋚Рог.[1]+? (новг.)[2]	≤С1[3]+≤Н1[4]+ Сим[5]+? (новг.)[6]	НК2+ ≲С1 (?)[7]	≤Н4[8]

[1] Об Иване Васильевиче, Некомате, князе Михаиле, загоревшейся в Твери свече, о тверской войне (подробнее) и о новгородских ушкуйниках (короче). В список князей, ходивших под Тверь, по сравнению с Сим, внесен порядок. [2] О корельском Новом городке и об избиении еретиков-стригольников. [3] За исключением сообщений об ушкуйниках (ибо это дано по Сим) и стригольниках (последнее, думаю, пропуск в *списке* НК2, ибо о стригольниках есть в Н4). [4] О том, что новгородцы были под Тверью 4 дня. [5] О новгородских ушкуйниках. [6] О строительстве церквей Козьмы и Дамиана на Холопьей улице и Иоанна Златоуста в Околотке. [7] О стригольниках (см. прим. 3). [8] Нет известия о рождении Матфея Михайлова.

6884 /1376	—	≤Н1[1]	≤Н1 (или Рог-Сим)[2]	НК2	Н4

[1] О посольстве митрополита Киприана из Литвы в Новгород. [2] О поездке владыки Алексея к митрополиту; кратко.

6885 /1377	≤Н1[1]	≲НК1[2]+ ≤Сим[3]	≤С1[4]хСим[5]+ ≤Н1[6]+ ≤Н1(6884)[7]+ ?(смол.)[8]	≤НК1[9]+ ≤Н1[10]+ НК2	Н4

[1] О походе новгородцев на немецкий Новый городок (начало статьи), о смерти Ольгерда (середина) и о смерти митрополита Алексея (конец статьи). [2] О походе новгородцев; в отличие от Н1 и НК1, названы прозвища, а не отчества, трех воевод. [3] О смерти митрополита Алексея (доб.: «**в придѣле Благовещения Святыя Богородици**»), о взятии татарами Нижнего Новгорода и об Ольгерде. [4] Исключено — о смерти митрополита. [5] Об Ольгерде. [6] О церкви Бориса и Глеба. [7] О Волхове (начало статьи). [8] О море в Смоленске. [9] Исключено — об Ольгерде. [10] О пожарах и смерти архимандрита Савы.

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6886 /1378	≤Н1	≲Тр-Сим (6885)[1]+ ≲Сим(?)[2]+ ≲НК2 (или Н1)[3]	≤С1х Тр-Сим[4]	?(новг.)[5]+ НК1+ НК2[6]	Н4

[1] Об Арапше и бое на р. Пьяне. [2] О взятии татарами Переяславля Рязанского; в отличие от Сим, где говорится, что князь Олег бросил свой город до прихода татар, по С1, он «**из рук убежа, истрелян**». [3] Об Андрее Ольгердовиче (последнее сообщение). [4] См. прим. 1. [5] О знамении и строительстве церквей Никиты и Георгия. [6] Рассказ «**О побоище иже на Пьяне**» дублирует краткое сообщение НК1, а сообщение о взятии татарами Нижнего Новгорода — НК2 (6885).

6887 /1379	≤Н1[1]	≲Тр-Сим (6886)[2]+ ≤Сим[3]	С1хТр-Сим (6886)+ ≲Н1(6885)[4]	НК1+ ≤Н1[5]+ НК2[6]	≤Н4[7]

[1] За исключением первого сообщения (о пожаре). [2] О битве на р. Воже (сообщение о пленном попе с мешком «злых зелий» вставлено в повествование) и о разгроме татарами Рязани. [3] О походе Владимира и Андрея Ольгердовичей на Литву. [4] О смерти митрополита Алексея. [5] Первое сообщение (о пожаре). [6] Сообщение о смерти митрополита Алексея дублирует НК1 6885 г., а о битве на р. Воже — НК1 этого года. [7] Нет известия о преставлении митрополита Алексея.

6888 /1380	—	≲Н1[1]+Сим (6887)[2]+ ≥Сим[3]+ ≤Сим(6885)[4]+ ≤НК1[5]	≲С1[6]	НК2	≤Н4[7]

[1] О поездке Новгородского архиепископа Алексея в Москву; его спутники названы не по именам и отчествам, как в Н1, а по должностям: «**посадник Юрьи, посадник Михайло и бояре из концев**». Писал, конечно, современник. [2] О Благовещении; общие слова о том, что совпадение Благовещения с Великим днем бывает редко, заменены указанием, когда так было перед этим и когда будет после этого. [3] О Донском побоище. Повесть написана на основании краткого рассказа центрально-русской летопи-

си (Рог-Тр-Сим) современником (внесено много конкретных подробностей и имен). [4] О поставлении в митрополиты Пимена; побудило же вставить сюда это сообщение, несомненно, известие о смерти Митяя в статье 6887 г. центрально-русской летописи (что эта статья была здесь использована, показывает запись о Благовещении). Систематический сдвиг лет на единицу «вперед» (начиная с 6886 г.) объясняется, видимо, стремлением перевести мартовский счет на сентябрьский. [5] О «**мятеже**» в Литве. [6] За исключением последнего сообщения (о «**мятеже**» в Литве). В тексте Повести о Куликовской битве во множестве встречаются мелкие изменения, не затрагивающие смысла, — небольшие пропуски, перестановки, замены слов и — реже — незначительные добавки. Например, к словам «**за святые церкви**» доб.: «**и за вся младенца и старца**», к словам «**и за вся христианы**» — «**сущая и не сущаа**»; вм.: «**опроче князей Руськых и воевод местных**» — «**опроч князей и воевод местных**»; вм.: «**вотчин разных**» — «**в тьи чин рагозный**» (так и в Н4); доб. имена великой княгини и сыновей Дмитрия Ивановича; вм.: «**их же имена суть писана в книгах животных**» — «**их же имена не суть писана в книгах сих**». Есть одна интересная вставка: к словам о боязни и трепете Литвы при имени Дмитрия Ивановича доб.: «**А не яко при нынешних временах, Литва над нами издеваются и поругаются. Но мы сию беду оставльше и на предлежащее възратися**». [7] В Н5 в записи о Благовещении опущено непонятное «**а потом за 11 лет**».

6889 /1381	Н1+ ≲Н1(6890)[1]+ ? (новг.)[2]	≤Рог (6885)[3]+ ≲НК1 (или Н1)[4]	≤С1[5]	НК1+ НК2	≤Н4[6]

[1] О падении церкви Дмитрия. [2] О строительстве церкви Власия. [3, 5] О женитьбе и королевстве Ягайлы. [4] Об осаде Скиргайлом Полотска; короче. [6] Опущено: «**...на Славковѣ улици**».

6890 /1382	? (новг.)[2]+ ≤Н1[2]	≲Рог (6889)[3]+ ≥Рог[4]	≈С1[5]	?(новг.)[6]+ НК1+ НК2+ ?(новг.)[7]+ НК1	≤Н4[8]

[1] О возведении «церкви Рождества на Поле». [2] О приезде в Новгород и хождении в Псков Дионисия (в списке НК2 ошибочно: «**Моисий**») Суздальского. [3] О знамении. [4] О нашествии Тохтамыша (подробный современный событиям рассказ, написанный на основании краткого рассказа Рог-Сим-Тр. Взаимоотношения рассказов такое же, как в случае Повести о Донском побоище под 6888 г.). В конце статьи доб. о повелении великого князя Дмитрия Ивановича «**христианом дворы ставити и городы рубити**». [5] Главным образом незначительные, не меняющие смысла, лексические замены, перестановки, сокращения или — чаще — распространения и добавки; искажение смысла имеет место лишь в одном случае: в С1 говорится: «**а князь Остѣй преже того убиен бысть пред градом; ту же почаша сѣчи архимандритов и игуменов и попов**», а в НК2 (и вслед за ней в Н4): «**Прежде всех убиен бысь князь Остей пред градом, и потом начаша сечи попов и игуменов**». Обнаруживаются три риторические вставки: 1) описание разоренной Тохтамышем Москвы С1 (от слов «**церкви святыя запалени быша и падошася**» до слов «**И не един град взят Москва**») заменено в НК2 более пространным риторическим периодом-«плачем» (от слов «**и святыа церкви стояще акы разорены, аки осиротевши**» до слов «**Сице ж бысть конец московскому пленению. Не токмо же едина Москва взята бысть**»); 2) от слов «**И кто нас, братье, о сем не устрашится**» до слов «**а от ста тма**»; 3) от слов «**А опрочь того елико зделаша татари напасти**» по слова «**...мню яко ни тысяща рублем не имеет число**». Три вставки из Рог-Сим: 1) «**И не ста на бой противу его, и не подъя рукы на царя**»; 2) «**а инии к Волоку и к Можайску, а друзии к Дмитрову, а иную рать послал на град Переяславль**»; 3) «**от сорока мрътвець на полтине**». Кроме того, вм. «**неколи**» — «**позде некако**»; вм. «**со всеми Руськими**» — «**с прочими князьми рускими и с воеводами, и с думцами, и с вельможи, и с бояры старейшими, и всячьскы гадавше**»; вм. «**не хотяху помагати**» — «**и не хотеху пособляти друг другу, и не изволиша помагати брат брату**»; вм. «**не хотя**» — «**и убояся**»; доб.: «**в лице**», «**и мятеж велик зело**»; к «**возматошася**» доб.: «**и въсколебашася яко и пьяни**»; вм. «**суймом**» — «**вечем**»; доб.: «**недобрии человѣцы, людие**»; «**ни устрамишась седин старець многолетных**», «**с рогатинами и с сулицами**»; вм. «**не пущающе**» — «**не дадуще**»; доб.: «**из града**», «**в мятежи смущающуся**», «**сим же тако бывающим**»; вм. «**вотчины**» — «**земли**»; доб.: «**вопиющи**» (к «**глаголюще**»), «**внутрьуду**»; вм. «**блюдутся**» — «**боятся**»; доб.: «**и с всеми полки своими**»; вм. «**ужасошася**» — «**убояшась**»; вм. «**акы дождь**» — «**аки дождева туча**»

(Н4: «**аки дождь велик**»); вм. «**скоро ездяще**» — «**борзо гоняще**»; вм. «**скоро и улучно**» — «**скорополучно**»; вм. «**напинающе пущаху**» — «**напрязающе пругаху**»; вм. «**а инии великими пушками**» — «**есть же неции, егда и самые ты пушки пущаху**»; доб.: «**и назнаменав**»; вм. «**напря самострел**» — «**напряг стрелу самострельную**»; доб.: «**нарочитии**», «**ратуя**»; пропущено: «**вам то же глаголем**»; вм. «**болшие люди**» — «**лучшие мужи**»; доб.: «**их по ряду**»; вм. «**с города, ни забрал имуще**» — «**с забрал, не сущу забралнику на стенах**»; доб.: «**сьборных**», «**и бисером**»; вм. «**разнесоша**» — «**ранесено бысть**»; вм. «**о взискании**» — «**в сказание и**»; вм. «**взяша на расхищение**» — «**взяша и понесоша**»; пропущено: «**Сурожане, суконницы и**»; доб.: «**богатии людие**»; вм. «**богатьства всякого товара и та вся расхитиша**» — «**всякого добра и клети их нанесени всякого товара разноличнаго, то все взяша и расхитиша**»; вм. «**и черноризци и черници**» — «**крилошане, чтеци, певци, черньци и простци**»; доб.: «**оханье сетовалное**»; вм. «**...срам и посмех от поганых христианам. Си вся приключися за умножение грех наших**», «**исчезновение, попрание, безчестие, поругание, исмеание врагов, укор, студ, срамота, поношение, уничижение. Си вся приключишась на христианском роде, от поганых за грѣхы наша**»; вм. «**богатьство все разграбиша**» — «**всяческаа имениа пограбиша, и град огнемь зажгоша, град убо огню**»; доб.: «**многочеловечен**», «**множество господьства, в нем же**», «**видение его**»; вм. «**дым и земля**» — «**земля, и персть, и прах, и пепел**». [6,7] «**Преставися Михайло, отець Матфеев**». [8] Нет известия о преставлении Михаила, отца Матфея. Иначе: «**несмущенно от ереси**» (ср. Н4: «**...несмущенно от злых человек, дьяволом наущеных**»). Опущено окончание последнего известия годовой статьи Н4 о приезде в Новгород Дионисия Суздальского, от слов «**...Дионисий из Царьграда от патриарха Нила**» до конца.

6891 /1383	≲Н1[1]+ ?(≲Рог х ?)[2]	≤НК1[3]+ ?[4]+ ≈Рог[5]	—	НК1	Н4

[1] За исключением первого сообщения (о рве). О поездке Василия Дмитриевича в Орду сказано иначе, но на том же месте. Согласно Н1, он пошел «**позван цесаремь**», а согласно НК1, его вместо себя послал отец «**тягатися о великом княжении с князем Михаилом Тферскым**». Добавочное сообщение связано с этим известием.
[2] О возвращении из Орды Михаила Тверского «**без великого княжения**» (этих слов нет в Рог-Сим), о том, что «**Василья Дмитриевича прия царь в 8000 сребра**» (этого

тоже нет в Рог-Сим), и о том, что «**Михаилов сынъ Александр остался в Ордѣ**». [3] Только о послании Дмитрием Ивановичем сына в Орду, о хождении туда же Михаила Тверского и его возвращении. [4] «**А князя Василия Дмитриевича царь остави у себя в Ордѣ**». [5] О том, что Михаил оставил сына Александра в Орде.

6892 /1384	≤Н1[1]	≲Рог (6891)[2]+ ≤НК1 (или Н1)[3]	≤С1+≲Н1[4]+ ?(новг.)[5]	НК1х Н1[6]+? (новг.)[7]+ НК2[8]х ? (новг.)[9]	≤Н1[10]+ ≤Н4 (6893)[11]

[1] Выборка (исключено о распре из-за Патрикия в Новгороде, о пожаре, о завершении и освящении церквей). [2] О смерти Дмитрия Константиновича Суздальского. [3] О возведении новгородцами каменного городка на Яме. [4] О «**помрачении**» (короче) и о завершении церквей. [5] О приезде княжих бояр в Новгород «**черного бору брати**» и о поездке новгородских бояр на Городище «**тягаться**» с ними «**о обидах**». [6] Набор известий тот же, что в НК, но о Патракии изложено по Н1. [7] О ссоре с Патракием и распре из-за него в Новгороде (дублирование взятого из Н1; здесь этот рассказ гораздо подробней). [8] О «**помрачении**» — дублирование НК1. [9] О поездке новгородцев на Яму ставить городок (дублирование НК1) — иначе, чем не только в НК2, но и в Н1. О «**помрачении**» (дублирование) — короче и иначе (сказана причина: «**Погорѣша лѣсы и сѣна многы по пожням**»). [10] Из Н1 одно известие, но полнее: «**Того же лѣта Новгородцы поставиша на Лугѣ город камен, *новый городок* на Яме, милостью святей Софеи**». [11] Из Н4 — отрывок о целовании против митрополичьего суда, но сокращенный.

6893 /1385	—	≤ Рог[1]	?[2]+С1+ ≤Н1+ ?(псков.)[4]	НК2+ ?(новг.)[5]	≤Н4 (6894)[6]+ ≤Н4(6892)[7]

[1] О поездке Пимена в Царьград; кратко. [2] О хождении Василия Дмитриевича в Орду. [3] О пожарах в Пскове и Новгороде; вм. «**церкви вси**» сказано «**церквий каменных 26, а деревяных 6**». [4] О «**сече великой промеж собою**» в Пскове. [5] О пожарах в Новгороде (гораздо подробней, чем в Н1 и НК2, но с использованием и той, и другой) и о целовании против митрополичьего права суда. [6] Известие о приезде Стефана Пермского в Новгород. [7] Известие о свершении церкви Пресв. Богородицы в Радоковичах.

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6894 /1386	≤Н1[1]+≤Рог (6895)[2]	?(лит.?)[3]+? (смол.-лит.) [≥Рог(6895)][4]+ ?(новг.) (≥Н1)[5]+? (лит.)[6]+ ⋚Рог(6893)[7]	≈С1[8]+? (новг.)[9]	НК1+ ⋚Н1[10]+ НК2[11] (xС1?)[12]	≤Н1[13]+ ≤Н4[14]+ ≥Н1[15]

[1] О завершении церкви св. Климента. [2] О бое Литвы со смоленскими князьями под Мстиславлем и об убитых и пленном; короче. [3] О приходе на Русь митрополита Киприана. [4] О бое под Мстиславлем; гораздо подробнее. [5] О походе Дмитрия Ивановича на Новгород и мире; гораздо подробнее. [6] О крещении Ягайлы. [7] О взятии Олегом Рязанским Коломны и рати Дмитрия Ивановича на Рязанскую землю и Муром (о Муроме нет в Рог). [8] Изменило смысл первое сообщение: в С1 «**Прииде на Русь митрополит Киприан**» (имеется в виду, я думаю, его визит в 1387 г. в Малую Русь по поручению византийского императора); в НК2 (и, следом за ней, в Н4): «**Прииде Киприан *на митрополью* на Русь**». Далее, в рассказах о бое под Мстиславлем и о походе великого князя на Новгород, — незначительные сокращения, перестановки, замены и добавки. Например, вм. «**в избах насажавше и, запирающе, зажигаху**» — «**в храмах запирающе зажигаху, а младенци на колье встыкаху**»; вм. «**уже ему лежащю**» — «**еще жива суша**». Некоторые изменения текста свидетельствуют о новгородской принадлежности редактора. Так, вм. «**Новгородци же слышавше и начаша боятися велми, и послаша на вѣсти испытывати. Они же, ездивше не обретоша нигде же рати; переполошиша бо ся и устрашишася, слышавше великого князя стояща у города, и страшни быша того ради**» написано: «**И новгородци вси, доспѣв, выехаша из града к Жилоту, бяше бо силно велика и свѣтла рать новгородская, коневой рати и пѣшей велми много, и охвочи битись. Но тогда не бѣ низовець на Жилотузѣ, и возвратився новгородци в град**». Доб.: «**а инии с студениа помроша, занеже низовци их грабили до нага тела, а иный полонъ на миру отпущали**». [9] О приезде в Новгород Стефана Пермского. [10] О пожарах в Ореховском городе (доб. о порче самого города и его починке) и в Новгороде. [11] О походе на Мстиславль — дублирование НК1. [12] Названия сожженных под Новгородом монастырей и сел. В НК2 нет; находятся в списках К и О С1. [13] Из Н1 здесь только: «**Погоре город Ореховый,**

а в Новгородѣ погоре конец Микитине улици» и известие о свершении церкви св. Климента на Иворве улице. [14] О столкновении Литвы со смолянами, убийстве Святослава Смоленского, но в сокращении. [15] От слов «**Той же зиме приходи князь Дмитрий Иванович к Новугороду**» до конца статьи Н1, но в перечне послов упоминается еще Юрий Дмитриевич, как и в Н4.

6895 /1387	≤Н1[1]	≤Рог (6896)[2]+ ?(смол.)[3]+ ≤НК1 (или Н1)[4]хРог[5]	С1+≶Н1[6]+ ?(новг.)[7]	НК1+ НК2[8]	≥Н4[9]

[1] За исключением первого сообщения. [2] О походе Василия и Семена Дмитриевичей на Нижний Новгород; короче. [3] О море в Смоленске. [4] О строительстве г. Порхова и о возвращении из Орды Василия Дмитриевича. [5] Дата возвращения Василия Дмитриевича из Полотской земли (Рог) присоединена к сообщению о его возвращении из Орды (Н1). [6] О вале (первое сообщение) в г. Порхове; иначе (по прозвищу) назван один из строителей города и указано, на какие деньги строился город. [7] О немецких послах в Новгороде. [8] О Порхове и о возвращении Василия Дмитриевича — дублирование известий НК1. [9] Здесь полнее: «**...благослови владыка Алексей Новгород** ***свои дети посадников и тысячкыхъ*** **ставити город Порхов камен**».

6896 /1388	?(новг.)[1]	≲Н1[2]+ (новг.)[3]+?[4]	≲Н1[5]+С1+ ≶Н1(6897)[6]	НК1+ ≤Н1[7]+ НК2	≤Н1[8]+ ≤НК2 (=Н4)[9]+ ≤Н1[10]

[1] О поновлении церкви Пресв. Богородицы в Торгу. [2] Об уходе Новгородского архиепископа Алексея (доб.: «**нездравия своего ради**») и о поставлении Пименом нового архиепископа — Ивана; короче. [3] О посольстве Лугвеня Литовского в Новгород. [4] О взятии татарами Переяславля (из Тр 6893 ?). [5] Об уходе архиепископа Алексея, избрании Ивана (есть подробности, отсутствующие в Н1), о рукоположении Пименом Ивана и его возвращении в Новгород. [6] О море в Пскове и посольстве из Пскова к Новгородскому владыке. [7] О ветре и о беспорядках в Новгороде. [8] От начала годовой статьи Н1 до слов: «**...не бысть тогда митрополит в Русской земли**», но иначе:«**...начаша иереи собором служити святую литургию**» (ср. в Н1: «**...обедню пети**»,

в Н4: «**Ереем повелеша сбором литургию пети**»). [9] «**Того лѣта взята Татарове Переяславль**» (это известие находится в конце годовых статей НК2, С1, Н4. [10] От слов: «**Той же осени**» до конца годовой статьи. Здесь Дмитрий Иванович назван великим князем всея Руси, как в НК2, но в Н1 и в Н4 этого нет, а Пимен — митрополитом всея Руси, как в С1.

6897 / 1389	⋚Н1[1]	?[2]+ ≲Рог (6896)[3]+ ≲Рог (6893)[4]+?[5]+ Н1[6]	≥С1[7]+ ?(новг.) (Н1)[8]	≤НК1+ ≈НК2+? (новг.)[10]	≈Н1[11]

[1] За исключением последнего сообщения (о смерти владыки Алексея); короче; доб. к сообщению о новой церкви: «**а старую порушив**». [2] «**Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руськаго**». [3] Об уходе в Царьград Пимена. [4] О смерти Дионисия Суздальского. [5] Об отъезде Василия Дмитриевича от Тохтамыша за Яик. [6] О приезде в Новгород Семена Ольгердовича (доб.: «**на пригороды**») и о смерти архиепископа Алексея (указано место захоронения). [7] В «**Слове**» — главным образом незначительные излишки, разночтения, пропуски. Большие, излишние по сравнению с С1, периоды находятся в похвальной части; один очень большой. А именно, по сравнению с С1, доб.: «**и тому преставльшусь, таж**»; нет «**Руськая**» (земля); доб.: «**яко златоперсистый голубь и сладкоглаголиваа ластовица**»; нет «**и великаго**»; доб. (в Н4 нет): «**и многыа страны ужасошась**»; нет «**безбожный**», «**на Русь ратию**», «**ординьскыми**», «**от поганых противнаго нахождения**», «**и всегда посрами их**»; вм. «**князем Руськыя земля и велможам своим**» — «**к ним**» (Н4: «**князем и велможам своим**»); нет «**служа тебе**»; вм. «**в татарьскых полех**» — «**в татарском поле**»; доб.: «**пльци**»; нет «**развевая**»; вм. «**сый**» — «**беаше**»; вм. «**Христова**» — «**божественаго**»; вм. «**реченное братие**» — «**еже рече**»; нет «**царьстем**»; вм. «**причащашееся**» — «**примаше**»; нет «**Потом же**»; вм. «**своя**» — «**ваше**»; нет «**боярам своим**»; доб.: «**старцы яко отця, средовечь яко братья, младии яко чада**»; нет «**великое**», «**свое велми**», «**Руськой**»; вм. «**даровах**» — «**имех**»; доб.: «**прьвие**»; вм. «**целовав**» — «**лобызав**» (Н4 «**целовав**»); вм. «**конечное целование дав им**» — «**конечным лобызаниемъ**» (Н4 «**конечным целованием**»); доб.: «**яко ластовица рано шепчущи**», «**глаголаще**», «**утроба моя, к жене своей**», «**чему не обратишись ко мне на одре своем**» (Н4 «**на постели своей**»), «**како намилуюся тебе**», «**не моего наряда одеание на себе въздеваеши**», «**горо великаа,**

како погыбаеши», «**господине**», «**радость**» (Н4 нет); вм. «**плачь**» — «**печаль**»; доб.: «**Почто родихся и родився**»; вм. «**господине**» — «**княже**»; доб.: «**крепко еси, господине мой драгый, уснул, не могу разбудити тебе, с которыа войны еси пришел, истомился еси велми**», «**и како нареку: вдова ли ся нареку? Не знаю азъ сего. Жена ли ся нареку?**»; вм. «**архиепископи**» — «**велможи**»; доб.: «**архимандриты и игумены, попове и диаконе, черъноризци**», «**от мала и до велика**», «**мезиный**»; нет «**а той преже отца преставися**»; вм. «**сего великаго князя**» — «**твоем**», вм. «**князь**» — «**царь**», вм. «**смутишася**» — «**смятошася**»; нет «**многыя**»; вм. «**и слез и вздыханиия, туги и скорби многи**» — «**день тмы и мрака, день бѣды и печали, день въпля и слез, день сѣтованиа и жалости, день поношения и страсти, день захлипания и кричания. Недоумѣю реши, яко день погибели, но токмо слышах много**»; вм. «**царь царем**» — «**князь князем**»; доб.: «**языком**»; вм. «**иным**» — «**и несть**» (Н4: «**инем**»); громадный (примерно три машинописных страницы) избыточный период «похвально-философского» характера от слов «**бгелы ничим же хужшу ему быти**» по слова «**луча испущаа и вся съгрея**»; нет «**настолника великому княжению и собрателя християньского**», «**Руськой**»; вм. «**нареку**» — «**уподоблю**»; нет «**бывает**». Вероятно, НК2 сохранила более, чем С1, близкий к авторскому текст «**Слова**». [8] О псковских послах, море и церковном строительстве. [9] За исключением первого сообщения (о смерти Дмитрия Ивановича). [10] О море в Блудкине городке и Залесье. [11] Ошибочна дата смерти Дмитрия Ивановича (19 мая).

6898 /1390	⋚Н1[1]	≲Рог (6897)[2]+ ?(новг.) (⋚Н1)[3]+ ? (моск.-новг.)[4]	?[5]+С1+ ≤С1(6900)[6]+ ⋚Н1[7]+Тр (6901)[8]	НК1+ ≤НК2[9]+ ⋚Н1[10]+? (новг.)[11]	Н1[12]+ ≤Н4[13]+ ≥Н1[14]

[1] О Василии Дмитриевиче (начало статьи), о монастыре Св. Николы и церкви Константина (доб.: «**на Росткинѣ улице**»). [2] О смерти митрополита Пимена (вм. «**в Цареградѣ**» — «**в Киевѣ**»), о вокняжении Василия Дмитриевича (татарский посол вм. «**Шихмат**» назван «**Улан царевич**»). [3] О новгородском посольстве к Василию Дмитриевичу и мире; о походе на Псков и мире. [4] О приезде в Новгород по пути в Москву «**из Немець**» московских бояр с Софией Витовтовной. [5] Грамота патриарха Антония о низложении митрополита Пимена и о возвращении расхищенных им имений. Дата — лишь в конце, перед подписями. [6] О нападении на Тохтамыша исполина

«**из Шамархийской земли**». [7] О церкви Св. Афанасия. [8] О крещении трех татар митрополитом Киприаном в Москве. [9] За исключением грамоты патриарха Антония, текст списан лишь начиная с даты, за которой идут подписи. Сообщение о мире Василия Дмитриевича с новгородцами дублирует НК1. [10] О море, о церкви Св. Афанасия (доб. дата, подробности) и о пожаре (доб. дата, время суток). [11] О зиме и дровах. [12] О церкви Свв. Константина и Елены: «**Поставиша церковь камену святых Константина и матери его Елены *на Яневе улице* и свяща ю владыка Иоанн**». [13] О поставлении церкви Свв. Константина и Елены на Росткине улице. Известие о поставлении церкви Св. Афанасия полнее относительно Н1, но в Н4 тоже читается иначе (ср. Н5: «**...службу створиша Божьею же милостью**», Н4: «**...и литургию свершил Божиею милостию**», Н1: «**...Божиею милостью**»).

6899 /1391	—	⋚Н1[1]	?(новг.)[2]+ ⋚Н1[3] х С1[4]	≤Н1[5]+? (новг.)[6] ≳НК2[7]	>Н1[8]

[1] О приезде в Новгород митрополита Киприана (доб.: «**а с ним владыка Рязаньскый**») и о немецких послах и мире Новгорода с немцами. [2] О знамении и владычнем повелении строить храм Покрова-на-Полатех. [3] О новгородских послах к немцам и немецких в Новгород и о мире, о приезде в Новгород митрополита Киприана (значительно подробнее). [4] Из С1 — что с Киприаном приезжал владыка Рязанский. [5] О пожарах. [6] О серебре, взятом в Св. Софии с полатей, и о возведении каменных «**костров**». [7] С некоторыми изменениями и чуть подробней передано о повелении строить и строительстве храма Покрова-на-Полатех. [8] Относительно Н1 и Н4 полнее: «**Бысть пожар в Неревском конце, погоре от Боркове улице... сгоре церквей древянных 12** (Н1 — **8**, Н4 — **15**. — *Г. П.*), **а каменных огоре 10** (Н1 — **3**, Н4 — **7**. — *Г. П.*)**... месяца июня в 5** (Н1 — **15**, Н4 — **5**. — *Г. П.*), **на память святого Дорофея**». День памяти св. Дорофея отмечался именно 5 июня. Но: пропущено имя Богдана Обакумовича, вм. тысяцкого Есипа Фалелеича ошибочно назван Василий Тимофеевич.

6900 /1392	≤Н1[1]	≤Рог (6898)[2]+ ≤Рог[3]+?[4]+ ≤Н1(или ≤НК1[5])	≤С1[6]+? (новг.) +≤Н1[7]+ Тр-В[8]	НК1+? (новг.)[9]+ ≤Н1[10]+ ≤НК2[11]	≈Н1[12]

[1] Первая половина статьи и из второй — о церкви Св. Симеона. [2] О женитьбе Василия Дмитриевича; короче. [3] О смерти игумена Сергия (короче), о хождении Василия Дмитриевича в Орду и о завладении им Нижним Новгородом. [4] О нападении на Тохтамыша царевича из «**Шамаханьскые (Шамарханьской) земли**». [5] О бегстве Семена Дмитриевича Нижегородского в Орду, о немецких разбойниках на Неве и об отъезде Семена Ольгердовича в Литву. [6] О женитьбе Василия Дмитриевича, о его хождении в Орду и завладении им Нижним Новгородом (см. прим. 2–3). [7] О новгородском посольстве к патриарху, о возведении церкви Успения и монастыря. [8] О посольстве Василия Дмитриевича в Новгород и его конфликте с Новгородом. [9] О пожаре в церкви и монастыре на Лисичьей горке. [10] О смерти посадников; короче. [11] За исключением сообщения о возведении церкви Успения и монастыря. Пропуск (я думаю, невольный) является, очевидно, следствием вставки (см. прим. 9–10). О походе Василия Дмитриевича на Нижний Новгород и о бегстве князя Семена в Орду — дублирование НК1. [12] Здесь полнее относительно Н1 и Н4: «**...тогда же** (как в С1) ***князь* поехаша в Литву**» (как в С1).

6901 /1393	?(новг.)[1]+ ≤Н1[2]	?(тат.)[3]+ ≤ТрН1 6902)[4]+ ?[5]+ ?(новг.-моск.) [Н1хТр (6900)][6]	≥С1[7]хН1[8]+ ≤Н1 (6900?)[9]	НК1+ НК2[10]	Н1

[1] О строительстве церкви Пресв. Богородицы «**на Хресцех**». [2] Конец статьи (о церкви на Лисичьей горке, о Витовте и приезде в Новгород Константина Белозерского). [3] О новой поездке Василия Дмитриевича в Орду и получении им от царя новгородского княжения (Нижнего Новгорода), Мурома, Мещеры и Торусы; о взятии Вятки Махмутом (Бектутом) царевичем. [4] О смерти Бориса Константиновича (Суздальского); короче. [5] О свидании Василия Дмитриевича с Витовтом в Смоленске, о рати Олега на Любутск, нападении Литвы на Рязанскую землю и о получении Витовтом от Ягайлы Литовского великого княжения. [6] О новгородско-московском конфликте — подробнее, чем в Н1 и Тр (6900). [7] Подробнее, чем в С1, о новгородско-московском конфликте. [8] О том, что новгородцы «**смиришася**» с Витовтом после получения им великого княжения. [9] О походе Василия Дмитриевича на Нижний Новгород.

[10] Сообщение о походе Василия Дмитриевича на Нижний Новгород дублирует НК1 и НК2 6900 г., а о вокняжении Витовта и мире с ним Новгорода — НК1 этого года.

6902 /1394	⋚Н1[1]	≲Н1[2]+≤НК1[3]+ ≤Тр[4]	≤Н1[5]+≤С1[6]+ ?(новг.)[7]	НК1+ ≤НК2[8]	Н1+≤Н4[9]

[1] Пропущено о посадниках, о пожаре и о приезде князя Андрея. Подробнее о походе новгородцев на Псков. [2] О приезде в Новгород Андрея Ольгердовича. [3] Только о походе новгородцев на Псков. [4] О браке княжны Марии Дмитриевны с Семеном-Лугвенем. [5] О пожаре. [6] См. прим. 2. [7] Грамота патриарха Антония к Новгороду и о приезде в Новгород от митрополита Киприана боярина Дмитрока за серебром. [8] За исключением текста грамоты. [9] Здесь полнее, но ближе к Н4: «**Того лета ходиша новгородцы со *своими князи, с князем Романом и с князем Константином,* ко Пскову ратью, и стояша под городом неделю, *а Ондрей Ольгердович и сын его Иван в то время бяху во Пскове* и учинися бой в заезде**».

6903 /1395	Н1	≲Тр-В (6906)[1]+?[2] +≤Тр(6907)[3]+ ≤Н1(или НК1)[4]	≤С1[5]+?[6]	НК1+ ≤НК2[7]	≈Н1[8]

[1] О победе Темиркутлуя над Тохтамышем и бегстве Тохтамыша в Литву. [2] Об обороне Мануилом Царьграда; о взятии Витовтом Смоленска; о литовской рати на Рязанскую землю. [3] О взятии Семеном Дмитриевичем с татарами Нижнего Новгорода; о походе московской рати на татар. [4] О нападении шведов на Новый город на Яме — только в списках К и О. [5] За исключением заимствованного из Н1 (или НК1), см. прим. 4. К сообщению о походе московской рати на татар доб.: «**Нико ж не запомнит так воюющу Русь Татарскую землю**». [6] Записки дьякона Александрика о достопримечательностях Царьграда. [7] Пропущено сообщение о Темиркутлуе и Тохтамыше, предшествующее в НК2 «**запискам дьякона Александрика о святынях Царьграда**». О взятии Витовтом Смоленска — дублирование НК1. [8] Пропущено: «**Збор**» св. Михаила; здесь: «**...инеи избегоша**», в Н1 — «**...а иные убежаша**», в С1 — «**...а иные побегоша**».

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6904 / 1396	≤Н1[1]	⋚Тр[2]+≤НК1[3]	⋚С1[4]х? (рост.)[5]	НК1 (хН1)[6]+ ≳НК2[7]+ ≲Н1[8]	≤Н1[9]

[1] О нападении немцев на Корельскую землю и о пожаре в Новгороде. [2] О поставлении митрополитом Киприаном епископа Григория. Доб.: «**Си же Григорий 20 (30) и 5 лѣт бысть епископом Ростову**». Запись искажена: имеется в виду «порядковый номер» Григория. [3] О нападении немцев — только в списках К и О. [4] О поставлении Григория; указана дата, добавка С1 читается так: «**Сей уже Григорий 35-й бысть епископь Ростовский**». [5] Перечень 35 Ростовских владык (по Григория). [6] Из Н1: «**и Святая Богородица огорѣ, беаше бо свинцем побита**» (или пропуск в *списке* НК1?). [7] Григорий назван 38-м епископом Ростовским, список владык продлен по 37-го (добавлены Дионисий и Ефрем). [8] О нападении Витовта на Рязань. Нет известия о пожаре в Аркадиевском монастыре. [9] Иначе: «**Того лѣта згоре церковь древяна св. Иоанна в Росткине монастыре, и со всим запасом**». Пропущено: «**Литовский**».

6905 / 1397	≤Н1[1]	≤Н1[2]+?(новг.-моск.)[3]	С1	НК1+ ≤НК2[4]+ ≤Н1[5]	≥Н1[6]

[1] Из первой половины статьи (о церкви Рождества-на-Десятине, мире Пскова с Новгородом, о приезде смоленского князя в Новгород и о приходе немцев к Ямскому городку). [2] О приезде князя Василия Смоленского и Патрикея Наримантовича в Новгород, о безрезультатном новгородском посольстве к Василию Дмитриевичу (конец статьи). [3] О требовании Василия Дмитриевича и Витовта у Новгорода разорвать мир с немцами, об отказе новгородцев и их конфликте с великим князем. [4] Во избежание дублирования взятого из НК1 исключено о приезде смоленского князя в Новгород. [5] О смерти посадника. [6] Здесь полнее: «**И владыка Иоанн благослови весь Новгород, детей своих *и посадников и тысяцких***» (нет в Н4); «**Сгоре церковь святое Воздвижение, и иконы и книги погореша и *животы***».

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6906 /1398	? (новг.)[1]+ ≤Н1[2]	≤Н1[3]+≤НК1 (6907)[4]+≲Тр-В (6907)[5]+? (новг.)[6]	≤С1[7]	НК1+ ≈НК2[8]	≤Н1[9]+≤Н1 (6907)[10]

[1] О возведении церкви Рождества Богородицы на о. Коневом. [2] О возведении церквей Воскресения на Вратех и Николы на Чюдинцеве улице. [3] О походе новгородцев за Волок и мире их с великим князем. [4] О приезде в Новгород князя Андрея, брата Василия Дмитриевича, и о смерти Михаила Тверского. [5] О походе московской рати на Казань, о битве на Ворскле, Повесть о преставлении Михаила Тверского. [6] О погоне новгородцев за Анфалом и о гибели и похоронах Романа Юрьевича. [7] См. прим. 3. [8] Вм. «**одного человѣка**» — «**Левана Скудичкого**» (в Н1: «**Левушку Федорова посаднича**»). [9] В перечне новгородских воевод все посадники названы по имени и отчеству (ср. в Н4, НК2, С1: Василий Борисович назван просто Василием Синцом). Среди заволчских воевод пропущен Афонас. В известии о поставлении церкви Св. Николы пропущено: «**Лугощи**». [10] Продолжение рассказа об Анфале; таким образом, в Н5 он не разбит на две части.

6907 /1399	≤Н1[1]+? (новг.)[2]	—	≤Н1[3]+ ≶С1 (6906)[4]+ ?(новг.)[5]	НК1+ НК2+ ≤Н1[6]	≤Н1[7]х≤Н4[8]+ ?[9]

[1] О приезде в Новгород князя Андрея и о смерти Михаила Тверского. [2] О возведении церкви Св. Алексея в Торгу. [3] О пожаре. [4] См. предыдущий год, прим. 5–6. Повести о преставлении Михаила Тверского предпослано довольно бессвязанное предисловие, родственное началу Предисловия к Тверскому летописному сборнику (см.: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 463). На мой взгляд, здесь — набор стандартных риторических формул типа колонов. [5] О возведении церкви Покрова-на-Зверинце. [6] О поездке владыки Ивана в Псков; короче. [7] Здесь полнее, как и в С1, в Н4 нет: «**...*блюсти* и боронити**»; «**...и всех князей именитых, а *бояр* и воевод ту бесчисленное множество**»; «**...то видев *зло***»; «***...секуще и бьюще***»; «**...прият лядскую веру *княжения ради великого***»; князь Ямонт назван наместником смоленским (ни в Н1, ни в Н4 этого нет). Пропущено: молитва за архиепископа Ивана; «**...аще Бог по крестьянех, то кто на ны**»; «**...наместники свои посадиша, а на Печерьском монастыри взяша окуп 30 рублев**». [8] Известие о преставлении Михаила Александровича Тверского читается более

полно, как в Н4, к Н4 можно отнести и известие о поставлении церквей Св. Екатерины и Св. Алексея, человека Божия. [9] «**Тогда преставися в Порхове князь Роман и положен бысть у святого Николе**». Ср. в НК2, Н4: «**Убьен бысть князь Роман Юрьевич на Шелоне и положено бысть тело его у Св. Спаса в Порхове**».

6908 /1400	—	≤Рог[1]+ ≤Н1(6907)[3]	≤С1[2]+≤Н1[4]	≥НК2+? (новг.)[6]	⋚Н1[7]

[1, 2] О вокняжении в Твери Ивана Михайловича. [3] О помрачении солнца. [4] О закладке детинца и возведении церкви Константина на Яневе улице. [5] Сверх НК2 (и С1) здесь — дата вокняжения Ивана Михайловича. [6] О пожаре и смерти Василия, брата владыки. [7] В этой статье находится известие, которого нет в Н1, в Н4 оно читается иначе: «***Тогда погоре владычен берег от Водных врат до Владимира***» (ср. в Н4: «**...погорѣ владычень берегъ на вербницы**»). Нет известий о поставлении **церкви на Яневе улице**; Константин Васильевич не назван «**сыном посадничьим**». Нет известия о подписании церкви Св. Воскресения.

6909 /1401	≲Н1[1]	≲Н1[2]+Тр-Сим[3]хН1[4]	≥С1[5]	НК1х Н1[6]+ ≥НК2[7]+ ≤Н1[8]	≥Н1 х Н4[9]

[1] За исключением первых двух и последнего известий, вм. «**Наума Ивановича**» — «**Дмитриа Ротслаля**», вм. «**на крѣстном целовании**» — «**на миру**», доб.: «**сына посаднича**», «**а самых сведоша к Москвѣ**». [2] О приезде в Москву Новгородского владыки; в отличие от Н1, где говорится лишь о приеме владыки митрополитом, в С1 сказано, что великий князь велел владыку «**поимати**». [3] О возвращении Юрием Святославичем Смоленска, о Витовтовой рати и крамоле и море в Смоленске. [4] Об избиении изменников-бояр. [5] Подробнее о поездке в Москву Новгородского владыки, в рассказе о Смоленске доб.: «**налоги**». [6] Из Н1 — «**Наума Ивановича**». [7] Доб.: «**Якова Федоровича, сына посаднича**». Сообщение о возвращении Юрием Смоленска дублирует НК1. [8] О пожаре в Молвотицах; короче. [9] а) В перечне двинских посадников упомянут Дмитрий; б) в перечне бояр Василия Дмитриевича упоминается еще Иван Талбузин (как в Н4); в) «**...300 человѣк *на миру* изимаша**» (как в НК1); г) Семен Васильевич назван сыном посадничьим (как в Н4); д) В Н5 полнее: «**...перевет держал ко Витовту *на князя своего Юрья***».

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6910 / 1402	≲Н1[1]	?[2]	С1+?[3]+? (новг.)[4]+ С1 (6911)+ ≤Н1 (6911)[5]+ ? (переясл.)[6]	≤НК1[7]+ ≤НК2[8]+ ≤Н1[9]	Н1 х Н4[10]+ ≤Н4[11]

[1] За исключением последнего сообщения; доб.: «**и князь Александр Патрикиевич**», «**а иных поимаша**». [2] Сообщение о комете и о рязанско-литовском бое у Любутска. [3] Слово о комете. [4] О строительстве церкви Троицы на Видгощи и монастыря и о росписи церкви Богородицы «**на Лисьи горкѣ**». [5] О море в Пскове. [6] О строительстве Переяславля. [7] За исключением сообщения о «**звезде хвостатой**», во избежание дублирования НК2. [8] По сообщение о церкви Троицы на Видгощи. О рязанско-литовской войне — дублирование НК1. [9] Последнее сообщение (о езде через Волхов на конях). [10] Полнее относительно Н1: «**а вои его избиша, а иных поимаша**» (= Н4); полнее относительно и Н1, и Н4: «**а церницинци церковь камену святую Варвару поставиша, а старую разбиша**». Нет известия о преставлении Олега Рязанского. В известии об отпуске из Москвы Семена и Михаила нет окончания: «**...что у него быле в изимании**». [11] Последние два известия Н5 — из Н4: это сообщение о поставлении деревянной церкви Св. Троицы на Видгощи, о переправе через Волхов холодной весной. Известие о переправе есть и в Н1, но чтение Н5 ближе к Н4 (ср. Н1: «**А сей зимы ѣздиша на конехъ чресъ Волхово от Юрьева дни до марта мѣсяца**». Н4: «**А сей зимы ѣздиша чресъ Волховъ на конехъ отъ Лукина дни до марта мѣсяца**». Н5: «**И той зиме ѣздиша чересъ Волхово по леду от Лукина дни до марта мѣсяца**»).

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6911 / 1403	≤Н1[1]	≤Тр[2]+? (твер.-моск.)[3]	—	НК1+? (новг.)[4]+ ≤НК2 (6910)[5]+ ≤Н1[6]	≤Н4[7]+ ≤Н1[8]+ ?[9]+≥Н1 (6912)[10]

[1] О церкви Бориса и Глеба в Русе и о взятии Семеном Ольгердовичем Вязьмы. [2] О взятии Лугвенем Вязьмы. [3] О тверской рати на Кашин, бегстве Василия в Москву и смирении врагов московским князем. [4] О «**сухой воде**». [5] О росписи «**церкви на Лисичьей горке**», о взятии Вязьмы (дублирование НК1), о море в Пскове, о Пере-

яславле и о Кашине. [6] О пожарах, доб.: «**А на Славковѣ улици**». [7] «**Бысть въ весне вода суха, и рли все сухы быша. Сего лѣта подписана бысть святая Богородица церковь на Лисичьи горкѣ**». [8] Здесь иначе, может быть, ошибочно: «**...толко Княжаньский берег, и Немецкий двор и Лубяница на горе до Луке Святого, а Рогатица до святого Еупатия, а горело в Образов день**». Нет указания, что мор во Пскове «**бысть железою**». Нет известия о пожаре в церкви Св. Дмитрия. [9] Большой рассказ про задержание на Москве архиепископа Иоанна, окончание которого от слов «**И приеха владыка...**» до слов «**...и обрадовашася радостью великой своему владыцѣ**» есть и в Н1 (6912). [10] Видимо, под этим годом произошла утрата цифрового обозначения годовой статьи 6912; в пользу этого говорит то, что следующее известие Н5 (о Юрии Святославиче Смоленском) находится после известия о приезде владыки в Новгород и в Н1. Текст этого известия в Н5 подробнее Н1, но отличается и от Н4. Может быть, в таком виде известия о архиепископе и о смоленском князе находились в протографе Н1.

6912 /1404	≶Н1 (х Тр-Сим?)[1]	≲Н1[2]+ ≈Тр-Сим[3]+ ≲Тр (6911)[4]	С1+? (новг.)[5]+ С1 (6913)+?[6]	НК1+ ≤НК2[7]	—

[1] О взятии Витовтом Смоленска, подробней о приезде Юрия Смоленского в Новгород и приеме его новгородцами; доб. о Семене Ольгердовиче и Свидригайле с Витовтом (из Тр ?). [2] О возвращении владыки Иоанна в Новгород. [3] О взятии Смоленска. [4] О смерти Василия Суздальского. [5] О церкви Николы и монастыре на Папортне. [6] О поездке митрополита к Витовту: «**Того же лѣта митрополит езди к Витовту**». В Тр под 6913 г. об этом иначе. [7] О возвращении владыки в Новгород, о церкви Николы и монастыре, о взятии Литвой Смоленска (дублирование НК1) и о смерти Василия Суздальского, т. е. только то, что из статьи этого года С1.

6913 /1405	—	≤Тр(6909)[1]+ ≤Тр (6910)[2]+ ?(моск.)[3]+ ≤Н1[4]+? (новг.)[5]	—	≤Н1[6]+? (новг.)[7]+ ≤НК2 (6912)[8]	≤Н1[9]+≤Н4 (6912)[10]+ ≤Н1 (или Н4)[11]+ ≤Н4(6913)[12]

[1] О разыскании московской ратью в Мордове жены и детей Семена Суздальского. [2] О возвращении и смерти Семена Суздальского. [3] О чуде. [4] О литовской рати на псковские пригороды. [5] О новгородской помощи Пскову и о нападении псковичей на новгородские села. [6] О пожарах и смерти посадника. [7] «**Преставися Федосиа Матфѣева, мѣсяца маа 18**». [8] Начиная с рассказа о разыскании жены Семена Суздальского до конца. [9] Лишь часть первого известия: «**Погорѣ на Яневѣ улици**». [10] О пленении Смоленска, Витовте, Юрии Святославиче. Доб.: «**...а иных на мученье преда**»; «**...и тамо новгородцы прияша его в чѣсть и городов даша ему 13 в кормленье**». На полях Хронографического списка Н5 напротив статьи 6913 г. приписано: «**А се с другого старого**» — таким образом, составитель Н5 указал переход к источнику, который им уже использовался, т. е. к Н4. [11] Далее продолжение по Н4 (или Н1) про пожар: «**...посем погорѣ Людин конец**»; иначе: «**Борис Глеб вся внутри выгоре, а людии 30 душ згоре**». [12] Пропущено про поездку митрополита к Витовту (ср. в С1); небольшие сокращения текста в конце.

6914 / 1406	⋦Н1[1]	⋦Тр-Сим[2]+ ?(моск.)[3]+ ≤Н1[4]+≤НК1[5]	⋦С1[6]+?[7]+ ≤Н1[8]	НК1+ ≤Н1[9]+? (новг.)[10]+ НК2[11]	≤Н4[12]

[1] Выборка — о приезде в Новгород Петра (доб.: «**в пособие на Литву**», вм. «**полторе недели**» — «**10 дний**»), о смерти митрополита Киприана (написано: «**Кирил**»), о строительстве трех церквей и об отъезде Юрия в Москву. [2] О конфликте Василия Дмитриевича с Витовтом, смерти митрополита Киприана, прощальная грамота Киприана, об убийстве Тохтамыша Шадибеком в Сибирской земле. [3] О Юрии Смоленском. [4] О нападении немцев на Псков и походе псковичей на немцев. [5] О приезде в Новгород Петра Дмитриевича. [6] Пропущено о походе Василия Дмитриевича против Витовта на Плаву; о Коломенском епископе Иларионе доб.: «**бывъ преже игуменъ Лисицкоя лавры**». О Юрии Смоленском доб.: «**оже его град взят бысть, а княгини его поведена в полонъ**». Пропущено — очевидно, с целью избежания дублирования в Н4 — о приезде Петра Дмитриевича в Новгород. [7] Поэтический «плач» о Киприане. [8] О хождении псковичей к Полотску. [9] О пожаре в Новгороде и Пскове; из Н1 доб. к сообщению о походе псковичей на Полотск: «**и волости Полотския воеваша и отъидоша**». [10] О браке Матфея Михайлова («**Брак бысть Матфею Михайлову майя в 23**»)

и о затмении. [11] Сообщение о смерти митрополита Киприана дублирует краткое известие НК1. [12] Киприан назван митрополитом всея Руси, как в С1 (в Н4 — митрополитом русским). Множество мелких словесных отличий. Пропущено известие о погибели солнца 16 июня, известие о женитьбе Матфея.

6915 / 1407	?(новг.)[1]+ ≲Н1[2]	≲Тр-Сим[3]+ ≲Н1[4]+? (рост.)[5]	≲С1[6]+≤Н1[7]	НК1+ НК2[8]	≤Н4[9]

[1] Об изгнании новгородцами князей Даниила и Юрия. [2] О приезде в Новгород Семена Ольгердовича и церковном строительстве (о церкви Власия вм. «**в Людинѣ концѣ**» — «**на Волосовѣ улицѣ**»). [3] О знамении на Похре, смерти Юрия Смоленского, походе Василия Дмитриевича на Витовта (доб.: «**Литва взяли Одоев**»), изгнании Булат Солтаном Шадибека. [4] О походе псковичей с Константином на немцев, приезде в Новгород Семена-Лугвеня, нападении немцев на Псковскую землю. [5] О пожаре в Ростове (ср. Тр 6916 г.: о том же иначе) — только списки К и О. [6] За исключением сообщения о пожаре в Ростове; все короче. [7] О пожаре в Новгороде. [8] Сообщение о приезде в Новгород Семена Ольгердовича (Лугвеня) дублирует сообщение НК1. [9] Нет о приезде в Новгород Семена Ольгердовича, иначе: «**...у некоего старца христолюбива игумена Петра**», знамение — «**на Хрестьи**».

6916 / 1408	≤Н1+≲Тр-Сим[1]+?[2]+ ? (твер.)[3]	⋚НК1 (или Н1)[4]хТр (?)	≤С[5]+?[6]+ ?(новг.)[7]	НК1+ ≤НК2[8]	≈Н4[9]

[1] О пожаре в Ростове, битве татар с Федором Ольговичем и побиении коломенской рати. [2] О дороговизне по всей Русской земле. [3] О смерти Тверского епископа Арсения. [4] О приезде Константина Дмитриевича в Новгород (вм. «**от брата своего** [Н1: «**от великого князя Василия**] **наместничеством**» — «**в великого князя место, на Городищѣ**») и о нашествии Едигея (доб.: «**в пятницу**», «**и до Тферьскаго рубеже. Присла Едигей свою грамоту к великому князю на Москву**», вм. «**мѣсяц**» — «**3 недели**»). [5] О нашествии Едигея. [6] Грамота Едигея. [7] О возведении церкви на Красном острове. [8] См. прим. 6–7; т. е. исключено (о нашествии Едигея), во избежание дублирования НК1. [9] Иначе: «**Погоре Ростов город**»; «**...поби у святей Софии церковь свинцом, а маковку большую позлати**».

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6917 /1409	?(новг.)[1]+ ≤Н1[2]	⋚НК1[3]+⋚Н1[4]	?(твер.)[5]+ ≲С1[6]+≤Н1[7]	НК1[8]+≤Н1[9]+ ?(ред.)[10]+ ⋚НК2[11]	≤Н4[12]

[1] О хождении Анфала («**Алфан**») «**в Болгары**». [2] Начало (о смерти Даниила) и конец статьи (о чуде). [3] О хождении Анфала (пространней) и о смерти Данилы. [4] О мире псковичей с Витовтом и с немцами (доб.: «**новгородьским повелением**»). [5] О смерти епископа Арсения Тверского. [6] Об Анфале. [7] О возведении каменного теремца. [8] Необычно здесь то, что статья НК1 «разорвана»: начало ее начинает статью в Н4, а конец оканчивает. [9] О смерти посадников. [10] Перед рассказом о смерти Арсения Тверского: «**Блюдите убо, братья: здѣ нужда**». [11] О смерти Арсения Тверского (дублирует сообщение НК1 и Н4 6916 г.), о теремце и (сверх НК2, по С1) о мире псковичей с Витовтом и немцами. Исключено об Анфале — во избежание дублирования НК1. [12] Пропущена повесть о Тверском владыке Арсении.

6918 /1410	⋚Н1[1]+? (новг.)[2]+? (новг.)[3]+? (новг.)[4]	≲Н1 (или НК1)[5]	⋚Н1[6]	≤НК1[7]+ ≲Н1[8]	≈Н4[9]

[1] За исключением сообщения о смерти посадника Кирила Одреяновича; доб.: «**идяше аки кровь**», «**бѣлками**», «**денгами московскыми**», «**о судех церковных**», «**и взяша окупа с Марьина града 300 тысящ златых пѣнязев**». [2] Послание царя Мануила и патриарха Матфея в Новгород о поставлении митрополита Фотия. [3] Послание митрополита Фотия в Новгород. [4] О закладке каменного Орешка. [5] О приходе митрополита Фотия, смерти (доб. о месте положения) князя Владимира Андреевича, о войне Литвы с немцами и о разгроме Владимира Данилом Борисовичем с татарами. [6] О знамении в Св. Софии (дублирует НК1); короче; доб.: «**о изгибших сосудех церковных**» (ср. НК1: «**о судех церковных**»). [7] За исключением текста посланий. [8] О смерти посадника Кирила Андреевича (вм. «**Ондреянович**»); статья НК2 не включена, очевидно, во избежание дублирования НК1. [9] «**...300 златых пенязий**» (в Н4 — 300 000).

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6919 /1411	≲Н1[1]+? (новг.)[2]+? (моск.)[3]	НК1[4]+≤Н1[5]	?(новг.)[6]+ ⋚Н1[7]	НК1 (х Н1?)[8]+ ≤НК2[9]+? (ред.)[10]	≤Н4[11]

[1] За исключением последнего сообщения (о поездке владыки к митрополиту); незначительные пропуски. [2] О рождении у Лугвеня в Копорье сына. [3] О выдаче княжны Анны за царевича Ивана Мануиловича. [4] См. прим. 2–3. [5] См. прим. 1. Мелкие различия в именах между Н1 и НК1 показывают, что использована была Н1. [6] О возведении церкви Николы на Вежищах. [7] О возведении церкви владыкой Иоанном; название («**святых Исповедник**») опущено; доб.: «**в ней же створяются велиа чюдеса и бесчислена христианом**». [8] Слова: «**сын посадничь**». [9] См. прим. 6; сокращено с целью избежать дублирование НК1. [10] О рождении у Матфея сына («**Родися Матфею сын Кюприян**»). [11] Пропущено имя посадника Юрия Онцифировича, нет о рождении у Лугвеня сына Ярослава, нет известия о рождении Матфею сына Киприана.

6920 /1412	—	≲Н1[1]	⋚Н1(6919)[2]+ Н1	НК2	≈Н4[3]

[1] За исключением начала статьи (о церковном строительстве и об отъезде Лугвеня); незначительные пропуски и перемены. [2] О поездке владыки к митрополиту; доб. о смерти дьякона Акима. [3] Известия о походе князей в Орду и об отъезде Лугвеня в Литву переставлены.

6921 /1413	—	≲Н1[1]	≤Н1[2]	Н1	≤Н4[3]

[1] О знамении в вотчине Андрея Дмитриевича и о пожаре в Твери. [2] За исключением сообщения о пожаре в Твери и о поездке владыки в Псков. [3] Нет известия о поездке владыки во Псков.

6922 /1414	—	⋚Н1[1]	≈С1[2]+≤Н1[3]	Н1хНК2[4]	≈Н4[5]

[1] О новгородском посольстве к Витовту; короче; доб.: «**а к немцем не нялся оттузе сложити**». [2] Вм. «**оттузе сложити**» — «**грамоты крестной въскинути**». [3] О поездке митрополита Фотия к Витовту, о церкви Св. Евфимия и об указе владыки. [4] О новгородском посольстве к Витовту. [5] «**Витовт повеле его ограбити**» (В Н4 — «**...его ограбил**»).

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6923 /1415	—	≲Н1[1]	≤Н1[2](хС1?)[3]	Н1	⋚Н4[4]

[1] За исключением сообщения о воде (начало статьи), о смерти посадника, о церковном строительстве, а также имен послов (конец статьи). [2] За исключением сообщения о воде, о знамении, смерти посадника и конца статьи (имена послов); об избрании Самсона во владыки — короче. [3] Влияние самого отбора сообщений (?). [4] Пропущено: «**Повоеваша Татары Єлитьскую землю**». Полнее: «**Бысть знамение в солнци, июня в 7, *мрак акы зелен, и друга возле одва видети; начася како обеднюю пели***»; «**Иде вода весне возводь *на Святой неделе***».

6924 /1416	—	≲Н1[1]+?(лит.)[2]	≲Н1+≤С1[3]	Н1+? (новг.)[4]+ ≲НК2[5]	Н4

[1] О «**прощении**» у гроба митрополита Петра и о поставлении митрополитом Фотием Новгородского архиепископа. [2, 3] О татарах у Киева. [4] О смерти Наума, клирошанина Св. Софии. [5] См. прим. 2–3, а также добавка «**в монастыри**» (о церкви Ильи на Прусской улице) (ср. в НК2: «**и монастырь устроиша**»).

6925 /1417	—	≲Н1[1]+?(лит.-моск.)[2]	⋚Н1[3]+? (новг.)[4]+ ≤С1[5]	≲Н1[6]+ НК2	Н4

[1] О смерти сына у Василия Дмитриевича (доб. о месте положения), о походе на Заволочьскую землю и о море (короче). [2] О митрополите Григории Цамблаке. [3] За исключением первых двух сообщений (о смерти посадника и громе); короче; подробнее — о море. [4] О строительстве четырех деревянных церквей. [5] См. прим. 2. [6] Первые два сообщения.

6926 /1418	—	?(лит.)[1]+ ≤Н1[2]+?[3]	≤С1[4]+? (новг.)[5]+ ≤Н1(6827)[6]	≤НК2[7]+ ⋚Н1[8]+? (лит.)[9]+? (новг.-псков.)[10]	≲Н4[11]

[1] О взятии Дашко Острожским города Кременца и о «**Швитригайле**». [2] О знамении. [3] Об убийстве Анфала с сыном на Вятке. [4] См. прим. 1–3. [5] О приезде в Новгород

Андрея Дмитриевича Тверского. [6] О нападении мурман, о возведении двух церквей, смерти Григория Цамблака и приезде Константина Дмитриевича. [7] За исключением — см. прим. 6. [8] О волнениях в Новгороде; подробнее. [9] О возвращении митрополита Григория Цамблака из Констанцы. [10] Поучение Новгородского владыки Симеона псковичам. [11] Незначительные изменения: вм. «**ꙋчаша слꙋжити и вверишася емꙋ верно**» — «**быша челом в слꙋжбꙋ**», доб.: «**не ведал**» «**на срок на Святой недели**»; «**той же Степанко ꙋхватив господара своего Данила**»; иначе: «**...бьюще его и казниша его позоры людьскыми**» (в Н4, Н1: «**...и казниша ранами**»); сокращено: «**...они разбойника и злодеюща людем многим**»; «**...и шедши со стягом**» (в Н4: «**...и пришедше в доспесех стягом**»; в Н1: «**...и пришед в доспесех со стягом**»). Далее — сокращения и обобщения, например: «**...разграбиша Кꙋзмодемьяню ꙋлицю, и Янев берег, и Люгошꙋ ꙋлицꙋ, и монастырь Св. Николы и Прꙋсскꙋю ꙋлицꙋ**» (ср. подробный рассказ в Н4).

6927 /1419	—	—	—	⋚Н1[1]+ ≤НК2 (6926)[2]	Н4

[1] О пожаре, смерти посадника и грозе; в связи с грозой доб. рассуждение о казнях Божиих. [2] См. 6926 г., прим. 6.

6928 /1420	—	—	≤Н1[1]+? (лит.)[2]	НК2+ ≤Н1[3]+? (новг.)[4]	≤Н4[5]

[1] За исключением сообщения о море в Пскове; в конце доб.: «**и при князе Юрье Даниловиче**». [2] О переезде Свидригайлы из Угор в Литву. [3] О море в Пскове. [4] О строительстве двух церквей. [5] Ошибочно: «**...посадника Офоноса Есифовича**» (в Н4: «**...посадника Василия Есиповича, Офоноса Федоровича**»); пропущена дата начала монетной чеканки (26 мая).

6929 /1421	—	—	⋚Н1[1]+? (новг.)[2]	⋚НК2[3]+? (новг.)[4]+ ⋚Н1[5]	≈Н4[6]

[1] Об отъезде князя Константина из Новгорода (доб.: «**к Москве**» и о причине его ссоры с Василием Дмитриевичем), о паводке на Волхове (короче; доб.: «**и снесе великаго моста 20 городень**»); о смерти владыки Симеона; о возведении церкви

Богоявления-на-Поле (доб. имя создателя и указание — «**в монастырѣ**»); о избрании нового владыки (значительно короче). [2] О возведении «церкви Спаса на Розважи улице». [3] О князе Константине, паводке на Волхове (гораздо подробнее), о строительстве церквей и избрании нового владыки (доб. дата). [4] О волнениях в Новгороде, заточении тверским князем новоторжского боярина с сыном и о восстановлении моста. [5] О грозе (гораздо подробнее), смерти посадников и смерти владыки (уточнено время его владычества). [6] Полнее: «**...и он, не хотя быти под свои братаницом *семо отъеде***»; «**...бысть трус великий на воздусе**» (в Н4: «**...бысть трус на небеси велик**»); «**...бысть дождь велик**» (в Н4: «**...бысть дождь силен**»). Посадник Александр Фоминич назван без отчества, но с прозвищем «**Царько**» (ср. запись в Служебной Минее БАН, 34.7.5, л. 115), пропущены даты: 1 сентября, 15 января.

6930 /1422	—	?(моск.)[1]+ ?(лит.)[2]	≤Н1 (6929)[3]+ ?(новг.)[4]+ ≲Н1(6932)[5]+ ≤Н1(6931)[6]	≤НК2[7]х Н1(6929)[8]+ ≤Н1(6929)[9]	≥Н4[10]

[1] О смерти княгини Анастасии в Звенигороде, пожаре Москвы. [2] О нападении татар на Одоев. [3] О возведении трех церквей (в Комиссионном списке Н1 пропущена одна церковь Воскресения: названы четыре, упомянуты три) и о море в Новгороде. [4] О смене денег в Новгороде. [5] О смене владыки; короче. [6] О строительстве церквей (исключено — о знамении); о Емельяне доб.: «**от святого Въскресения с Деревяници**». [7] См. прим. 3. [8] «**Глад**» (в НК2: «**мор**», в Н1: «**глад и мор велик**»). [9] О целовании креста «**за одинъ брат**». [10] К известию о поставлении церкви Воскресения Христова добавлено, что она построена «***Давыдом Дмитриевичем***», про расположение церкви Иоанна Милостивого указано: «**...в Людинѣ концы, *на Воскресенской улицѣ***».

6931 /1423	—	?[1]	—	≶Н1(6932)[2]+ ≤НК2 (6930)[3]	≥Н4[4]

[1] О голоде по всей Русской земле. [2] О смене владыки (соединены сообщения Н1 и НК2 (6930 г.) и доб.: «**а ркучи тако: Не хотимъ шестника владыкою**») и о море в Козельской земле. [3] См. 6930 г., прим. 4–5. [4] Полнее: «**...а Омельяна черньца возведоша по жребию**».

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6932 /1424	—	—	⋚Н1[1]+ ⋚Н1(6933)[2]	≤НК2[3]хН1[4]	≈Н4[5]

[1] О деньгах в Пскове (короче), о море в Новгороде (доб.: «**и въ Псковѣ, и за Волокомъ, и по всей Руси, и в Литвѣ, и в Нѣмцех**»), о церкви Спаса (вм. «**владыка Еуфимей**» — «**новгородци**», доб.: «**въ единь день**»), о смерти Василия Дмитриевича (доб.: «**и сѣде на великое княжение сынь его Василей**»). [2] О повоевании устюжанами Заволоцкой земли, а новгородцами — Устюга, о смерти Ивана Михайловича Тверского (доб.: «**а приказа великое княжение сыновцу своему Борису Александровичу, а Кашин брату своему Василью. И потом за мало дний окова Борис князя Василья Кашинского**»). [3] См. прим. 1; нет добавки о Василии Васильевиче. [4] О деньгах в Пскове — ближе к Н1. [5] Пропущено: «**24 сентября**»; иначе, чем в Н4: «**Того лѣта поставлен бысть Омельян владыкою на Москве от митрополита Фотея и наречен бысть Еуфимий**».

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6933 /1425	—	?(моск.)[1]+? (твер.)[2]+? (рост.)[3]+?[4]	—	≤Н1[5]+ ≤НК2 (6932)[6]	≈Н4[7]

[1] О смерти Василия Дмитриевича и вокняжении его сына, о походе Юрия на Галич и перемирии с великим князем. [2] О смерти Ивана Тверского и вокняжении его сына Александра. [3] О смерти жены ростовского князя. [4] О море по русским городам и селам. [5] О пожаре в Новгороде и смерти игумена Феодосия. [6] См. 6932 г., прим. 2; за исключением сообщения об оковании Борисом Василия Кашинского. [7] Здесь иначе: «**Успе Феодосии, *нареченный* владыка...**».

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6934 /1426	—	?[1]	?[2]+⋚Н1[3]+ ≤С1(6935)[4]+ ?(новг.)[5]	НК2	≥Н4[6]

[1] О новом море по всем русским городам. [2] Об окончании мора («**Преста моръ**»). [3] О Витовте под Вороначем; доб. об откупе у псковичей в 1000 руб. (ср. список Ц летописи С1). [4] О смерти Петра Дмитриевича; короче. [5] О ценах на рожь за Волоком. [6] Петр Дмитриевич назван Константином Дмитриевичем. В Н5 полнее: «***А за Волоком бысть глад,* и купиша кадь ржи по 40 белок**».

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6935 /1427	—	?(моск.)[1]	≤Н1	НК2	Н4хН1[2]

[1] О смерти Петра Дмитриевича. [2] Здесь полнее: «**Свершена бысть церковь Святый Спасъ Милостивый, устроением владыцѣ Еуфимия, *и свинцом всю церковь покры, иконами украси*»** (ср. Н1: «**Свершена бысть церковь камена святый Спас Милостивый владыкою Еуфимием, и устроена бысть дивно иконами и книгами**»).

	НК1	С1	НК2	Н4	Н5
6936 /1428	—	≈Н1	≥Н1[1]	НК2	Н4

[1] Доб. речь Витовта и объяснение, откуда было получено серебро, данное новгородцами ему в откуп.

(Конец НК2)

	Н4 ст. ред.	Н4 мл. ред.	Н5
6937 /1429	⋚Н1[1]	Н1	≤Н1 (или ≤Н4)[2]

[1] «**Преставися *архиепископ* владыка**», «**5 лет и 5 недель *и два дни***», «***из монастыря Святей Богородицы***», доб. известие о взятии татарами Костромы и Галича. [2] Пропущено: «**...в 13**»; иначе: «**...на память *святых бесребреник* Козьмы и Демьяна**».

	Н4 ст. ред.	Н4 мл. ред.	Н5
6938 /1430	>Н1[1]	≤Н1[2]	Н1[3](=Н4)

[1] Добавлено о «**кровавом озере**» в Литве; иной рассказ о засухе; известия о смерти Витовта и вокняжении Свидригайла не объединены. [2] Нет указания на то, что стена, которую новгородцы поставили Порхову, была каменной. [3] «**...другую стену камену**» (как в Н1 и Н4 ст. ред.).

	Н4 ст. ред.	Н4 мл. ред.	Н5
6939 /1431	>Н1[1]	Н1	Н1[2]

[1] Про митрополита Фотия сказано подробнее: «**митрополитом *всея Руси, а родом Гречин, быв лет 21 митрополитом***»: к известию о походе князей в Орду доб., видимо, ошибочно: «**и даша царь Махмет**»; доб. сообщение о начале войны в Литве. [2] Пропущено: «**...рустеи**».

	Н4ст	Н4мл	Н5
6940 /1432	≤Н1 (вар. 2)[1]+ ?(новг.)[2]+ ≤Н1(вар. 2)[3]	≈Н1	≤Н1 (6940, вар. 1)[4]

[1] «**...даша царь Махмет княжение великое на всей Руской земли князю Василью Васильевичу**». [2] К известию о церкви Св. Апостолов доб.: «**на старом месте, а старую скудельницю порушив**»; к сообщению о пожаре доб.: «**и церковь выгори святый Иоанн Златоустый**». [3] В известии о приезде Юрия Семеновича сказано, что приехал он «**съ княгинею**». [4] Нет известий: о приезде в Новгород князя Юрия Семеновича, о пожаре околотка и владычного двора, о закладке церкви Св. Георгия.

6941 /1433	≈Н1[1]	≤Н1+ ≤Н1(6940)	≤Н1 (6940, вар. 2)[2]

[1] Сказано, что горело «**до Луки святого**»; в рассказе о великой полате не указано о наличии у нее 30 дверей. [2] Все известия варианта 2, кроме дублирующего известия о поставлении деревянной церкви Св. Апостолов.

6942 /1434	≲Н1[1]	≈Н1	≈Н1[2](≠Н4)

[1] Опущено: «**и сяде на великом княжении**»; вм. «**на Заречьскую сторону**» — «**противу Городища**», вм. «**Еуфимий Новгородский**» — «**преподобный Еуфимий**»; доб. о суде владыки во Пскове, в известии об отъезде из Новгорода Василия Юрьевича не говорится о причиненном им зле. [2] Здесь иначе: «**Той весне поеха на поставление священноинок Еуфимий к митрополиту Герасиму в Смоленско, апреля 11**» (ср. Н4 мл. ред.: «**...владыка Еуфимий Новгородский**»; Н1: «**...Еуфимий Новгородский**»). Далее: «**...приеха владыка**» (ср. Н4 мл. ред., Н1: «**...приеха архиепископ владыка**»); «**...и много зла хрестиянам сотвори**» (ср. Н4 мл. ред., Н1: «**...и много зла бысть от него**»).

6943 /1435	⋚Н1[1]	Н1	≤Н1[2]

[1] Полнее: «***и на Барьдове*, помощью Божиею, *святей Софьи и благословением архиепископа владыки Еоуфимиа***»; опущено: «**Князь великий Василий Васильевич цело-**

ваша крест к новгородчом», «**князь великий нялъся слати своих бояр на развод земле на Петров день, а новгородцом слати своих бояръ**». [2] Опущено: «**...и с полоном**».			
6944 /1436	≤Н1[1]	Н1	≤Н1[2]
[1] О действиях Василия Васильевича в Новгороде сокращено, сказано лишь, что «**не бысть от князя новгородцам оуправы**». [2] Опущено: «**...и часы над палатой наряди звонящи**»; полнее: «**...взяша мир *по старине***».			
6945 /1437	≤Н1[1]	Н1	≤Н1[2]
[1] Лишь сообщения о черном боре, о наводнении, о приезде Исидора в Москву из Царьграда и о поездке к нему владыки Евфимия. [2] Пропущено: «**...и выиха из Новагорода князь Юрьи Патракиевич**»; «**...на митрополию**»; иначе: «**...вода подмыла у города Детинца *вал***».			
(Конец Н4 ст. ред.)			
6946 /1438		≈Н1[1]	Н1
[1] «**...владыка Еуфимий постави**», ср. Н1, Н5: «**...поставиша Николу**».			
6947 /1439		Н1	≤Н1[1]
[1] Опущено: «**...иже палася до основания**»; ошибочно: «**...мѣсяца октября в 3**».			
6948 /1440		≈Н1	Н1[1]
[1] «**...погоре Полтеск весь**»; в Н4 мл. ред. иначе.			
6949 /1441		Н1	≤Н1[1]
[1] Опущено: «**...много противу того, что князь воевал новгородские волости**».			
6950 /1442		Н1	≈Н1[1]
[1] Здесь несколько иначе, чем в Н1 и Н4 мл. ред.: «**...во дворѣ у стенѣ Святыя София**» (ср. Н1, Н4 мл. ред.: «**...во своем дворѣ**»).			

Год	Н4 мл. ред	Н5
6951 /1443	Н1	≥Н1[1]
[1] Полнее относительно и Н1 (Комиссионный список), и Н4 мл. ред.: «**…святого Николу на Кречевѣ, *близ Русе***». Ср. Академический список Н1.		
6952 /1444	Н1	Н1
6953 /1445	Н1	≈Н1[1]
[1] Иначе: «**…они в Литву, а друзии в немцы, а инеи во Псков**» (ср. Н1, Н4 мл. ред.: «**…инии в Литву, инии в Латинство**»).		
6954 /1456		Н1[1]+ ⋚Н4 мл. ред.[2]
(Конец Н1 и Н5)		
[1] Комиссионный список Н1 заканчивается рассказом об освящении архиепископом Евфимием теплой церкви. [2] Пять известий, родственных Н4 мл. ред.; в рассказе об отпуске новгородских послов дополнительно сообщается, что Борис Тверской «***тоже побежша къ князю Дмитрию***». Н5 заканчивается известием о цене на рожь, причем ее окончание не связано с концом Н4 мл. ред., в которой еще два сообщения (см. Фроловский и Академический списки Н4).		

Занесенные в таблицу результаты полного анализа Новгородской 5-й летописи (равно как и Н4 старшей и младшей редакций за 6937–6954 гг.) принадлежат О. Л. Новиковой. Они раскрывают состав каждой статьи этого постобщерусского памятника, говорят, по ее мнению, о том, что создан он был единовременно около 6955 (1447) г., и убедительно свидетельствуют о происшедшем к этому времени отмирании «общерусской составляющей» в новгородском самосознании. То же самое показывают Фроловский и Академический списки Н4, доведенные до 6955 (1447) г.: начиная с 6937 (1429) г. они, как и Н5, опираются только на Н1, местную новгородскую летопись, и оттого, потеряв свой сводный характер, оказываются тоже местными.

Глава 6

МЫСЛЯЩИЕ «ФИКЦИЯМИ»

1. А. А. Шахматов[1]

Удивительна, достойна восхищения работа А. А. Шахматова по выявлению в «Повести временных лет» переводных текстов, заимствованных из разных источников;[2] восхитительны также его охват материала и «стремление исчерпывающе представить историю летописания, дать цельную историческую картину летописной работы».[3] Но многое в методике его работы, труде его по реконструкции летописных «сводов» вызывает более сложные чувства.

Первоочередной своей задачей в деле исследования русских летописей, говорит А. А. Шахматов, он ставил — следом за Шлёцером — *восстановление* летописных текстов: «После Шлёцера в основание исследования должна быть положена разработка древнего текста, а этой разработке должно предшествовать *восстановление* текста по дошедшим до нас данным».[4]

---

[1] Впервые напечатано: *Прохоров Г. М.* Академик А. А. Шахматов и проблемы истории русского летописания // История и культура. Исследования. Статьи. Публикации. Воспоминания. Вып. 8 (8). СПб., 2010. С. 62–78.

[2] См.: *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 11–150.

[3] *Лихачев Д. С.* Шахматов как исследователь русского летописания // *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. Л., 1947. С. 262.

[4] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. «Повесть временных лет» и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002. С. 20 (курсив в цитатах здесь и далее мой. — *Г. П.*).

Вот что писал о своей задаче при изучении русского летописания сам А. Л. Шлёцер: «Если можно что-нибудь в сей книге назвать важным, то, конечно, *восстановление первоначальных Несторовых слов*»;[1] «хотелось мне издать *очищенного* Нестора, а не *сводного*»;[2] он полагал, что «можно и должно исправить самого *Нестора* с помощью прочих исторических познаний»;[3] и повторял: «Я хочу только восстановить *Нестора*».[4] «Очищал» Шлёцер текст «Повести временных лет», «восстанавливая Нестора», только от ошибок, как он считал, не понимавших и искажавших его позднейших переписчиков. К этой работе он подходил как историк, создавая «Введение в древнюю русскую историю вообще...».

А. А. Шахматов же поставил себе задачу *восстановления* не только «Нестора», но и предшествовавших тому и последующих текстов. Труды своих предшественников от Н. М. Карамзина до Д. И. Иловайского, посвященные «Повести временных лет», «в значительной степени подготовили, — считал он, — данные для *восстановления* первоначального текста этого летописного свода первой четверти XII в. и для анализа составных его частей».[5] И собственное его исследование «Повести временных лет» привело Шахматова «к *восстановлению* двух ее редакций, не дошедших до нас в первоначальном своем виде ... Сравни-

---

[1] Несторъ. Рускія лѣтописи на древле-славенскомъ языкѣ, сличенныя, переведенныя и объясненныя Августомъ Лудовикомъ Шлёцеромъ, надворнымъ совѣтникомъ, докторомъ и профессоромъ Гёттингскаго университета и кавелером ордена св. равноапостольнаго князя Владимира 4 степени. Часть I. Перевелъ съ нѣмецкаго Дмитрий Языковъ... Въ Санктпетербургѣ, Печатано в Императорской типографіи, 1809 г. С. 7.

[2] Там же. С. XIX.

[3] Там же. С. XXVII.

[4] *(Шлёцер А. Л.)* Русский времянникъ на древле-славенском языкѣ, переведенный и объясненный. Вступление въ русскую историю до пришествия Рурика в 862 году // Несторъ. Рускія лѣтописи ... С. 22.

[5] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. С. 20.

тельное изучение обеих этих редакций приводит к *восстановлению* первоначального вида основной редакции».[1] «Задачей предлагаемого труда, — пишет он, — является *восстановление* текста древнейших летописных *сводов*».[2] «Мы подходим теперь все ближе и ближе к главной задаче нашего исследования, к *восстановлению* Древнейшего летописного свода».[3]

Выделенные мною курсивом термины Шахматова, на которые обращаю здесь внимание читателя (можно было бы привести гораздо больше цитат-иллюстраций) таковы: применительно к его собственной работе — *восстановление*, применительно к работе летописца — *составление* текста, применительно к результату его труда — *свод*, т. е. объект *восстановления*.

Термин *свод* как само собой разумеющееся предполагает, что летописный текст *сведен*, более или менее единовременно *составлен* из каких-то частей. Т. е. внимание обращается при этом прежде всего не на то, что летописцы из года в год писали сами (иначе не получлось бы летописи более полутысячелетия длиной), сколько на то, что они *сводили* чужие тексты, *составляя* свой. Такие случаи — среди них, кстати сказать, есть и замеченные, и незамеченные А. А. Шахматовым — мы знаем; но ведь это не главный, а вторичный прием, необязательный, частный случай в работе по созданию текста летописи, в истории летописания; главное же в этой истории именно лето-*писание*, ведение по-годных записей о происходящем, *длящееся* много столетий. Для А. А. Шахматова же главным было именно единовременное *сведéние* текстов воедино; он пишет: «Историко-литературным явлением в настоящем, полном смысле можно признать только летописный *свод*, летописный рассказ о прошедших временах, а никак не погодные записи летописцев».[4] Получается, что историю нашего летописания он видит как ряд «точечных»

---

[1] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. С. 20–21.
[2] Там же. С. 21.
[3] Там же. С. 258.
[4] Там же. С. 139.

событий-*сводов*, а не как длительный творческий *процесс*, результату которого, получается, он странным образом отказывает в праве быть рассмотренным как «историко-литературное явление».

А. А. Шахматов был убежден, пишет Д. С. Лихачев, «что летописец редко вел свои записи из года в год, как это представляли себе предшествующие иследователи. Составление летописного свода совершалось по большей части единовременно. Компилируя работу своих предшественников, летописец дополнял ее собственными записями сразу за несколько лет, доводя изложение до своего времени... Такое представление о летописи... открывало перед исследователем широкие возможности восстановления лежащих в основе летописных списков древнейших сводов».[1]

Эти термины — *восстановление*, *сведение*, *свод* — характерны, как видим, для всего исследования и образа научного мышления А. А. Шахматова. Сам он, надо заметить, допускал возможность их обсуждения. «Я хорошо сознаю, — писал он, — субъективность многих из моих "ученых доводов"... Предстоит еще решение общего вопроса: правильно ли поставлена мною задача и каковы должны быть приемы исследования».[2]

В. Л. Комарович, вполне воспринявший гипотезы А. А. Шахматова о предшествовавших «Повести временных лет» *сводах* и ее редакциях, замечает, тем не менее: «При всей методической плодотворности понятия летописного свода, Шахматову можно, однако, поставить в упрек некоторую переоценку его применимости: наполовину механическая работа сводчика подчас от нас заслоняет в построениях Шахматова даже самые скромные проявления настоящего творчества, без которого совершенно обойтись при изучении летописей все-таки, разумеется, невозможно».[3]

---

[1] *Лихачев Д. С.* Шахматов как исследователь русского летописания. С. 258–259.

[2] Там же. С. 22.

[3] *Комарович В. Л.* Русское областное летописание XI–XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора. Исследования и тексты//ИРЛИ. Ф. Р. 1, оп. 12, № 388 (машинопись). С. 6.

«Академик Шахматов применял в своей работе конъектуральную критику текста, работая методами лингвиста, реконструктора форм “праязыка”», — писал С. А. Богуславский.[1] Думаю, А. А. Шахматов согласился бы и с этим, и со словами В. Г. Вовиной-Лебедевой, что он «...был филологом, лингвистом, применявшим к летописям свою лингвистическую выучку и сравнительный метод»,[2] и потому «свои гипотетические своды не видел прямо в текстах дошедших до нас летописей... для представления о них ему требовалась реконструкция, почему издания реальных текстов сводами он не называл... как он сам писал, культурным явлением в собственном смысле слова были не списки, а гипотетические своды, лежащие в их основе»,[3] причем «...реконструирование Шахматовым редакций П[овести] В[ременных] Л[ет] или древнейших киевского и новгородского сводов, или других текстов, — это более чем на пятьдесят процентов серия сложных умозаключений и полученных в результате смелых предположений, основанных как на сравнительном изучении текстов, так и на их смысловой реконструкции, когда из дошедшего до нас текста путем смыслового анализа получается иной текст, который принимается за гипотетически первоначальный».[4]

Удивление используемой А. А. Шахматовым терминологией, а также его ориентацией на *восстановление сводов*, — самое первое наше впечатление от его работы над историей русского летописания. И удивление это только возрастает по мере знакомства с его методами *восстановления* недошедших до нас «сводов» и ознакомления с тем, как он, мысленно «свод» восстановив, далее уверенно оперирует этим самодельным призраком, словно реально дошедшим до нас памятником древнерусской литературы, древнерусского летописания.

---

[1] *Богуславский С. А.* Текстология Древней Руси. Т. I. Повесть временных лет. М., 2006. С. 68.

[2] *Вовина-Лебедева В. Г.* К истории больших школ: школа М. Д. Приселкова // Исторические записки. № 13 (131). М., 2010. С. 429.

[3] Там же. С. 443–444.

[4] Там же. С. 435.

Вот одно из такого рода его умозаключений: «Новгородская 1-я летопись произошла из более древнего свода, составленного в Новгороде около 1425 г. и называвшегося Софийским временником».[1] Значит, эта доводящая свое изложение до 1446 г. летопись — не результат более чем 400-летней работы новгородских летописателей, а нечто, происходящее из «более древнего свода, составленного в Новгороде около 1425 г. и называвшегося Софийским временником». Далее А. А. Шахматов пишет, что «...текст Софийского временника не дошел до нас в первоначальном виде; он известен, во-первых, в своде, легшем в основание Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописей... во-вторых, в составе Новгородской 1-й младшего извода: здесь текст Софийского временника осложнен несколькими вставками из того самого свода, что лежит в основании Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописей».[2] Значит, Новгородская 1-я, по его мнению, зависит от «Новгородского свода 1448 г.» — химерического мыслимого им источника Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописей.[3] «Софийский временник», по Шахматову, заметим, разом и источник «свода 1448 г.», и в какой-то мере зависимый от этого «свода» текст.

Поразительно, но движение текста между реально дошедшими до нас местной Новгородской 1-й летописью и общерусскими сводными Софийской 1-й и Новгородской 4-й, представлялось ему, окружившему их химерами, прямо противоположным реальному.[4]

Как мы уже заметили, представление Шахматова о мыслимом им «Софийском временнике» зависит от его представления о мыслимом им

---

[1] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. С. 26.

[2] Там же. С. 27.

[3] Там же. С. 41–42.

[4] Убедительное опровержение мнения А. А. Шахматова о влиянии текста общерусского свода, представленного в Софийской 1-й летописи, на Новгородскую 1 мл. извода, см.: *Милютенко Н. И.* Новгородская 1 летопись младшего извода и общерусский летописный свод начала XV в.//Летописи и хроники. Новые исследования. 2009–2010. М.; СПб., 2010. С. 162–222.

же «своде, что лежит в основании Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописей» (каковой он долго называл «Новгородским сводом 1448 г.»). Но такого свода, «родоначальника Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописей»,[1] вообще никогда не существовало: мы ведь знаем теперь подборки летописных известий т. н. «Карамзинской рукописи», которые Шахматов, не уделив им должного внимания, ошибочно считал половинками одной разрезанной вдоль летописи, *по-разному* послужившие «строительным материалом» при создании — причем, далеко не единовременном! — этих действительно *сводов*, Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописей. На деле Новгородская 1-я, *местная* новгородская летопись, является (порознь!) одним из источников и Софийской 1-й, и Новгородской 4-й — владимиро-московского и новгородского *общерусских* летописных *сводов*.[2]

Что же нам думать теперь о «Софийском временнике»? Только то, что это такая же химера, как и «Новгородский свод 1448 г.», — один из целого ряда химерических плодов шахматовских усилий по *восстановлению* «сводов».

Химера эта нужна А. А. Шахматову, оказывается далее, не сама по себе, а как инструмент для создания очередной, уже третьего уровня химеры, — для «восстановления» летописного «свода», предшествовавшего «Повести временных лет», — «свода, составленного около 1095 г.», названного Шахматовым «Начальным Киевским сводом». «Правда, — пишет он, — свод этот не дошел до нас, но мы видели, что он восстанавливается...».[3]

---

[1] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. С. 28.

[2] См.: *Прохоров Г. М.* 1) Летописные подборки рукописи ГПБ, F. IV. 603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165–198; 2) Материалы постатейного анализа общерусских сводов (Подборки Карамзинской рукописи. Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи) // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 187–208. См. также соответствующие главы в этой книге.

[3] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. С. 30.

Исходя далее уже из одного этого «восстановленного» им «Начального свода», А. А. Шахматов «восстанавливает» и так им называемый «Древнейший Киевский свод», как предшественник «Начального», каковой представляется ему предшественником реально дошедшей до нас «Повести временных лет».

А между «Древнейшим» и «Начальным» «сводами» и в промежутке между «Начальным сводом» и «Повестью временных лет» летописание, что, не велось? Просто садились иногда *составители-сводчики* и что-то сводили-составляли? Шахматовская терминология отражает именно такое представление. Не считая, как мы видели, сам *процесс* летописания сколь-нибудь заслуживающим внимания, важным, А. А. Шахматов старательно разлагает его на ряд точечных событий — *составления* воображаемых им «сводов».

Как же «восстанавливает» А. А. Шахматов тексты мыслимых им «сводов»? По сути дела, предельно свободно обращаясь с реально существующими текстами, редактируя их, делая их, как ему кажется, более связными, более логичными, исключая для этого из них фразы и целые куски текста как «вставки». Вот характерный пример такого рассуждения: «Фраза… “**И изрядивши** (т. е. упорядочив все, княгиня Ольга. — *Г. П.*) **възвратися къ сыну своему Киеву, и пребываше с нимъ в любви**”, настолько искусственна, что признание ее вставкой не нуждается в доказательствах; слова “**и *пребываше* съ нимъ въ любви**” ср. с приведенной выше вставкой “**и *пребывши* лѣто едино**”».[1] И ведь в таком стиле у А. А. Шахматова всё определение того, что должно было находиться в «Древнейшем Киевском своде», а что не должно. В «Начальном своде» (точнее, в тексте Новгородской 1-й летописи) в рассказе о княгине Ольге «переплетены, — пишет он, — с одной стороны, духовные, церковные элементы, с другой — сказочные, народные»; «Я признаю вероятным, что в распоряжении составителя Начального свода был рассказ Древнейшего свода, содержавший исключительно духовные элементы дошедшего до нас сказания»; «Мы *знаем* уже из предыдущего (ср. чуть выше:

[1] Там же. С. 91.

“Основания для такого *предположения...*”[1] — *Г. П.*), что народные предания о мести Ольги древлянам внесены в летопись составителем Начального свода... А отсюда следует, что в Древнейшем летописном своде находилась “церковная” повесть о крещении Ольги».[2] Такого же рода и его мнение о наличии «вопиющего противоречия» в «Начальном своде» (т. е. Новгородской 1-й летописи под 6477 (969) г.) в сообщении о похоронах Ольги, где говорится, что ее хоронили, плача, «**людиє вси**» и что при этом ее похоронил «**презвутер**», которого она имела «**в таинѣ**».[3] Но здесь ведь нет совершенно никакого «вопиющего противоречия»! Об этом писал уже В. М. Истрин: «...нет никакой необходимости разделять это сказание на два источника. Рассказ — цельный, не заключающий в себе никаких противоречий».[4]

Столь же вольны рассуждения А. А. Шахматова о походах Святослава, речь о которых идет в статьях Новгородской 1-й 6472–6480 (964–972) гг., и предположение о некоей «болгарской хронике» как источнике «Древнейшего свода».[5] «Все это... — справедливо замечает В. М. Истрин, — бездоказательно и не вызывается ничем... Мы не знаем, как и что говорилось в болгарской хронике, ибо от нее нет никаких следов и нет о ней никакого упоминания».[6]

Размышляя далее о летописном рассказе о крещении князя Владимира, А. А. Шахматов, словно строгий редактор агиографического произведения, задается вопросом: «Уместно ли было поместить имена свв. Бориса и Глеба там, где мать их названа в числе прочих жен, взятых Вла-

---

1 *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. С. 90.

2 Там же. С. 92–93.

3 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Рязань, 2001. С 120. (Русские летописи. Т. 10); *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. С. 94.

4 *Истрин В. М.* Замечания о начале русского летописания. По поводу исследований А. А. Шахматова // ИОРЯС РАН. Т. XXVII. Л., 1924. С. 51.

5 *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. С. 96–101.

6 *Истрин В. М.* Замечания о начале русского летописания. С. 54.

димиром “не по браку”?» Ясно, что сам А. А. Шахматов этого не допустил бы. И он опять заподозрил вставку: «Но возникает вопрос, не вставлены ли эти имена позже составителем Начального свода, не отсутствовали ли они в первоначальной редакции этого отрывка?»[1] Тут А. А. Шахматов смело «восстанавливает» уже не только «Древнейший свод», но и конструируемую им «Корсунскую легенду» как еще один источник «Начального свода».

Рассмотрев целый ряд таких мыслимых А. А. Шахматовым «вставок», В. М. Истрин пришел к выводу, что «Нет нужды останавливаться на других случаях, которые автором считаются вставками, сделанными редактором “Начального свода” в “Древнейший свод”. Мы видели, что во всех разобранных примерах исходным пунктом для признания той или другой вставки является исключительно субъективное понимание каждого отдельного летописного рассказа».[2]

Несомненно, любая летопись в процессе своей долгой, по большей части многовековой, жизни проходила разные стадии, разные периоды, разные обстоятельства, через руки разных переписчиков и редакторов. Бывало, конечно, что и сводчиков. Но это не дает права называть любую летопись *сводом*. Слово теряет тут свой смысл, и нас, интересующихся русским летописанием, дезориентирует. Любопытно, что при анализе Новгородской 1-й летописи по Синодальному списку, А. А. Шахматов замечает, что в Новгороде «велась непрерывно погодная летопись, но обработок этой летописи, летописных сводов мы видим очень мало... В отсутствии летописных сводов главное отличие новгородского летописания от южнорусского; и на южной Руси велись летописи, вероятно, однородные по характеру своему с Новгородскою владычнею летописью, но летописи эти подвергались литературным обработкам, образовывали летописные своды, что вносило сильное оживление в летописание. В Новгороде, по-видимому, не хватало литературных сил для подобной

[1] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. С. 107.

[2] *Истрин В. М.* Замечания о начале русского летописания. С. 60–61.

компилятивной, по существу своему, но в значительной степени и творческой работы».[1]

Вот еще характерное для Шахматова рассуждение: «Новгородский свод 1448 г. восстанавливается путем сравнения Новгородской 4-й и Софийской 1-й. На 1448 г. указывает хронологическая заметка под 1380 г., заявляющая, что совпадения Пасхи и Благовещения надо ждать через 11 лет; такое совпадение в XV в. было в 1459 г.; следовательно, эта заметка и включивший ее в свой состав свод написаны в 1448 г. В составе Новгородского свода 1448 г. ярко выделяются заимствования из Софийского временника, того самого свода, который в некоторой переделке представлен списками Новгородской 1-й летописи младшего извода».[2] Но 11 лет в заметке под 1380 г. о совпадении Благовещения с Пасхой («...**и потомъ боудеть за 80 лѣтъ без лѣта и потом боудеть за одиннатцать лѣтъ**»)[3] не дают оснований для получения года «1448». Под влиянием письма к нему А. В. Маркова от 15 декабря 1911 г. с объяснением этого, сам А. А. Шахматов признал «датировку свода 1448 г. неправильной».[4] И тогда общий мыслимый им источник Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописей он передатировал 1424 г.[5] Но теперь вообще в существование свода-источника Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописей, в котором якобы «ярко выделяются заимствования из Софийского временника», мы уже не верим, как и самого «Софийского временника».

На основании сравнения «протографа Ермолинской и Уваровской № 188 летописи», «сокращенного списка Кирилло-Белозерской», Львовской летописи, Тверского сборника, «протографа Погодинского списка» и Новгородской 5-й летописи, А. А. Шахматов говорит далее о не дошедшей до нас «Ростовской компиляции XV в.», каковую, в свою очередь,

[1] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. С. 139.
[2] Там же. С. 145.
[3] ПСРЛ. Т. 39. Софийская 1-я летопись. М., 1994. С. 118.
[4] *Шахматов А. А.* Киевский Начальный свод 1095 г. С. 135.
[5] Там же. С. 136.

пишет он, «мы возводим… к общерусскому своду 1423 г.»,[1] тоже неизвестному нам предшественнику «свода 1448 г.». «Ростовской компиляцией», считает А. А. Шахматов, в XVI в. пользовался составитель Никоновской летописи; в частности, пишет он (это хороший пример шахматовской «реконструкции» «сводов»), «я не колеблясь возвожу чтение Никоновской летописи “**еже и нынѣ даютъ**” к Ростовской компиляции».[2]

Чрезвычайно произвольными представляются также рассуждения А. А. Шахматова о том, как читалось в Новгородском XI в., в «Древнейшем» и «Начальном» сводах сообщение о призвании варягов и вывод, что в «Древнейшем» было: «**И отъ тѣх Варяг прозвашася *Варягы***»,[3] тогда как и в новгородской летописи, и в «Повести временных лет» говорится, что прозвались новгородцы *Русью* («**от тѣх словет Русская земля**», — в новгородской; «**от тѣхъ [Варягъ] прозвася Русская земля**», — в «Повести временных лет»). Неверным мне кажется и его понимание дальнейших слов (ради которых, собственно, он и меняет «Русью» на «Варягы»): «**И суть новгородстии люди и до днешняго дне от рода варяжска, преже бо бѣша словѣни**» (новгородская летопись), или «**Ноугородци от рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣни**» («Повесть временных лет»). Если поменять «Русь» на «Варягы», можно подумать, что новгородцы от варягов «прозвашася» не Русью, а варягами, что А. А. Шахматову представляется правильным. «Фраза, — пишет он, — ясная для киевлянина, называвшего новгородцев варягами (как мещовец <в Калужской губернии. — *Г. П.*> называет жителей Мосальского уезда поляками), но непонятная для новгородца, хорошо отличавшего коренных жителей Новгорода, словен, от варягов».[4] Насилие над текстом понадобилось А. А. Шахматову, как видим, для его локализации. По его убеждению, Русью назывались варяги, правившие не в Новгороде, а южнее, в Киеве.

---

[1] Там же. С. 171.

[2] Там же. С. 174.

[3] Там же. С. 210–213, 215.

[4] Там же. С. 218.

Вставкой в так называемый «Начальный» свод А. А. Шахматов считает слова новгородской летописи и о том, что словене, кривичи и меря «жили родами, управлялись родовыми начальниками. Я думаю, — пишет А. А. Шахматов, — что в этом выразилась особенная точка зрения составителя Начального свода, особая его историко-политическая концепция: княжеская власть началась только с водворением на Руси княжеской династии, а бывшие до того князья — это или самозванцы, или родовые старейшины».[1] Это мнение А. А. Шахматова, прозревающего здесь идеологию сводчика, тоже не представляется достаточным основанием для признания сообщения вставкой сводчика в его источник.

Сам А. А. Шахматов, заметим, не боялся вносить свои исправления и вставки в тексты реконструируемых им «сводов». Д. С. Лихачев, очень высоко ценивший А. А. Шахматова как исследователя русского летописания, считал все же необходимым «сказать, что там, где исправления основных списков выходили за пределы проделанного А. А. Шахматовым изучения истории летописных списков, им допускались произвольные исправления. Нередко А. А. Шахматов исправлял чтения основных списков "по впечатлению". Исправления, отмеченные в примечаниях, как сделанные на основании тех или иных списков, произведены, однако, не точно по ним: обычно дается не чтение списка, а все же предположительное чтение. Кроме того, А. А. Шахматов исправляет не только то, что ему кажется "искажением", но делает вставки целых фраз, опущенных в основных списках, как он предполагает, "по недосмотру" переписчиков. Вставки эти, как правило, историей летописных списков не подсказывались. Таких случаев в издании "Повести временных лет" около 30. Самая большая вставка имеет объем пять строк».[2]

Не кажутся убедительными и все рассуждения Шахматова, основанные на том, что польский историк XV в. Ян Длугош называет древлянского князя не Мал, как то в Новгородской летописи и в «Повести вре-

---

[1] *Шахматов А. А.* Киевский Начальный свод 1095 г. С. 214.

[2] *Лихачев Д. С.* Шахматов как исследователь русского летописания. С. 269.

менных лет», а Miskina, или Nyskhina, имеющие целью доказать, что князя Игоря убил Мстислав Лютый, сын Свенельда.[1]

Ставя своей «главной задачей» «восстановление Древнейшего летописного свода», исследователь попутно берется за восстановление с помощью Комиссионного и Академического списков Новгородской 1-й летописи младшего извода мыслимого им Новгородского владычнего свода, составленного около 1423 г., называемого им «Софийским временником». Для этого, считает А. А. Шахматов, «необходимо прежде всего устранить из них» искажения оригинала «вычурными прикрасами, мудреными выражениями, амплификациями, славянизмами и т. п.». И он берется сличать чтения списков Новгородской 1-й с Софийской 1-й.[2] На самом деле движение текстов здесь прямо противоположно мыслимому А. А. Шахматовым, а именно: от местной новгородской летописи — к общерусскому своду, а никак не наоборот.[3]

Осложняет восприятие шахматовских рассуждений то, что он постоянно оперирует не существующими текстами, а воображаемыми им «сводами», в данном случае «Софийским временником» и «протографом Синодального списка» Новгородской 1-й. «Летописные своды механически

---

[1] Там же. С. 234–257. В том же стиле Н. Н. Ильин (Летописная статья 6523 г. и ее источник. М., 1957), А. С. Хорошев (Политическая история русской канонизации. М., 1986. С. 25–310) и И. Н. Данилевский (Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. Пособие для студентов вузов. М., 1999. С. 346–347) пишут, вопреки древнерусским историческим произведениям, что княжичей Бориса и Глеба убил не Святополк, а Ярослав. См.: *Милютенко Н. И.* Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб., 2006. С. 91.

[2] Там же. С. 260–262.

[3] См.: *Прохоров Г. М.* 1) Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 165–198; 2) Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов (подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи) // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 137–205. См. соответствующие главы в этой книге.

вызывают у А. А. Шахматова появление других новгородских сводов, — пишет Д. С. Лихачев, — например, общерусский свод 1423 г. вызывает появление Софийского временника, Софийский временник вызывает необходимость появления свода 1448 г., появление свода 1448 г. вызывает появление второй редакции Новгородской 1 летописи, и т. д.».[1]

Интересно наблюдение А. А. Шахматова о распределении в летописи точных датировок. Оказывается, пишет он, «до 6569 (1061) г. мы совсем почти не встречаем в… тексте хронологических определений, разумеем под точным хронологическим определением указание дня совершившегося события. Действительно, до 5369 г. находим только два таких указания: под 6523 (1015) г. указан день кончины Владимира Святославича (“**мѣсяца иуля въ 15 день**“); под 6562 (1054) г. указан, впрочем, в форме недостаточно вразумительной, день кончины Ярослава Владимировича (Лаврентьевская: “**в суббоТу 1 поста святаго Феодора**“). Ни одного другого точного хронологического определения мы в тексте ПВЛ не найдем; остались не указанными даже такие дни, как день кончины Ольги, убиения Бориса, убиения Глеба, освящения Богородицы Десятинной, освящения Св. Софии. Под 6569 г. указан день поражения Всеволода Ярославича от впервые напавших на Русскую землю половцев: 2 февраля; после этого указания точные хронологические определения встречаются все чаще…».[2]

Действительно, это дает основание для допущения, что здесь один летописец сменил другого. Но — не для усмотрения в одном «своде» мыслимого другого. А. А. Шахматов же делает вывод: «Итак, признав характерным для Древнейшего летописного свода отсутствие в нем точных хронологических дат, делаем вывод, что свод этот не включал в свой состав событий до 6569 (1061 г.)».[3]

---

[1] *Лихачев Д. С.* Новгородские летописные своды XII в. (машинопись 1941 г.). С. 35.

[2] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. С. 270–271.

[3] Там же. С. 273.

Грустно удивляешься, читая у А. А. Шахматова, что «в основании Ипатьевской лежит общерусский свод начала XIV в., между тем как свод 1448 г. основывается на позднейшей редакции этого же общерусского свода редакции 1423 г.»,[1] — ибо: 1) никакого «общерусского свода редакции 1423 г.» мы не знаем, 2) Ипатьевская не является общерусской летописью, 3) «свода 1448 г.», который Шахматов мыслил как новгородский по происхождению, не существовало. Взаимосвязь текстов (Ипатьевской и общерусских сводов С1 и Н4) здесь обратная.

Но очень правдоподобной представляется «связь летописца с церковью Св. Софии» в Киеве. Правда, А. А. Шахматов думает, «что учреждение митрополии Русской стало побудительной причиной к составлению Русского летописца», и ставит вопрос: «не перешла ли к нам в Россию из Греции эта связь епископских и митрополичьих кафедр с летописным делом? Не следовал ли митрополит Феопемпт освященному на родине своей примеру, когда, сделавшись первым Русским митрополитом, побудил кого-либо из своих причетников составить первую русскую летопись?»[2]

На этот вопрос ответить приходится отрицательно: мы не знаем византийских епископских, митрополичьих или патриарших летописцев, бывших способными послужить образцом для русской летописи. В Византии до самого ее конца писание истории было *авторским* делом. Так что связывать начало русского летописания с приездом митрополита-грека, я думаю, нет совершенно никаких оснований. Таковым не может, конечно, служить и близость отдельных выражений, скорее мыслей, «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона, человека русского, с «Речью философа» в летописи.[3] Когда именно началось русское летописание, продолжавшееся затем века, А. А. Шахматов не определил.

Совершенно неправдоподобна, равным образом, мысль А. А. Шахматова о том, что источником заимствований и образцом для русской лето-

---

1 Там же. С. 278.

2 Там же. С. 282.

3 Там же. С. 282–283.

писи послужила мыслимая им болгарская. «Думаю, — пишет он, — что болгарская летопись в отношении к Древнейшему своду имела еще то значение, что послужила для него и образцом, и главным основанием, откуда русский летописец почерпнул как приемы летописания, так и свою фразеологию».[1] Ничего подобного в болгарской литературе до сих пор не обнаружено.

А вот в том, что летописание после середины XI в. велось в Киево-Печерском монастыре, А. А. Шахматов, безусловно, прав. Убедительным представляется и его вывод о причастности Никона, постригавшего Феодосия и путешествовавшего в Тмуторокань, к киево-печерскому летописанию в 60-х — 70-х гг. XI в. Странным кажется при этом его навязчивое желание определить время составления и составителя следующего, по его мысли, за «Древнейшим» т. н. «Начального» свода.

Кроме того, и в справедливых рассуждениях Шахматова встречается немало удивляющего. Так, не понимая, как кажется, текст: «**Таци ти быша черноризци Феодосьева манастыря, иже сияють и по смерти, яко свѣтила, и молять Бога за сдѣ сущюю братью и за мирьскую братью и за приносящая въ манастырь, в немже и донынѣ добродѣтельное житье живуть**», — А. А. Шахматов задается вопросом: «Где подлежащее к “живуть”?» (хотя, совершенно ясно, что подлежащее здесь «**черноризци Феодосьева манастыря**»), — и далее переделывает весь этот период так, чтобы не оставалось, как у него самого, «сомнений в том, что рассматриваемый рассказ был первоначально изложен в той части, где характеризовался вообще весь монастырь, в настоящем времени и что прошедшие времена появились уже под пером позднейших редакторов».[2]

Оставляя сейчас конкретные возникающие при чтении рассуждений А. А. Шахматова несогласия и возражения, скажу, что вообще, в целом, его рассуждения о возможных источниках «Древнейшего» свода кажутся весьма и весьма нестрогими и потому недостаточно убедительными.

---

1 *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. С. 314.

2 Там же. С. 302.

Что касается мыслей А. А. Шахматова о «Начальном» своде, то они тоже строятся, мне кажется, на чрезвычайно слабом основании. Ведь он видит, как он думает, верное его отражение в Новгородской летописи. Совершенно несомненно, что новгородские летописатели, создавая свою, местную, новгородскую летопись-«Временник», черпали какой хотели материал из общерусской киевской летописи. Но вполне вероятно, что они делали это не единовременно, создавая свой «свод», тем самым отражая у себя некий киевский «Начальный» «свод». Думаю, прав В. М. Истрин, написавший о Новгородской 1-й летописи, что она «не может проистекать из "Начального свода" 1095 г., если бы он даже и был, как рисует его наличность (не происхождение) Шахматов. Новгородская 1-я летопись имеет, таким образом, свою предшествующую историю, в начальной своей части параллельную предшествующей истории "Повести временных лет"».[1] Равным образом, киевские летописатели, вполне вероятно, черпали что хотели из Новгородской летописи, причем, несомненно, не единожды.

Удивительным образом А. А. Шахматов «реконструирует» «Древний Новгородский свод, насколько он восстанавливается, — пишет он, — по Синодальному списку Новгородской 1-й, а также по своду 1448 г. (Софийский 1-й и Новгородский 4-й)».[2] В нем, говорит Шахматов, «вслед за названием 6525 г., т. е. за годом вступления Ярослава на стол киевский, был помещен краткий перечень событий Ярославова княжения, начиная с победы Ярослава над Брячиславом и кончая сообщением о построении им митрополии Русской в Киеве»[3]. Заглядывая в Новгородскую 1-ю летопись, не видим здесь никакого «перечня событий Ярославова княжения», за исключением только этих двух названных А. А. Шахматовым известий: о победе Ярослава над Брячиславом (6529 г.) и о завершении им города Киева

---

[1] *Истрин В. М.* Замечания о начале русского летописания. С. 75.

[2] Лишний раз напоминаю читателю, что такого свода вообще не существовало.

[3] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. С. 329.

и освящении церкви Св. Софии (6545 г.).[1] Софийская 1-я и Новгородская 4-я летописи, соответствующие статьи которых весьма обширны, делу тут, конечно, никак не помогают. Не обнаруживается там и «сообщение о заточении Ярославом посадника Константина Добрынича, случившееся, по-видимому, не очень долго после 6525 г., т. е. года вступления на киевский стол Ярослава», следом за которым, по А. А. Шахматову, «отношение восстанавливаемого Новгородского свода к Киевскому… резко изменяется».[2]

Равным образом, странной кажется реконструкция А. А. Шахматовым и «новгородского свода 1448 г.», и его источников, «Владимирского полихрона 1423 г.», «новгородского свода 1421 г.» и «Ростовского владычнего свода», а также «протографа Карамзинского списка». Дело в том, что наряду с реально существующими в рукописях летописными текстами А. А. Шахматов постоянно имеет в виду, в уме, его умом же и сконструированные «своды» и «протографы», среди которых реальные тексты оказываются в меньшинстве, что ясно видно по его генеалогическим схемам «сводов». Поражает при этом, даже восхищает, то, сколько текстов А. А. Шахматов единовременно держит в уме и как легко он ими, таким образом, оперирует. Жалко только, что реальные тексты среди гипотетических, как бледное их отражение, почти теряются.

Академик Д. С. Лихачев справедливо отметил: «А. А. Шахматов был близок к завершению поставленных перед собой задач по изучению русского летописания. Однако в данной им схеме развития русского летописания осталось незаполненным одно важное звено, — им не было оставлено подробного исследования о Начальном Киевском своде — том самом, с которого начиналось изучение летописи в работах А. А. Шахматова, на котором основывалась вся его стройная система древнейшего летописания и в определении которого чаще всего колебалась творческая мысль А. А. Шахматова».[3]

[1] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Рязань, 2001. (Русские летописи. Т. 10). С. 15–16, 180.

[2] *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. С. 329.

[3] *Лихачев Д. С.* Шахматов как исследователь русского летописания. С.293.

«Несомненно, — пишет также С. А. Богуславский, — гипотезы академика Шахматова о древнейшем киевском своде, о Киево-Печерском (Начальном) своде конца XI в. требуют дополнительных разысканий и критической проверки, но пока они являются достоянием науки, расширяющим наше познание о древнейшем самостоятельном творческом процесе русского исторического и художественного мышления».[1] Сам С. А. Богуславский, заметим, с гипотезой А. А. Шахматова о «Начальном» своде не был согласен. По его наблюдениям, текст Новгородской 1-й летописи младшего извода, в которой А. А. Шахматов прозревал «Начальный» киевский свод, зависит от второй редакции «Повести временных лет», сохранившейся в списках Ипатьевском, Погодинском и Хлебниковском.[2]

Совершенно неубедительными гипотезы А. А. Шахматова о Древнейшем и Начальном киевских летописных сводах считал и В. М. Истрин. «…история нашего древнейшего летописания, — утверждал он, — должна изображаться иначе, чем ее строит А. А. Шахматов. В этом изображении во многом придется вернуться к старым мыслям, высказанным в свое время различными исследователями».[3]

Но существуют и сторонники гипотез А. А. Шахматова о предшествующих «Повести временных лет» «сводах». Так, О. В. Творогов, внимательнейшим образом сравнивая схожие тексты мыслимого им вместе с А. А. Шахматовым «Начального свода», т. е. Новгородской 1-й летописи, и «Повести временных лет», убеждается в первичности тех, что в новгородской летописи; он рассматривает также все заимствования из «Хроники» Георгия Амартола в «Повести временных лет» и из реконструируемого им «Хронографа по великому изложению» в новгородской летописи.[4] Но исключить вероятность того, что в новгородской летопи-

[1] *Богуславский С. А.* Текстология Древней Руси. Т. I. С. 73.

[2] Там же. С. 66–67.

[3] *Истрин В. М.* Замечания о начале русского летописания. С. 80.

[4] См.: *Творогов О. В.* 1) Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению//ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 99–113; 2) Повесть временных лет и Начальный свод//ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 3–26.

си нет заимствований из «Хроники» Георгия Амартола просто по причине того, что они оказались в пропущенных новгородским выборщиком периодах текста «Повести временных лет», и что в двух местах, где есть совпадения (6374 / 6362, 6449 / 6428 гг.), перед нами просто сокращение текста «Повести временных лет», а в третьем (6573 г.) — просто его повторение, исключить вероятность этого ведь никак нельзя.

Очень странными, наконец, представляются рассуждения А. А. Шахматова о «третьей редакции» «Повести временных лет». Под 6604 (1096) г. летописец пишет: «**Се же хощу сказати, яже слышах преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гурята Роговичь, новгородець**». Кажется очевидным, что разговор его с Гурятой Роговичем состоялся ранее, в 6600 (1092) г.[1] А. А. Шахматов же, сопоставляя эти слова со словами летописца в статье 6622 (1114) г.: «**Пришедшю ми в Ладогу, повѣдаша ми ладожане** <...>», эти четыре года не отнимает от 1096-го, как то кажется естественным, а странным образом, чиня явное насилие над смыслом текста, приплюсовывает их к 1114 г. и заявляет, что летописец «был на севере (где беседовал с Гюрятой Роговичем новгородцем) за четыре года до составления своего труда; следовательно, летописец работал над переделкой и продолжением ПВЛ в 1118 г.».[2] Получается, что этот летописец сделал в 1118 г. запись в статье 1096 г. о том, что́ он слышал четыре года назад от новгородца Гуряты Роговича, имея в виду свое пребывание в Ладоге в 1114 г. Но вполне возможно, заметим также, что статьи 1096 и 1114 гг. писали разные люди. Даже скорее всего разные: все-таки расстояние между ними — 18 лет! Да ведь и первое лицо присутствует в «Повести временных лет» не только в этих двух статьях. В первый раз мы видим его под 6559 (1051) г.,[3] далее — под

---

[1] БЛДР. Т. 1. XI–XII века. СПб., 1997. Ипатьевская летопись. С. 264. На соседней, 265-й, странице издания совершенно верный перевод этих слов: «Теперь же хочу поведать, о чем слышал четыре года назад...».

[2] *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1 // Летопись занятий Археографической Комиссии. Пг., 1917. Вып. 29. С. V–VI.

[3] «**Федосьеви же живущю в манастырѣ и правящу добродѣтелное житье и чернѣцьское правило, и принимающе всякого приходящего к**

6582 (1074) г.,[1] потом — под 6599 (1091) г.[2] и 6601 (1093) г.[3] А под указанным уже 6604 (1096) г. читаем еще целый рассказ, где летописец называет себя.[4] Первое лицо видим также в статье 6614 (1106) г.[5] К про-

---

нему, к нему же и азъ придохъ, худый и недостойны рабъ, и приять мя, лѣтъ ми сущю 17 от рожения моего. Се же написахъ и положихъ и в кое лѣто почалъ быти манастырь, и что ради зоветься Печерскый манастырь. А о Федосьевѣ житьи паки скажемь» //Ипатьевская летопись. С. 202.

[1] «**Отъ нихъ же намѣню нѣколико мужь чюдныхъ**» //Там же. С. 226.

[2] «**...и повелѣ игуменъ рушити гдѣ лежать мощѣ отца нашего Федосья, егоже повелѣнью быхъ азъ грѣшный первое самовидець. Се же и скажю, не слухомъ бо слышав, но самъ о собѣ началникъ. Пришедшю бо игумену ко мнѣ и рекшю мнѣ: ...Азъ же пришедъ съ игуменомъ... Рече же ко мнѣ игуменъ... Азъ же пристроих... пояхъ съ собою... придох в пещеру и отпѣхъ псалмы, начахъ копати. И, въtрудився, вдах другому брату... Начахъ тужити... Азъ же, вземъ рогалью, начахъ рамяно копати... и рече ми... мнѣ же рекшю... Егда же прокопахъ, объдержашет мя ужасть, начах звати**» (Там же. С. 244); «**намъ сѣдящимъ у мощѣй его. Егда бо прокопах, послах ко игумену... И прокопах велми, и влезохъ, и видихом... Се же повѣм мало нѣчто... Азъ же грѣшный твой рабъ и ученикъ недоумѣю, чимъ похвалити тя... Но се реку мало нѣчто**» (Там же. С. 246). «**И помолися за мя, честный отче...**» (Там же. С. 248).

[3] «**Се бо азъ грѣшный многа и часто Бога прогнѣвахъ и часто согрѣшая бываю по вся дни**» (Там же. С. 258). По гипотезе А. А. Шахматова, этими словами заканчивался мыслимый им «Начальный свод» 1095 г.

[4] «**Василкови же сущу в Володимери на прѣжереченомь мѣстѣ, яко приближеся постъ Великый, и мнѣ ту сущю у Володимѣрѣ, у едину нощь посла по мя князь Давыдъ. И придохъ к нему, и сѣдяху дружина около его, и посади мя и рече ми... Да се, Василю, шлю тя, ѣзди к Василкови... Азъ же идохъ к Василкови и повѣдахъ ему всю рѣчь Давыдову... Мнѣ же рече... И не послуша его Давыдъ и посла мя река пакы... И рече ми Василко... и сѣде со мною**» (Там же. С. 276–278).

[5] «**В се же лѣто преставися Янь, старец добрый, живъ лѣтъ 90, в старостѣ маститѣ, живъ по закону Божию, не хужий первыхъ праведникъ. У него же азъ слышахъ многа словеса, яже вписахъ в лѣтописецъ**» (Там же. С. 292).

цитированным А. А. Шахматовым словам статьи 6622 (1114) г., свидетельствующим о визите летописца в Ладогу, можно добавить: «**Сему же ми есть послухъ посадникъ Павелъ ладожкый и вси ладожане**».[1] Но ведь нет, как я уже сказал, совершенно никакой уверенности в том, что именно этот побывавший в Ладоге летописец слышал в 1092 г. рассказ *новгородца* (не ладожанина!) Гюряты Роговича. И — где? Разве новгородец не мог оказаться в Киеве?

Я обращаю здесь внимание на уязвимость рассуждений А. А. Шахматова как из-за самого его мышления «сводами», так и из-за чрезмерно вольготной, на мой взгляд, аргументации их датировки и существования.

Во избежание фантазий — шахматовских или собственных — при исследовании русского летописания и для того, чтобы иметь возможность сосредоточить внимание на реально дошедших до нас памятниках, целесообразно было бы, думаю, — ввиду множественности и протяженности этого подобного ветвям колоссального древа материала (мы ведь неспособны, как А. А. Шахматов, весь его держать в уме), — не только составлять таблицы с «формулами» годовых статей, как это делал я, но и ввести летописные тексты в память компьютера, дабы иметь возможность использовать этот инструмент при их сличении (и полномерном, не только выборочном!), размышляя об их происхождении и взаимосвязях. И сделать этот электронный фонд надо бы, конечно, общедоступным. А чтобы была возможность коллегиальной работы над ним, неплохо создать при нем своего рода «рабочий стол», на котором исследователи, поработав, могли бы оставлять результаты своих наблюдений и выводы для ознакомления с ними своих коллег. Русская летопись, этот «канцелярский эпос» русского народа, удивительнейшее коллективно-безымянно-авторское историческое произведение, процесс создания которого длился более семисот лет, право же, заслуживает бережного отношения и внимательнейшего изучения с использованием всех доступных нам ныне вспомогательных средств.

---

[1] Ипатьевская летопись. С. 308.

2. По-шахматовски мыслящие

Я. С. Лурье, следом за А. А. Шахматовым, считал, как мы видели, что общерусские летописные тексты (не только списки!) были созданы в XV в. И А. Г. Бобров, подобно А. А. Шахматову и Я. С. Лурье, думает, что они были созданы в XV в. По моим же наблюдениям и соображениям, изложенным выше, в XV в. они не возникли, а — совершенно напротив — перестали быть составляемы, «скончались». Чрезвычайно важное расхождение! От этого зависит понимание того, что́ в это и в более раннее время происходило с русской литературой и культурой — и центрально-русской, и новгородской. Являясь, можно сказать, «спинным хребтом» древнерусской литературы, русское летописание содержит множество известий, повестей и прочих материалов, в том числе поэтических, датировка и само понимание которых зависят от того, как мы понимаем происхождение содержащих их громадных летописных текстов. От этого зависит и понимание истории соответствующих веков, ибо летопись — основной источник наших знаний об истории Древней Руси. Если общерусская летопись создана лишь в XV в. неким «новым Нестором»,[1] то ясно, что ее собственные, неизвестно откуда взятые, известия о веках предыдущих (а таких там множество!) не заслуживают серьезного внимания историков, равно как и многочисленные повести — внимания историков литературы этих веков.

Я думаю, не может быть сомнений в том, что вопрос, когда, где и как (если не кем, поскольку летопись — произведение безымянно-коллективно-авторское) было создано общерусское летописание, очень серьезен и в высшей степени важен: в Новгороде первой половины XV в., как думал А. А. Шахматов (хотя при этом он писал, что общерусское летописание существовало уже в XIV в.) и как теперь склонен думать А. Г. Бобров, или, может быть, в Москве 1448 г., как полагали М. Д. Приселков

[1] *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994.

и Я. С. Лурье? С этим вопросом связан другой: как оно создавалось — единовременно, как результат единократного сложения выборок из местных летописей, или же долговременно, наращиваясь годовыми статьями *в процессе* соединения и пополнения выборок из местных летописей, следом за теми и за другими?

К мнению, что процесс создания памятников сводного русского летописания был протяженным, меня привели наблюдения над их и выборок в Карамзинской рукописи составом, в том числе выявленными в ходе исследования «неизвестно-откуда-взятыми» в них материалами. Это оказалось возможным лишь благодаря полному их анализу и фиксации его результатов в воспроизведенной выше таблице. Без нее это было бы невозможным. Само рассуждение на эти темы, замечу, возможно, по моему глубокому убеждению, лишь на основе результатов полного, сквозного анализа всех взаимосвязанных текстов, — никак не в ходе выборочных наблюдений. И, конечно же, результаты такого анализа мы должны делать общедоступными. Именно с этой целью и была создана предлагаемая мною вниманию заинтересованных исследователей таблица. Это — попытка создать нашу «общую память». Только при ее наличии наша наука сможет стать более точной и объективной.

Предполагаю, что возможна и компьютерная версия этой таблицы, в которой пользующийся ею исследователь может вызвать на экран «формулу» любой годовой статьи любого свода (а при этом, может быть, и сам ее текст) — и сразу понять, что в этой статье первично, а что вторично и откуда заимствовано и как переработано. В своем пределе, охватив *все* летописные памятники, таблица может стать основой для пересмотра не только истории русского летописания, но и самой русской истории.

А. Г. Бобров

А. Г. Бобров в своей книге «Новгородские летописи XV века» (СПб., 2001) отказался, казалось бы, от мышления «сводами-протографами». «Исследователи, — пишет он, имея в виду Я. С. Лурье и меня, — поразному понимают сам процесс летописания: Я. С. Лурье, в соответ-

ствии с традициями А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, трактует его как историю создания летописных сводов — результата целенаправленной единовременой работы редакторов-сводчиков, а Г. М. Прохоров видит в нем, главным образом, непрерывный процес ежегодного наращивания летописных памятников».[1] Наблюдения самого А. Г. Боброва, сделанные в ходе его исследования, «позволяют, — считает он, — предположить, что обычный, традиционный характер летописания (по крайней мере, для Новгорода) был таким, как его понимает Г. М. Прохоров ("ежегодно ведущаяся летопись")»[2]. (Интересно, что А. Г. Бобров остается при этом в полном согласии с шахматовским представлением о местной новгородской летописи.[3]) А. Г. Бобров заметил также, что «практика создания "заготовок" годовых статей или отдельных летописных известий достаточно распространена» была у новгородских книжников.[4] Так что само существование подборок летописного материала, сохранившихся в Карамзинском списке, НК1 и НК2, сделанных новгородцами, уже не кажется уникальным и невероятным. Странно только, что первую из них, НК1, А. Г. Бобров величает «Сводом 1411 г.», «летописью, впервые в XV в. соединившей традиционную новгородскую летопись с общерусской»,[5] и явившейся «шагом на пути к созданию Свода Фотия 1418 г.», а вторую, НК2, доведенную до 1428 г., отражением «Свода 1418 г.», «Свода Фотия»[6]!

Создателем такого важного историко-культурного явления, как общерусское летописание, А. Г. Бобров считает «новгородского книжника Варлаама с Лисичьей горы»[7]. Тот должен был, по его расчетам, быть

---

[1] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 248.

[2] Там же.

[3] Ср.: *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. С. 139.

[4] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. С. 249.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 248–249.

[7] Там же. С. 112–122.

участником новгородской делегации к митрополиту Фотию в Москву: «Следует полагать, — пишет он, — что Варлаам в качестве новгородского архимандрита, главы черного духовенства республики, должен был принимать участие в официальной поездке архиепископа Иоанна 1411–1412 гг. в Москву к митрополиту Фотию».[1] Далее следует предположение, что именно этот Варлаам переписал в Троице-Сергиевой лавре «Лествицу» преп. Иоанна Синайского (РГБ. Ф. 304, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 156), работу над которой закончил 14 октября 1411 г. Имя писца этой рукописи известно из его приписки: «**...съписася книга сия... на имя священноиноку Матфею рукою грубаго и худаго, страннаго, последнего во иноцехъ, смиреннаго многыми грехы Варлама**».[2] Убедить читателя в том, что писец троице-сергиевской «Лествицы» Варлаам и «новгородский книжник Варлаам», «новгородский архимандрит, глава черного духовенства республики», одно лицо, могло бы сопоставление их почерков. Но его нет. Вероятно, оно и невозможно. А так кажется очень странным, трудно представимым, чтобы член официальной новгородской делегации в Москву сидел в Троице-Сергиевой лавре и занимался там таким времяемким делом, как переписка и украшение орнаментами книги для некоего, видимо, местного «священноинока Матфея», и подписался при этом, как «грубый и худой, странный, последний во иноцехъ, смиренный многыми грехы». Кстати сказать, слово «страннаго» в этом контексте — между словами «грубаго и худаго» и «последнего во иноцехъ» — должно пониматься тоже, конечно, как самоуничижительное — что-то вроде «несоответствующего», «отвра-

---

[1] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. С. 119.

[2] Там же. С. 113. Что этот Варлаам — выходец из Новгорода, доказывает, считает он, отмеченное Т. Б. Уховой сходство орнаментов этой рукописи с орнаментами рукописей балканского стиля, которые «можно связать с новгородским монастырем Рождества Богородицы на Лисичьей горке». См.: *Ухова Т. Б.* «Балканский стиль» в орнаментике рукописных книг из мастерской Троице-Сергиева монастыря//Древнерусское искусство: XIV–XV вв. М., 1984. С. 149.

тительного», «зазорного»[1], а не как нейтральное «путешествующего, иной области, странника», как склонен думать А. Г. Бобров.[2]

За отмеченными двумя предположениями у А. Г. Боброва следует третье, не менее «странное». Время окончания переписки «Лествицы», пишет он, «точно совпадает с окончанием текста НК1, доведенным до 6919 мартовского года (март 1411 — февраль 1412 г.)»;[3] и это «точное совпадение» побуждает его «предположить, что летопись, дошедшая до нас в списке НК1, могла быть создана в конце 1411 — начале 1412 г. архимандритом Варлаамом во время его пребывания в Троице-Сергиевом монастыре».[4] Получается, что параллельно с переписыванием «Лествицы» он создавал там еще и громадный текст НК1! Впрочем, А. Г. Бобров не очень-то уверен в том, что НК1 — произведение Варлаама, что видно из следующих его слов: «Можно полагать, что зимой 1411 / 1412 г. новгородским архимандритом Варлаамом (*или каким-то книжником из его окружения* (здесь и далее курсив мой. — *Г. П.*)) был создан свод-протограф НК1, который в дальнейшем будет условно именоваться также "Свод (или Летопись) 1411 г."»[5] И: «Создание "Свода 1411 г." связывается нами с деятельностью выходца из Лисицкого монастыря архимандрита Варлаама *или кого-то из книжников его круга*».[6] И: «...переписанная новгородцем Варлаамом в Троице-Сергиевом монастыре рукопись позволила *с некоторой степенью вероятности установить, что он (или какой-то книжник из его окружения) был и создателем протографа НК1*, — летописи, впервые в XV в. соединившей тра-

---

[1] Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. Т. 3. СПб., 1912. Стб. 540–541.

[2] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. С. 114.

[3] Там же. С. 122.

[4] Там же. А ранее — в его статье: Новгородский летописный свод 1411 г. и Варлаам Лисицкий // Новгород в культуре Древней Руси. Материалы Чтений по древнерусской литературе (Новгород, 16–19 мая 1995 г.). Новгород, 1995. С. 97–101.

[5] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. С. 124.

[6] Там же. С. 165.

диционную новгородскую летопись с общерусской (“Свод 1411 г.”)».[1] Странно, повторяю, и то, что А. Г. Бобров называет эту выборку-подборку-заготовку летописного материала «летописью» (как, заметим попутно, он называет *летописью*, «Новгородской Карамзинской летописью», и обе подборки-выборки, НК1 и НК2, вместе.[2] Я. С. Лурье думал их слить, «восстанавливая» химерический «свод»-протограф, А. Г. Бобров же — слава Богу! — издал их, как они и существуют, порознь, но в издании назвал их по-шахматовско-лурьевски: «Новгородской Карамзинской *летописью*»).[3]

К созданию сочетающей киевско-владимирский (до 1185 г.) и новгородский летописные материалы НК1 подвигло Варлаама («или кого-то из книжников его круга»), как думает А. Г. Бобров, тогдашнее «улучшение отношений между митрополитом и Новгородским владыкой».[4] «...во время пребывания в Троице-Сергиевом монастыре осенью 1411 г. или в начале зимы 1411/1412 г. он впервые соединил тексты, относящиеся к новгородской и центрально-русской летописным традициям в одно целое».[5] Значит, у него в Троице-Сергиевом монастыре должна была быть с собой Новгородская 1-я летопись! А также центрально-русская! Но почему — только до 1185 г.? В сноске А. Г. Бобров размышляет: «Центрально-русский источник Варлаам использовал только до 1185 г. то ли из-за недостатка времени, то ли потому, что ему был доступен лишь такой текст».[6] Значит, смысла в дате 1185 он не видит, — точно так же, как в сделанных мною наблюдениях над распределением в подборках НК1 и НК2 и сводах, для которых они послужили заготовками, «известно-откуда» и «неизвестно-откуда-взятых» материалов. Всем этим он просто пренебрегает. Считая, что я «не исчерпал всей возмож-

[1] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. С. 249.
[2] Там же. С. 93.
[3] Новгородская Карамзинская летопись//ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002.
[4] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. С. 124.
[5] Там же. С. 127.
[6] Там же. С. 128, прим. 146.

ной аргументации»,[1] т. е. недостаточно убедительно аргументировал утверждение, что НК1 послужила материалом для С1, А. Г. Бобров приводит пять примеров, которые, «думается, — пишет он, — могут служить решающим доказательством первичности текста НК1 по отношению к тексту С1».[2] Но ведь все эти пять случаев проанализированы в моей таблице, а вдобавок к ним — еще более двухсот не вызывающих сомнений случаев первичности статей НК1 по отношению к статьям С1. И все они «решающим доказательством» такой именно связи этих текстов служить не могут?

И еще вот что в картине А. Г. Боброва странно: зачем Варлааму нужно было после статьи 6693 (1185) г., которой кончается сводный текст, делать 146 выписок из местной новгородской, Н1, летописи? Для включения в общерусский свод? Значит, НК1 никак не летопись, а именно *заготовка*. Сам А. Г. Бобров в другом месте, заметим, называет НК1, как и НК2, уже не летописями, а «"черновиками" для готовящихся грандиозных летописных мероприятий»,[3] что тоже неверно. Это именно *заготовки*. И, разумеется, не Варлаам создавал первую из них. Ведь не мог же он быть инициатором создания в Москве общерусского летописного свода. Или он создавал заготовку для новгородского варианта общерусского свода? А почему же тогда сначала ее использовали в Москве?

Мысля по-шахматовски «сводами», которые надо реконструировать, А. Г. Бобров сопоставляет фрагменты статей 6900 (1392) г. в НК1, С1 и НК2, указывает на то, что чтения НК2 здесь ближе к НК1, чем к использовавшей НК1 С1, и делает вывод, что НК2 восходит не к С1, выборкой из которой, как я установил, она является, а к «протографу С1 и НК2», каковой он величает «Сводом Фотия 1418 г.».[4] Но если бы при сопоставлении указанных текстов он заглянул еще и в Н1, которой НК2 постоянно пользуется, то увидел бы, что выборщики НК2 воспользовались ею и

[1] Там же. С. 102.
[2] Там же. С. 100.
[3] Там же. С. 166.
[4] Там же. С. 132–134.

здесь (а не химерическим «Сводом Фотия»!). Так что в гипотезах-выдумках и в этом случае совершенно никакой надобности нет.

В целом нарисованная А. Г. Бобровым картина возникновения в Москве сводного общерусского летописания на основе сделанной новгородцем в Троице-Сергиевой лавре выборки летописных известий из киевско-владимирской летописи до 1185 г. и местной новгородской по 1411 г., а затем продолжения-развития его в недошедший до нас в чистом виде, но «восстанавливаемый» (очередная «научная фикция»!) «Свод Фотия 1418 г.» кажется мне совершенно неубедительной и невероятной. Повторяю: пренебрегать наблюдениями над распределением в дошедших до нас изучаемых летописных текстах «известно-откуда» и «неизвестно-откуда-взятых» материалов, свидетельствующих, очевидно, о работе живых людей — выборщиков и сводчиков, также как наблюдением над дублированиями, устраненными сводчиками и незамеченными ими, мне кажется, не следует. И в данном случае шахматовское мышление реконструируемыми «сводами-протографами», наряду с шахматовским же желанием видеть в зарождении общерусского летописания дело новгородцев, приводит исследователя к совершенно неубедительным, на мой взгляд, результатам, превращающим тех, кто ведение общерусского свода в Новгороде прекратил, в создателей общерусского летописания.

Известный своей антимосковской ориентацией Новгородский архиепископ Евфимий II (1429–1458), избранный по жребию в 1428 г. и остававшийся 6 лет не хиротонисанным, пока в 1434 г. в Смоленске не произвел его в архиепископы тамошний митрополит «Киевский и всея Руси» Герасим, креатура литовского князя Свидригайло, — этот человек, по А. Г. Боброву, «инициировал создание»[1] новгородского варианта общерусской летописи, Н4, продолжив тем самым «работу по созданию сводного летописания, начатую его предшественниками».[2] Плод этой работы, пишет А. Г. Бобров, «Н4 — это не “постоянно ведущаяся

[1] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. С. 128.
[2] Там же. С. 166.

летопись”, а именно свод, результат сознательной творческой работы одного или нескольких летописцев, трудившихся в первые годы владычества Евфимия II».[1] «Н4 ст., бесспорно, — утверждает А. Г. Бобров, — это “детище” Евфимия II (как и НК2 “основной” редакции, заканчивающейся 1428 г.). Это, правда, уже не свод, а “непрерывно ведущаяся летопись”, добавления к которой прекращаются летом 1437 г.». По его мысли, Евфимий II, бывший инициатором создания новгородского варианта общерусской летописи, Н4, был и ее «прекратителем», — в связи со «сложными взаимоотношениями церковных и политических деятелей Москвы, Новгорода и Пскова и с их отношением к одному из центральных, ключевых событий эпохи — к Флорентийской унии 1439 г.».[2] А. Г. Бобров думает, что по возвращении из Флоренции на Русь митрополит «Исидор был близок к полной победе, а положение Новгорода было критическим», — потому, дескать, что Москва, Псков и Тверь были готовы принять унию, а Евфимий II был решительно против нее; и он сумел в 1441 г. переменить отношение к ней московского великого князя Василия Васильевича, выплатив тому, шедшему с войском на Новгород с требованием уплаты долга, 8 тыс. руб.;[3] новгородский же вариант общерусской летописи он при этом решил прекратить. Неправдоподобность всей этой картины, в том числе психологической эволюции Евфимия II, вполне убедительно показана О. А. Абеленцевой, завершившей свой анализ выводом, «что обвинения автора в адрес властей Руси в пролатинской позиции и продажности не находят подтверждения в источниках»[4].

---

1 Там же. С. 181.

2 Там же. С. 194.

3 Там же. С. 212–213.

4 См.: *Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефелии Русской Церкви. М.; СПб., С. 137–144.

М. А. Шибаев

М. А. Шибаев, тоже следуя за А. А. Шахматовым, пишет[1]: «Изучение летописания связано с проблемой реконструкции различных его этапов, часто не отразившихся в реальных списках. При этом аргументация в пользу существования тех или иных сводов обладает разной степенью убедительности. Например, для XV в., пожалуй, центральной является проблема т. н. "Новгородско-Софийского свода", который лежит в основе почти всех летописей второй половины этого века. Этот свод был реконструирован А. А. Шахматовым на основе Софийской 1-й, Новгородской 4-й и Новгородской Карамзинской летописей (название последней происходит от фамилии владельца — знаменитого историка Н. М. Карамзина; сейчас она хранится в ОР РНБ (ОСРК. F.IV.603). Именно этот летописный текст, разделенный на две выборки, послужил основой для построений, исключающих Новгородско-Софийский свод из системы русского летописания.[2] Мы, впрочем, продолжаем настаивать на существовании этого свода, иногда именуемого в историографии, как "свод 1448 г."».[3] Вопреки реальности, здесь и далее М. А. Шибаев пишет о НК, «Новгородской Карамзинской» летописи, как о чем-то едином, считая, что «проблематичным остается вопрос о первичности НК1 к С1».[4]

---

[1] *Шибаев М. А.* Софийская 1 летопись и «Московско-Софийский свод» //История в рукописях и рукописи в истории. Сб. научных трудов к 200-летию Отдела рукописей Российской Национальной библиотеки. СПб., 2006. С. 129.

[2] См., например: *Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания// ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165–198; *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 93–166.

[3] О проблеме Новгородско-Софийского свода см.: *Шибаев М. А.* Редакторские приемы составителя Софийской 1 летописи //Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Редактор и текст. СПб., 2000. Вып. 3. С. 368–383.

[4] Там же. С. 376.

Полагая, что «не выяснен окончательно вопрос о самом существовании общего протографа С1 и Н4–НК, о времени его составления и каким годом он оканчивался»,[1] М. А. Шибаев рассматривает мою и А. Г. Боброва точки зрения на этот вопрос. Не в силах отказаться от мышления «сводами-протографами»-предположениями, он приписывает это и мне, говоря: «Г. М. Прохоров обоснованно *предположил* (здесь и далее курсив мой. — *Г. П.*), что НК не есть результат попытки "разрезать" Н4, а наоборот, *протограф* Н4 представлял собой как раз текст, первоначально существовавший в виде двух подборок и впоследствии соединенный в единую летопись — Н4». Но я писал не о гипотетическом «протографе» Н4, а о *самой* Н4, и не «предполагал» это, а утверждал. «Однако, — считает М. А. Шибаев, — текстологические наблюдения, приведенные Г. М. Прохоровым, могут быть объяснены и в рамках традиционной (шахматовской) концепции взаимодействия летописных текстов, основанной на том, что у С1 и Н4–НК был общий протограф».[2] Я писал, повторяю, что беды Руси XIII в., татаро-монгольское нашествие и раздел страны татарами и литовцами прервали на время поставку из Новгорода во Владимир выписок из местной новгородской летописи для начатого там общерусского свода и что эта регулярная поставка возобновилась в начале XIV в., а для заполнения пространства перерыва составители С1 обратились непосредственно к Н1. В НК1 этот период был заполнен, но не полностью, а частично, по всей видимости, тоже позже (нет «неизвестно-откуда-взятых» материалов). И у М. А. Шибаева «создается даже впечатление, что они независимо друг от друга использовали какие-то новгородские источники».[3] Только слово «какие-то» здесь излишне: и та, и другая черпали материал прямо из Н1.[4] При этом у М. А. Шибаева есть интересные

---

[1] Там же. С. 372.

[2] Там же. С. 373.

[3] Там же.

[4] См.: *Прохоров Г. М.* Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи) // ТОДРЛ. Т. 51. СПб., 1999. С. 171–179.

наблюдения об убыли «общерусских» известий в этом же пространстве С1.[1] Но он упорно отказывается видеть в НК1 источник С1 и считает, что ее составителю, обращавшемуся «к общему с С1 протографу... удалось исключить почти все не новгородские известия за этот период»[2], т. е. за период после 1185 г., которым кончается сводная часть НК1, до ее конца, 1411 г.! Отказаться от шахматовского мышления «сводами-протографами» он никак не может, и даже мои наблюдения над «неизвестно-откуда-взятыми» материалами в изучаемых текстах и их составом лишь заставляют его «задуматься, насколько были близки летописные источники общего протографа С1–НК–Н4... к текстам Л, Н1 и др.».[3] И он полагает, что «наличие уникальных известий в том или ином летописном источнике может свидетельствовать не только о пополнении этого источника, но и о том, что в тех летописных текстах, с которыми мы сравниваем этот источник, эти известия были пропущены или устранены».[4] На показательное распределение «неизвестно-откуда-взятых» материалов в НК1, С1, НК2 и Н4 внимания он, увы, не обращает.

Споря уже с А. Г. Бобровым, согласившимся, как мы видели, со мной в том, что НК1 первична по отношению к С1, а С1 — по отношению к НК2, М. А. Шибаев пишет: «Учитывая общую близость С1 и НК2, можно предположить (с одинаковой долей вероятности) как правоту точки зрения А. Г. Боброва, так и то, что оба текста восходят к тексту общего протографа НК–Н4–С1, а НК1 была вторично пополнена по летописи, близкой к Л».[5] Так что, полагает он, «следует допустить, что в основе С1–Н4–НК лежал общий протограф, который мы будем называть, как это закрепилось в историографии, — Новгородско-Софийский свод. Т. е. наши наблюдения подтверждают гипотезу А. А. Шахматова о существовании этого свода».[6]

---

[1] *Шибаев М. А.* Редакторские приемы... С. 374.

[2] Там же. С 375.

[3] Там же.

[4] Там же.

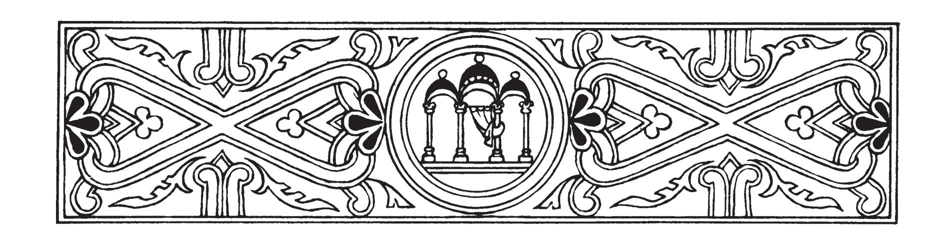
[5] Там же. С. 377.

[6] Там же. С. 381. В следующей своей работе М. А. Шибаев уже не рассматривает аргументацию, которая приводит к отрицанию существо-

Как видим, традиция мышления об общерусском летописании, по-шахматовски, предположениями о химерических «сводах-протографах» вполне жива. Но да будет живо и внимательное исследование реально существующих, дошедших до нас русских летописных текстов!

А теперь займемся «центрально-русскими» летописями.

вания общего для С1, Н4 и НК свода-протографа, т. н. (до сих пор, несмотря на то, что сам А. А. Шахматов отказался от этого названия) «свода 1448 г.». Он занят соотношением С1Ст. (т. е. Софийской 1-й Старшей редакции), С1Мл (т. е. Софийской 1-й Младшей редакции), МС (т. е. Московского свода 1479 г.) и Ерм. (т. е. Ермолинской летописи) друг с другом и с Н4, и приходит к выводу, что «С1Мл была составлена, по-видимому, между 1462 и 1471 гг., но текст этой редакции был доведен только до 1423 г.», и что «составление С1Мл можно отнести к середине — второй половине 60-х гг. XV в. Эта дата является, — заключает он, — нижней границей датировки Московско-Софийского свода (так, вслед за Я. С. Лурье (*Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. С. 42), М. А. Шибаев называет "Особую обработку свода 1448 г.", — гипотетический "свод, лежащий в основе МС и Ерм." — *Г. П.*), верхняя же граница, — думает он, — может быть определена временем не позже составления уже собственно МС — 1479 г. Основой для Московско-Софийского свода послужил текст именно С1Мл». См.: *Шибаев М. А.* Софийская 1 летопись и «Московско-Софийский свод». С. 144.



ЧАСТЬ II

Глава 7

«ЛѢТОПИСЕЦ ВЕЛИКИЙ РУСЬСКИЙ»: АНАЛИЗ ЕГО УПОМИНАНИЯ В ТРОИЦКОЙ ЛЕТОПИСИ[1]

Гипотезы и догадки

В выписках Н. М. Карамзина из пергаменной Троицкой летописи, сгоревшей в Москве в 1812 г., уцелело и сохранилось название какой-то другой, неизвестной летописи, — «Лѣтописец Великий Русьский». В статье 6900 (1392) г. Троицкая, говоря о неуживчивости новгородцев с великими князьями, рекомендовала: «**И аще хощеши распытовати, разгни книгу "Лѣтописец Великий Русьский" и прочти от Великаго Ярослава и до сего князя нынѣшняго**».[2]

Других упоминаний этого «Летописца» мы не имеем, и что он представлял собой, остается загадкой. Ясно лишь, что работа над ним велась в третьей четверти XIV в. и что он существовал в 1392 г., а может быть и позже, т. е. был современником Лаврентьевской (рукопись 1377 г., текст доведен до 1305 г.) и предшественником Троицкой летописей (ру-

[1] Впервые статья напечатана: Летописи и хроники. 1976. М., 1976. С. 66–67.

[2] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. V. СПб., 1817. Прим. 148.

копись начала XV в., текст доведен до 1408 г.). Решение загадки Летописца Великого Русского, окажись оно возможным, пролило бы свет на один из самых важных и темных для науки периодов в истории русского летописания. Ученые, естественно, старались решить эту загадку.

А. А. Шахматов, опираясь на слово «Великий», полагал, что Летописец Великий Русский был общерусским летописным сводом: «...московскому летописцу начала XV в. была известна книга, содержащая общерусский свод, ибо что другое можно разуметь под "Великим летописцем"?»[1]

М. Д. Приселкову, напротив, этот летописец рисовался как узко московская великокняжеская летопись, послужившая одним из источников общерусской митрополичьей Троицкой. Представление о ней М. Д. Приселков получал, исключая из реконструированного им текста Троицкой все не московские известия, ведущие к мысли об иных летописных центрах. Оканчиваться эта летопись должна была, но мнению М. Д. Приселкова, 1389 г. — годом смерти Дмитрия Донского. Состав известий, «которые мы имеем основания отнести к собственно московскому великокняжескому своду 1389 г., — замечает историк, — отличается необыкновенно замкнутым характером». В нем «мы не видим привлечения даже таких обычных для предшествующих сводов материалов, как новгородское летописание; нет известий по истории Суздаля или Твери; даже нет следов иного, кроме великокняжеского, летописания московского, хотя в XIV в. такие московские летописцы уже появились».[2]

1389-м г., подобно М. Д. Приселкову, предположительно датирует Летописец Великий Русский Л. Л. Муравьева; отмечая ряд общих черт Владимирского летописца и Троицкой летописи (отличающих их от Симеоновской), она склоняется к мысли, что «объем известий русского ле-

---

[1] *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900, № 9. С. 151.

[2] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 128.

тописания XIV в. был бóльшим, чем представлялось до сих пор»[1] (т. е., очевидно, чем это представлялось М. Д. Приселкову).

В. Л. Комарович, сличив Троицкую летопись с близким к ней текстом Симеоновской летописи и Рогожского летописца, отметил, что общий текст этих последних тождествен с Троицкой в пределах до 6900 (1392) г., и пришел к выводу, что 1392 г. оканчивался летописный свод, предшествующий Троицкой летописи. На его взгляд, этот свод имел общерусский и митрополичий, а не великокняжеский характер: «В духе русско-литовской неделимости митрополии и московско-тверского политического равновесия и был составлен в 1392 г. первый в Москве летописный свод, инициатором которого есть... все основания признать самого митрополита Киприана». И как раз под этим самым 6900 г. упомянут в Троицкой «Лѣтописец Великий Русьский». Естественно, что ученый связал это название с определяемым и описываемым им Киприановым общерусским сводом 1392 г., «прямым источником Троицкой».[2] У В. Л. Комаровича, как видим, взгляд на Летописец Великий Русский оказался, по сути дела, таким же, как у А. А. Шахматова.

Коснулся вопроса о Летописце Великом Русском также Я. С. Лурье. «В курсах древнерусской литературы неизменно перечисляются, — пишет он, — например, такие гипотетические своды, которые сам А. А. Шахматов скромно именовал "учеными фикциями", — "Древнейший Киевский свод" 1039 г., "Древний Новгородский свод" 1050 г., "Первый Киево-Печерский свод" 1073 г., "Второй Киево-Печерский свод" 1095 г., "Летописец великий русский" 1382 г. (ошибка; следует читать: 1389 г. —

---

[1] *Муравьева Л. Л.* Об общерусском источнике Владимирского летописца//Летописи и хроники. Сб. статей памяти А. Н. Насонова. М., 1974. С. 149.

[2] История русской литературы. Т. II. Ч. 1. М.; Л., 1945. С. 193–195. К сожалению, здесь напечатаны только основные положения исследования В. Л. Комаровича, лишенные почти всех доказательств. В полном виде текст его работы см.: *Комарович В. Л.* Древнерусское областное летописание XI–XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора, глава «Начало московского летописания»//Архив ИРЛИ, р. 1, оп. 12, № 388).

Г. П.), "Владимирский Полихрон" 1418–1423 гг. и т. д.».[1] Между тем, А. А. Шахматов «ученой фикцией» Летописец Великий Русский не называл. Он писал, имея в виду свои гипотезы, некритически воспринятые М. Д. Приселковым, «о Древнейшем своде 1039 г., его Печерской редакции 1073 г., Начальном своде 1095 г. ... об этих научных фикциях».[2]

Заметим, что Я. С. Лурье говорит не вообще о Летописце Великом Русском, а о Летописце Великом Русском 1389 г., имея в виду мнение М. Д. Приселкова.[3] Так же можно сказать о Летописце Великом Русском 1390 г., имея в виду мнение А. А. Шахматова, или о Летописце Великом Русском 1392 г., имея в виду мнение В. Л. Комаровича. Но вообще Летописец Великий Русский — не научная фикция, не плод расчета или воображения ученых, не гипотеза, в отличие, например, от «свода 1305 г.» или «свода 1448 г.». Факт существования летописца под названием «Великий Русьский» засвидетельствован авторитетнейшим источником, Троицкой летописью. В чем мы можем быть твердо уверены, так это в том, что в 1391 / 92 (6900) г. летописец с таким названием существовал. Этот летописец — не фикция, а загадка.

Сам Я. С. Лурье считает, что для решения этой загадки «мы не располагаем необходимыми данными»: «в нашем распоряжении нет летописей, в которых можно было бы с достаточным основанием предполагать непосредственное (не через свод 1408 г.) отражение "Летописца великого русского"». По его мнению, об этом летописце можно высказать лишь ряд догадок: «1) если считать, вместе с М. Д. Приселковым, что "Летописец великий русский", доведенный до "**сего князя нынѣшняго**", — это великокняжеская летопись 1389 г., то придется признать, что такая летопись была первым опытом московского великокняжеского летописания, опиравшимся на очень бедную традицию XIV в. (семейный летописец

[1] *Лурье Я. С.* К изучению летописного жанра // ТОДРЛ. Т. 27. Л., 1972. С. 79.

[2] *Шахматов А. А.* Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни // Научный исторический журнал. Т. II. Вып. 2. № 4. СПб., 1914. С. 45.

[3] Это разъяснил мне сам Я. С. Лурье; у него напечатано ошибочно 1382 г., должно быть — 1389 г.

московских князей, внемосковское летописание); 2) "Летописцем великим русским", доведенным примерно до времени Василия I (или Дмитрия Донского), мог именоваться свод великих князей суздальско-нижегородских, тоже добивавшихся в конце XIV в. владимирского престола; 3) под "Летописцем великим русским" мог подразумеваться и еще один великокняжеский свод, тоже составленный в конце XIV в., — свод великих князей тверских, тоже получавших от хана на короткое время великокняжеский престол». Правда, Я. С. Лурье думает, что тверской великокняжеский свод конца XIV в. именовался «Владимирским полихроном», однако он не исключает существования у него «второго, столь же многозначительного наименования».[1]

Мысли Я. С. Лурье порождают ряд возражениеи. Во-первых, непонятно, отчего нижегородско-суздальской или тверской великокняжеской летописи надо было быть доведенной до московского, а не нижегородско-суздальского или тверского «сего князя нынѣшняго»: ведь вспомнить Летописец Великий Русский летописателя побудило сообщение о конфликте новгородцев с великим князем московским Василием Дмитриевичем. Во-вторых, как известно, не только в конце, но и на протяжении всей последней четверти XIV в. ни нижегородско-суздальские, ни тверские князья владимирскими великими князьями не становились; ими были исключительно князья московские. В-третьих, относя название «Владимирский полихрон» к тверской летописи, мы без всякой нужды круто отступаем от его прямого смысла (владимирский). И, наконец, есть ли у нас вообще основание датировать Владимирский полихрон концом XIV в.?

О Владимирском полихроне Я. С. Лурье пишет: «На эту летопись Тверской сборник ссылается, говоря о могуществе великого князя Михаила Александровича... Не был ли "Владимирский полихрон" тверским летописным сводом, подкреплявшим претензии Михаила на владимирский престол (чем и объяснялось его название)?»[2]

---

[1] *Лурье Я. С.*1) Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 53, 65; 2) Троицкая летопись и московское летописание XIV в.//Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VI. Л., 1974. С. 105–106.

[2] *Лурье Я. С.* Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей//ТОДРЛ. Т. 38. Л., 1974. С. 129, прим. 57.

Название «Володимерьский полихрон» мы знаем из тверской летописи, сохранившейся в составе Тверского сборника. В XV в. тверской князь Борис Александрович повелел «**написати от слова честь премудраго Михаила**», своего прародителя. Ясно, что такой заказ мог быть тогда исполнен только на основании каких-то исторических источников («от слова» можно понять, как «от письменного слова» или «со слов»). «**Прьвое честь мужу речем,** — рассудил исполнитель заказа, — **да всѣм вѣдомо будет, от которого богосадного корени таковаа добраплоднаа отрасль, или реку вѣтв, израсте...**». Писатель свидетельствует, перечисляя предков славимого князя Михаила, что все они самодержавно владели Русской землей: «**И Александр же, иже также самодрьжец бѣ, владѣяше землю Рускую, якоже и отець его Михаил и вси прадѣди его**». Авторитетность сведений заверяется ссылкой на источник: «**Дозде пишущу, уставихом ис прьваго лѣтописца въображающе, якоже Володимерьский полихрон степеней приведе явѣ указует и пречестнѣйша сего в князех являет, словуще имя Михаила Александровича, зань низмновах родове от престола, кождо сынове въсприемлюще и владяху землею Рускою от православнаго Володимера** [и до] **Александра, его же сын сый пресловущи Михаил, о сем же слово начахом...**».[1] Дальше речь должна идти, казалось бы, о могуществе и славных делах самого Михаила Александровича. Как ни странно, этого нет. Конкретно о княжении Михаила здесь не сказано ничего. Писатель ограничивается лишь самыми общими похвальными словами.[2] За ними следует погодное изложение событий лишь с начала XV в. Значит, исполнитель заказа Бориса Александровича сведениями о деяниях князя Михаила не располагал. Источник (Владимирский полихрон) или источники (полихрон и «**прьвый лѣтописец**») позволили ему сказать лишь о предках Михаила Александровича. Согласно процитированной отсылке, эти данные почерпнуты «**ис прьваго лѣтописца**»; но и «**Володимерьский полихрон**», согласно той же отсылке, являл Михаила «**пречестнѣйшим в князех**» тем именно образом, что показывал, как его предки — «**от православнаго Володимера** [и до] **Александра**» — поочередно, постепенно, «**владяху землею Рускою**».

---

[1] ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 464–465.

[2] Там же. Стб. 467–469.

Похоже, что «**прьвый лѣтописец**» и «**Володимерьский полихрон**» — одно и то же. Исполнитель заказа располагал каким-то летописным текстом, повествующим о Киевской Руси и о великом княжении Владимирском, и в том, что касается тверских князей, ограниченным временем Александра Михайловича, т. е. первой третью XIV в. Точно такое же мнение о Владимирском полихроне составили и издатели Тверского сборника: «При изложении событий, *предшествующих* (курсив мой. — *Г. П.*) вступлению на престол Михаила Александровича, — читаем мы в предисловии к изданию, — составитель летописи, как он сам говорит, руководствовался Владимирским полихроном».[1] Вот почему отнесение этого названия к тверскому княжескому своду конца XIV в. мне не представляется убедительным.

Не могу присоединиться и к предположению Я. С. Лурье о втором, столь же многозначительном наименовании («великий русский») этого мнимого «Тверского владимирского полихрона» конца XIV в. Предпочтительнее, нежели путь увеличения такого рода догадок, представляется путь анализа единственного источника наших сведений о Летописце Великом Русском — отсылки Троицкой летописи. Никто до сих пор, стараясь решить загадку этого Летописца, такого анализа, как ни странно, не проделал.

«**Великий Ярослав**»

Отсылка к «**Лѣтописцу Великому Русьскому**» сделана явно москвичом, не одобрявшим своеволия новгородцев: «**Таков бо есть обычай новгородцев: часто правают ко князю великому и паки рагозятся. И не чудися тому: бѣша бо человѣци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставни... Кого от князь не прогнѣваша? Или кто от князь не угоди им, аще и Великий Александр Ярославичь не уноровил им?.. И аще хощеши распытовати, разгни книгу "Лѣтописец Великий Русьский" и прочти от Великаго Ярослава и до сего князя нынѣшняго**». Это — весь наш исходный материал. Из него следует, однако же, немало:

[1] ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. С. V.

1) В «**Лѣтописце Великом Русьском**» рассказывалось о каком-то конфликте (или конфликтах) какого-то «Великаго» Ярослава с новгородцами.

2) И после рассказа о Ярославе читатель мог там найти примеры трений между новгородцами и князьями, включая Александра Ярославича Невского.

3) «**Лѣтописец Великий Русьский**» доводил свое изложение до «**нынѣшняго**» великого князя московского и владимирского Василия Дмитриевича (1389–1425), у которого и произошел последний, современный для летописца, конфликт с Новгородом.

Первый вопрос, от ответа на который зависит очень многое: о каком Ярославе идет в отсылке речь — о Ярославе I Владимировиче Мудром (1019–1054) или о Ярославе II Всеволодиче (1190–1246)?

Принято считать, что «Великим Ярославом» именуется здесь Ярослав Мудрый и что его упоминание в связи с «**Лѣтописцем Великим Русьским**» есть «ясное свидетельство того, что в конце XIV в. в Москве не только велись отдельные записи, но существовал полный обзор всей русской истории "от Великаго Ярослава и до сего князя нынешняго", т. е. до Василия Дмитриевича Московского. Наличие в этом летописце киевских известий, — пишет Д. С. Лихачев, — нельзя понимать иначе, как то, что уже тогда во главе московской летописи находилась "Повесть временных лет"».[1]

Но как только мы допускаем, что «Великий Ярослав» — это Ярослав Мудрый, мы оказываемся в затруднении. Отношения новгородцев с князем Ярославом Владимировичем скорее могут служить примером их необыкновенной покладистости, нежели неуживчивости с князьями. Как известно, именно новгородцы, простив Ярославу предательское избиение своих «нарочитых мужей», доставили ему победу над соперником Святополком и отцовский киевский престол, за что и получили от него льготы в отношении налогов. Причина же конфликта Новгорода с Москвой в 1392 г. состояла как раз в том, что великий князь Василий Дмитриевич потребовал у новгородцев дополнительных податей, «черный бор»,

---

[1] *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 295. Так же считает и Л. Л. Муравьева (Указ. соч. С. 143–144).

и возвращения грамоты, согласно которой митрополичье право суда передавалось Новгородскому архиепископу, что означало требование одновременного восстановления подати, связанной с правом на суд; «**новгородцы же того не послушаша**». Обычно при столкновениях такого рода с князьями новгородцы первыми вспоминали Ярослава Мудрого и его льготные грамоты.[1] На грамоты Ярослава Мудрого «всегда ссылались новгородцы, когда им приходилось отстаивать свою независимость». «На протяжении ряда веков, вплоть до московского завоевания, новгородцы связывали начало своей независимости с Ярославом Мудрым и теми грамотами, которыми он якобы снабдил Новгород».[2] Например, под 6738 (1230) г. в Н1 находится сообщение, что князь Ярослав Всеволодич «**цѣлова святую Богородицю**», т. е. присягал новгородцам, «**на грамотах на всѣх Ярославлих и на всѣй воли Новгородчкой**».[3] Невероятно, чтобы москвичи, ссорясь с Новгородом как раз из-за податей, стали бы сами напоминать читателям Ярослава Мудрого, автора льготных грамот.

И наконец, Ярослава Мудрого Великим, просто «Великим», летописи, за исключением одного известного мне случая,[4] не называют. Но летописцы не раз так называют другого Ярослава — Ярослава II Всеволодича. «**Князь Ярослав Великий**, — читаем мы в Л, — **отда Суждаль брату своему Святославу**», «**Батый же почти Ярослава Великого честью**»;[5] в Рогожском летописце: «**преставися Ярослав Вел[икий], сын Всеволодичь**»;[6] в Н1 под 6812 г.: «**преставися великий князь Андрей Александрович, внук Великого Ярослава...**».

[1] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. I. М., 1962. С. 219–220.

[2] *Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. //Исторические записки. Т. 25. 1948. С. 260, 264.

[3] Н1. С. 70, 278.

[4] Случай этот обнаружен в сильно сокращенном, отрывочно кратком, Летописце епископа Павла (БАН. Собр. Доброхотова, № 18, 6562 г.): «Преставися Великий Ярослав в суботу 1...». По всей видимости, это результат сокращения текста.

[5] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Л., 1927. Стб. 467, 470.

[6] Там же. Т. XV. Вып. 1. Стб. 31.

Чуть раньше отсылки к Летописцу Великому Русскому упомянут в Троицкой летописи, как мы видели, Александр Ярославич Невский, сын Ярослава Всеволодича, и тоже назван «Великим»: «**...кто от князь не угоди им, аще и Великий Александр Ярославич не уноровил им?**» Также и Рогожский летописец, и Симеоновская летопись дают нам пример величания Александра Ярославича, наряду с его отцом Ярославом, просто «Великим»: «**В лѣто 6848 преставися князь великий всея Руси Иван Данилович, внук Великаго Александра, правнук Великаго Ярослава**».[1]

Третий князь, называемый в летописях «Великим», — это Всеволод Большое Гнездо, отец Ярослава и дед Александра: «**В лето 6746**, — находим мы в Лаврентьевской летописи, Рогожском летописце и Симеоновской летописи, — **Ярослав сын Всеволода Вел[икого] сѣдѣ на столе в Владимири**».[2]

Перед нами — след традиции величания трех владимирских князей (деда, сына и внука) просто «Великими». Другие князья, за исключением Владимира Святославича (причем очень редко),[3] в летописях так не называются. И, кажется, эти князья в других летописях, кроме Рогожского летописца, Симеоновской и Троицкой летописей, так не называются.

Отсылая нас к Летописцу Великому Русскому, Троицкая летопись подряд упоминает двух из трех «Великих» князей: Ярослава и Александра. Ясно, что здесь имеются в виду отец и сын, т. е. «Великий Ярослав» — это не Ярослав Мудрый, а Ярослав Всеволодич, отец Александра Невского.

---

[1] Там же. Стб. 52; Т. XVIII. СПб., 1913. С. 93.

[2] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 467; Т. XV. Вып. 1. Стб. 29; Т. XVIII. С. 59.

[3] См. в Тверском летописном сборнике: ПСРЛ. Т. XV. Стб. 386, 464. Возможно также, один раз — в Рогожском летописце: «**Восстави бо преже град сьи Великий Владимир и потом князь Андрей**» (Там же. Т. XV. Вып. 1. Стб. 21); однако столь же вероятно, что в этом случае «**Великий**» относится не к князю, а к городу: «**град сьи великий**».

«Прочти от Великаго Ярослава»

Но как понимать слова «**прочти от Великаго Ярослава**»: «(пропусти начало летописца и) прочти (только) от...» или же «прочти (все с начала до конца, т. е.) от...»?

Если бы речь шла о Ярославе Мудром, мы должны были бы понимать эту рекомендацию как предложение «разгнуть книгу», пропустив начало «Повести временных лет». Поскольку же речь здесь идет, как мы выяснили, о Ярославе Всеволодиче, то понятно, что нам предлагают пропустить всю дотатарскую историю (и если в Летописце Великом Русском была «Повесть временных лет», то, конечно, пропустить всю ее целиком).

Но ведь и прежде Ярослава Всеволодича князья сталкивались с новгородцами. Почему же нам предлагают пропустить так много и прочесть только «**от Великаго Ярослава**»?

Доходя «до сего князя нынешняго», Летописец Великий Русский не мог, конечно, продолжаться дальше, — по крайней мере, в тот момент, когда на него ссылались, во времена великого князя Василия Дмитриевича. Стало быть, вторая указываемая нам граница — это тогдашний конец Летописца. А первая граница — не указывает ли она на его начало?

Трудно, однако, представить себе, чтобы летопись того времени начиналась не с начала земли Русской, вернее, не от сотворения мира или от расселения библейских народов, а прямо с «середины» русской истории. «Как правило, наиболее значительные русские летописи начинаются от сотворения мира, от потопа или от Вавилонского столпотворения, от которого, по средневековым представлениям, получили свое начало народы мира. От Вавилонского столпотворения расходится веер событий в “Повести временных лет”. Отсюда ведут свое начало славяне. Начало славян переходит в сообщение сведений о разделении славян, разделение славян переходит в рассказ о русских племенах, затем выстраивается цепочка событий русской истории. Этот объединяющий все узел событий русской истории ложится в основу и местных летописей».[1] Троиц-

[1] *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 273–274.

кая и Лаврентьевская летописи начинаются «Повестью временных лет», т. е. с раздела земель между сыновьями Ноя. Симеоновская должна была бы начинаться так же, но в ней просто отсутствует начало по статью 1177 г. Сложнее обстоит дело с Рогожским летописцем.

Рогожский летописец ведет свое повествование от сотворения мира, но обо всем начальном периоде истории — всемирной и русской дотатарской — говорит очень кратко. В нем есть краткая и подробная части. Основному, подробному его изложению, — в отличие от Тр и Л, где изложение сразу идет подробно и ровно, — предшествует большой объем сокращенного летописного текста.

Возможно, что нам потому предлагают пропустить, «разгибая» Летописец Великий Русский, его начало, что начало это было сокращенным, кратким, как в Рогожском летописце. Это текст не для чтения, скорее — для просмотра, связи, для напоминания «предыстории».

Обзорное благодаря краткости и «ступенчатое» благодаря хронологическим выкладкам и заголовкам, дробящим краткий этот текст на статьи,[1] «вступление» Рогожского летописца подводит нас, как лестница, к главной, непрерывной и более подробной части повествования.

Кратким текст в Рогожском летописце перестает быть довольно резко на статье 6825 (1317) г. (Правда, дальше, на протяжении первой половины XIV в., попадаются кое-где короткие годовые статьи, состоящие всего из одного-двух лапидарных известий, тем не менее перемена характера изложения на статье 6825 / 1317 г. хорошо заметна.) Но некоторая детализация изложения происходит ранее — в рассказе о первых десятилетиях XIII в., в районе известий о завоевании Руси татарами. Заголовку «**На Калцѣ побоище**» предпослана последняя, третья по счету, хронологическая выкладка — от Адама до битвы на Калке. Начало всемирной истории она цепочкой дат (через Христа, Константина Великого, креще-

---

[1] «Русская летопись вместе с этими статьями составляет одно целое, что видно из пометы на поле против заглавия первой статьи: “29” (л. 246), причем помета: “30” имеется на л. 364 при заглавии следующей за летописью статьи» (*Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 311).

ние болгар, «преложение книг», крещение Руси, первых русских князей, убиение Бориса и Глеба, перенесение их мощей и взятие Киева половцами) связывает с началом истории подтатарской Руси. Это последняя хронологическая выкладка и соседствующие с ней заголовки «**На Калцѣ побоище**» и «**Плѣнение царя Батыя**» как бы подводят черту подо всем, о чем коротко было сказано выше, отграничивает «предысторию» — историю библейскую, византийскую и русскую дотатарскую, — от истории Руси, покоренной татарами. Зрительно этот рубеж в летописи хорошо заметен.

Завоевание Руси татарами — понятный, естественный рубеж для историко-политического мышления эпохи татарского владычества: это последний порог «настоящего» того времени. Для нас же здесь интересно то, что время установления татарской власти на Руси есть время «Великаго» Ярослава Всеволодича. Подчинение татарами страны есть как раз момент восшествия Ярослава Всеволодича на престол великих князей владимирских, освободившийся вследствие гибели в битве на р. Сити его брата, Юрия Всеволодича. В Рогожском летописце (а равно в Л и Сим) вслед за сообщением о Батыевом нашествии говорится: «**В лѣто 6746 Ярослав сын Всеволода Вел[икого] сѣде на столѣ в Владимири. И бысть радость велика хр[и]стианом, ихже избави Бог от безбожных татар**».[1]

Несколько более подробным, связным и непрерывным изложение в Рогожском летописце становится как раз «**от Великаго Ярослава**». Потому можно допустить, что указанные в отсылке на Летописец Великий Русский пределы свидетельствуют нам о композиции этого Летописца. В таком случае слова «**прочти от...**» следовало бы понимать так: «(пропустив сокращенную библейскую, византийскую и русскую дотатарскую историю) **прочти от** (того места, где повествование делается более связными подробным, т. е. от) **Великаго Ярослава** (Всеволодича)».

«И аще хощеши распытовати...»

«Разгнув» Летописец Великий Русский, мы, конечно, должны были бы обнаружить в нем свидетельства о конфликтах новгородцев с князья-

---

[1] ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 29; ср.: Т. I. Вып. 2. Стб. 467; Т. XVIII. С. 59.

ми, начиная с «Великаго» Ярослава и включая «Великаго» Александра Ярославича Невского.

В статье 6723 (1215) г. Рогожского летописца, на границе прерывистого «вступления» и непрерывной части (эта статья уже заметно отличается от предшественниц большей величиной), довольно обстоятельно рассказывается о вражде Ярослава Всеволодича с Новгородом, завершившейся битвой на р. Липице, в которой Ярослав потерпел поражение от предводимых Мстиславом Мстиславичем новгородцев (нач.: «**Того же лѣта в Новѣгородѣ глад бысть...**»; конец: «**И побѣже Ярослав и паде Ярославлих бес числа, а иных изымаша**»).[1] Этот рассказ (общий у Рогожского летописца с Летописью Авраамки) является сокращением значительно большего по объему повествования Н4 (основанного, в свою очередь, на Н1). Н4 (вслед за Н1) выставляет Ярослава в очень неблагоприятном для него свете, так что ее рассказ служить иллюстрацией мысли редактора Тр не смог бы. В Рогожском же летописце мы видим характерное именно для центрально-русского прокняжеского редактора перемещение оценок: о пошедших в бой на переяславцев и суздальцев новгородцах говорится: «**поидоша брат на брата, отцы на сыны, сыны на отци, раби на господу**». Эти слова тоже взяты из Н4, но там они относятся к суздальцам («**поидоша сынове от отци, а отци на дети, брат на брата, рабы на господу, а господа на рабы**»).[2] Таким образом, повествование Рогожского летописца «**от Великаго Ярослава**» сразу дает нам пример конфликта с этим князем новгородцев, поданный, как это и должно быть в Летописце Великом Русском, в прокняжеском истолковании.

Далее в Рогожском летописце, в статье 6748 (1240) г., мы видим и то другое, что должны были бы увидеть в «**Лѣтописце Великом Русьском**», а именно — сообщение о конфликте новгородцев с Александром Невским: «**А Александр князь поиде на низ, распревся с Новогородци**».[3] Как мы помним, в отсылке к Летописцу Великому Русскому Троицкой летописи было сказано, что «**Великий Александр Ярославичь не уноровил им**».

1 Там же. Т. XV. Вып. 1. Стб. 25–26.

2 Там же. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 188.

3 Там же. Т. XV. Вып. 1. С. 30.

Рогожский летописец оказывается единственной из круга близких летописей, удовлетворяющей и этому последнему, обязательному для Летописца Великого Русского условию, — сообщающей о конфликтах «Великих» Ярослава и Александра с Новгородом.[1]

Подводя итоги, можем сказать, что Рогожский летописец связывается с Летописцем Великим Русским по трем признакам: во-первых, князья Ярослав Всеволодич и Александр Ярославич называются здесь, как и в отсылке Троицкой летописи, просто «Великими»; во-вторых, композиция Рогожского летописца дает возможность как-то понять указанные в отсылке границы рекомендуемого для чтения текста; и, в-третьих, Рогожский летописец содержит необходимую для Летописца Великого Русского информацию о конфликтах между новгородцами и «Великими» Ярославом и Александром.

Глава 8

ИЗБЫТОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ РОГОЖСКОГО ЛЕТОПИСЦА[2]

Рогожский летописец[3] содержит в пределах второй и третьей четвертей XIV в. большое число ценных материалов, которых нет в других летописях. Какого они происхождения?

Как уже говорилось, композиционно, по распределению масс текста, Рогожский летописец (далее — Рог) может быть разделен на пять частей:

[1] О конфликтах князей с новгородцами говорится также в статьях 6777–6778, 6822–6825, 6874–6875, 6880 и 6894 гг. Рогожского летописца. Но все эти сообщения, за исключением того, что в статье 6823 г., есть также в Сим. Эти сообщения в нашем случае не могут служить отличительным признаком.

[2] Впервые статья напечатана: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. 8. С. 185–202.

[3] Список второй четверти XV в. Издание: ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922.

1) от сотворения мира до татарского нашествия (выборочное «вступление»), 2) от татарского нашествия до начала XIV в. (краткое изложение), 3) от начала XIV в. до 1375 г. (подробная сводная часть), 4) от 1375 до 1392 г. (подробное московское изложение) и 5) от 1392 до 1412 г. (выборочное завершение).

О родственных связях Рог можно сказать следующее. В самом начале Рог помещается выборка из памятника хронографического типа.[1] Дальнейший текст до первого сообщения статьи 6796 (1288) г. составлен выборками из Н4[2] и центрально-русской типа Л, Радз, Тр и Сим (как пишет А. А. Шахматов, Суздальской).[3]

Начиная же со статьи 6793 (1285) г. (за исключением взятого из центрально-русской летописи первого сообщения статьи следующего, 6796 г.) до начала статьи 6836 (1328) г. (до слов «**тряслася земля в Новгороде Великом**») в Рог идет текст, практически полностью тождественный тексту Тверского летописного сборника (далее — ТвСб).[4]

Со статьи 6836 (1328) г. текст, совпадающий с ТвСб, начинает перемежаться в Рог иным материалом, преимущественно общим с Тр и Сим. С Тр-Сим здесь родственна основная масса сообщений. Посреди статьи 6883 (1375) г. — посреди рассказа о московско-тверской войне (соединяющего версии Тр-Сим и ТвСб) — общность Рог и ТвСб прекращается.[5]

---

[1] Имеет совпадения с кратким хронографом, предшествующим Летописи Авраамки; см.: *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 311.

[2] См.: *Лурье Я. С.* Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей //ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 125, 128, 132; 2) Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 50, 88–90.

[3] *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 313–316.

[4] Там же. С. 312: «Вторая часть (Рог. — *Г. П.*), начинаясь с рассказа об усобице между Михаилом Тверским и великим князем Дмитрием Александровичем под 6796 (1288) г., доходит до 6835 (1327) г.: эта часть почти тождественна соответствующему тексту Тверского сборника».

[5] Там же: «Третья часть, начинаясь с 6836 (1328) г., оканчивается 6882 (1374) г.: она представляет собой компиляцию известий, читающихся в Симеоновской летописи, с известиями Тверской летописи».

В этих пределах текст ТвСб или его протографа практически полностью исчерпан в Рог.[1]

Далее, с середины статьи 6883 (1375) г. (от заголовка «О Костромском взятии») до середины статьи 6900 (1392) г. Рог в общем тождествен Тр-Сим.

Тр после этого рубежа не изменяет своего характера, об этом мы можем с уверенностью судить по выпискам Н. М. Карамзина из этой летописи и ее реконструкции, выполненной М. Д. Приселковым,[2] а Рог и Сим дружно становятся отрывочно-краткими. Эту последнюю часть Рог составляют выборки из центрально-русской летописи, пополненные тверским и кашинским летописным материалом, а также Повестью о нашествии Едигея.

Интересующие нас неизвестно откуда взятые избытки Рог в пределах второй и третьей четвертей XIV в. представляют собой весьма разнообразный по содержанию материал: кашинский, тверской, нижегородско-суздальский, смоленский, литовский, новгородский, ордынский, московский и др.

Некоторые добавочные сообщения дублируют известия, совпадающие с Тр и Сим: под 6862 (1354) г. известие о поставлении в митрополиты Алексея дублирует общее с Сим сообщение о том же под 6863 (1355) г.; под 6865 (1357) г. первое сообщение о смене правителей в Орде дублирует более краткое известие, общее с Сим, а второе сообщение о возвращении митрополита Алексея из Орды — более подробное первое, общее с Сим; под 6867 (1359) г. второе сообщение о смене ордынских царей почти дословно дублирует первое, совпадающее с Сим; под 6868 (1360) г. дваж-

---

[1] Исключения составляют вставленный в ТвСб под 6865 г. отрывок из Жития митрополита Алексея и под 6849–6871 гг. заимствования из свода, совпадающего с продолжением Лаврентьевской летописи по рукописи РГБ, МДА, № 5 (182). См.: ПСРЛ. Т. I. Вып. 3. Л., 1927. См. также: *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества // Известия АН СССР. VII серия. Отд. гуманитарных наук. 1930. № 9. С. 723–724.

[2] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

ды сказано о приходе Дмитрия Константиновича Суздальского на великое княжение, первый раз — согласно с Сим; под 6869 (1361) г.[1] продублировано — из близких к первому, совпадающему с Сим, сообщению — о хождении князей в Орду, о «замятне» в Орде и о возвращении князей на Русь; под 6870 г. второе добавочное известие дублирует совпадающее с Сим первое о получении Дмитрием Ивановичем ярлыка от посла царя Мурата и об изгнании им с великого княжения Дмитрия Константиновича; сообщение 6873 (1365) г. о смерти Суздальского владыки Алексея дублирует общее с Сим сообщение 6872 (1364) г.

Несомненно, что «излишки» Рог присоединены к его общей с Сим основе. Какого же происхождения этот добавочный, «избыточный», материал Рог? Более 80 лет назад этим вопросом задался А. Н. Насонов. Рассмотрим его мысли по этому поводу и его аргументацию.

А. Н. Насонов полагал, что, изъяв из текста Рог в занимающем нас промежутке все, совпадающее с Сим, «мы таким путем очистим тот первоисточник, к которому восходит и Рогожский летописец, и основной текст 2-й части Тверского сборника».[2] Иными словами, совпадение моментов, где в Рог кончается общность с ТвСб и где в Рог кончаются «излишки», свидетельствует о том, что и то и другое восходит к одному источнику Рог — к летописному своду, обрывавшемуся на 6883 (1375) г. «В составе Рогожского летописца, — пишет А. Н. Насонов, — он дополнен известиями из протографа Симеоновской летописи; в составе Тверского сборника он сокращен работой позднейших компиляторов».[3] Это, считает А. Н. Насо-

[1] Статьи 6869–6872 (1361–1364) гг. в Сим восходят не к Тр, а к Московскому своду конца XV в. или своду 1479 г. (ПСРЛ. Т. XXV). Но сличение Сим и Рог с Владимирским летописцем, имеющим в качестве одного из основных источников Тр, показывает, что избытки Рог по отношению к Сим являются избытками и по отношению к Владимирскому летописцу, что позволяет более уверенно судить о содержании этих статей в Тр. Ср.: *Лурье Я. С.* Троицкая летопись и московское летописание XIV в.//Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 6. Л., 1974. С. 85–87.

[2] *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества. С. 725.

[3] Там же. С. 728.

нов, был тверской свод: «Известно, что тверских летописных сводов до нас не дошло», но «наличие параллельного текста (ТвСб и Рог. — *Г. П.*) дало возможность установить существование не только тверской "летописи", тверских известий, местных записей, но и тверского "свода", т. е. компилятивного, сложного труда, заключающего в себе материал разных княжеств и земель».[1]

Однако истолкование, которое А. Н. Насонов дал явлению частичного сходства Рог и ТвСб, не единственно возможное. Ведь легко себе представить, что в основе ТвСб лежит не единственный, а один из дополнительных источников Рог, сведенных в 1375 г. Сделать выбор между двумя этими возможностями позволительно, очевидно, только на основании тщательного анализа «излишков» Рог. Прежде всего, необходимо сделать ряд уточнений к указанным А. Н. Насоновым совпадениям Рог с Сим.[2] А. Н. Насонов не оговаривает, что под 6862 г., в период, в целом соответствующий Сим, вторгаются сообщение об уходе в Орду князя Ивана Ивановича («**Того же лета поиде во Орду князь Иван Иванович**») и слова «**младоумен, суров и свереп сый**» (об Олеге Рязанском), «**с потаковникы ему сбродни, много зла христианом сътвориша**» (о рязанцах), а под 6864 г. — слова «**вложишеть дьявол межу бояр зависть и непокорьство, дьяволим научением и завистью**» (об убийстве тысяцкого). Под 6865 г. подобным же образом ошибочно включено в число совпадающего с Сим сообщение о приходе митрополита Алексея из Орды («**А Олексий митрополит прииде из Орды**»): совпадение текстов кончается словами «**а братью свою побил**». Под 6867 г. совпадение с Сим начинается раньше, чем указывает А. Н. Насонов, не со слов «**Того же лета Бердибек**», а со слов «**Того же лета месяца ноября в 13**», и доходит не до конца статьи, а лишь до слов «**приде в свою очину**». Под 6868 г. А. Н. Насонов не отмечает очень близкое к Сим сообщение о съезде князей на Костроме по поводу разбойников; под 6869 г. не замечает, что и после слов «**ратящеся я убивающеся**»

---

[1] См.: *Насонов А. Н.* О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 31 и прим. 16.

[2] См.: *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества. С. 725–726.

в Рог есть близкие к Сим места: начало и конец рассказа о возвращении на Русь Андрея Константиновича («**Того же лета тогды побежа из Орды на Русь... Ордынский князь Аратехозя**», «**и тако Божиею милостию... добр здрав**») и сообщение о перебеге за Волгу Темирхози и Мамая (в Сим все это помещено выше); кроме того, в Сим кратко (в Рог подробней) говорится и об ограблении в Орде рязанских князей. Под 6870 г. в Сим тоже имеются, правда, в более кратком изложении, сообщения о водворении Дмитрия Ивановича во Владимире и о смерти Новгородского архиепископа Моисея. Начало статьи 6871 г. до слов «**а сам поеха в Переяславль**» находит себе соответствие в Сим в статье этого же года, а дальнейшее (до слов «**и взяша мир межи собою**») в статье следующего, 6872 г. Если мы учтем, что статьи 6869–6872 гг. в Сим переданы по Московскому своду 1480 г., то понятным станет, почему Сим в этих пределах дает несколько сокращенный и перепутанный по сравнению с Рог текст. М. Д. Приселков[1] восстанавливает это место Тр по Рог; Я. С. Лурье указывает, что известия 6869–6872 гг. оказались в Рог и Владимирском летописце (далее — Вл) идентичными, и делает вывод, что «они восходят к своду 1408 г.», т. е. к Тр.[2] Под 6874 г. А. Н. Насоновым не отмечены излишние против Сим слова Рог «**и двери их каменнием загради, а иные колодием завали въизвну**». Под 6875 г. не отмечено начало статьи, где говорится о смерти Тверского епископа Федора (до слов «**в Отрочии монастыре**»), затем период от слов «**Того же лета в осенине**» до слов «**увернул рать**» и далее слова «**с князем с великым с Дмитрием взял мир**»; с другой стороны, в дальнейшем тексте этой же статьи можно указать слова о смерти Никиты, посадника новгородского, которыми Рог превышает Сим. Под 6876 г. первый совпадающий с Сим период кончается не словами «**а Литву отъпустил из города**» (их как раз нет в Сим), а предыдущими — «**да взял Ржеву**»; далее не замечено совпадение со слов «**Того же лета князь великий Дмитрей Иванович да Олексей митрополит**» до слов «**Михаила Александровича на Москву по целованию любовию**» (за исключением слов «**по цело-**

---

[1] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 377–378.

[2] *Лурье Я. С.* Троицкая летопись и московское летописание XIV в. С. 87.

ванию»), далее — от слов «**А что были бояре его**» до слов «**сидел на Говшине дворе**», затем от слов «**Князь же великый Михайло**» до слов «**преставися князь Василей в Кашине**», лишь следом за тем идет указанный А. Н. Насоновым текст (от слов «**Того же лета князь великий Дмитрей Иванович, събрав воя многы**» до слов «**а пороки посекоша**»). Под 6877 г. не отмечены сообщение о взятии немцами у Литвы Ковена (в начале статьи) и период от слов «**Того же лета преставися князь Лев Смоленьскый**» до слов «**город Тферь срубил древян**». Под 6878 г. известие о сильной поводи есть и в Сим, против нее в Рог излишни только слова «**подле Волгу всюде**»; далее в этой же статье много текстуальных совпадений (как и расхождений) обнаруживается в рассказе о московско-тверском конфликте, сплошное же совпадение начинается от слов «**и прибежа пакы в Литву**»; в рассказе «**О другой Литовщине**» в Рог излишни против Сим слова «**волость пожег. Тако и пошел к Москве, воюя**» и «**Тому храбру такова слава**»; кроме того, не отмечено А. Н. Насоновым и совпадение с Сим в конце статьи этого года со слов «**Тое же зимы в Новегороде в Нижнем**». Под 6879 г. второй совпадающий с Сим период оканчивается не словами «**въ имя святаго Николы**», а следующей фразой («**Того же лета, по грехом нашим, погоре город Торжек**»). Под 6880 г. не отмечено совпадение от слов «**Князь Олег Рязаньскый**» до слов «**а сам седе на княжении**». Наконец, следовало бы сказать, что под 6883 г. рассказ о московско-тверской войне слит из рассказов Сим и ТвСб.

Небезупречна у А. Н. Насонова и аргументация мысли, что очищенный от протографа Сим текст Рог лучше отражает его общий со второй частью ТвСб источник[1]. В некоторых случаях мы точно можем сказать, что указываемый А. Н. Насоновым как взятый в Рог из общего с ТвСб протографа материал попал туда не оттуда. Так, известие под 6796 (1288) г. о смерти епископа Игнатия попало в Рог из общего с Летописью Авраамки источника (т. е. из краткой версии Н4); «под 6805 г. — о битве Тохты с Ногаем» — из протографа Сим, так как это есть в Сим под 6801 г.; «под 6821 г. — о смерти Тохты» есть в Сим; «под 6878 г. читаем

[1] См.: *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества. С. 727–728.

или другие известия, чем в Рогожском летописце, или в ином изложении», — но все эти известия (о знамении в небе, литовской рати и оползне в Нижнем) есть и в Сим, просто первые два изложены в ТвСб по сравнению с Сим и Рог сокращенно (сокращена вся статья, многие известия не взяты), а последнее — в том же самом объеме; «под 6881 г. — нет о походе татар Мамая на Рязань», это тоже есть в Сим. Не могу признать убедительным и утверждение, что «под 6880 г. — рассказ о взятии града Торжка Михаилом Александровичем несколько сокращен; далее рассказ о столкновении Михаила Александровича с Дмитрием Ивановичем также немного сокращен». Ведь легко себе представить и обратное, потому что эти рассказы Рог отличаются лишь риторикой. Есть, однако же, и немногие веские среди аргументов А. Н. Насонова, а именно: под 6880 г. «выпущена точная дата смерти Еремея, тверского князя, и точная дата смерти Тверского владыки Василия», под 6883 г. «выпущена точная дата солнечного затмения».[1] В этих случаях, действительно, легче как будто представить себе, что даты выпущены, нежели что они вставлены (хотя и последнее, строго говоря, не невероятно).

Итак, что же представляет собой тот избыточный материал Рог, который мы должны, по мысли А. Н. Насонова, отнести к общему у него с ТвСб протографу? «Приступая к анализу этого текста, — пишет А. Н. Насонов, — прежде всего замечаем значительное преобладание местных тверских записей и явный уклон в сторону тверских интересов в изложении фактов».[2] Рассмотрим все записи, имеющие какое-либо отношение к Твери.

6836 (1328) г. — смерть Тверского владыки Варсонофия; 6847 (1339) г. — увоз великим князем Иваном колокола от церкви Спаса из Твери в Москву; 6852 (1344) г. — поставление митрополитом Феогностом Федора «**от святое Троицы ис Кашина**» епископом в Тверь; мор в Твери и прекращение его молитвами владыки Федора; оковка икон в церкви Спаса епископом Федором; 6860 (1352) г. — женитьба Михаила Александровича Тверского «**у князя у Костянтина в Новегороде в Нижнем**»; 6865 (1347) г. — тяжба Всеволода Холмского с Василием

---

[1] Там же.

[2] Там же. С. 728.

Кашинским у митрополита Алексея; поездка к митрополиту и возвращение в Тверь епископа Федора; поездка в Орду Василия Михайловича Кашинского; попытка пойти в Орду и уход в Литву Всеволода Холмского; 6866 (1358) г. — возвращение в Тверь Василия Кашинского; смерть его сына Александра у бабушки Софьи; хождение Всеволода из Литвы в Орду; создание епископом Федором медных дверей для церкви Спаса; захват Всеволода послами Василия Кашинского в Орде и «**томление велико**» Всеволоду и его боярам и людям от Василия; угроза епископа Федора «**того ради нестроениа**» отказаться от владычества, чтобы не сопровождать митрополита Алексея в его поездке в Киев, и возвращение его митрополитом Алексеем из Коломны в Тверь; 6867 (1359) г. — настилка мраморного пола владыкой Федором в церкви Спаса; поездка князя Всеволода в Орду; 6868 (1360) г. — возвращение из Орды Всеволода Холмского, мир его «**с братьею**» и раздел владений с Василием Кашинским; роспись церкви владыкой Федором; «**болезнь тяжка главная**» епископа Федора, пострижение его в схиму, уход с владычества и проводы его народом в Отрочь монастырь; 6869 (1361) г. — оставление Василием Кашинским своего серебра в Бездеже; возвращение его из Орды; приезд Урузбуги Бездежского в Тверь; новая поездка Василия Кашинского с сыном Михаилом и племянником Семеном (Дорогобужским) в Орду; поездка в Орду Всеволода Холмского с Ахматом; приезд в Тверь митрополита Алексея и поставление Спасского игумена Василия во владыки; вклад великой княгиней Софьей сел владыке Федору в монастырь; захват Литвой тверских волостей; 6870 (1362) г. — поездка Михаила Александровича Тверского в Литву и мир его с Ольгердом; выдача Василием Кашинским дочери за сына Михаила Моложского; 6871 (1363) г. — отъезд княгини Настасьи из Твери в Литву; военные приготовления Василия Кашинского на Михаила Микулинского и роспуск рати; смерть сына Василия у князя Василия Кашинского; 6872 (1364) г. — удар молнии в церковь Спаса; возвращение из Литвы княгини Настасьи с некрещеной внучатой племянницей, Ольгердовой дочерью, и крещение той в Твери специально для этого приехавшим митрополитом Алексеем; 6873 (1365) г. — мор в Кашине; мор в Твери — «**в городе и по волостем**» — и смерть ряда князей и княгинь Тверского дома; проезд из Литвы через Тверь «**Васнеиляса**

Кутлубузина сына»; 6874 (1366) г. — возведение Михаилом Александровичем Городка Нового на Волге; «**нелюбье**» Василия Кашинского и его племянника Еремея Дорогобужского с Михаилом Александровичем Тверским из-за части отчины умершего в предыдущем году Семена Дорогобужского; суд по митрополичьему приказу владыки Василия в пользу Михаила Александровича; 6875 (1367) г. — похороны Тверского епископа Федора, проводы и оплакивание его княгиней Софьей (матерью Василия Михайловича Кашинского); к сообщению о возведении каменного города в Москве добавлено об изменении в сторону агрессивности московской политики вообще и по отношению к Михаилу Александровичу Тверскому в частности, этим объясняется отъезд Михаила в Литву; более подробно и иначе, чем в Сим, о тяжбе Василия Кашинского, сына его Михаила и племянника Еремея за часть Семенова наследства: вызов ими владыки Василия в Москву на митрополичий суд, «**истома и протор велик**» владыке Василию в Москве, приезд тяжущихся князей «**с всею силою Кашиньскою**» в Тверь и отмщение ими тверичам с помощью московской и волоцкой рати; мир Еремея, а затем и Михаила Васильевича Кашинского с возвратившимся из Литвы Михаилом Александровичем; сложение крестного целования Еремеем и отъезд его в Москву «**в ряд**»; 6876 (1368) г. — добавки в сообщении о вызове великим князем Дмитрием Ивановичем и митрополитом Алексеем Михаила Александровича Тверского в Москву: «**по целованию**», далее от слов «**а съдумав на него съвет зол**» до слов «**чясть отчины княжи Семеновы**», от слов «**Бог же показа силу крестную**» до слов «**да отпустили его в Тферь**» — речь идет о нечестном по отношению к Михаилу Александровичу поведении москвичей, принявших в споре о части наследства Семена Константиновича сторону его брата Еремея; смерть матери Василия Кашинского, великой княгини Софьи Михайловны; выдача москвичами Еремея Михаилу Александровичу Тверскому; снос церкви Св. Троицы в Кашинском монастыре Михаилом Васильевичем, его болезнь, смерть его жены, княгини Василисы, приостановка сноса по повелению владыки Василия, возведение небольшой новой церкви и ее снос; 6877 (1369) г. — поездка Михаила Васильевича Кашинского в Москву с жалобой к митрополиту на владыку Василия; 6878 (1370) г. — поездка Тверского владыки в Москву по-

средником от великого князя Михаила Александровича «**любви крепити**» и отпущение его из Москвы; удар грома; период от слов «**И от того дни тако и почали москвичи и волочане**» до слов «**А волочане с порубежных мест так и воевали**» — речь идет о «розмирьи» Москвы и Твери, приезде в Тверь татарских послов Каптагая и Тюзяка с ярлыком князю Михаилу на Тверское княжение и походе Дмитрия Московского на тверские волости; период от слов «**таку изгибель своея отчины**» до слов «**рассудив князем Ординскым и рядцам**» — сообщение о поездке князя Михаила из Литвы в Орду; период от слов «**И взем ярлык и вышел**» до слов «**но и перенмали**» — известие о попытке князя Михаила завладеть Владимирским великим княжением; слова «**И тако едва утече не в мнозе дружине**» — о князе Михаиле; от слов «**Тое же зимы пакы**» до слов «**по всем Тферьскым волостем в великое говение**» — запись о новой поездке Михаила Тверского в Орду, гибели тверичей под Волоком, погоде зимой и жатве по тверским волостям; 6879 (1371) г. — сообщение: «**А ко князю к великому к Михаилу так и не почали люди из городов передаватися**»; 6880 (1372) г. — даты смерти Еремея Дорогобужского и Тверского владыки Василия; 6881 (1373) г. — дата смерти Михаила Васильевича в Кашине; слова «**и з бояры с Кашиньскими приехал в Тферь**» — запись о сыне Михаила Кашинского Василии; 6882 (1374) г. — дата приезда в Тверь митрополита Алексея, дата поставления им в епископы Еремия и сообщение о поездке митрополита с патриаршим послом Киприаном из Твери в Переяславль.

Анализируя этот материал, легко заметить, что большое, если не большее, число известий связано не с самой Тверью и не с тверским великим князем Михаилом Александровичем, а с Кашином и с кашинской ветвью Тверского княжеского дома (см. в только что приведенном перечне 6865 / 1357, 6866 / 1358, 6868–6871 / 1360–1363, 6873–6877 / 1365–1369, 6881 / 1378 гг.). Заметна также разница в содержании тех и других сообщений. В связи с Тверью говорится о событиях, хорошо заметных со стороны, главным образом касающихся ее внешних сношений: об увозе колокола в Москву (6847 / 1339 г.), моровой язве (6852 / 1344, 6873 / 1365 гг.), женитьбе князя на нижегородской княжне (6860 / 1352 г.), о приездах из Москвы митрополита (6869 / 1361, 6872 / 1364 и 6882 /

1374 гг.), нападении Литвы (6869 / 1361 г.), возведении Городка на Волге (6874 / 1366 г.), отношениях с Москвой (6875–6876 / 1367–1368, 6878 / 1370 гг.). Правда, есть один ряд довольно «мелких» тверских событий, за которыми летописец пристально следит, он связан с именем Тверского епископа Федора. Его судьба прослеживается от поставления в епископы в 6852 (1344) г. до смерти в 6875 (1367) г.; сообщается о прекращении мора в Твери его молитвами, об оковке им икон в церкви Спаса (6852 / 1344 г.), о поездке его к митрополиту (6865 / 1457 г.), о создании им медных дверей для церкви Спаса, о его отказе сопровождать митрополита Алексея в Киев (6866 / 1358 г.), о настилке им мраморного пола в церкви Спаса (6867 / 1359 г.), о росписи им малой церкви Введения во Храм Пресв. Богородицы, о его тяжелой «главной» болезни, пострижении его в схиму, уходе с владычества и проводах его народом в Отрочь монастырь (6868 / 1360 г.), о вкладе сел великой княгиней «**к владыцѣ Феодору... в монастырь**» (6869 / 1361 г.) и, наконец, о похоронах и оплакивании его княгиней Софьей (6875 / 1367 г.). Ни о предшественниках, ни о преемниках его летопись не сообщает так много. Летописец находился, конечно, в духовной власти епископа Федора, но одного этого мало для повышенного внимания. Не в том ли причина, что на владычество в Тверь Федор попал из Кашина — «**от святое Троицы ис Кашина**» (6852 / 1344 г.)? В таком случае, этот ряд известий тоже можно отнести к корпусу кашинских сообщений.

Среди множества записей, связанных с Кашином, мы находим такие, которые могли быть сделаны лишь «с близкого расстояния». Так, под 6866 (1358) г. читаем, что сын князя Василия Александр умер «**у бабы своеа, у великое княгини у Софьи, в Софьине монастыре**» за 10 дней до возвращения отца из Орды. Под 6876 (1368) г. находим любопытную историю сноса церкви Св. Троицы в монастыре под Кашином с целью переноса ее внутрь города: «**Князь Михайло Васильевич в Кашине из монастыря церковь святую Троицу повеле снести внутрь города и место то святое раскопати. И в гробех мертвых кости разрушили издавна положеных чернорizцев**». Заметно, что летописец относился к этому делу иначе, чем князь. Далее он пишет о болезни князя и смерти его жены (указана дата), трактуя это как наказание ему за святотатство: «**С того повелешет им владыка**

Василей не до конца место то разорити». Пишет он далее и о том, что повеление владыки в конце концов было нарушено: «**И, послушав владыки, опять малую церковь поставили святую Троицу; потом и ту разнесли**».

Заметно, что и в тяжбе Василия Кашинского и Еремея Дорогобужского с Михаилом Александровичем из-за части Семенова наследства летописец, не будучи сторонником Михаила Александровича, осуждает действия мстящих ему в 6875 (1367) г. кашинцев, которых, заметим, он точно всех называет: «**Князь Василей с своею княгинею, и с князем с Еремеем, и с сыном с князем с Михаилом, и с всею силою Кашинвскою, приехавши во Тферь, многым людем сотвориша досаду бесчестием и мукою, и разграблением имениа, и продажею бес помилованиа, и к Городку ратию ходили, привели с собою и московьскую рать князя великаго**».

Мне представляется, что автором кашинско-тверских записей был, вероятнее всего, монах из подкашинского монастыря, упомянутого в статье 6876 (1368) г. Это хорошо объяснило бы его повышенное внимание к делам именно кашинских князей, которых, кстати сказать, он называет просто по именам и отчествам, не указывая место их княжения, и относительную его независимость по отношению к ним, и его внимание к Тверской епископской кафедре, в вéдении которой монастырь находился, и особенное внимание к владыке Федору, выходцу из Кашина.

Если мы обратимся теперь за сравнением к ТвСб, то увидим, что там картина соотношения тверских и кашинских известий обратная: в основную массу тверских лишь изредка вкрапляются кашинские, «внешнеполитические» по своему характеру: 6838 (1330) г. — свадьба Василия Михайловича в Брянске; 6879 (1371) г. — заключение Михаилом Васильевичем Кашинским мира с Москвой и сложение целования кашинскими боярами к Михаилу Александровичу; 6880 (1372) г. — поход тверского и литовского князей на Кашин, взятие с города откупа и «**приневоление**» Михаила Васильевича «**в свою волю**», сложение Михаилом Васильевичем целования к Михаилу Тверскому, поездка его в Москву, а оттуда в Орду; 6881 (1373) г. — возвращение Михаила Васильевича из Орды в Кашин, его смерть, подчинение его сына «**по слову бабы своеа княгини Олены великому князю Михаилу**»; 6882 (1374) г. — «**Кашинский князь Васко ступил на Москву**». Заметим, что здесь, в отличие от Рог, к именам

кашинских князей добавляется либо «Кашинский», либо «ис Кашина». Это естественно для некашинской летописи.

Если допустить, как это напрашивается, возможность параллельного существования тверской и кашинской летописей, то следует допустить возможность и того, что в Рог они были слиты, известия одной летописи пополнились данными другой; в частности, известия о смерти князя Еремея и Тверского владыки Василия могли пополниться точными датами из кашинской летописи. Таким образом, и немногие веские из аргументов А. Н. Насонова теряют в своем весе.

Перейдем теперь к нижегородско-суздальскому материалу в числе «остатков» или «избытков» Рог (я имею в виду остатки после «очищения» его не только от протографа Сим, как это делал А. Н. Насонов, но и от протографа 2-й части ТвСб). С Нижним Новгородом связываются следующие известия: 6849 (1341) г. — вокняжение в Нижнем Новгороде и на Городце Константина Васильевича Суздальского; 6851 (1343) г. — тяжба за нижегородское княжение Семена Ивановича и Константина Васильевича, их поездка в Орду, победа Константина Васильевича, казнь бояр-изменников; 6855 (1347) г. — Константин Васильевич отлил большой колокол для церкви Спаса; 6858 (1350) г. — Константин Васильевич выдал дочь Антониду за Андрея Федоровича в Ростов, разрушил старую и заложил новую церковь Спаса; 6860 (1352) г. — венчание князя Бориса с Огрофеной Ольгердовной «**ѹ святаго Спаса**»; 6867 (1359) г. — получение у Навруса Андреем Константиновичем и уступка его брату Дмитрию великого княжения; 6868 (1360) г. — приход Дмитрия Константиновича на великое княжение; 6869 (1361) г. — подробности о возвращении из Орды Андрея Константиновича, пребывание Дмитрия Константиновича в Сарае, грабеж и захват Зеркиз-беем Запьянья; 6870 (1362) г. — изгнание Дмитрия Константиновича с великого княжения, смерть владыки Данилы в Суздале; 6871 (1363) г. — пожар в Нижнем Новгороде, приезд из Суздаля Дмитрия Константиновича с матерью и владыкой Алексеем, конфликт его с Борисом и возвращение в Суздаль, строительство укреплений Борисом, посольство от митрополита и закрытие в Нижнем церквей, посылка нижегородских бояр в Москву и их судьба, поставление Суздальского епископа Алексея, чудо с истечением мира; 6872 (1364) г. — смерть

Суздальского владыки Алексея; 6875 (1367) г. — пострижение в Нижнем Новгороде Андреевой княгини Василисы; 6883 (1375) г. — разорение Запьянья и избиение нижегородской заставы татарами.

А. Н. Насонов этот материал в основном указывает.[1] Рассматривая его как восходящий к общему источнику Рог и ТвСб, он не придает никакого значения тому любопытному факту, даже его не отмечает, что общим с ТвСб в его перечне оказывается лишь одно известие: под 6839 (1331) г. — о смерти князя Александра Суздальского[2]. Все остальное находится *только* в Рог. «Далее, — пишет А. Н. Насонов, — можно выделить ростовские известия».[3] Но первое, которое он отмечает, известие — в ТвСб под 6798 (1290) г. — о том, что у князя Дмитрия родился сын Иван, не является ростовским: речь идет о великом князе Дмитрии Александровиче Переяславском; второе — под 6800 (1292) г. — о женитьбе князя Ивана на «**Дмитриевне Борисовича**» — попало в ТвСб не из протографа Рог, а из протографа МАк; лишь третье известие — под 6820 (1312) г. — о поставлении епископа Прохора в Ростов — есть в ТвСб под 6819 (1311) г., но есть при этом и в Сим под тем же 6819 (1311) г.; а всех остальных «ростовских» известий (под 6868 / 1360 г. — о том, что пришедшему из Орды князю Дмитрию Борисовичу был пожалован Галич, а князю Константину — «весь Ростов»; под 6869 (1361) г. — о пребывании ростовских князей в Орде; под 6871 (1363) г. — о том, как Дмитрий Иванович поступил «**над Ростовьским князем**») нет в ТвСб. Таким образом, говорить и о цепи ростовских известий (сравнительно небольшой по сравнению с известия-

---

1 См.: *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества. С. 734–735. Не отмечены лишь известия следующих лет: 6867 (1359), 6869 (1361) (о грабеже и захвате Серкиз-беем Запьянья), 6870 (1362) (об изгнании Дмитрия Константиновича с великого княжения), 6871 (1363) (об отсылке нижегородских бояр в Москву и их судьбе, о поставлении Суздальского епископа Алексея и о чуде с истечением мира).

2 А. Н. Насонов отмечает еще известие об оползне в Нижнем Новгороде в 6878 (1370) г., но напрасно, так как оно есть и в Сим, и в форме, более близкой к Рог, поэтому оно не может быть отнесено к иному, общему с ТвСб источнику Рог.

3 *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 735.

ми о других городах) можно только применительно к Рог, но не применительно к протографу ТвСб.

Подобным же образом обстоит дело с брянскими и смоленскими известиями. Только первое из перечисленных А. Н. Насоновым сообщений[1] обнаруживается и в Рог, и в ТвСб, отсутствуя при этом в Сим, — о смерти Василия Александровича Брянского под 6822 (1314) г.; второе, под 6838 г., — о женитьбе князя Василия Михайловича в Брянске, более вероятно, является не брянским, а кашинским или тверским (речь идет о князе Василии Михайловиче Кашинском); остальных семи нет в ТвСб; одно из них, под 6877 г., — о смерти князя Льва Смоленского, есть в Сим, прочие — только в Рог. К перечислению А. Н. Насонова можно добавить следующее (что мы находим только в Рог): 6865 (1357) г. — возвращение из Орды, вокняжение в Брянске и смерть Василия Смоленского и переход Брянска под власть Ольгерда; 6867 (1359) г. — нападение на Смоленск Ольгерда, взятие им Мстиславля, а его сыном — Ржевы; 6871 (1363) г. — поставление Парфения владыкой в Брянск; 6877 (1369) г. — московско-волоцкая «рать» на Смоленские земли.

«Кроме того, — как пишет А. Н. Насонов, — можно проследить новгородский источник».[2] Здесь, действительно, бóльшая часть материала (6821 / 1313, 6831–6832 / 1323–1324, 6836 / 1328 и 6881 / 1373 гг.) оказывается общей ТвСб и Рог (отсутствуя в Сим); часть обнаруживается только в Рог (6867 / 1359, 6869–6871 / 1361–1363 гг.); к последней части следует добавить упущенное А. Н. Насоновым: 6868 (1360) г. — взятие новгородскими ушкуйниками «**Жюкоменя**» и поставление в Новгород владыки Алексея; 6869 (1361) г. — копание в Новгороде рва и засыпка его при рубке вала; 6875 (1363) г. — смерть посадника Никиты.

Так же обстоит дело с московскими известиями. «Московские известия, — отмечает А. Н. Насонов, — читаем в очищенном Рогожском летописце под 6835, 6836, 6840, 6841–6842, 6855, 6865–6866, 6870–6872 и 6882 гг.».[3] Из них только известия 6835 (1327) и 6836 (1328) гг. ока-

---

[1] Там же. С. 735–736.

[2] Там же. С. 735.

[3] Там же. С. 734. См. также с. 732.

зываются общими ТвСб и Рог (причем второе из них находится также в Сим), остальные же — только в Рог. Можно добавить: 6862 (1354) г. — уход в Орду Ивана Ивановича, ругательные в адрес Олега Рязанского и рязанцев вставки; 6869 (1361) г. — хождение князей в Орду; 6880 (1372) г. — поход на Переяславль Кейстутия и Андрея Полотского; 6881 (1373) г. — стояние Дмитрия Ивановича у Оки, возвращение из Новгорода Владимира Андреевича; 6884 (1376) г. — хождение Дмитрия Ивановича за Оку.

Отметим также ряд известий, связанных с Литвой, обнаруживаемый только в Рог: 6849 (1341) г. — взятие Литвой Тигошинова; 6860 (1352) г. — о Литовском митрополите Романе; 6868 (1360) г. — приезд Ольгерда смотреть Ржеву; 6869 (1361) г. — избиение немцами Литвы; 6870 (1362) г. — взятие немцами литовского города и пленение Кейстутьева сына; 6871 (1363) г. — литовские вторжения; 6876 (1368) г. — литовско-немецкое столкновение; 6877 (1369) г. — взятие немцами литовского Ковена и новое их столкновение с Литвой; 6882 (1374) г. — литовско-татарское столкновение.

«Избытки» Рог содержат также сведения об Орде: 6865 (1357) г. — взятие Чанибеком Мисюря (Египта), посажение им там своего сына Бердибека, болезнь и удавление Чанибека Бердибеком; 6867 (1359) г. — смерть Бердибека, воцарение Кульпы, затем Навруса; 6869 (1361) г. — «замятия» в Орде; 6870 (1362) г. — «замятия и мор» в Орде; 6878 (1370) г. — смена Мамаем ордынского царя.

Есть среди «избытков» Рог и такие, которые трудно связать с каким-либо определенным местом: 6868 (1360) г. — лунное затмение и небесные знамения; 6869 (1361) г. — солнечное затмение; 6870 (1362) г. — мор в русских городах; 6882 (1374) г. — бездождие и мор на коней, коров и людей.

Имеем ли мы право весь этот большой, избыточный по сравнению с Сим и ТвСб материал Рог относить к общему у него с ТвСб источнику? «Если исследуемый нами текст принадлежал одному цельному летописному памятнику, — рассуждает А. Н. Насонов, — то совершенно очевидно, что перед нами обширный Тверской летописный свод, использовавший, помимо местной тверской летописи, летописание других великорусских политических центров XIV–XV вв. Сравнивая этот текст с Никоновской

летописью, устанавливаем их общий протограф».[1] Привлекая Никоновскую летопись, А. Н. Насонов убеждается в том, что весь этот материал принадлежал до Рог одному памятнику. На это доказательство справедливо возразил М. Д. Приселков: «Как критерий в этого рода отборе ("очистке" тверского свода в составе Рог от Тр-Сим. — *Г. П.)* А. Н. Насонов выдвинул Никоновскую летопись, но при этом сейчас же обнаружил, что Никоновская летопись использовала более полную редакцию изучаемого нами свода (т. е. Тверского свода), чем та, которая попала в общий протограф Рогожского летописца и Тверского сборника. Иною речью, А. Н. Насонов доказал то бесспорное положение, что Никоновская летопись, собравшая через многие своды свой огромный фонд известий, может помочь доказывать любую тему по реконструкции не дошедших до нас летописных сводов при непременном, конечно, условии оказавшейся здесь иной редакции изучаемого памятника, т. е. при наличии дополнительных известий и иной их передачи».[2]

У меня в дополнение к этому возражение иного порядка: относя к протографу ТвСб весь перечисленный выше разнообразный материал, не меняем ли мы коренным образом характер отраженной в ТвСб летописи? В самом деле, «избытки» Рог по их политико-географической широте можно условно назвать общерусскими или великорусскими. Вторую же часть ТвСб после 6836 (1328) г., на котором кончается его сплошное совпадение с Рог, общерусской никак не назовешь; отсюда тверская летопись становится именно тверской. И тот факт, что здесь можно найти одно суздальское по содержанию известие (6839 / 1331 г.) и небольшое число известий кашинских, московских и новгородских (они все отмечены выше), лишь отражает ближайшие политические связи и направления политических интересов тверских князей, но никак не противоречит утверждению, что перед нами местная, «провинциальная» тверская летопись. А. Н. Насонов считает, что она сокращена, но она при этом ведь и пополнена: в пространстве 6849–6871 (1341–1363) гг. из летописи типа МАк, а также отрывком из Жития митрополита Алексея (под 6865 / 1357 г.).

---

1 *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 728.

2 *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. С. 116.

Исторически рубеж 6836 (1328) г., на котором оканчивается сплошное совпадение ТвСб и Рог и общерусский характер изложения в ТвСб заметно меняется на местный, тверской, хорошо понятен: в это время великое княжение Владимирское, или «всея Руси», переходит из рук тверских князей в руки московских, в руки Ивана Даниловича Калиты. Тверь отныне поневоле становится «провинциальным» великим княжеством. Таковой становится и ее летопись.

Можно допустить, что в ТвСб тверская летопись отражена не полностью, в каком-то сокращении, но невозможно, чтобы это сокращение решительно переменило ее характер — из общерусского в местный, тверской, и не на всем протяжении, а только после 1328 г.

Подтверждение своей гипотезе о тверском летописном своде А. Н. Насонов увидел во фрагменте тверской летописи за 6822–6852 (1314–1344) гг., обнаруженном в летописном сборнике ГИМ, Муз., № 1473, XVII в., л. 144–155. «Перед нами в Музейской рукописи часть именно тверского летописного свода, составитель которого пользовался материалом не только тверским, — пишет А. Н. Насонов. — Мы видим в сочетании с тверскими известиями нетверской материал, часть которого, по данным других рукописей, мы еще в 1926 г. относили к составу тверского свода».[1] Что же представляет собой по составу известий летописный фрагмент Музейской рукописи?

А. Н. Насонов отмечает, что «часть известий Музейского списка близка к редакции Рогожского летописца и Тверского сборника, а часть, в более подробном изложении, сближается с текстом Никоновской летописи… Но было бы ошибочно думать, что составитель фрагмента Музейской рукописи заимствовал свой текст из Никоновской летописи, Тверского сборника и Рогожского летописца. В Музейской рукописи в ряде случаев, при сравнении с названными летописями, обнаруживаются расхождения, детали тверских известий или известия, которых нет ни в Рогожском летописце, ни в Тверском сборнике, ни в Никоновской летописи».[2]

---

[1] *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 31.

[2] Там же. С. 33; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи… С. 50–52.

Подвергая этот изданный А. Н. Насоновым летописный фрагмент Музейской рукописи анализу (см. Приложение), мы видим, во-первых, что в основной своей массе содержание Муз удовлетворительно объясняется из Рог (без привлечения ТвСб); во-вторых, что в ряде случаев налицо сходство с Никоновской летописью, причем в большинстве случаев можно думать о переносе сообщений целиком,[1] реже — о заимствовании отдельных слов и выражений;[2] в-третьих, что в пространстве 6823–<6831>[3] (1315–1323) гг. находятся девять избыточных по сравнению с другими летописями уточнений времени событий, «хронологических плеоназмов» типа «**в пяток на ночь, светающи суботе, на средокрестной недели**» (6824 / 1316 г.), «**на память святыя мученицы Анастасии, в четверг, в годину вечернюю, за три дни до рожества Христова**» (6825 / 1313 г.)[4]; в-четвертых, что Муз содержит четыре оригинальных, нигде больше не находимых известия;[5] в-пятых, что, будучи явно родственной Рог, Муз «обходит» все заимствования той из Тр-Сим, таких «обходов» насчитывается 14,[6] а в трех случаях «обходит»

---

[1] 6823 (1315) г. — о дне Благовещения; <6828> (1320) г. — о смерти Бориса Даниловича, венчании Дмитрия Михайловича и приходе посла Банеры; <6833> (1325) г. — о поездке Дмитрия Тверского в Орду; <6834> (1326) г. — о пострижении княгини Марии; <6836> (1328) г. — о приходе на Русь митрополита Феогноста; <6837> (1329) г. — о выходе на великое княжение Юрия (!) Даниловича и наступившей тишине (влияние статьи 6836 / 1328 г. Ник?); 6840 (1332) г. — о походе князя Ивана к Новгороду и возвращении от Торжка; 6848 (1340) г. — о пожаре в Смоленске.

[2] См.: 6823 (1315), 6826 (1318), <6830>(1322), 6843 (1335) гг.

[3] В угловые скобки я заключаю годы, не указанные в тексте фрагмента.

[4] См.: 6823 (1315), <6824> (1316), <6825> (1313), 6826 (1318), <6827> (1319), <6828> (1320), <6830> (1322), <6831> (1224) гг.

[5] 6823 (1315) г. — «**а у великого князя мало бысть пакости**»; <6824> (1316) г. — о море на скот; 6850 (1342) г. — о возвращении из Орды Константина Тверского; 6851 (1343) г. — «**Тое же осени как (?) был на Костроме**».

[6] См.: <6834>(1326), 6835 (1327), <6836>(1328), 6837–6841 (1329–1337), 6844–6845 (1336–1337), 6847 (1339)$_1$, <6846>, 6847 (1339)$_2$, 6849 (1341), 6852 (1346) гг.

новгородские по содержанию и происхождению сообщения, источником которых могла послужить как Н1, так и С1.[1]

Оценивая результаты анализа, следует, очевидно, признать более вероятным то, что не Муз обходит, а Рог соединяет разнородные тексты: тверской памятник, родственный Муз, — с Тр-Сим и выборками новгородских известий. А это дает основание полагать, что в основе Муз лежит «чистый» от прямого влияния Тр-Сим тверской летописный текст, откуда и его избытки по сравнению с Рог и Никоновской. Но быть на основании этого уверенным, как А. Н. Насонов, что текст Муз (список XVII в.) полностью свободен от влияния Никоновской (XVI в.), мне кажется неосторожным. Возможность этого влияния исключить, полагаю, нельзя. Но так это или иначе, разница небольшая: общего облика текста она не меняет. Важнее другое — наличие в Муз в восьми случаях того, что мы называем «избытками» Рог, — избытками по сравнению с Тр-Сим и ТвСб. Эти материалы составляют статьи 6841–6843 (1333–1335) гг. целиком, а статьи 6847–6848 (1339–1340) гг. отчасти. По содержанию около половины этих материалов относится к Твери (6843 / 1335 г. — возвращение из Орды Федора Александровича; 6847 / 1339 г. — увоз колокола из Твери в Москву; 6848 / 1340 г. — возвращение князя Константина из Орды в Тверь), остальные — к разным другим местам (6841 / 1333 г. — «рать» Дмитрия Брянского с татарами на Смоленск, вызов князя Ивана в Москву; 6842 / 1334 г. — уход князя Ивана из Орды, смерть в Орде дмитровского князя; 6843 / 1335 г. — смерть галицкого князя). Поскольку мы вслед за А. Н. Насоновым склонились к мысли, что в основе фрагмента Муз лежит древний тверской летописный текст, постольку мы должны, очевидно, и эти материалы считать принадлежащими к нему. В таком случае тверская летопись после 1328 (6836) г. не была настолько узкой и куцей, как можно думать, судя по ТвСб. Но серьезно на наши представления о тверском летописании XIV в. Муз повлиять не может: фрагмент в целом, как и соответствующий текст ТвСб, безусловно местный, тверской, а не общерусский по характеру. Среди очень все-таки немногочисленных здесь внетверских известий на первом плане сообщения, связан-

---

[1] См.: 6834 (1326) (6830 / 1322), <6831>(1323), 6837 (1329) гг.

ные как-то с Ордой и татарами. Это весьма естественно для летописания Твери и для интересов тверских князей, не оставлявших надежд и попыток с татарской помощью заместить московских князей на великом княжении Владимирском.

Что далеко не все «избытки» Рог принадлежали тверской летописи, показывает сличение Рог с Западнорусской, или Белорусской 1-й летописью (далее — Бел).[1] Текст этой летописи в пространстве с 6818 (1340) по 6893 (1385) гг. сходен с Тр-Сим, но, в отличие от Рог, он «не был связан… с тверским летописанием XIV в.».[2] Я. С. Лурье поставил вопрос: «Не восходят ли совпадающие места этих летописей (отсутствующие в Тверском сборнике) к общерусскому своду конца XIV — начала XV в. (идентичному или близкому к Тр)?».[3] Я. С. Лурье указал десять случаев, когда «избытки» Рог обнаруживаются в Бел: 6849 (1341) г. — вокняжение в Нижнем Новгороде и на Городце Константина Васильевича Суздальского; 6851 (1343) г. — тяжба за нижегородское княжение князей Семена Ивановича и Константина Васильевича, хождение их в Орду и присуждение татарами княжения Константину Васильевичу; 6852 (1344) г. — хождение митрополита Феогноста в Орду «**за церковный причет**»; 6855 (1347) (Бел — 6856) г. — о третьем, тайном от митрополита, браке князя Семена Ивановича; 6862 (1354) (Бел — 6861 / 1353) г. — «замятия» в Царьграде, изгнание царя Ивана (Палеолога), уход патриарха Каллиста, поставление в патриархи Филофея и «трус» в Царьграде; 6860 (1352) (Бел — 6862 / 1354) г. — 1) о Литовском митрополите Романе; 2) о женитьбе Михаила Александровича Тверского у князя Константина в Нижнем Новгороде; 3) о женитьбе князя Бориса (Нижегородского) на дочери Ольгерда Огрофене; 6865 (1357) г. — взятие Чанибеком Мисюря (Египта), его безумие и убийство сыном Бердибеком; 6867 (1359) г. — смерть Бердибека, воцарение Кульпы, убийство его Наврусом, подталкивание Наврусом Андрея Константиновича Суздальского к соперничеству с юным Дмитрием Ивановичем Московским, отказ

---

[1] ПСРЛ. Т. XVII. СПб., 1907. Стб. 1–70.

[2] *Лурье Я. С.* Указ. соч. С. 87.

[3] Там же.

Андрея Константиновича от великого княжения и вокняжение Дмитрия Константиновича.[1]

Эти совпадения тем более ценны и показательны, что Бел в интересующем нас пространстве являет собой гораздо более краткую, чем ТвСб, выборку. Характер свода, который она сокращает, остается, однако же, определенно общерусским. Общие же Рог и Бел «избытки» носят явный нижегородский характер, и это убеждает в независимом от протографа ТвСб происхождении нижегородских «избытков» Рог.

Ясно, что относить вместе с А. Н. Насоновым все то, чем Рог превышает ТвСб и Сим, к не дошедшему до нас тверскому летописному своду мы не имеем права. А это значит, что мы не можем утверждать, что летописанию Твери и после 1328 г. были свойственны широта охвата и сознание общерусского единства; сужение горизонтов тверского летописца с утратой Тверью ведущего в северо-восточной Руси места, несомненно, произошло. Вопрос может стоять лишь о степени этого сужения: было ли оно бо́льшим (как можно судить по ТвСб) или меньшим (судя по Муз).[2]

---

1 *Лурье Я. С.* Указ. соч. С. 88–90.

2 Отказываясь признать основную массу «избытков» Рог наследием тверского свода, я не решаюсь, однако же, присоединиться к Я. С. Лурье, готовому отнести совпадения «избытков» Рог с Бел к своду, «идентичному или близкому к Тр». Если мы решимся на это, принимая первый из предложенных Я. С. Лурье вариантов, — вариант «идентичного» с Тр свода, — мы тем самым решаемся на раздел «избытков» Рог между не дошедшей до нас тверской летописью в ее состоянии на 1375 г. и сгоревшей Тр. А это означало бы, что Сим или ее протограф, следуя в общем Тр, почему-то выбрасывает большие ряды ее сообщений в части именно до 1375 г. Это мне представляется необъяснимым; потому, я думаю, вернее второй вариант, т. е. надежней вести речь о своде, «близком к Тр», но не идентичном ей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Анализ фрагмента Тверской летописи по рукописи ГИМ, Музейское собрание, № 1473, XVII в., л. 144–155

Годы	Состав статьи
6822	≈ Рог(ТвСб)
6823	Ник[1]+≈ Рог(ТвСб)хНик[2]х?[3]
<6824>	≤ Рог[4] х?[5]
<6825>	≈ Рог(ТвСб)[6]х?[7]
6826	Рог(ТвСб)хНик[8]х?[9]
6831 <6827>	Рог(ТвСб)х?[10]
<6828>	≤ Ник[11]х?[12]+≤ Рог(ТвСб)[13]
6833 <6829>	≈ Рог(ТвСб)х?[14]
6834 <6830>	≤ Рог(ТвСб)[15]х Ник[16]х?[17]
<6831>	≤ Рог(ТвСб)[18]х?[19]+≤ Ник.[20]
<6833>	≤ Ник[21]+Рог(ТвСб)
<6834>	≤ Рог(ТвСб)[22]+≤ Ник[23]
6835	≤ Рог(ТвСб)[24]
<6836>	≤ Рог(ТвСб)[25]+≤ Ник[26]
6837	≤ Рог[27](≤ ТвСб)[28]+≤ Ник (? 6836)[29]
6838	≤ Рог[30]
6839	≤ Рог[31] или =ТвСб
6840	≤ Пск1[32]+≤ Ник (6841)[33]+≤ Рог[34](ТвСб)[35]
6841	≤ Рог[36]
6842	≈ Рог[37]
6843	Рог х Ник[38]
6844	≤ Рог[39](≈ ТвСб)

6845	≤ Рог[40](≈ ТвСб?)[41]
6847_1 <6846>	≤ Рог[42]
6847_2 <6847>	≤ Рог[43]
6848	≤ Рог[44]+≤ Ник[45]
6849	≤ Рог[46]
6850	≤ Рог(?)[47]+? (тв.)[48]
6851	≤ Рог(6850)[49]+≤ Рог[50] +? (костром.)[51]
6852	≤ Рог[52]

[1] О дне Благовещения. [2] Имена татар «**Олтон, Темир**» — искажение от «**посол Таитемирь**» (Ник). [3] Слова «**на мясопустной недѣли, а у великого князя мало бысть пакости**». [4] За исключением сообщения о поездке владыки Давида в Тверь «**просити на окуп**». Ближе к Рог, чем к ТвСб, ибо в ТвСб нет слов «**а у иных кони помроша**». [5] Слова «**в пяток на ночь, светающи суботе, на средокрестной недели**», «**и згоре 20 дворов**», «**дѣнь недельный**». «**Того же лѣта мор бысть на скот**». [6] Доб. «**ко Твери**»; вм. «**поторжьца**» «**им бой под Торжком**»; вм. «**Кончака**» «**скончаша**». [7] Слова «**на памятъ святыя мученицы Анастасии, в четверг, в годину вечернюю, за три дня (до) рожества Христова**». [8] Слова «**и прия нужную смерть; и бысть между имя нелюбие**», «**сентября**». [9] Слова «**в понедѣльник светающу**», «**на памятъ чюдеси архистратига Михаила**», «**на памятъ святаго апостола Филимона (в) среду**». [10] Слова «**на памятъ чюдеси архангела Михаила**». [11] О смерти Бориса Даниловича, венчании Дмитрия Михайловича и приходе посла Бадеры. [12] Слова «**майя в 29 день**», «**святым церквам и людем татбою**». [13] За исключением слов «**в святом Федоре**». [14] Слова «**на сырной недѣли в четверток февраля**». [15] За исключением новгородских сообщений (заимствованных либо из Н1, либо из Н4, либо из С1): «**ходи князь Юрий с новгородци к Выбору**», «**А князь Юрий, быв у Выбора... а сам прибеже в Пьсков**». [16] Слова «**а иных без числа... и огнем пожгоша**». [17] Слова «**овех посекоша**», «**в Великий пост на Средекрѣстной недѣли**». [18] За исключением новгородского (из Н1 или С1) сообщения: «**князь Юрий с новгородци постави град Орешек**». [19] Слова «**февраля в 14 день**». [20] Слова «**а на завтрее... в малой церкви**». [21] О поездке великого князя Дмитрия в Орду. [22] Пропущено заимствованное из Тр-Сим начало статьи («**сентяб-**

ря в 15 убиша... на реце, нарицаемой Кондраклии»), сокращен конец. [23] О пострижении княгини Марии. [24] Пропущено заимствованное из Тр-Сим (о рождении Андрея Дмитриевича, освящении церкви в Москве, убийстве Ивана Ярославича Рязанского, спасении Ивана Даниловича и Москвы). [25] Пропущено заимствованное из Тр-Сим. (о вокняжении Ивана Даниловича и сорокалетней тишине на Руси, о поставлении митр. Феогноста, смерти Прохора Ростовского и поставлении на его место Антония). [26] О приходе на Русь митр. Феогноста. [27] За исключением заимствованного из Н4 или С1 (о хождении Ивана Даниловича ратью к Пскову и возвращении от Опок) и из Тр-Сим (конец статьи Рог от слов «**месяца майя в 21, на память...**» — об основании и освящении в Москве церквей). [28] За исключением сообщения о походе Ивана Даниловича на Псков (заимствования из Тр-Сим в ТвСб нет). [29] О выходе из Орды на великое княжение Юрья (!) Даниловича и о наступившей тишине (влияние статьи 6838 г.?). [30] За исключением заимствованного из Тр-Сим (от слов «**Того же лѣта мѣсяца майя в 10 день ...**» до конца). [31] За исключением заимствованного из Тр-Сим (от слов «**Того же лѣта мѣсяца маиа в 3 день...**» до конца). В ТвСб этого заимствования нет. [32] О пожаре в Пскове. [33] О походе князя Ивана к Новгороду и возвращении от Торжка. [34] За исключением заимствованного из Тр-Сим и сообщения о женитьбе Ивана Даниловича (от слов «**Того же лѣта бысть меженина...**» до конца). [35] За исключением заимствованного из Тр-Сим (о женитьбе Ивана Даниловича в ТвСб нет). [36] За исключением заимствованного из Тр-Сим (от начала статьи) и следующей за ним фразы «**Того же лѣта Тоидый был на Руси**». В ТвСб этой статьи нет. [37] В ТвСб этой статьи нет. [38] Слова «**а с ним посол Авдул**». [39] За исключением заимствованного из Тр-Сим (с начала статьи до слов «**Гаврил епископ Ростову**»). В ТвСб этого заимствования нет. [40] За исключением заимствованного из Тр-Сим (от слов «**Того же лѣта мѣсяца априлиа в 12 день...**» до конца). [41] В ТвСб нет окончания статьи — лакуна. [42] За исключением первой фразы, совпадающей с Тр-Сим (о поездке Александра Михайловича Тверского в Орду). В ТвСб нет этой статьи. [43] За исключением заимствованного из Тр-Сим (от слов «**Тое же осени м сяца октября в 28...**» до слов «**...в Орду князя Семена, Ивана, Андрея**»). В ТвСб нет об увозе колокола из Твери в Москву. [44] Выборка с сокращением (отчего день погребения Ивана Даниловича, 1 апреля, стал днем смерти). В ТвСб нет этой статьи. [45] О пожаре в Смоленске. [46] Только о событиях в Орде, т. е. за исключением заимствованного из

Тр-Сим, а также суздальско-нижегородской и литовской по содержанию «добавок». [47] Выборка с сокращением. В ТвСб нет этой статьи. [48] О возвращении из Орды Константина Михайловича Тверского. [49] О выходе из Орды митр. Феогноста. [50] Только о пожаре в Москве, т. е. за исключением начала (о борьбе Семена Ивановича Московского с Константином Васильевичем Суздальским — суздальско-нижегородская «добавка») и конца статьи (об убийстве Ивана Ивановича Коротකопола Рязанского). В ТвСб этой статьи нет. [51] Сообщение «**Тое же осени как (?) был на Костроме**». [52] Только начало статьи; отсутствует все, совпадающее с Тр-Сим, отсутствуют, кроме того, сообщения об оковке местных икон владыкой Федором в Св. Спасе и о хождении в Орду митр. Феогноста. В ТвСб этой статьи нет.

Глава 9

СТИХОТВОРНОЕ НАЧАЛО ПРИПИСКИ ЛАВРЕНТИЯ К ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ[1]

Лаврентьевская летопись — современница «Лѣтописца Великого Русского». Она содержит древнейший список «Повести временных лет». Обратим теперь на нее внимание.

«Лаврентей мних», завершив 20 марта 1377 г. написание летописи, названной впоследствии по его имени Лаврентьевской, сделал большую приписку к ней, где назвал и себя, и время начала и окончания своего труда, и великого князя Дмитрия Константиновича как человека, которому предназначалась книга, и «**священьнаго епископа Дионисья**», благословившего создание этого списка летописи.

В приписке три части: средняя — информативная, а первая и последняя, можно сказать, литературные. Хотя это не совсем точно: Лаврентий называет себя именно в первой части, где уподобляет труд книгописца и

[1] Впервые напечатано: Acta Universitatis Szogediesis. Материалы и сообщения по славяноведению. Sectio Linguistica. XXV. Szeged, 2001. P. 205–208.

радость окончания этого труда трудам и радостям купца, капитана корабля и страннника: «**Радуетсѧ купець, прикупъ створивъ, и кормьчии въ ѿтишье приставъ, и странникъ въ ѿтьчьство свое пришед. Тако же радуетсѧ и книжныи списатель, дошедъ конца книгамъ. Тако же и азъ, худыи недостоиныи и многогрѣшныи рабъ Божии Лаврентеи мнихъ**».[1]

Знал ли писец-мних Лаврентий, что прототипом этой части его приписки являются 12-сложные греческие ямбические стихи? Стихи эти довольно обычны в приписках писцов греческих рукописей. Вот как они выглядят, к примеру, в хранящейся в Риме греческой рукописи 1397 г.:

Ὥσπερ ξένοι χαίρουσιν ἰδεῖν π(ατ)ρίδα,
καὶ οἱ θαλαττεύοντες ἰδεῖν λιμήνα,
καὶ οἱ πραγματεύοντες ἰδεῖν τὸ κέρδος,
καὶ οἱ ἀσθενοῦντες ἰδεῖν ὑγιείαν, οὕτω
καὶ οἱ γράφοντες ἰδεῖν βιβλίου τέλος.[2]

В пословном переводе их можно представить так:

Как странники радуются, видя[3] отечество,
и мореходы, видя гавань,
и торгующие, видя прибыль,
и болеющие, видя здоровье,
так и пишущий, видя книги конец.

---

[1] См.: Л // ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 487–488 (курсивом выделены буквы, внесенные в строку из-под титл). Приписку Лаврентия воспроизведенной можно видеть также в книге: *Столярова Л. В.* Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 354. № 52 (28).

[2] Rome. Bibl. Vallicelliana. Ms. F. 25, 1397, f. 32 r. См.: Dated greek manuscripts of the thireenth and fourteenth centuries in the libraries of Italy / By Alexander Turin. Volume one. Text. University of Illinois Press. Urbana, Chicago, London, 1972. P. 260. А. Турин пишет, что такого рода ямбические стихи довольно обычны в приписках писцов греческих рукописей, и указывает в качестве примера манускрипт 1301 / 1302 г. из миланской Библиотеки Амброджиана, см. с. 102; см. также с. 58–59, 127, 215.

[3] По-гречески здесь и далее буквально — «видеть».

Известна и такая подобная ей (хотя довольно безграмотная) запись XIV (или XIII) в. в парижской греческой рукописи сочинений Аристотеля (Paris. gr. 1853, f. 195^{v}):

Ὥπερ ξένοι χαίροντες ἰδεῖν π(ατ)ρίδα
καὶ οἱ θαλατεύοντες εἰδεῖν λιμένα
καὶ οἱ κοπιόντες εἰδεῖν τὸ κέρδος τοὺς
καὶ οἱ στρατευόμενοι εἰδεῖν τὸ νίκος,
ὁμίως καὶ οἱ μαθάνοντες εἰδεῖν βιβλίου τέλος.[1]

(Как радуются странники, видя отечество,
и мореходы, видя порт,
и труженики, видя прибыль,
и воины, видя победу,
так и читающий — видя конец книги).

Известна и еще одна (тоже безграмотная) приписка того же типа:

Ὥσπ(ερ) οἱ ξένη χέρωντ(αι) ἰδεῖν π(ατ)ρίδα
οὕτως (καὶ) οἱ θαλαττεύωντες ἰδεῖν λυμ(έν)α,
ὡσαύτως (καὶ) οἱ γράφωντ(ες) ἰδεῖν τέλος βιβλίου.

(Как радуются странники, видя отечество,
так и мореходы, видя порт,
точно так же и пишущие, видя конец книги).

Запись датируется 1522 г. (Barber. gr. 386).[2]

---

1 *Moraux P.* Le Parisinus graecus 1853 (Ms. E) d'Aristote//Scriptorium. T. XXI. 1967. № 1. P. 35 et pl. 3c.

2 *Jacob A.* Une prière du skeuophylakion//Bulletin de l'Institut historique Belge de Rome. Bruxelles; Rome, 1968. P. 329. Известна и опубликована и третья аналогичная греческая приписка по рукописи XVIII в. БАН, РАИК, № 44; см.: *Лебедева И. Н.* Греческие рукописи//Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 5. Л., 1973. С. 174.

Третьей, заключительной частью своей приписки — «**И нынѣ, господа ѡтци и братиꙗ оже ся гдѣ буду ѡписалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая, Бога дѣлѧ, а не клените...**» — Лаврентий вполне мог подражать писцу какой-то славянской или русской рукописи, так как в рукописях предшествующего времени обороты такого типа в приписках писцов довольно обычны. Уже в самой старшей датированной русской рукописи, Остромировом Евангелии 1056 / 1057 г., приписка писца Григория-дьякона заканчивается таким образом: «**Молю вьсѣхъ почитающихъ: не мозѣте клѧти, нъ исправльше почитаите. Тако бо и святы апостолъ Паулъ глаголетъ: благословите, а не кльнѣте. Аминъ**». Упомяну еще рукопись 1164 г., РГБ, Румянцевское собр., № 103, л. 270 об., в приписке к которой дьяка церкви Святых апостолов Константина-Добрилы читаем: «**А, братьꙗ и ѡтьци, аже вы кде криво, а, исправивъше, чьтѣте же е, а не кльнѣте**».[1] В продолжении этой приписки Константина-Добрилы мы находим и нечто отдаленно напоминающее начало приписки к Лаврентьевской летописи: «...**ꙗко же радоуетьсѧ женихъ о невѣстѣ, тако радꙋетьсѧ писець, видѧ последьнии листъ**».[2] Судить о стихотворной природе этой фразы у нас нет оснований. Возможно, какая-то традиция такого рода сравнений труда писца издавна существовала у переписчиков на Руси, но широко распространена не была, так как других, хотя бы отдаленных по смыслу, предшественниц первой части приписки Лаврентия, кажется, неизвестно. Спустя же 21 год после времени его работы, в марте 1398 г., писец-черноризец Иоанн, переписчик Студийского устава, поместил в приписке к рукописи два сравнения рядом: «**Радуетсѧ купець, в домъ свои прішедъ, а корабль в тихо пристанище пришедъ, ꙗко же ѡтрѣшитсѧ волъ ѡт ꙗрма, так писатель, книги кончавъ....**».[3] Если этот писец Иоанн и знал приписку Лаврентия, то явно не имел ее перед глазами и не очень задумывался над тем, что́ пишет, так что у него получилось, что «радуется... корабль», и эта радость корабля, как и радость

---

[1] См.: *Столярова Л. В.* Указ. соч. С. 293. № 10 (3).

[2] Там же.

[3] Там же. С. 374. № 69 (46). Рукопись ГИМ, Синодальное собр., № 333, Л. 151 об.

купца, оказалась вообще не связанной с радостью книгописца, так как между ними поместилось сравнение: «яко же отрешится волъ от ярма...». И, конечно же, черноризец Иоанн совершенно не думал о метрической основе греческого прототипа двух первых использованных им сравнений.

Но задумывался ли об этом мних Лаврентий? Знал ли он, что это стихи? Если он списывал первую часть своей приписки с какой-то русской или славянской рукописи, то мог и не знать; если же брал за образец непосредственно приписку, завершающую труд книгописца-грека, или вообще был знаком с такого рода греческими приписками, то знать это вполне мог.

Так, серб Исайя, на шесть лет раньше Лаврентия, в 1371 г., закончивший свой труд перевода на славянский язык корпуса сочинений Дионисия Ареопагита, несомненно, знал о стихотворной природе, ямбической и гекзаметрической, эпиграмм-эпиграфов, предшествующих и всему корпусу, и его частям, и стремился подражать им количеством слогов. Вот два примера.

Ямбы:

Τὸν τοῦ μεγίστου Διονυσίου λόγων
οὔκ ἄν τις εὕροι βίβλον ἀκριβεστέραν,
οὐκοῦν δικαίως, οὐδὲ κομπωδεστέραν,
εἰ ταῦτα κόμπος, ἄργυρος καὶ πορφύρα.

От великаго Діонусиа словь[1]
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
не убо кто обрѣщеть книгу скутѣишу,[2]
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
всако праведнѣ, ни же высочаишую,
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
аще сиа высока, сребро и порфіра.[3]
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

---

[1] «Ерь» в конце генитива плюралис читался в сербском как «а» и часто бывал на письме удвоен.

[2] Здесь и далее подчеркиваю буквы, обозначающие звуки, подлежащие элизии.

[3] См.: *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. Л., 1987. С. 28–29.

А это оттуда же гекзаметры:

Ἀγγελικῆς σοφίης ἀμαρύγματα πολλὰ κιχήσας
ἀνθρώποις ἀνέφηνας ἰδεῖν νοοσύνθενον Ἄστρον.

Аггльскые прѣмудрости свѣтлости мнѡгые разумѣвь,
1 2 34 5 6 7 8 9 10 11 121314 1516 17
чловѣкѡмь явиль еси видѣти умосьставную звѣзду.[1]
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 1112 13 1415 16 17

Разложить начало приписки Лаврентия на строки, соответствующие строкам греческого 12-сложника, нетрудно:

Радуетсѧк купець, прикупь створивь,
и кормьчий въ ѡтишье приставъ,
и странникъ въ ѡтъчьство свое пришед.
Тако же радуетсѧ и книжныи списатель,
дошедъ конца книгамъ. Тако же и азъ,
худыи недостоныи и многогрѣшныи
раб Божии Лаврентеи мнихъ.

Но по каким же правилам следовало бы читать этот текст, если бы Лаврентий действительно знал, как строятся соответствующие греческие стихи, и стремился им подражать? Очевидно, прежде всего, по греческим, которым следовал и современник Лаврентия переводчик Исайя. Это означает, что при встрече гласных в конце одного и начале другого слова должна происходить элизия, слияние звуков. Если допустить также, что редуцированный звук в конце слова внутри строки является у Лаврентия слогообразующим, что «**ии**», «**еи**» и «**ои**» надо читать как «ии» (а не как «ий»), «ои» (а не «ой) и «еи» (а не «ей»), а «ыи» — как «ый», то можно прочесть эту часть приписки Лаврентия как 12-сложные ямбы, за исключением только завершающей строки, тоже поддающейся прочтению в ритме ямба, но 10-сложной, либо 8-сложной:

[1] Там же. С. 30–32.

1 **Радуетсѧ купець, прикупъ створивъ,**
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

2 **и кормьчии, въ отишье приставъ,**
1 2 3 45 6 7 8 9 10 11 12

3 **и странникъ, въ ѡтчьство свое пришед,**
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

4 **тако же радуетсѧ и книжныи списатель.**
1 2 3 4 56 7 8 9 10 11 12

5 **дошедь конца книгамь. Тако же и азь,**
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

6 **худыи недостоиныи и многогрѣшныи.**
1 2 3 4 56 7 8 9 10 11 12

7 **рабъ Божии Лаврентеи мних.**
1 2 3 45 6 7 8 9 10

Если же при прочтении этих строк «**ии**» читать как «ий», «**еи**» как «ей», а «ер» перед «**о**» и «**ѡ**» считать сливающимся с этими гласными, то получится следующее:

1 **Радуетсѧ купець прикупъ створивъ**
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

2 **и кормьчии въ отишье приставъ**
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

3 **и странникъ въ ѡтьчство свое пришед.**
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

4 **тако же радуетсѧ и книжныи списатель.**
1 2 3 4 56 7 8 9 10 11 12

5 **дошедь конца книгамь. Тако же и азь**
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

6 **худыи недостоиныи и многогрѣшныи.**
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

7 **рабъ Божии Лаврентеи мних.**
1 2 3 4 5 6 7 8

В таком случае вторая строка оказывается не 12-, а 10-сложной, а последняя, седьмая, не 10-, а 8-сложной. Обе они остаются, однако же, ямбическими.

Уверенности, что мы не делаем ошибок при счете и так и сяк слогов в славянском тексте (в отличие от счета их в греческом), у меня нет. Но, во всяком случае, то, что нижегородский писец Лаврентий, как и его современник серб Исайя на Балканах, имел представление о греческом стихосложении и, начиная свою знаменитую приписку, старался подражать 12-сложным ямбам выходных записей писцов-греков, мне кажется очевидным.

Глава 10

КОДИКОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ[1]

А теперь рассмотрим рукопись, содержащую знаменитую летопись, в приписке к которой писца Лаврентия мы обнаружили ямбические стихи.

Она хранится в Российской Национальной (Публичной) библиотеке в Санкт-Петербурге. Создавалась она, согласно приписке Лаврентия, «**по благословенью священьнаго епископа Дионисья**», — хорошо известного в истории епископа Нижегородского, Городецкого и Суздальского Дионисия, а предназначалась нижегородскому «**князю великому Дмитрию Костянтиновичю**», тестю и союзнику московского великого князя Дмитрия Ивановича (будущего Донского). «**Раб Божий Лаврентей мних**» работал над ней с 14 января по 20 марта 1377 г., т. е. в период «розмирья» Руси с татарами, за три с половиной года до Куликовской битвы. Летопись названа Лаврентьевской по имени автора приписки, ее писца. Рукопись принадлежит к числу драгоценнейших среди пощаженных временем древнерусских книг. Из манускриптов летописного содержания древней ее один лишь Синодальный список Н1 (XIII — первая половина XIV в.).

«**И нынѣ, господа отци и братья**, — писал в своей приписке Лаврентий, — **оже ся гдѣ буду ѡписал или переписал, или не дописал, чтите ис-**

---

[1] Впервые напечатано: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Т. IV. С. 77–104.

правливая, Бога дѣля, а не клените; занеже книгы ветшаны, а ум молод, не дошел». Для историков России, исследователей русского летописания, русской литературы и культуры исключительно важен вопрос, в чем заключался и какой характер носил труд создателей Л, ибо текст этой летописи бесценен и в значительной части уникален. Достаточно напомнить, что здесь содержатся древнейший список и особая редакция «Повести временных лет», единственный список Поучения Владимира Мономаха, особая версия рассказа о событиях во Владимиро-Суздальской Руси XIII в. Летопись оканчивается статьей 6813 (1305) г. Переписал ли Лаврентий бесхитростно «ветшаные» книги — летопись, доведенную до этого 1305 г., или же в какой-то мере творчески использовал имевшийся в его распоряжении материал?

Исследователи по-разному ответили на эти вопросы. А. А. Шахматов — альтернативно: «Эта летопись составлена или только переписана с готового оригинала в 1377 г.», «не исключена возможность того, что составитель Лаврентьевской и сам внес в свой труд кое-какие домыслы и поправки».[1]

М. Д. Приселков характер работы Лаврентия и его приписку понял однозначно: Лаврентий, получив от нижегородского великого князя заказ на копию старой книги, а от епископа — разрешение на исполнение этого заказа, «старался выполнить свою работу как точный копиист, а не редактор»;[2] в основу работы он «клал простое воспроизведение дурно сохранившегося древнего свода начала XIV в.».[3] Текст Л, таким образом, представляет собой, на взгляд ученого, «простую копию» свода 1305 г.[4] Но для переписки «могли найти лишь очень ветхий экземпляр свода 1305 г., о чем заявляет и сам Лаврентий»,[5] и «Лаврентий, как молодой и

---

[1] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 9, 37.

[2] *Приселков М. Д.* История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий // Ученые записки Ленингр. гос. пед. института им. А. И. Герцена. Т. XIX. Кафедра истории СССР. Л., 1939. С. 189.

[3] *Он же.* Летописание XIV века // Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 29.

[4] *Он же.* История рукописи... С. 186.

[5] *Он же.* Летописание XIV века. С. 38.

неопытный переписчик, не всегда мог справиться со своею задачей удовлетворительно».[1] Таким образом, «копия, снятая Лаврентием... с копии... великокняжеского свода 1305 г.», согласно убеждению М. Д. Приселкова, — «черновик, лишенный какого-либо политического значения для своего и последующего времени».[2]

В. Л. Комарович, изучая рассказ Л о татарском нашествии, пришел к заключению о «смелом своеобразии проделанной Лаврентием самостоятельной летописной работы»,[3] т. е. к обратному, чем М. Д. Приселков, выводу о характере работы Лаврентия. По мнению В. Л. Комаровича, работа редактора имела публицистический смысл и была проникнута понятным для современников полемизмом.[4]

Доказательство В. Л. Комаровича встретило разные оценки. На взгляд Д. С. Лихачева, «В. Л. Комарович бесспорно установил, что Лаврентий не был простым копиистом».[5] Однако А. Н. Насонов отверг точку зрения В. Л. Комаровича и вернулся ко взглядам М. Д. Приселкова. «Как правильно полагают, — пишет он со ссылкой на статью М. Д. Приселкова "История рукописи...", — труд Лаврентия был вызван желанием местного правительства получить материал для составления большого летописного свода. ...надо было "для великого князя Дмитрия Константиновича" снять копию с хранившегося во Владимире древнего великокняжеского свода». И значит, рукопись, «которую мы условно называем Лаврентьевской летописью», есть не что иное, как «копия, сделанная Лаврентием с великокняжеского свода 1305 г.».[6]

---

[1] *Он же*. История рукописи... С. 186.

[2] *Приселков М. Д.* Л (история текста) // Ученые записки ЛГУ. № 32. Серия истор. наук. Вып. 2. Л., 1939. С. 142.

[3] История русской литературы. Т. II. Ч. 1. М.; Л., 1945. С. 94.

[4] Там же. С. 91. См. также: *Комарович В. Л.* Древнерусское областное летописание XI–XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора. (Машинопись). Архив ИРЛИ. Р. 1. Оп. 12. № 388. С. 175, 231, 300–301.

[5] *Лихачев Д. С.* Текстология. М.; Л., 1962. С. 195.

[6] *Насонов А. Н.* Л и Владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в. // Проблемы источниковедения. № 11. 1963. С. 436, 457.

Анализ и сопоставление летописных текстов сами по себе не позволяют прийти к твердому пониманию факта создания Л (я имею в виду событие 1377 г.) и к безусловному определению ее места в истории русского летописания. Главное, что требует здесь объяснения, — значительное сходство между Л и Тр, московской летописью, доведенной до 1408 г. Объяснение же этого сходства прямо зависит от того или иного нашего представления о рукописи Лаврентия: если Л — копия свода 1305 г., то в основании Тр *может* лежать не она сама, а этот ее гипотетический протограф — свод 1305 г.; но если общий с Тр текст Л — плод какой-то работы 1377 г., то Тр опирается (непосредственно или через какое-то промежуточное звено) на саму Л. Решение этого вопроса существенно затрудняется тем, что, не будучи научно описанной и полностью изданной, Тр сгорела в московском пожаре 1812 г. Реконструкция Тр, которой ученый мир обязан М. Д. Приселкову,[1] дает представление о ее тексте. Но «харатейная» ее рукопись (третья по древности среди летописей, первая после Л) погибла безвозвратно. Тем драгоценней для нас оригинал Л: его особенности, как и особенности всякой рукописи, хранят какие-то следы истории ее создания. И следовательно, существует вероятность расшифровки этой истории.

Нельзя сказать, что рукопись, о которой идет речь, не привлекала внимания ученых. На основании внешних данных Л уже делались выводы и о характере работы над ней, и — даже! — о формате ее протографа.[2] Остановимся теперь на этих наблюдениях и мыслях подробней.

В предисловии к изданию Л В. Ф. Карский сообщил: «До 40 л. (стр. 116 настоящего издания) рукопись писана в сплошную строку уставным почерком, который оканчивается 8 строкою сверху на обороте 40 л., а с 41 листа до конца — в два столбца древнейшим русским полууставным почерком и другими чернилами. Впрочем, в трех местах рукописи (лл. 157, 161 об. и 167) встречаются части, написанные в два столбца уставом, на-

[1] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

[2] См.: *Приселков М. Д.* Формат «Летописца» 1305 г. // Сб. ОРЯС. Т. CI. № 3. В честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928.

поминающим начальный почерк, только более мелким. На оборотной стороне этих трех листов имеются пробелы, не нарушающие, впрочем, смысла речи».[1] Относительно третьего из этих листов (л. 167) издатель не был уверен, что он писан тем же почерком, что и первые два (л. 157 и 161). Об этом листе в примечании «з» на стр. 474 издания сказано: «Лист 167, писанный крупным уставным почерком другою рукою, вставлен в Л после. Письмо того же XIV в. (ср. л. 157)». Хранитель Отдела рукописей Публичной библиотеки А. И. Бычков в 40-х годах позапрошлого века записал в рукописном «Каталоге церковнославянских и русских рукописей» (Отд. IV): «Перенос речений на следующие (страницы) показывает, что означенные три листа вставлены были в рукопись для ускорения ее переписки». М. Д. Приселков (может быть, под влиянием этой мысли А. И. Бычкова, а может быть, под влиянием работ над латинскими рукописями А. Кларка и Л. Хавэ[2]) так воссоздал процесс изготовления кодекса Л: «Лаврентий решил представить снятую копию в виде парадно выполненной книги, покрытой по листам торжественным уставным письмом. Однако заказчик потребовал ускорения в исполнении заказа, дорожа временем, а не оформлением книги, что вынудило перейти от уставного письма на полуустав и отказаться от расположения на странице одной строки, перейдя на две колонны, что ускоряло и облегчало труд переписчика. Но через некоторое время заказчик вновь потребовал ускорения в представлении ему ожидаемой копии старой книги, что заставило Лаврентия прибегнуть к расшитию переписываемой книги и раздаче по частям для переписки одновременно нескольким переписчикам».[3] Работа по переписке после л. 156 «была, — по мнению М. Д. Приселкова, — частями распределена между несколькими лицами»: «одному из них дали для переписки материал нынешних 158, 159, 160 и 161 лл., другому 162–167 лл., причем третий одновременно писал 168 и посл. Если все эти писцы выполняли работу одновременно и с рукописи иного формата против формата Лаврентьевской, то неизбежно должны были при некоторой неосмотрительности в распре-

1 ПСРЛ. Т. I. Изд. 2-е. Л., 1926. С. IV.

2 См.: *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 204.

3 *Приселков М. Д.* История рукописи... С. 185.

делении работы получиться пробелы в конце работы каждого писца. Когда первый писец, закончив об. 156 л., подсчитал оставшийся ему для переписки материал, он решил, несмотря на значительность его, втиснуть его в один лист своей рукописи: с этой целью писец покрыл лицо 157 л. особо сжатым и мелким письмом, какого больше мы не встречаем на всем пространстве рукописи, сделав в первом столбце 34, а во втором — 33 строки на разлинованной в 32 строки странице; так как от этого получилась слишком большая экономия материала для об. 157 л., писец перешел на этом обороте на уставное письмо, получив в результате только $7^1/_2$ незаполненных строк. Второй писец за это время выполнил переписку своего материала, расположив его на 158, 159, 160 и лице 161 л. На об. 161 л. у него осталось незначительное количество материала, которым он заполнил первые 13 строк первого столбца, и, не зная, как закончить работу, обратился к первому писцу за указанием: возможно, что первый писец и докончил последние девять строк уставным письмом. Третий писец за это время выполнил работу над 162, 163, 164, 165 и 166 лл., а оставшийся материал за него решил подогнать к работе четвертого писца первый писец. Он для этого заполнил лице 167 л. уставным письмом, а на обороте дал (тем же письмом) в первом столбце только 30 строк».[1] Таким образом, части текста между пробелами на оборотах лл. 157 и 161, 161 и 167 М. Д. Приселков счел «уроками», которые были даны для переписки помощникам Лаврентия; сами же пробелы исследователь объяснил разницей формата протографа («Летописца» 1305 г.) и копии (Л).

И здесь перед ученым встал вопрос: зная величину «урока» и формат копии, нельзя ли попытаться определить формат оригинала?

Сравнивая Л с Сим (рукопись XVI в.), которая на значительном пространстве содержит сходный текст, М. Д. Приселков сделал еще одно наблюдение: «Если мы откроем текст Симеоновской летописи под 1237 г. в том месте, которое соответствует обороту 161-го листа Лаврентьевской, то увидим почти полное совпадение текста, расположенного на обороте 161-го листа Лаврентьевской, с текстом, расположенным на обороте 82-го листа Симеоновской. Точно так же в изложении 1262 г. в том месте, ко-

[1] *Приселков М. Д.* Формат «Летописца» 1305 г. С. 168–169.

торое соответствует обороту 167-го листа Лаврентьевской летописи, мы опять видим, что конец оборота 167-го листа Лаврентьевской летописи совпадает с окончанием текста оборота 121-го листа Симеоновской».[1] После этого М. Д. Приселков подсчитал количество букв на листах сравниваемых им кодексов и в «уроке» между пробелами оборотов л. 157 и 161 и пришел к уверенности, что «Симеоновская через Троицкую сохранила нам... формат... “Летописца” 1305 г.».[2]

Полученный вывод сколь-нибудь существенного научного значения по своему содержанию не имел, но очень важен был сам факт его появления. Успех при расчете формата протографа Лаврентьевской делал общеобязательной исходную уверенность М. Д. Приселкова, что Лаврентий со своими помощниками просто копировал «Летописец» 1305 г.

Ход рассуждений М. Д. Приселкова заставляет допустить, что над рукописью Л работало по крайней мере четыре человека: первый из них, сам Лаврентий, переходил со сплошной строки на две колонки (л. 41), с устава на полуустав (л. 40 об.) и вновь на устав (л. 157 об., 161 об. и 167), а в одном случае (лицевая сторона л. 157) писал не уставом и не полууставом, а «особо сжатым и мелким письмом, какого больше мы не встречаем на всем пространстве рукописи»; его помощники — второй (л. 158–161), третий (л. 162–166) и четвертый (л. 168 и дальше — до конца?) писцы — писали только полууставом.

А. Н. Насонов лично осмотрел рукопись Л и сделал следующие заметки: «Основная часть рукописи была написана самим Лаврентием: она писана полууставом той же рукою, как и его запись в конце рукописи, его почерк начинается на обороте 40-го листа».[3] «Начало же рукописи написано другими чернилами и другим, более крупным, уставным почерком и, по-видимому, другою рукою, но, возможно, писцом той же школы. Кроме того, небольшую помощь оказал Лаврентию второй помощник, писавший тоже уставом на лл. 157, 161 об. и 167, с пробелами в конце страниц».[4]

---

[1] *Приселков М. Д.* История рукописи... С. 193.

[2] *Он же.* Формат «Летописца» 1305 г. С. 169–170.

[3] *Насонов А. Н.* Л и Владимирское великокняжеское летописание... С. 438.

[4] Там же, прим. 18.

Совершенно иная, чем у М. Д. Приселкова, картина! Нет никаких «уроков», все, что писано полууставом, писано одним человеком, а уставом на л. 157, 161 об. и 167 писал не Лаврентий. Для расчета формата протографа Лаврентьевской не остается, таким образом, оснований.

В отличие от издателя занимающей нас летописи, А. Н. Насонов, как видим, не сомневался в тождественности почерка лл. 157, 161 об. и 167, но не был твердо уверен в том, что первые сорок листов и остальную часть рукописи писали разные люди («по-видимому»).

Итак, А. Н. Насонов резко разошелся с М. Д. Приселковым в понимании хода работы над манускриптом Л. Однако, согласившись с М. Д. Приселковым в главном, в том, что Л — копия «Летописца» 1305 г., А. Н. Насонов не стал ни оспоривать выводов о формате этого «Летописца», ни более внимательно интересоваться особенностями его «копии».

Таким образом, рукопись Л, как это ни парадоксально, остается по сю пору неясно и даже противоречиво освещенной в научной литературе. Она заслуживает, конечно, большего внимания и любознательности. Отмеченное здесь расхождение между сущим и должным и является причиной появления предлагаемой вниманию читателя работы — исследования рукописи Л.

Знакомство с Л начнем с ее наружности, с переплета. Для нас важно понять, какие особенности этой книги появились одновременно с нею, в XIV в., и что было добавлено к ним и убавлено у них последующим временем.

Перед нами пергаменный кодекс размером 252 x 211 мм, в переплете «обиходного» типа, без металлических жуковин и гвоздиков. Доски переплета обтянуты светло-коричневой кожей, выделанной под замшу. Толщина досок 10 мм; по торцам они имеют желобки; по этому признаку доски могут быть отнесены к XVI или даже XV в. Однако другие черты говорят о более позднем времени переплета: округлый корешок имеет четыре поперечных валика, выступающих над рядами сшивки, доски выдаются за обрез листов. Такой способ оформления книг появляется в Московском государстве со второй половины XVII в.[1] На внешней стороне

[1] *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1967. С. 39.

переплета, спереди и сзади, на его светло-коричневую кожу наклеены листы потертой темно-коричневой кожи с тиснением.

На первом из этих листов можно видеть три вписанных друг в друга подобных прямоугольника, между сторонами которых различимы следы орнамента. Внутри центрального, наименьшего прямоугольника по вертикальной его и листа оси довольно неровно помещены четыре ромба, оттиснутые с помощью специальных штампов, басм.[1] Справа и слева от ромбов расположены три горизонтальные стрельчатые басмы. Кроме того, и ромбические, и стрельчатые басмы перемежаются басмами — двойными кружочками. Оформление этого листа кожи можно датировать XVI в.[2]

На листе кожи, приклеенном к нижней доске переплета, оттиснута косая сетка с очень крупными ячейками. Внутри четырех центральных ячеек помещены ромбические басмы (такие же, как на первом листе), в угловых ячейках — сердечки (внизу они повернуты «вверх ногами»), а в четырех боковых ячейках — по небольшому горизонтально вытянутому ромбу. Все эти басмы окружены с четырех сторон (а то, что у краев, — с трех) двойными кружочками. Такие же басмы-кружочки оттиснуты на скрещениях линий сетки. И это тиснение говорит о XVI в.[3]

Прежде к внутренним стенкам переплета были приклеены непосредственно к ним примыкавшие пергаменные листы рукописи: к верхней

---

[1] Образцы такого рода инструментов можно видеть на фотографиях к статье Н. Н. Покровского «О древнерусской рукописной традиции у староверов Сибири» (ТОДРЛ. Л., 1969. Т. XXIV. С. 398–400).

[2] Тиснение на этом листе в целом близко к тому, что изображено к книге П. Симони «Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного художества на Руси» (ОЛДП. Вып. CXXII. М., 1903) на таб. XIX слева и в статье С. А. Клепикова «Орнаментальные украшения переплетов конца XV — первой половины XVII веков в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря» (Записки Отдела рукописей Библиотеки им. Ленина. Вып. 22. М., 1960) на схеме V слева; стрельчатые басмы — типа 63–64 на таб. 1–3 в работе С. А. Клепикова, басмы-кружочки — типа 82–85 на таб. 1–4.

[3] Оформление этого листа схоже с тем, что изображено у С. А. Клепикова («Орнаментальные украшения...») на схеме II справа.

доске — лицевая сторона первого пергаменного листа, к нижней — оборотная последнего; на этих страницах видны коричневые и зеленые пятна клея, плесени, а может быть, и химикатов новейших исследователей. Среди этих пятен кое-где видны записи, из которых понятны лишь некоторые. На л. 1 почерком, как кажется, конца XVI — начала XVII в. написано: «**Книга Рожесвенсково монастыря Володимерьскаго**».[1] На обороте л. 173 в шестой строке первого столбца различима запись полууставом: «**еже сп(ас)ти Свое создание хотяи**»; в середине второго столбца — «**плакашеся Василе**», чуть ниже — «**плака Василько**».

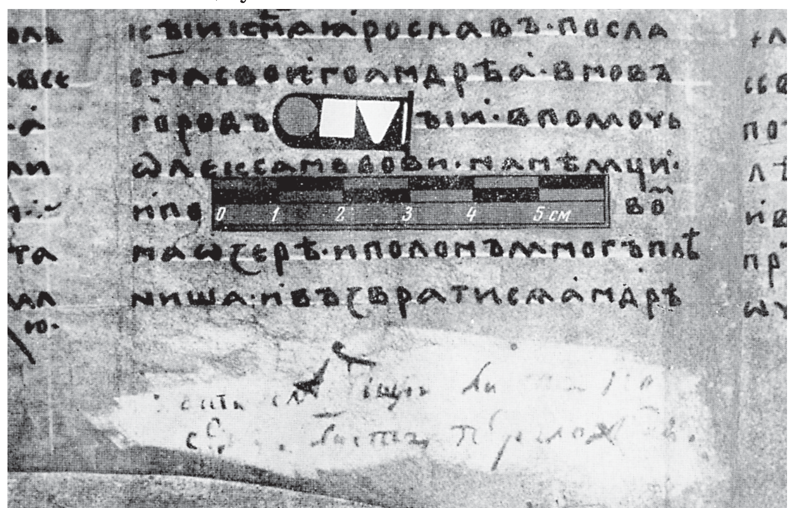


Рис. 1. Стертая надпись на нижнем поле л. 164 об. почерком XVIII в.: «...т. следующии листы по сему листу переложены». Снимок в ультрафиолетовых лучах

[1] Эта запись дала А. Н. Насонову (Л и Владимирское великокняжеское летописание... С. 437–438, 455–457) основание предположить, что в Рождественском Владимирском монастыре Л была и создана. Твердо же эта запись показывает лишь, что летопись находилась во Владимире в конце XVI или начале XVII в. После этого она оказалась в собрании Софийского собора в Новгороде; в тамошней семинарии в 1765 г. с нее была снята копия (хранится в Отделе рукописей БАН, № 34.2.32). В 1791 г. из Новгорода в числе прочих рукописей Л попала в Москву к А. И. Мусину-Пушкину (см.: ЦГИА СССР. Ф. 797. Оп. 1. Д. 1522. Реестр взятым к его сиятельству

Теперь между досками переплета и рукописью находятся форзацы — двойные листы цветной «мраморной» бумаги, укрепленные по корешковому сгибу дерматином. К ним примыкают листы из желтоватой бумаги без водяных знаков и вержеров. Дерматин и оба вида бумаги сравнительно недавнего происхождения. Однако переплет Л не похож на «фирменные» переплеты Национальной (Публичной) библиотеки. С помощью ультрафиолетовых лучей[1] удалось на нижнем поле оборота л. 164 прочесть бо́льшую часть стертой записи, сделанной почерком середины XVIII в.: «..т. слѣдующии листы по сему листу переложены» (рис. 1). Очевидно, запись была стерта, когда спутанные листы были разложены правильно, по порядку. По-видимому, в последний раз Л была переплетена либо в конце XVIII в., либо в самом начале XIX в. — незадолго до того, как она была подарена графом А. И. Мусиным-Пушкиным императору Александру I. Очевидно, тогда же листы рукописи были обрезаны по краям, так как частично срезанными оказались маргиналии XVIII в., например, на л. 10 и 96. Переплетчик сохранил и использовал элементы старого переплета — доски с желобками и темно-коричневую кожу с тиснением.

Во многих местах оборванные углы и края листов подклеены светлым пергаменом более низкого, чем сами листы, качества (более грубым, полупрозрачным), причем подклейка кое-где закрывает текст. Пергаменными полосками подклеены по всей длине основания л. 1 и 8, 47, 139 и 142, 156 и 161, 165 и 168, 166 и 167. Кусочками пергамена укреплены сверху и снизу парные листы 73 и 80. Листы 9 и 170 подклеены, видимо, совсем недавно: по всей длине у корешка того и другого идет белая тряпичная лента.

гр. А. И. Мусину-Пушкину, по бытности его обер-прокурором Св. Синода, относящихся к Российской истории книгам, которые от него не возвращены, № 9, л. 2, 6, 13, 15), он подарил ее императору Александру I, а тот передал ее вскоре в Императорскую Публичную библиотеку. (В БАН хранится и другая копия Л — начала XIX в. — № 32.11.10. В 1806 г. она была подарена директором Публичной библиотеки А. Н. Олениным С. С. Уварову.) За бо́льшую часть этих сведений приношу благодарность Г. Н. Моисеевой.

[1] От души благодарю за помощь заведующего Лабораторией консервации и реставрации документов АН СССР Д. П. Эрастова.

№ тетради	Сигнатуры на первых листах тетрадей	Номера листов													Сигнатуры на последних листах тетрадей	Высота сигнатур, мм
I				*1* −	*2*	*3* −	*4*	=	*5*	*6* +	*7*	*8* +			Я	4
II				*9* −	*0*	*0*	*0*		*0*	*0*	*0*	*10* +			Б̄	3.5
III				*11* −	*12*	*13* −	*14*	=	*15*	*16* +	*17*	*18* +			Г̄	3.5
IV				*19* −	*20*	*21* −	*22*	=	*23*	*24* +	*25*	*26* +			Д̄	5
V				*27* −	*28*	*29* −	*30*	=	*31*	*32* +	*33*	*34* +			Є̄	4
VI					*35* −	*36* −	*37*	=	*38* =	*39* +	*40* +				Г̄	4.5
VII				41 −	42 −	43 +	44 +	=	45 −	46 −	47 +	48 +			ζ	6
VIII	И			49 −	50 −	51 +	52 +	=	53 −	54 −	55 +	56 +				4
IX	⌐			57 −	58 −	59 +	60 +	=	61 − +	62 − +	63 +	64 +				
X				65 −	66 −	67 +	68 +	=	69 −	70 −	71 +	72 +			Ī	3.5*
XI				73 −	74	75 +	76 +	=	77 −	78 −	79 +	80 +				
XII				81 −	82 −	83 +	84 +	=	85 −	86 −	87 +	88 +				
XIII				89 −	90 −	91 +	92 +	=	93 −	94 −	95 +	96 +			ГI	5
XIV				97 −	98 −	99 +	100 +	=	101 −	102 −	103 +	104 +			ДI	3*
XV				105 −	106 −	107 +	108 +	=	109 −	110 −	111 +	112 +			ЄI	3*
XVI				113 −	114 −	115 +	116 +	=	117 −	118 −	119 +	120 +				
XVII	⌐			121 −	122 −	123 +	124 +	=	125 −	126 −	127 +	128 +				
XVIII	ИI			129 −	130 −	131 +	132 +	=	133 −	134 −	135 +	136 +				2*
XIX				137 −	138 −	139 +	140 +	=	141 −	142 −	143 +	144 +				
XX				145 −	146 −	147 +	148 +	=	149 −	150 −	151 +	152 +			К	4.5
XXI	КЯ	153 −	154 −	155 +	156 +	**157** −	158 +	=	159 −	160 −	**161** +	162 −	163 +	164 +		1.5
XXII						165 −	166 −	=	**167** +	168 +					КБ	5
XXIII				169 −	0	0	0		0	0	170 +	0				
XXIV							171 −	=	172 +							
XXV								173 +								

Рис. 2. Конструкция кодекса Лаврентьевской летописи.

8 — первый писец; 0 — лист утрачен; = — прошивка; 2* — сигнатура частично срезана; 92 — Лаврентий; 157 — третий писец; + — выпуклые, − — вдавленные линейки на лицевой стороне листа

Сшивка книги, как уже сказано, тоже обновлялась, однако обновлены могли быть только нити и способ их соединения. Членение же рукописи на тетради, чтобы сохранился порядок в тексте, должно было остаться старым, первоначальным. На составленной мною таблице (рис. 2) можно видеть, из каких тетрадей состоит рукопись Л. Подавляющее большинство тетрадей представляет собой кватернион — четыре двойных листа, прошитых по сгибу в середине. Две тетради — II и XXIII — уменьшились в объеме вследствие утраты листов. Небольшой объем предпоследней, XXIV, тетради (один двойной лист), равно как и одиночный характер последнего, 173-го листа, по всей вероятности, суть следствия небольшого количества остававшегося для переписки материала. О других необычных тетрадях (VI, XXI и XXII) пойдет речь особо.

Видимо, рукопись значительное время существовала совсем непереплетенной, в тетрадках, так как начала и концы некоторых тетрадей заметно потерты (л. 48 об. и 49, 64 об. и 65, 73, 88 об. и 89, 105, 152 об. и 153, 172 об. и 173). Заметим, что потерты также некоторые внутритетрадные листы (л. 94 об. и 95, 122 с обеих сторон, 124, 160 об. и 161, 162, 166 об. и 167, 168 об., 170 и 172).

Текст летописи начинается на обороте л. 1 после заставки тератологического стиля.

Первые 40 листов рукописи разлинованы и исписаны в сплошную строку, причем на лл. 1–10, 20–26, 33–34 помещено по 32 строки, а на лл. 11–19, 27–32 и 35–40 — по 31. Ширина разлинованной части колеблется в пределах 163–169 мм. Расстояние между горизонтальными линиями 6,5 мм. Для разлиновки использовалось «шильце», разлиновывали сразу по два листа, так как яркая, четкая разграфка чередуется здесь с бледной, неясной: на лл. 1, 3, 6 и 8 этих тетрадей разлиновка четкая, причем на лицевой стороне лл. 1 и 3 линии вдавленные, а на лицевой стороне соответствующих им лл. 6 и 8 — выпуклые; на лл. 2, 4–5 и 7 разлиновка неясная. Необычна разлиновка оставшихся от II тетради лл. 9 и 10: здесь нет вертикальных линий (границ текста и полей). В VI тетради необычно чередование разлинованных листов: 1-й и 2-й (а не 1-й и 3-й) листы имеют четкую вдавленную с лицевой стороны разлиновку, а 5-й и 6-й — четкую выпуклую; на 3-м и 4-м листах разграфка неясна.

Лл. 1–40, о которых идет речь, покрыты обычным для второй половины XIV в. уставным письмом (рис. 3). Писец — это видно — аккуратен, старателен, ловок. Он пишет с нажимом и легким, едва заметным наклоном влево. Высота его букв 3 мм, горизонтальное расстояние между ними колеблется около 2 мм. Перекладины в буквах «и», «н» и йотированных гласных поставлены высоко и отлоги; иногда они, равно как и титла, перечеркнуты. Петли букв «ъ» и «ь» поднимаются почти к самому их верху. Чашечка «ч» угловата, ножка ее доходит до середины строки. Хвосты букв «ц», «щ», «р», «у» идут вниз, хвост «з» изгибается влево. Омега имеет острую серединку. Над гласными в начале слов писец ставит по точке, над омегой — всегда две точки.

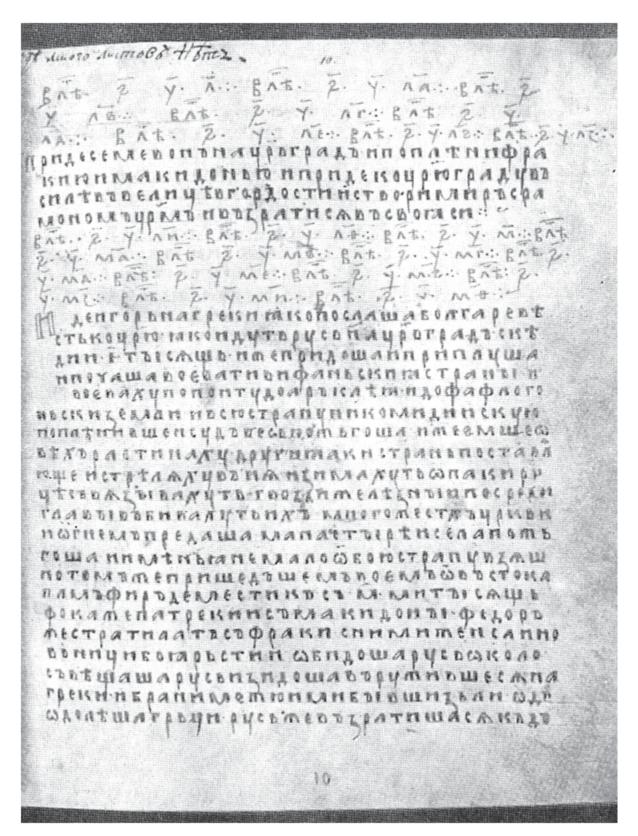


Рис. 3. Лист 10. Почерк первого писца.
Даты и инициал вписаны киноварью Лаврентием

Счет тетрадей писец вел, подписывая их номера в середине нижнего поля на обороте последнего листа тетради. Первые пять тетрадей сохранили такую нумерацию (на оборотах лл. 8, 10, 18, 26 и 34). Всего уставом было исписано 46 листов, но уцелело из них только 40, так как II тетрадь утратила 6 средних листов (три двойных); от нее остались лишь первый (в рукописи 9-й) и последний (нынешний 10-й) листы; этой утрате соответствует пропуск текста в Л за 24 (6406–6430 / 898–952) года. Таким образом, нынешний 40-й лист рукописи первоначально был 46-м — 6-м листом в VI тетради.

Оборот 40-го листа — то место, где, по предположению М. Д. Приселкова, Лаврентий ускорил работу, перейдя с устава на полуустав, а по предположению А. Н. Насонова — один писец сменил другого. Что же было на самом деле?

Письмо, которое начинается на обороте л. 40 с 9-й строки (древнейший полуустав), тоже обладает легким наклоном влево, но оно мельче, чем было прежде. Высота букв здесь 2–2,5 мм (см. рис. 4 и 5). Расстояние между буквами тоже меньше — 1–1,5 мм. Перекладины йотированных гласных и «н» опускаются к середине строки; «и» имеет почти современный вид: писец пишет эту букву, не отрывая пера (в уставе перо отрывалось от листа после первой вертикальной палочки). Петли у «ъ» и «ь» поднимаются не так высоко, как прежде. Буква «з» представляет собой небольшую горизонтальную палочку в верхнем уровне строки с большим, опускающимся ниже строки, похожим на «с» хвостом; «ч» не совсем симметричное, с низкой ножкой.

Вместо «е» (обыкновенного и йотированного) в начале слов и после гласных писец ставит якорное «е», а над ним две точки; над остальными гласными, когда они начинают слово, стоит по одной точке (в том числе в подавляющем большинстве случаев и над омегой). Встречаются лигатуры, слитные написания букв «му», «ны», «ну», «нти», «тр», «тв», «ти», «гю».

Линии в этом типе письма постоянны по толщине; значит, с 9-й строки оборота л. 40 писец пользовался другим пером. И он обмакивал его в другую чернильницу: вместе с типом письма и пером сменился и цвет чернил — коричневый на черный (или очень темно-коричневый).

Рис. 4. Оборот л. 96. Почерк Лаврентия. Под правой колонкой текста видна сигнатура **ГІ** — 13

Оборот л. 40 дописан, как и начат, сплошной строкой. И вот что любопытно: на его нижнем поле (это хотя и 6-й, но последний лист тетради) сигнатура, порядковый номер тетради (здесь это ꙅ — 6), стоит не в центре нижнего поля, как пять предшествующих ей сигнатур, а ближе к внутреннему краю листа. И написание этой цифры схоже с написанием того же знака в полууставе, втором типе письма, а не в уставе. Если мы заглянем на восемь листов вперед, то на обороте л. 48, под правой колонкой текста (здесь текст написан в две колонки), увидим следующий номер: Z — 7. Симметрично ему под левой колонкой текста на лицевой стороне л. 49 стоит цифра И — 8. Еще дальше, на обороте л. 72, в конце X тетради, под правым столбцом видна частично срезанная и изрядно стертая пальцами читателей сигнатура I — 10; на обороте л. 96 на том же месте стоит число ГI — 13 (оно видно на рис. 4); на обороте л. 104 — наполовину срезанное ДI —14; на обороте л. 112 — две трети или три четверти цифры ЄI — 15. В начале XVIII тетради, под левым столбцом лицевой стороны л. 129, — частично срезанная сигнатура ИI — 18; в конце XX тетради, под правым столбцом оборота л. 152, в ультрафиолетовых лучах различима стершаяся сигнатура К — 20, а на лицевой стороне л. 153 простым глазом видны цифры КА — 21. Наконец, на обороте л. 168 — последнего листа XXII тетради — стоит номер КВ — 22, где В оказалось поврежденным таким образом, что стало чрезвычайно похожим на И — 8 (однако в ультрафиолетовых лучах отчетливо видно В). Остальные сигнатуры, которые естественно ожидать увидеть в начале и в конце тетрадей этой части рукописи, пропали при обрезке ее краев. У нижнего обреза на лицевой стороне лл. 57 и 121, в том месте, где должны быть сигнатуры, сохранились лишь титла, а на лицевой стороне л. 168 — только кончики каких-то линий. Итак, на 40-м листе Л меняется манера нумерации тетрадей: отсюда и дальше номер каждой тетради ставился дважды — под первым и под последним столбцом ее текста.

Дальнейшие листы рукописи, начиная с 41-го, разграфлены на два столбца текста (см. рис. 4). Здесь все горизонтальные линейки, за исключением трех верхних и двух-трех нижних, не сплошные, а с разрывом в середине, в пространстве между столбцами. Внизу листов видны проколы, которые писец делал для ориентировки вертикальных линий. Шири-

на всей разлинованной части страницы колеблется здесь в пределах 171–175 мм, высота — 205–210 мм, ширина одной колонки 81–84 мм. Количество строк па страницах, покрытых полууставом, постоянное — 32, исключение составляют лишь два листа, сохранившиеся от XXIII тетради, 169-й и 170-й: на обеих их сторонах помещено по 33 строки. Разлиновывались листы подряд, а не через один; и делалось это с силой, так как на месте многих линеек сейчас сквозные трещины в пергамене. На разлиновку этой части рукописи обратил внимание А. Н. Насонов: «Начиная с л. 41–41 об. ... наблюдаем определенное чередование вдавленных и выпуклых линий разлиновки в следующем порядке: — —++ — —++ и т. д. Этот порядок показывает, что Лаврентий после разлиновки разрезывал лист пополам, складывал обе половины и вкладывал одну в другую. Листы 171 и 170, следующие за пропусками текста, нарушают это чередование».[1] На лицевой стороне лл. 61 и 62 горизонтальные линии — в соответствии с порядком — вдавленные, а вертикальные — в нарушение порядка — выпуклые. Это означает, что Лаврентий перевернул лист во время его разлиновки. Лист 74 не разлинован. Кроме того, порядок разлиновки и чередования выпуклых и вдавленных линий нарушается только на лл. 157–161 и 167. Об этих листах далее пойдет особая речь.

Итак, со сменой устава полууставом связана смена пера и чернил, порядка постановки точек над гласными, вида и частоты разлиновки и манеры нумерации тетрадей. Все говорит о том, что на обороте л. 46 рукописи (нынешнего 40-го) не один писец изменил стиль работы, а один писец сменил другого. М. Д. Приселков был неправ, приписывая оба почерка Лаврентию, а А. Н. Насонов склонялся к верной точке зрения.

Предшественник Лаврентия, первый писец, предвидел, кажется, конец своей работы, поскольку последнюю тетрадь он сделал не 8-листной, а 6-листной. (Разлиновка показывает как будто, что тетрадь сразу складывалась из трех, а не четырех двойных листов.) Киноварные вставки в свой текст (инициалы и даты) этот писец успел сделать лишь в I тетради: с л. 10 все киноварные записи внесены Лаврентием в оставленные его предшественником свободные места (причем были оставлены места для крупных,

---

[1] *Насонов А. Н.* Л и Владимирское великокняжеское летописание... С. 438, прим. 20.

из «плетенки» инициалов — таких, как на лл. 1 об., 6 об. и 7, а Лаврентий вписал маленькие и простые). Очевидно, в руки Лаврентия вместе с рукописью первого писца перешел и его протограф. Остается все же впечатление, что работа первого писца прервалась внезапно: Лаврентий продолжил ее среди страницы, среди погодной статьи и даже среди фразы.

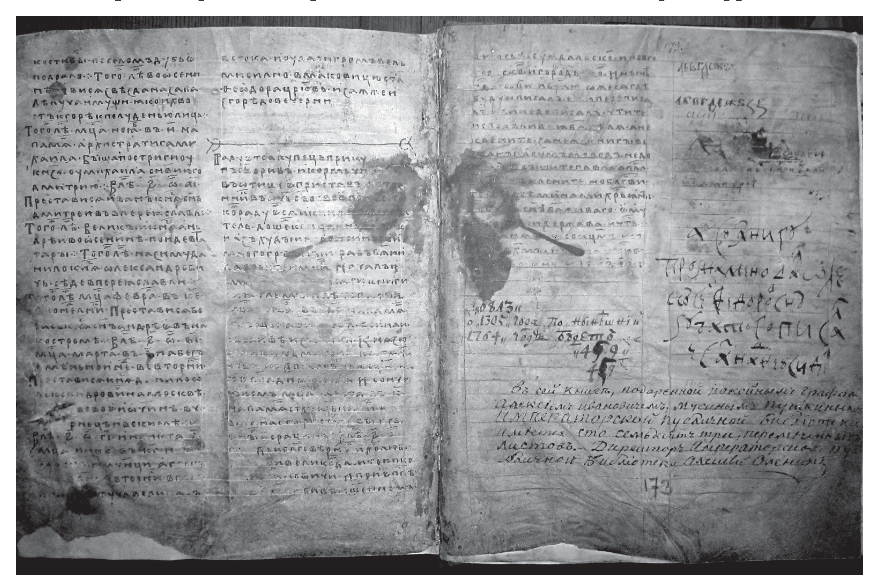


Рис. 5. Л. 172 об. — 173. Приписка Лаврентия

Почерк Лаврентия идет, как сказано, до самого конца рукописи, но в трех местах — на лл. 157, 161 об. и 167 — в него вторгается третий почерк — уставной, с коричневыми, более светлыми, чем у Лаврентия, и более темными, чем у первого писца чернилами (рис. 6). В отличие от первого уставного почерка, где у буквы «ж» нет верхней части («головки»), «ж» третьего вида письма ею обладает. Перекладина йотированного «а» горизонтальна и расположена в верхнем уровне строки, тогда как перекладины йотированного «е», «н» и «и» круты и опускаются до середины буквы. Только до середины строки или совсем немного выше поднимаются петли «ъ» и «ь». Заметной особенностью этого почерка является то, что от хвостов букв «щ» и «ф», а также от левого нижнего конца «х» идет «отрывной» росчерк влево вниз. Над гласными в начале слов, над йотирован-

ными буквами и над якорным «е» этот писец, в отличие от первых двух, всегда ставил по две точки. Примечательно, что он совсем не пользовался

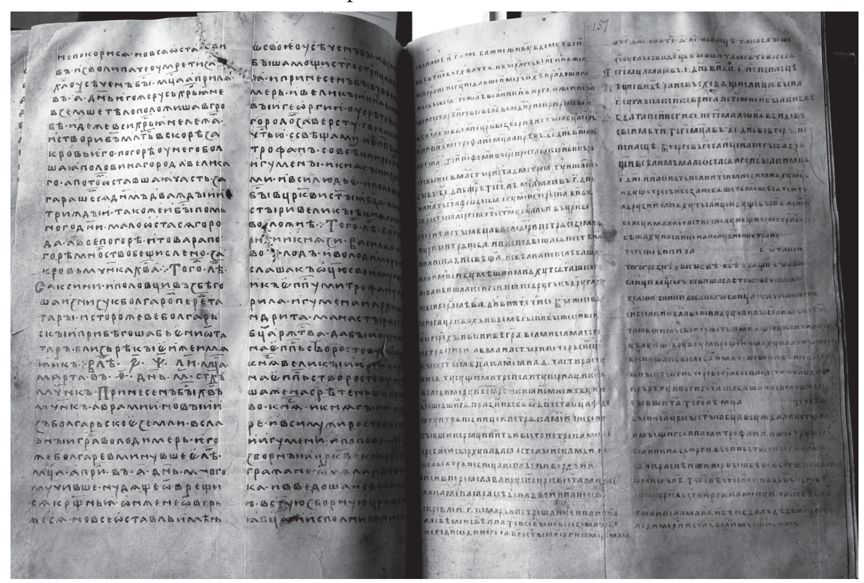


Рис. 6. Л. 156 об. — 157. На л. 157 — почерк третьего писца

киноварью и не оставлял для нее свободных мест: даты и инициалы в его тексте написаны теми же чернилами, что и все прочее.[1] Далее мы постараемся осмыслить эту интересную черту в работе третьего писца.

Лл. 157 и 167, в отличие от 161-го, исписаны исключительно третьим почерком. И эти два листа имеют одинаковые особенности разлиновки: хотя здесь тоже по два столбца, по 32 горизонтальные линии на странице и примерно те же размеры разлинованной площади (высота 207 мм, ширина 175 мм, ширина колонок 80 мм), большинство линеек, а именно 21, проведено без перерыва в середине; прерываются только 11 нижних линий. Вторая снизу горизонтальная линия на том и на другом листе проведена дважды. Очевидно, лл. 157 и 167 были расчерчены разом

[1] Кто-то из читателей рукописи, вероятно в XVIII в., чтобы выделить даты в тексте третьего писца, подчеркнул их темно-красными с вишневым оттенком чернилами.

и, наверное, представляют собой половинки одного большого листа пергамена.

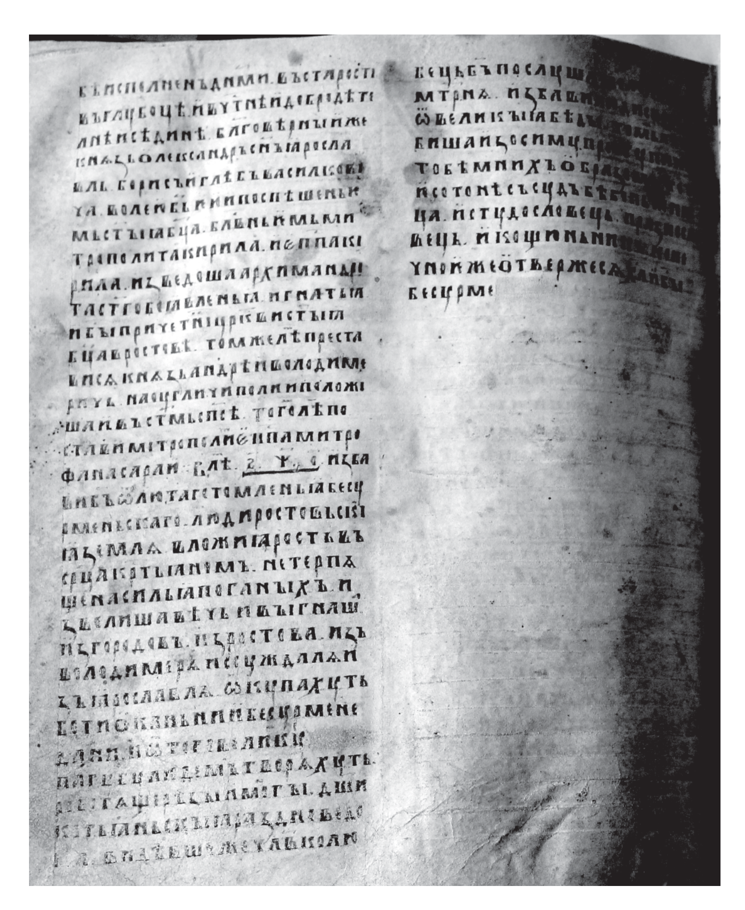


Рис. 7. Оборот л. 167. Почерк третьего писца. В тексте подчеркнута дата

Итак, мы можем заключить, что не первый писец и не Лаврентий, а кто-то третий (привыкший, кажется, к сплошной странице — и отсюда особенность его разлиновки) расчертил и исписал уставным почерком лл. 157 и 167 и приписал несколько строк на обороте л. 161. Как видим, говоря о третьем виде письма как о принадлежавшем Лаврентию, М. Д. Приселков тоже был неправ. Прав был А. Н. Насонов.

Продолжим наши наблюдения. Два первых из трех занимающих сейчас наше внимание листов (157 и 161) нарушают ритм чередования выпуклых и вдавленных линеек на лицевых сторонах листов (см. рис. 2 и 7, Г): 157-й, как и парный ему 160-й, имеет с лицевой стороны вдавленные линейки, а 161-й, как и парный ему 156-й, — выпуклые, что неестественно. Значит, эти листы вклеены в рукопись на место вырезанных, и вклеены «другой стороной» (перед тем как начать писать на этих листах, не обратили внимания, как они лежат). Вклеенным должен быть, конечно же, и л. 167, расчерченный одинаково со 157-м.

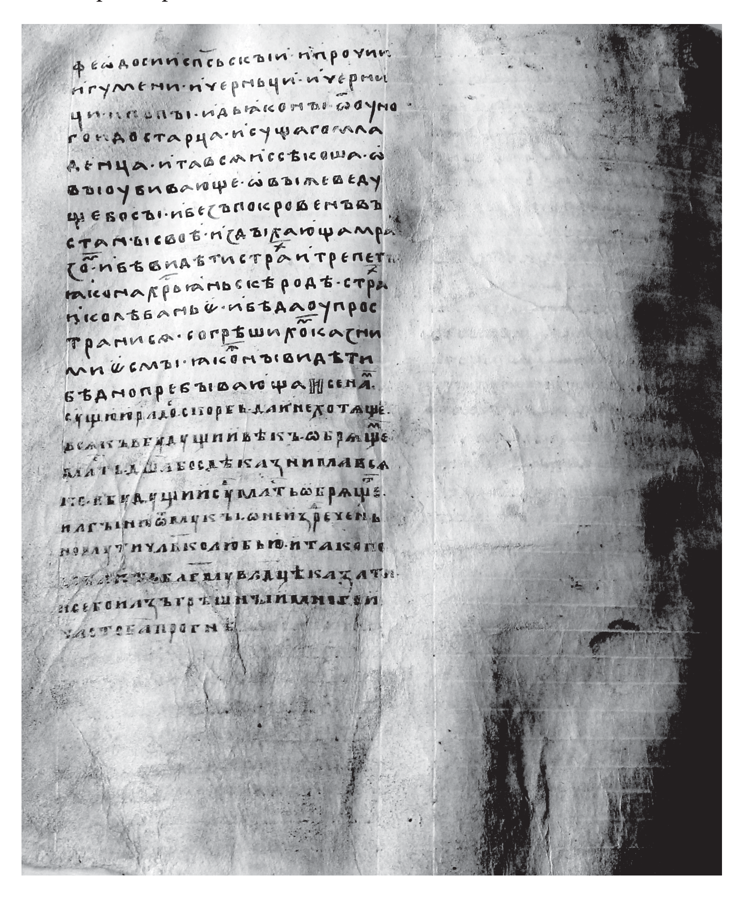


Рис. 8. Оборот л. 161. Почерк Лаврентия и — с 14-й строки — третьего писца

Именно так это и есть: лл. 161 и 167 соединены с парными им лл. 156 и 166 посредством подклеенных по всей длине основания пергаменных полосок,[1] а л. 157 (это можно различить, глядя в лупу на верхний и нижний торцы кодекса) приклеен у основания непосредственно к соседнему, 158-му, листу и, кроме того, захвачен прошивкой; точно так же приклеен к соседнему (159-му) листу парный 157-му 160-й лист.

Таким образом, все три листа, где появляется в Л третий почерк, не первоначальны в рукописи. И потому неудивительно, что (читатель может помнить это из приведенных выше описаний В. Ф. Карского и М. Д. Приселкова) как раз эти три листа оканчиваются пробелами, безвредными для связности текста (рис. 5 и 6). 162-й лист начинают буквы «ваю» — конец слова «прогневаю», первой частью которого оканчивается текст оборота л. 161 (см. рис. 8).

Когда же эти три листа могли появиться в Л?

Все особенности третьего почерка (утомительно было бы их вновь перечислять) говорят о том, что он современен первым двум, но, разумеется, в широких пределах второй половины XIV в. Однако замена листов связана не только с третьим почерком: один из этих трех листов (161-й, содержащий на обороте третий почерк и вклеенный в рукопись «другой стороной») разлинован и в основном исписан главным писцом, Лаврентием. Ясно, что написанное Лаврентием на этом листе — тоже не первоначальное явление в рукописи. Вместе с тем, ни его почерк, ни цвет чернил здесь не отличаются сколь-нибудь заметно от почерка и цвета чернил на других его листах. Остается думать, что *вместе с третьим писцом сам Лаврентий что-то переделывал в своей работе в процессе или сразу после ее завершения*. Продолжим наше исследование в надежде решить, в чем состояла эта переделка.

На лицевой стороне л. 153, под левой колонкой текста, сигнатура (21) отмечает начало XXI тетради. Необычна величина этих букв-цифр — 1,5 мм, тогда как все прочие сигнатуры Лаврентия имеют вертикальный размер от 4 до 6 мм (см. правый столбец на рис. 2). Судя по начертанию, эти

[1] Эти полоски, наверное, принадлежат позднейшим переплетчикам или реставраторам; важно то, что они здесь понадобились.

знаки тоже принадлежат Лаврентию, но он явно писал их не тогда, когда нумеровал остальные тетради (о приведении такой мелочи в соответствие с общим порядком, как и в случае вклейки листов «другой стороной», он не подумал).

Лист с необычно маленькой сигнатурой открывает необычно большую XXI тетрадь, за которой следует необычно маленькая XXII. Взглянув на рис. 2, нетрудно убедиться, что как раз в пределах этих «ненормальных» тетрадей группируются все главные особенности кодекса Л: встречаются вклеенные листы с третьим почерком и пробелами, сбит порядок чередования выпуклой и вдавленной разлиновки. Очевидно, объяснять нужно весь комплекс особенностей, стараясь не оставить в стороне ни одной.

Обратим внимание на количество листов в «ненормальных» тетрадях: в XXI — 12 (шесть двойных), а в XXII — 4 (два двойных). Их сумма составляет 16, т. е. ровно столько, сколько листов содержат две обыкновенные тетради. Не увеличился ли объем одной тетради на четыре листа за счет другой (рис. 7, А и Б)? Для этого текст всей старой XXI и части старой XXII тетрадей должен был быть переписан Лаврентием в одной большой (новой XXI) тетради. Неизбежно в таком случае в самом конце этой тетради или где-то вскоре после нее должен находиться «стык» нового текста со старым, продолжением старого. Ведь крайне редко бывает, чтобы объем как-либо переделанного текста точно совпал с объемом первоначального, и потому около «стыка» должно быть либо большее против нормального, либо меньшее количество текста. Действительно, л. 167, третий лист новой XXII тетради, по своему месту и особенностям оказывается «стыковым» (рис. 7, Б): он содержит меньшее, чем обычно, количество текста и потому имеет в конце пробел. (Первую строку на этом листе третий писец написал мелко — высота букв 2 мм, — но постепенно, видя, что текста у него меньше, чем пространства, он стал писать крупней — буквы вырастают до 2,5–3 мм, а на обороте листа до 3,5 мм. Но все же пробел оказался значительным — $^{3}/_{4}$ и 22 целых строки. См. рис. 5.)

Согласно этим расчетам, следующий, 168-й, лист должен быть единственным сохранившимся от первоначальной, нормальной XXII тетради. В самом деле, на нижнем поле его оборота стоит сигнатура **КВ**, вполне нормальной высоты — 5 мм. Как и следовало ожидать, этот лист не составля-

ет одного куска пергамена с парным ему и новым для XXII тетради листом 165, но соединен с ним посредством подклеенной пергаменной ленты.

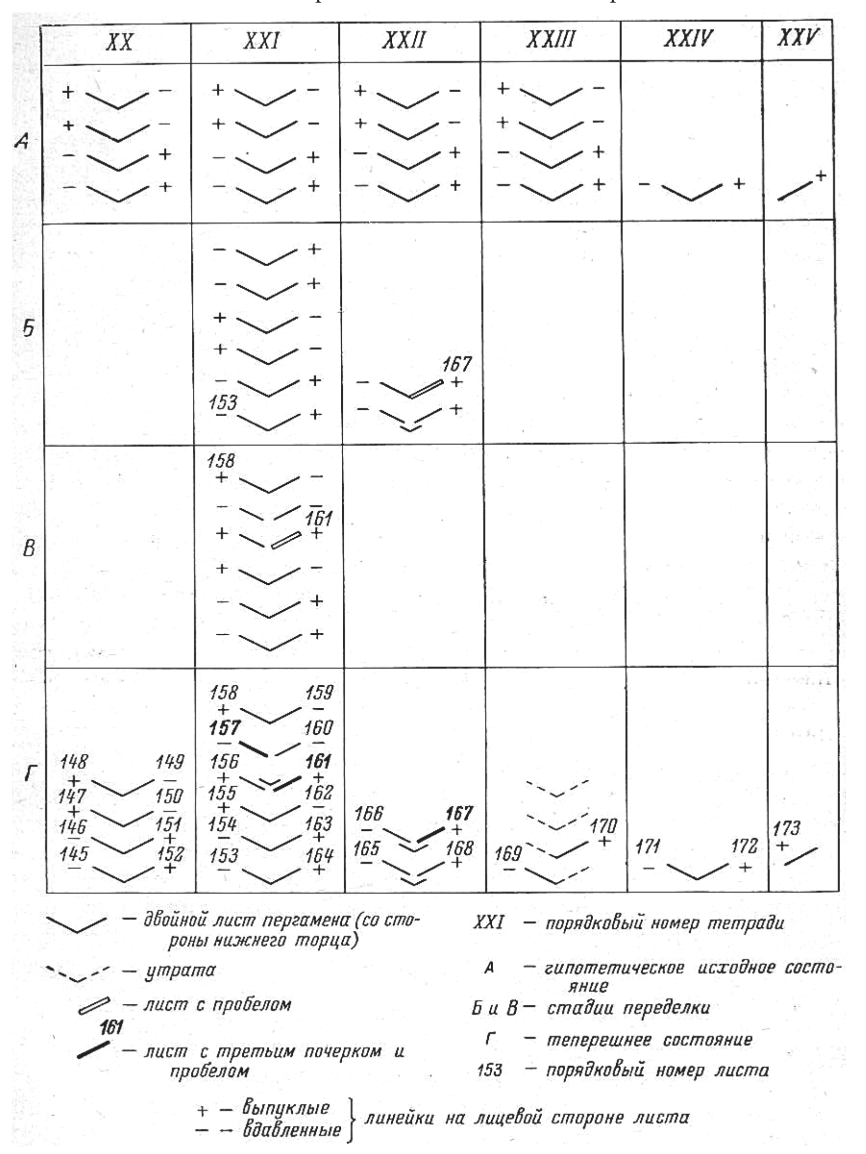


Рис. 9. Реконструкция хода переделки кодекса Лаврентьевской летописи

Перейдем теперь к XXI тетради. Как уже говорилось, 157-й лист вклеен в рукопись не той стороной и потому — в нарушение естественного порядка — имеет, как и симметричный ему 160-й, вдавленную с лицевой стороны сетку линеек (рис. 2 и 7, *Г*). Но даже если мы мысленно исправим это нарушение — на место «минуса» л. 157 поставим «плюс», — все равно порядок чередования пар листов не будет восстановлен: два средних листа XXI тетради, оказывается, лежат «наоборот»: л. 158 вместо «плюса» должен был бы иметь «минус», а лл. 159 и 160 — вместо «минусов» «плюсы» (рис. 7, *В* и *Б*). Не свидетельствует ли это нарушение о замене двух центральных двойных листов уже в новой, вторичной, ненормально большой XXI тетради? В таком случае где-то поблизости должен быть еще один «стык». Таким путем объясняются особенности л. 161, вклеенного «другой стороной» («плюс» вместо «минуса», см. рис. 2 и 9, *В* и *Г*) и содержащего значительно меньший, чем обычно у Лаврентия, текст, отсюда большой пробел на его обороте (0,5 и 41 целая строка. См. рис. 8).

Похож на «стыковой» и л. 157 — первый лист, где встречается третий почерк. Этот «стык» мог появиться, если первые пять листов заново изготовленной XXI тетради (лл. 153–157) заполнялись текстом в последнюю очередь, когда новые листы 158–164 были уже исписаны, а лл. 158–161 и переписаны. Л. 157 тоже имеет в конце пробел, но — в отличие от лл. 161 и 167 — содержит значительно большее, чем помещается на листе Лаврентия, количество текста: на лицевой стороне здесь около 2211 букв (67 строк по 33 в среднем буквы), на обороте — около 1240 букв, т. е. всего знаков здесь около 3451, тогда как лист Лаврентия содержит обычно около 2700 (1350+1350) букв (отклонения очень незначительны). Третий писец, начиная л. 157, несомненно, знал, что ему предстоит уместить на листе больший, чем это делает Лаврентий, материал, и он стал писать сначала очень мелко (высота букв 1,5–2 мм). Опасаясь все же, что места не хватит, к первому столбцу лицевой стороны листа он приписал еще две строки (стало 34), а ко второму столбцу — одну (стало 33). Перейдя на оборот листа и, видимо, убедившись, что оставшейся страницы ему с избытком достаточно, писец стал писать крупней (буквы вырастают до 2,5–3 мм). Задача удалась писцу даже слишком (он перестарался на лицевой стороне): на обороте л. 157 остались свободными $^2/_3$ и 7 целых строк.

Два противоречия видятся в этой реконструкции хода переделки Л. Во-первых, поскольку лл. 166 и 167 — оба в XXII тетради *новые*, им нет нужды быть склеенными друг с другом: л. 167 прекрасно может быть «стыковым», составляя один кусок пергамена со 166-м. Во-вторых, если два центральных двойных листа новой XXI тетради заменялись и, следовательно, л. 161 приобретал «стыковой» характер в то время, когда лл. 153–157 еще оставались чистыми, какой смысл имело вырезать 161-й, чтобы на его место вклеить новый, если можно было заменить весь двойной (156∨161) лист пергамена? Имело смысл разрезать этот двойной лист, только если на его левой половине, т. е. на л. 156, *уже был текст*, который хотелось сохранить. Но тогда лл. 153–157 заполнялись *не* в последнюю очередь. Откуда же «стыковой» характер л. 157? Ведь кажется несомненным, что л. 157 был изготовлен последним, — после замены двух центральных двойных листов XXI тетради и после появления ныне существующего л. 161. Получается замкнутый логический круг. Остается допустить, что, заменяя текст в центре новой XXI тетради, Лаврентий вынул один двойной лист (158∨159), а два следующих за ним одиночных листа (160 и 161) отрезал от их *чистых* половин (лл. 156, 157), т. е. поступил не совершенно рационально (может быть, экономя пергамен?). Но можно также думать, что л. 157 не является «стыковым», а что просто *к тексту этого листа* было что-то прибавлено. Что же касается л. 167, то, будучи несомненно «стыковым», он может, кроме того, *содержать* переделанный текст (и отсюда склейка его со 166-м).

Рассуждая, мы до сих пор не учитывали того, что все «стыки» выполнены не Лаврентием, а третьим писцом. Итак, почему Лаврентий не делал «стыки» сам?

Каждый пробел — это огрех в оформлении книги, создававшейся по благословению епископа для великого князя. Представим себе, что во время переработки XXI и XXII тетрадей у писца Лаврентия возникло сомнение: допустимо ли оставлять столь заметные следы переделки? И он обратился к кому-то «главному». А тот, спеша видеть манускрипт готовым, сам закончил работу: на обороте л. 161 приписал 8 строк, недописанные заколебавшимся Лаврентием, а из половинок им самим разграфленного листа пергамена создал новые листы — 157-й и 167-й. Человек

этот, во-первых, не хуже Лаврентия знал о переделке части летописи; во-вторых, не был профессиональным писцом (не имел под руками киновари и не оставил для нее мест); в-третьих, работал не там, где Лаврентий (отсутствие киновари и другой цвет чернил); в-четвертых (если допустить, что Лаврентий заколебался), имел власть разрешить эти сомнения. Это мог быть и сам епископ Дионисий Суздальский, и кто-то «промежуточный» между ним и монахом-переписчиком. (Вероятней, мне кажется, первое: уж очень смелая рука у «третьего писца»!)

Теперь мы можем задать вопрос: ради какого текста могла быть предпринята реконструируемая нами здесь работа? Разумеется, текстологический анализ соответствующей части летописи в свете результатов кодикологического анализа — предмет особый, но самые общие наблюдения и соображения возможны и необходимы уже сейчас. Очевидно, как мы говорили, искомый нами сейчас текст прежде располагался частью в XXI, а частью в XXII тетрадях, где захватывал 4 листа, а теперь занимает последние 4 листа XXI тетради (лл. 161–164) и какое-то пространство перед ними. Если верно наше предположение, что особенности л. 157 — результат «стыковки» написанных в обратном порядке частей (т. е. часть лл. 153–157 — в последнюю очередь), а не переделки повествования в пределах этого листа, то искомый нами текст должен начинаться где-то между первыми двумя «стыками» — не раньше 158-го и не позже 160-го листа. Есть ли отвечающий этим условиям какой-либо цельный текст в Л? Есть. Это повествование о Батыевом нашествии. Его начало — на обороте л. 159 («**Того же лѣта на зиму придоша от всточьныѣ страны на Рязаньскую землю лѣсом безбожнии Татари...**»), а конец — на л. 164; на обороте этого листа — последнего листа XXI тетради — находятся последние известия о победах Батыя на Руси («**Взяша Кыев Татарове...**»). Значит, изготовителям рукописи совсем не безразлично было, в каком виде князь получит (в составе летописи) Повесть о Батыевой рати, и они далеко не сразу добились окончательного, теперешнего ее текста.

Но если бы цель операции состояла только в замене или переделке текста повествования о татаро-монгольском нашествии, то ее можно было проделать технически проще: поместить эту повесть не в XXI, а в XXII тетрадь (XXI стала бы 6-листной, а XXII — 10-листной), не надо было бы пе-

реписывать начало XXI тетради. Но в том-то, видимо, и дело, что переделыватели, которые явно экономили пергамен и время, хотели что-то изменить (хотя считали возможным сделать это в последнюю очередь) также и *перед* повестью о Батыевой рати. Обратим внимание, что начало XXI тетради тематически некоторым образом «симметрично» ее концу: на первом ее листе (153-м) находятся первые известия о татарах (**«Явишася языци, их же никто же добрѣ ясно не вѣсть, кто суть и отколѣ изидоша...»**), на другой стороне этого листа рассказывается о битве на Калке. Таким образом, ненормально большая XXI тетрадь точно охватывает всю трагическую эпопею завоевания татарами Руси: на лицевой стороне ее первого листа татары впервые появляются в поле зрения летописца, а на обороте последнего — завершают покорение страны.

Приходится думать, что создатели Л внесли свою правку в весь рассказ о завоевании Руси татарами, причем особой обработке подверглась основная часть этого рассказа — Повесть о Батыевом нашествии.

Ход переделки рукописи теперь мы можем представить следующим образом. Вынув из готовой рукописи XXI и XXII тетради и подсчитав, что количество листов, предшествующее в первой из них Повести о Батыевой рати (6), равно количеству листов, занятому этой повестью (тоже 6), Лаврентий из 12 (шести двойных) листов сконструировал новую XXI тетрадь. Писать в ней он начал не с начала, но и не с начала повести, а немного отступя назад (на л. 158). И перестал в этот раз писать не с концом повести и не с концом тетради, а тоже немного отступя, на этот раз вперед, в XXII тетрадь (рис. 9, *Б*).

Следующим этапом работы была какая-то вторичная переделка первой части повести. Для этого были вынуты и переписаны лл. 158–161 (рис. 9, *В*).

И наконец, нужный текст заполнил начало тетради — лл. 153–157 (рис. 9, *Г*). Весьма вероятно, что, уже закончив л. 157, Лаврентий обнаружил, что ему не хватило места (и потому «третий писец» был вынужден сам переделать этот лист, заранее зная, что здесь нужно уместить больший, чем обычно, текст).

Что же касается подклейки л. 167, то мы говорили, что, будучи «стыковым», он может, кроме того, содержать как-то измененный третьим пис-

цом текст. Совпадение ли то, что «татарская» тема и на этом листе занимает большое место? В первую очередь останавливает внимание рассказ об антитатарском восстании 1262 г. в Ростово-Суздальской земле: «**Избави Бог от лютаго томленья бесурменьскаго...**» (однако, здесь мы упираемся в границу этого нашего исследования).

Не удивлюсь, если окажется, что возможны более остроумные реконструкции хода приобретения кодексом Лаврентьевской летописи его нынешних особенностей. Рассуждая, я старался создать наиболее простую модель. На самом деле всё могло быть во много раз сложнее. Например, очевидно, что переделыватели спешили: только недостаток времени мог заставить пойти на переброшюровку тетрадей и допущение бросающихся в глаза огрехов оформления, вместо того чтобы заново аккуратно переписать всю последнюю часть книги — с XXI тетради до конца. Пришлось бы переписать всего на 12 листов больше, зато в кодексе не осталось бы никаких следов переделки (и мы о ней никогда бы не узнали). Но ведь вполне вероятно, что времени у этих людей стало не хватать (и они стали оставлять заметные «следы») только в конце своей работы, а что сначала они не спешили…

Оглянемся теперь назад. Наиболее точным из существовавших ранее описаний рукописи Л следует признать описание В. Ф. Карского, предпосланное ее изданию. Смена почерков и размещение пробелов описаны там достаточно ясно. Однако издатель ограничил свои задачи описанием и не сделал попытки решить, сколько лиц принимало участие в создании этого манускрипта, и как-либо объяснить его особенности. Эти задачи взял на себя М. Д. Приселков. Но он не только не пополнил сообщенных В. Ф. Карским данных, но, увлекшись ходом собственной мысли, отступил и от них. Так возникло и на десятилетия вошло в науку превратное представление о рукописи Лаврентия и о ходе ее создания, а значит, — и о Л в целом.

В. Л. Комарович, не интересуясь рукописью Лаврентия, заявил, что содержащийся в ней текст Повести о Батыевой рати есть плод редакторской переработки, произведенной ее создателями — «мнихом» Лаврентием и Дионисием Суздальским. Свою мысль В. Л. Комарович тщетно пытался

вписать в картину соотношения Л и Тр, созданную М. Д. Приселковым. Для этого он доказывал, что в сгоревшей Тр (а следовательно, и в «своде 1305 г.») была другая, чем в Л, редакция повести о нашествии татар. Кажется, это было ошибкой. Реконструкция Тр, осуществленная М. Д. Приселковым на основании выписок Н. М. Карамзина,[1] убеждает в том, что Повесть о Батыевой рати в обеих летописях имеет один и тот же облик.

Сделаем неизбежный вывод: эта повесть попала в Тр из Л (а не из «свода 1305 г.»), т. е. одним из источников Тр была Л (рукопись 1377 г. или более поздние — но не более ранние! — списки).

Найдя ошибку в относящемся к Тр доказательстве В. Л. Комаровича, А. Н. Насонов не счел заслуживающими внимания и ценные наблюдения этого исследователя над текстом Л. А. Н. Насонов заметил также погрешность в представлениях М. Д. Приселкова о смене почерков в манускрипте этой летописи. Наблюдением о чередовании листов с выпуклой и вдавленной разлиновкой в части, писанной полууставом, он дополнил даже данные В. Ф. Карского (хотя и допустил при этом неточность в указании листов, нарушающих порядок чередования). Но, подобно издателю, А. Н. Насонов не сделал никакой самостоятельной попытки осмыслить то, что видел (он только отверг мысль М. Д. Приселкова о происхождении второго большого пропуска текста в Л как следствии утраты листов в ее протографе).

Таким неверным путем и так медленно шло развитие научных представлений об одном из самых интересных и содержательных памятников древнерусской культуры.

«Удивительно, — пишет теперь А. Л. Никитин, — что никто до Прохорова не заинтересовался кодикологией Лаврентьевского списка!»[2]

---

[1] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 313–321.

[2] *Никитин А. Л.* Текстология русских летописей XI — начала XIV в. Вып. 3. Летописание Владимиро-Суздальской Руси XIII в. М., 2011. С. 10. Но сам он ведь тоже ею, по сути дела, не поинтересовался. «Самым парадоксальным.... мне представляется, — пишет он, — абсолютно неопровержимый вывод Г. М. Прохорова и Я. С. Лурье (будто Я. С Лурье удосужился взглянуть на рукопись Л. — *Г. П.*), что над рукописью работал не один, а *три* (!) переписчика, хотя Лаврентий прямо заявляет о своей *еди-*

Автор этих строк надеется, что настоящей его работой описанная история не завершится, и убежден, что содержащаяся в манускрипте Л разнородная информация (в том числе и о процессе его создания) еще далеко не исчерпана.

Но уже сейчас исправление общепринятых в науке представлений о Л требует переработки по крайней мере двух объединяемых этим представлением научных планов: собственно текстологического и собственно исторического.

Первым делом теперь мы должны внимательно рассмотреть текст, содержащийся в XXI и XXII тетрадях Л.

ноличной работе»; и он решил, что рукопись Л — не автограф Лаврентия, работавшего в 1377 г., а список с него, сделанный "тремя безвестными переписчиками" "много времени спустя, в начале или первой половине XV в. в монастыре Рождества Богородицы с уже обветшавшего к тому времени манускрипта, сохранившего его колофон (как им самим был сохранен колофон Сильвестра), но потерявшего последнюю тетрадь..."» (Там же). Я думаю, взгляни А. Л. Никитин на рукопись Л, на следы работы над ее XXI и XXII тетрадями вместе с Лаврентием третьего писца (или прочти внимательней мою статью «Кодикологическй анализ...»), он не назвал бы их «безвестными переписчиками» и, значит, поверил бы в ее подлинность. Под влиянием, по всей видимости, этих рассуждений А. Л. Никитина некий Е. Позднин в статье «Нестор, ты не прав!», опубликованной в «Газете русских писателей "День литературы"» (август 2011, № 8 (178). С. 7), написал, что «экземпляр Лаврентьевской летописи с летописью Нестора... не подлиник, выполненный монахом Нижегородского Печерского монастыря Лаврентием, а бумажный список с него».

Глава 11

ПОВЕСТЬ О БАТЫЕВОМ НАШЕСТВИИ В ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ[1]

Итак, кодикологический анализ Л, рукописи 1377 г.,[2] позволил нам обнаружить, что изготовители манускрипта заменяли его уже написанные листы 153–164, причем некоторые из этих листов, по-видимому, не один раз. Эти рамки плотно охватывают в летописи все известия о завоевании Руси татаро-монголами: на лицевой стороне л. 153 находится первая запись о татарах (**«Явишася языци, их же никто же добрѣ ясно не вѣсть, кто суть и отколѣ изидоша...»**), на оборотной стороне этого листа — рассказ о битве на Калке (1223 г.), а на обороте л. 164 — последние известия о военных действиях татар на Руси (1240 г.) (**«Взяша Кыев Татарове...»**).[3] Кроме того, л. 167, тоже не первоначальный в кодексе, содержит рассказ о восстании против «бесурмен» в 1262 г. в Ростово-Суздальской земле. Ясно, что переделки в рукописи связаны именно с татарской темой.

Основное внимание переделывателей (речь может идти о главном писце, «мнихе» Лаврентии, и о владельце почерка, вторгающегося в трех местах — на лл. 157, 161 и 167 — в почерк Лаврентия) было сосредоточено, как показывают оставленные ими «следы», в промежутке между 158-м и 164-м листами. И именно в этих пределах (на лл. 159 об. — 164 об.) мы находим связное, непрерывное повествование о трагических событиях 1237–1239 гг. — Повесть о Батыевом нашествии на Русь (особого заголовка в ле-

---

[1] Впервые опубликовано: Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С.7–98.

[2] См. предыдущую главу или мою статью «Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи» // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Т. IV. С. 77–104. Тезисы этой работы: Конференция по вопросам археографии и изучения древних рукописей. Тезисы докладов. Тбилиси, 1969. С. 49–50.

[3] В издании Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Изд. 2-е. Л., 1927) листы 153–164 соответствуют столбцам 445–470.

тописи у нее нет; нач.: «**Того же лѣта на зиму придоша от всточьныѣ страны на Рязаньскую землю лѣсом безбожнии Татари**»). Очевидно, эта повесть Лаврентьевской летописи — произведение в какой-то мере писцов 1377 г. Но насколько и в чем работа писцов была творческой?

1

На необычайно большую насыщенность Повести о Батыевой рати в Лаврентьевской летописи заимствованиями из предшествующей части летописного повествования обратил внимание, как уже сказано, В. Л. Комарович.[1] Действительно, эта особенность резко выделяет текст повести из окружающей ее среды. Вне ее пределов, на протяжении остальных 170 листов летописи, удается заметить не более полутора десятков несомненных повторений периодов, фраз или оборотов.[2] На шести же занимаемых повестью листах оказывается 33 разновеликих вкрапления. В целом эта мозаика составляет примерно треть объема повести. Покажу все эти случаи.

---

[1] См.: История русской литературы. Т. II. Ч. 1. М.; Л., 1945. С. 90–93. См. также: *Комарович В. Л.* Древнерусское областное летописание XI–XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора // Архив ИРЛИ. Р. I. Оп. 12. № 388 (машинопись).

[2] Заимствования эти (часть из них я обнаружил сам, часть любезно указал мне О. В. Творогов) сделаны из текста летописи начиная со статьи 1015 г. и кончая статьей 1185 г. и внесены в текст начиная с 1177 г. и кончая 1218 г. Распределение их таково: 1177 г. — три заимствования (из статей 1015, 1093 и 1096 гг.), 1178 г. — одно (из 1068 г.), 1185 г. — четыре (из 1089 и 1091, 1092 и 1096, 1093 и 1103 гг.), 1186 г. — одно (из 1185 г.), 1187 г. — два (из 1186 г. и из 1185 г. — то же, что и в статье предыдущего года), 1206 г. — одно (из 1175 г.), 1218 г. — одно (из 1125 г.). Заимствованы почти исключительно «абстрактные» периоды — рассуждения о вышнем Промысле, цитаты из Св. Писания и литургических произведений. Характер заимствований в Повести о Батыевой рати иной: там из готовых кусочков, как это будет ниже показано, сотканы все главные конкретные описания.

1. В самом начале повести для описания разгрома татарами Рязанского княжества использовано описание разгрома византийских побережий в 941 г. дружиной князя Игоря:

Л. 10 (941 г.)

...и почаша воевати Вифаньския страны и воевахү[1] по Понтү до[2] Аръклѣя, и до Фафлогоньски земли, и всю странү Никомидийскүю поплѣнивше и Сүд весь пожьгоша; их же емше овѣх растинахү, другия аки странь поставляюще и стрѣляхү в ня, изимахүть, опаки рүцѣ съвязывахүть, гвозди желѣзныи посреди главы въбивахүть их; много же святых церкви огнем[3] предаша, манастыре и села пожьгоша, и имѣнья немало обою странү взяша. Потом же пришедъшем воем от въстока...

Л. 159 об. (1237 г.)

...и почаша воевати Рязаньскүю землю, и плѣновахү и до Проньска, поплѣнивше Рязань весь и пожгоша и князя их үбиша; их же емше овы растинахүть, другыя же стрѣлами растрѣляхү в ня, а иныи опакы рүцѣ связывахүть; много же святых церкви огневи предаша, и манастырѣ и села пожгоша, имѣнья немало обою странү взяша; потом поидоша на Коломнү.

2. Второй раз прибегает автор-редактор к тому же самому источнику, чтобы рассказать о разорении Москвы: «**а град и церкви святыя огневи предаша и манастыри вси и села пожгоша, и много имѣнья въземше отидоша**» (л. 160).

3. В уста владимирских княжичей Всеволода и Мстислава вложены отрывки из статей 1185–1186 и 1093 гг.:[4]

---

[1] В Радзивиловском (далее: *Р*) и Академическом (далее: *А*) списках «**пленовахү**».

[2] *РА* «**и до**».

[3] *А* «**огневи**».

[4] За указание этих параллелей благодарю В. А. Кучкина.

Л. 133 (1185 г.) **…се же ся здѣя грѣх ради наших (…) се же наведе на ны Бог…** Л. 134 об. (1186 г.) **…не вѣдуще глаголемаго пророком: нѣсть человѣку мудрости, ни есть мужства, ни есть думы противу Господеви** (*Ис*. 10, 14). Л. 74 об. (1093 г.) **Яко Господеви любо бысть, тако и бысть. Буди имя Господне благословено в вѣкы…** (*Иов*. 1, 21–22).	Л. 160 об. (1237 г.) **…си вся наведе на ны Бог грѣх ради наших. Яко пророк глаголет: нѣсть человѣку мудрости, ни е(сть) мужства, ни есть думы противу Господеви. Яко Господеви годѣ бысть, тако и бысть. Буди имя Господне благословено в вѣкы…**

4. Для непосредственно за этим следующего описания разорения татарами Суздальской земли используются слова рассказа о половецком набеге на Киев в 1203 г.:

Л. 141 об. — 142 (1203 г.) **…створися велико зло в Руссѣи земли, якого же зла не было от крещенья над Кыевом (…) Подолье взяша и пожгоша, ино Гору взяша, и митрополью святую Софью разграбиша, и Десятиньную святую Богородицю разграбиша…** Л. 238 *Р* (1203 г.) **… черньци и черници старыя иссекоша, и попы старые и слепыя и хромая, и слукыя, и трудоватыя — та вся иссекоша, а что черньцов инѣх и черницъ инѣх и попов и попадеи, и Кияны, и дщери их, и сыны их — то все ведоша иноплеменици в вежи к себѣ…**	Л. 160 об. (1237 г.) **…створися велико зло в Суждалъскои земли, яко же зло не было ни от крещенья, яко же бысть нынѣ (…) взяша Суждаль и святу Богородицю разграбиша, и двор княжь огнем пожгоша, и манастырь святаго Дмитрия пожгоша, а прочии разграбиша. А черньци и черници старыя и попы и слѣпыя и хромыя и слукыя и трудоватыя и люди всѣ иссѣкоша, а что чернець уных и черниць, и попов, и попадии, и дьяконы, и жены их, и дчери, и сыны их, то все ведоша в станы своѣ…**

5. Сообщение о горестных чувствах владимирцев и последующие рассуждения заимствованы из статьи 1093 г., где тоже повествуется о половецком набеге:[1]

Л. 74 (1093 г.)	Л. 160 об. — 161 (1237 г.)
...бысть плачь (велик)[1] в градѣ, а не радость, грѣх ради наших великих и неправды, за умноженье безаконии наших. Се бо на ны Бог попусти поганым не яко милуя их, но нас кажа, да быхом ся востягнули от злых дѣл, симь казнитъ ны нахоженьемь поганых, се бо есть батог Его, да негли встягнувшеся вспомянемъся от злаго пути своего. Сего ради в праздникы Бог нам наводитъ сѣтованье, яко же ся створи (...) Сего ради пророк глаголаше: преложю праздникы ваша в плачь и пѣсни ваша в рыданье.	...бысть плачь велик в градѣ, а не радость, грѣх ради наших и неправды, за умноженье безаконии наших. Попусти Бог поганыя не акы милуя их, но нас кажа, да быхом встягнулися от злых дѣл; и сими казньми казнить нас Бог нахоженьем поганых, се бо есть батог Его, да негли встягнувшеся от пути своего злаго. Сего ради в праздникы нам наводитъ Бог сѣтованье, яко же пророк глаголаше: преложю праздникы ваша в плачь и пѣсни ваша в рыданье.

6. Описание разгрома взятого татарами Владимира — это описание разгрома половцами Киева в 1203 г.:

Л. 142 (1203 г.)	Л. 161 (1237 г.)
...святую Богородицю разграбиша и манастыри всѣ, и иконы одраша, а иныѣ поимаша, и кресты честныя и ссуды священыя и книгы и порты блаженых первых князьи, еже бяху повѣшали в церквах святых на память собѣ, то положиша все...	...святую Богородицю разграбиша, чюдную икону одраша украшену златом и серебром и каменьем драгым, и манастыри всѣ и иконы одраша, а иныѣ исѣкоша, а ины поимаша и кресты честныя, и ссуды священныя, и книгы одраша, и порты блаженых первых князии, еже бяху повѣшали

[1] Восстановлено по *РА*.

Л. 238 *Р* (1203 г.)

... собѣ в полон, яко же глаголеть пророк Давид: Боже, придоша языци в достояние Твое и оскверниша церковь святу Твою, положиша Иярусолима яко овощное хранилище, положиша трупие раб Твоих брашно птицам небесным, плоть преподобных Твоих звѣрем земным, пролияша кровь их акы воду.

в церквах святых на память собѣ, то же все положиша собѣ в полон, яко пророк глаголет: Боже придоша языци в достоянье Твое, оскверниша церковь святую Твою, положиша Иер(уса)л(и)ма яко овощное хранилище, положиша трупья раб Твоих брашно птицам небесным, плоть преподобных Твоих звѣрем земным, прольяша кровь их акы воду.

7. Рассуждения летописца о причинах и смысле бедствий вновь заимствованы из статьи 1093 г.:

Л. 72 (1093 г.)

...яко на христьяньстѣ родѣ страх и колѣбанье (и)[1] **бѣда упространися (...) согрѣшихом и**[2] **казними есмы (...) яко же ны видѣ**[3] **неправо пребывающа, нанесе нам сущюю рать и скорбь, да (и)**[4] **не хотяще всяко в будущий вѣк обрящем милость, душа бо сдѣ казнима всяко милость в будущий вѣк обрящет и лготу от мук, не мьстить бо Господь дважды о том. О неиздреченьному человеколюбью...**

Л. 161 об. (1237 г.)

...яко на христьяньскѣ родѣ страх и колѣбанье и бѣда упространися; согрѣшихом казними есмы, яко же ны видѣти бѣдно пребывающа. И се нам сущюю радость скорбь, да и не хотяще всяк в будущий вѣк обрящем милость, душа бо сдѣ казнима всяко в будущий суд милость обрящет и лгыню от мукы. О неиздреченьному ти человеколюбью! И тако подобаеть благому Владыцѣ казати. И се бо и аз грѣшныи много и часто

[1] Восстановлено по *РА*.

[2] *РА* нет «**и**».

[3] *А* «**видите**».

[4] Восстановлено по *РА*.

Л. 75 (1093 г.) **...се бо аз грѣшныи и**[1] **много и часто Бога прогнѣваю и часто согрѣшаю по вся дни.**	**Бога прогнѣваю и часто согрѣшаю по вся дни.**

8. Сборным из отрывков статей 1015 и 1206 гг. является пассаж, показывающий благочестие великого князя Юрия Всеволодича; его молитвы совпадают с молитвами Бориса и Глеба. Сравним:

Л. 46 об. (1015 г.)	Л. 162 (1237 г.)
Се слышав, Глѣб възпи велми с слезами, плачася по отци, паче же по братѣ...[2] Л. 143 (1206 г.) (Княгиня Мария Всеволожая) **новый Иов явльшися вѣрою и терпѣньем... И Данил рече: свѣт мой годѣ ти буди...** Л. 46 об. (1015 г.) (Глеб) **и нача молитися с слезами, глаголя: Увы мнѣ, Господи, луче бы ми умрети с братомь, нежели жити на свѣтѣ семь... Нынѣ же что ради остах аз един?... И сице ему молящюся с слезами, се внезапу придоша послании от Святополка...** Л. 45 об. (1015 г.) (Борис:) **Господи, услыши молитву мою и не вниди в суд с рабом Своим,**	**Он же, се слышав, взъпи гласомь великым со слезами, плача по правовѣрнѣй вѣрѣ христьяньстѣй, преже и на(и)паче о церкви...** **...рек: Господи, се ли бы годѣ Твоему милосердью? Новый Иов бысть терпѣньем и вѣрою яже к Богу. И нача молитися, глаголя: Увы мнѣ, Господи, луче бы ми умрети нежели жити на свѣтѣ семь. Нынѣ же что ради остах аз един? И сице ему молящюся со слезами, и се внезапу поидоша Татарове. Он же, отложив всю печаль, глаголя: Господи, услыши молитву мою и не вниди в суд с рабом Своим, яко не оправдится пред Тобою всяк живый, яко погна враг душю мою. И пакы второе помолися: Господи Боже мой, на Тя упо-**

[1] *РА* нет «**и**».

[2] Эту параллель, мною не замеченную, я заимствую из работы: *Комарович В. Л.* Древнерусское областное летописание... С. 205.

яко не оправдится пред Тобою всяк живый, яко погна враг душю мою... Господи Боже мой, на Тя уповах, и спаси мя и от всѣх гонящих избави мя.

вах, и спас(и) мя и от всѣх гонящих избави мя.

9. Из той же статьи 1015 г. взята за образец фраза для сообщения о смерти князя Василька Константиновича:[1]

Л. 47 (1015 г.)

Глѣбу же убьену бывшю и повержену на брезѣ...

Л. 162 (1237 г.)

И се рек абье без милости убьен бысть. И повержену на лѣсѣ...

10. Для нижеследующего описания похорон Василька и его характеристики сделан ряд дословных заимствований из статей 1206, 1125, 1175 и 1218 гг.:

Л. 142 об. (1206 г.)

...рыдаху же множство народа правовѣрных, зряще отца сирым и кормителя отходяща и печалным утѣшенье великое, омраченым звѣзду свѣтоносну заходящю. На весь бо бяше церковный чин отверзл ему Бог сердечнѣи очи, и всѣм церковникам и нищим и печалным яко же възлюби ны бяше отець, паче же и на милостыню...

Л. 97 об. (1125 г.)

...поминая слово Господне, глаголющее: Блажени милостивии, яко ти помиловани будут...

Л. 163 (1237 г.)

...рыдаху же народа множство правовѣрных, зряще отца сирым и кормителя отходящим, печалным утѣшенье великое, омрачным звѣзду свѣтоносну зашедшю, на весь бо ц(е)рковный чин отверзл бяшеть ему Бог очи с(е)рд(е)чнѣи, и всѣм ц(е)рковником, и нищим, и печалным яко възлюбленыи бяше от(е)ць, паче же и на милостыню, поминая слово Господне, глаголющее: Блаж(е)нии милостивии, яко ти помиловани будут. И Соломон глагол(е)ть: милостынями и вѣрою очищаются

---

[1] За указание этой параллели благодарю В. А. Кучкина.

Л. 142 об. — 143 (1206 г.) **И Соломон глаголет: Милостынею и вѣрою очищаются грѣси. Мужство же и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста...** (ср. л. 124, 1175 г.: **мужьство же и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста**).	**грѣси (...) кровью мученичьскою омывся прегрѣшении своих с братом (...) мужьство же и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста...**
Л. 153 об. (1218 г.) **Соломон бо рече молитвами и безлобьем и вѣрою очищаются чрѣси.**	
Л. 125 (1175 г.) (Андрей Боголюбский) **кровью мученичьскою омывшеся**[1] **прегрешении своих с братома...**	

11. Вступление в 1238 г. князя Всеволода Ярославича на престол великого княжения Владимирского описано словами рассказа о вступлении в 1206 г. на новгородский стол князя Константина Всеволодича:

Л. 143 (1206 г.)	Л. 163 (1238 г.)
...и потом поча ряды правити, яко пророк рече: Боже, суд Твои ц(є)с(а)р(є)ви дажь, и правду твою сынови ц(є)с(а)р(є)ви — судити людем Твоим в правду и нищим Твоим в суд. (...) И потом утвердися в своем ч(є)стнѣмь княженьи.	**...и поча ряды рядити, яко пророк глаголет: Боже, суд Твои ц(а)р(є)ви дажь, и правъду Твою сынови ц(є)с(а)р(є)ви — судити людем Твоим в правду и нищим Твоим в суд. И потом утвердися в своем ч(є)стнѣм княжении.**

12. Максимальная в повести концентрация заимствований — в «похвале» князю Юрию Всеволодичу, помещенной вслед за сообщением о

[1] *РА* «**омывся**».

его похоронах. Как писал В. Л. Комарович, «свои черты передали Юрию, под пером Лаврентия, свв. Борис и Глеб, Владимир Мономах и Андрей Боголюбский, Всеволод и его княгиня, наконец, даже одновременно с Юрием убитый Василько».[1] Сравним:

Л. 97 об. (1125 г.)	Л. 163 об. — 164 (1239 г.)
(Владимир Мономах) сын благовѣрна отца Всеволода, украшеныи добрыми нравы (...) се же чюдныи князь Володимер потщася Божья хранити заповѣди и Божьи страх прис(но) имѣя в с(е)рдци, поминая слово Господне, иже[2] рече: О семь познають вы вси ч(е)л(о)в(е)ци, яко Мои уч(е)н(и)ци, аще любите друг друга и любите врагы ваша и добро творите ненавидящим вас. Вся бо зломыслы его вда Бог... добро творяше врагом своим, отпущаше я[3] одарены...	**Бѣ Юрьи, сын благовѣрного отца Всеволода, украшен добрыми нравы, их же имена вмалѣ повмы. Се бо чюдныи князь Юрьи потщася Божья заповѣди хранити, Божий страх прис(но) имѣя в с(е)рдци, поминая слово Господне еже рече: О семь познают вы вси ч(е)л(о)в(е)ци, яко Мои уч(е)н(и)ци есте, аще любите друг друга. Не токмо же друг друга, но и врагы ваша любите и добро творите ненавидящим вас. Всяк зломысл его. Прежемѣненыя безбожныя Татары отпущаше одарены (...)**
Л. 136 об. (1186 г.) **Всеволод же не всхотѣ мира их, яко пророк глаголеть: брань славна луче есть мира студна. С лживым же миром живуще, велику пакость землям творять.**	**Он же того не хотяше, яко пророк глаголет: брань славна луче есть мира студна. Си бо безбожнии, со лживым миром живуще, велику пакость землям творять (...)**
Л. 133 (1185 г.) **Бог бо казнить рабы Своя напастьми различными (...) да явятся яко злато искушено в горнилѣ: хр(и)с(т)ьяном бо многыми напастьми**	**Бог бо казнить напастми различными, да явяться яко злато искушено в горнилѣ: хр(и)с(т)ьяном бо многыми напастьми внити в царство н(е)б(е)сное и нужници въсхытают е.**

[1] История русской литературы. Т. II. Ч. 1. С. 93.

[2] *РА* «**еже**».

[3] *РА* нет «**я**».

внити в ц(а)рство н(е)б(е)сное, но[1] нужници въсхытають е.
Л. 124 (1175 г.)
Андрѣю, мужьству тезоимените (...) кровью омывъся страданья ти; аще бо не напасть, то не вѣнець, аще ли не мука, ни дарове. Всякыи бо, держася добродѣтели, не может без многых враг быти.
Л. 97 об. — 98 (1125 г.)
Милостив же бяше паче мѣры, поминая слово Господне, глаголющее: блажени милостивии, яко ти помилованi будут (...) Тѣмь и не щадяше имѣнья своего, раздавая требующим и церкви зижа и украшая. Чтяшеть же излиха чернечьскыи чин и поповскыи, подавая им еже на потребу (...)
Тѣмь и Бог вся прошенья его свершаше, и исполни лѣта его в доброд(е)ньствѣ. И посѣдѣ в Кыевѣ на отни столѣ 13 лѣт, и в лѣто 6633 от начала миру преставися...
Л. 124 (1175 г.)
...украси ю иконами безъцѣньнами...[2]
Л. 135 об. (1186 г.)
Се же и[3] здѣяся грех ради наших...

Георгие, мужьство тезоимените, кровью омывся страданья ти. Аще бо не напасть, то не вѣнець, аще не мука, ни дарове. Всякыи бо, держася добродѣтели, не может без многих враг быти.
Милостив же бяше паче мѣры, поминая слово Господне: блаж(е)нии милостиви, яко ти помиловани будут. Тѣмь и не щадяще имѣнья своего, раздавая требующим, и церкви зижа и украшая иконами безъценными (...) Чтяшет же излиха чернечьскыи чин и поповьскыи, подая им еже на потребу. Тѣм и Бог прошенья его свершаше, исполни лѣта его в доброд(е)ньствии. И посѣдѣ в Володимерѣ на отни столѣ лѣт 20 и 4, а на 5-е убьен бысть от безбожных и поганых татар. Се же все сдѣяся грзх ради наших. Но не предай же нас до конца имени Твоего ради святаго и не остави милости Твоея от нас.

[1] *А* «**и**».
[2] За указание этой параллели также благодарю В. А. Кучкина.
[3] *РА* нет «**и**».

Л. 133 (1185 г.)

Но не предажь[1] нас до конца имени Твоего ради святаго и не остави милости Твоея от нас.

13. И наконец, последние сообщения о военных действиях татар на Руси тоже несамостоятельны по форме; но здесь мы встречаемся уже со случаями обращения к тексту самого рассказа о Батыевой рати Л:

Л. 160 (1237 г.)

Тое же зимы взяша Москву Татарове, и воеводу убиша... а люди избиша... а град и церкви святыя огневи предаша, и манастыри вси и села пожгоша, и много имѣнья въземше, отидоша.

Л. 160 об. (1237 г.)

...взяша Суждаль и святу Богородицю разграбиша, и двор княжь огнем пожгоша, и манастырь святаго Дмитрия пожгоша, а прочии разрабиша (...) то все ведоша в станы свое...

Л. 142 (1203 г.)

Гору взяша, и митрополью святую Софью разграбиша, и манастыри вcѣ и иконы одраша, а иныѣ поимаша, и кресты честныя, и ссуды священныя...

Л. 164 об. (1239 г.)

Того же лѣ (та) Татарове взяша Переяславль Рускыи, и епископа убиша и люди избиша, а град пожьгоша огнем, и люди, и, полона много веземше, отидоша (...) Того же лѣта взяша Татарове Чернигов. Князи их выѣхаша в Угры. А град пожегше и люди избиша, и манастырѣ пограбиша, (...) а сами идоша в станы своѣ. (...) Того же лѣта на зиму, взяша Татарове Мордовьскую землю, а Муром пожгоша, и по Клязьмѣ воеваша, и град святыя Богородица Гороховець пожгоша, а сами идоша в станы своя (...)

Л. 164 об. (1240 г.)

Того же лѣта взяша Кыев Татарове и святую Софью разграбиша, и манастыри вcѣ, и иконы, и кресты честныя, и вся узорочья церковная...

В последнем случае, я думаю, перед нами, может быть, уже и не заимствование, а повторение запомнившегося: тот, кто работал над повестью, мог, в конце концов, просто усвоить как формулу эту цепь глаголов: ...взяша ...убиша ...избиша ...пожгоша …идоша ...ведоша ...разграбиша.

---

[1] *РА* «**не предай же**».

2

Относительно занимающей нас части Л М. Д. Приселков считал, что она передает ростовский свод 1239 г., где, по мнению ученого, были слиты «ростовский летописец Константина и его сыновей, который оканчивался описанием смерти от руки татар ростовского князя Василька (1237)» и «владимирский великокняжеский свод Юрия, который кончался описанием гибели последнего на р. Сити»,[1] точнее же «некрологом Юрию, помещаемым теперь под 1239 г. и связываемым с описанием перенесения тела Юрия из Ростова во Владимир».[2]

Зная, как создан охватывающий статьи 1237–1239 гг. рассказ о Батыевом нашествии, согласиться с мыслью М. Д. Приселкова о двусоставности этого повествования можно лишь с оговоркой, что при слиянии оригинальных частей они были столь коренным образом переделаны (и переделаны одною рукой), что от прежнего их вида почти ничего, кроме имен князей, не осталось.

«...как бы ни относиться к вопросу о Юрьевом своде в целом, — писал об одной из мыслимых М. Д. Приселковым составных частей повести В. Л. Комарович, — доведение его до рассказа о Батыевой рати следует со всей решительностью отвергнуть. Возникший и пополнявшийся погодными записями несомненно во Владимире, как мог этот свод пресечься не до, а после рассказа о той катастрофе, которая сама пресекла владимирское летописание вообще, по наблюдениям того же М. Д. Приселкова, по крайней мере на три десятилетия?»[3]

Касаясь способа, каким создана посмертная «похвала» князю Юрию, В. Л. Комарович говорит, что здесь виден «литературный прием, во всяком случае, не современника. Задачу исторической реабилитации со-

---

[1] *Приселков М. Д.* Л (история текста) // Ученые записки Ленинградского гос. университета. № 32. Серия исторических наук. Вып. 2. Л., 1939. С. 123.

[2] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 88.

[3] *Комарович В. Л.* Древнерусское областное летописание... С. 178–179.

временник выполнил бы, конечно, иначе. Только у биографа из другой эпохи могло оказаться в распоряжении так мало подлинных фактов о реабилитируемом лице. Из всей "похвалы" ведь только вставку о строительной деятельности Юрия можно признать за конкретный признак данного исторического лица, да и то слова "грады многы постави" имеют в виду не столько факты, сколько далеко отстоящую от них по времени возникновения легенду. А все остальное — просто перенесенные на Юрия отвлеченные признаки чужих книжных характеристик».[1] Но и то единственное, что В. Л. Комарович счел «конкретным признаком данного исторического лица», таковым, как обнаружил А. Н. Насонов, не является: «Если автор напоминает о постройке Юрием Новгорода Нижнего, то потому, что это был единственный "город", о постройке которого Юрием рассказывала летопись, а об основании Благовещенского монастыря — потому, что о каких-либо других монастырях (построенных Юрием) летопись вообще не говорила».[2] Значит, совершенно все, что сказано в «похвале» о Юрии, почерпнуто не из жизни, а из летописных текстов.

Как мы видели выше, прием заимствования, говоря словами В. Л. Комаровича, «у Лаврентия "похвалой" не ограничивается; он распространяется и на весь предшествующий рассказ о самом нашествии».[3] Насколько я знаю, ни одна из древнерусских повестей не имеет такого и даже просто сопоставимого с Повестью о Батыевой рати Л процента заимствований. Повторяю, все это повествование написано или коренным образом переработано одной рукой.

А. Н. Насонов не согласился ни с датой М. Д. Приселкова (1239 г.), ни с датой В. Л. Комаровича (1377 г.). По его мнению, часть текста, включающая Повесть о Батыевом нашествии, возникла в итоге присоединения ростовского летописного материала к владимирскому с одновремен-

---

[1] История русской литературы. Т. II. Ч. 1. С. 93.

[2] *Насонов А. Н.* Л и Владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в.//Проблемы источниковедения. № 11. М., 1963. С. 455, прим. 51.

[3] История русской литературы. Т. II. Ч. 1. С. 92.

ной переработкой последнего в начале 80-х гг. XIII в.[1] Таким образом, он поддержал мысль М. Д. Приселкова о двусоставности повествования, но, как и В. Л. Комарович, вынужден был признать его итогом какой-то переработки первоначального материала. «Переработка делалась с целью показать читателю братское единение князей, дать образцы княжеского согласия и взаимной любви»;[2] редактор «преследовал цель показывать в прошлом сцены согласия и по мере возможности не показывать распрей», он хотел «только говорить не о разногласии, а о согласии между князьями»;[3] составитель пояснял, что «воздвигнуть междоусобную рознь стремится дьявол, который хочет, чтобы в вечной муке пребывал не он один, но и люди».[4]

В свое время А. А. Шахматов сделал вывод об общерусском характере Л: «Составитель лежащего в основании Лаврентьевской летописи свода задался целью собрать в одно целое летописные записи Владимира, Новгорода, Твери, Рязани, Чернигова, Смоленска и других русских городов, т. е. дать общерусский по характеру своему летописный свод».[5] Теперь к этому выводу А. А. Шахматова присоединяется вывод А. Н. Насонова об общерусской тенденции текста Л за XIII в.

Против мысли А. А. Шахматова о существовании общерусского полихрона начала XIV в. (который отразился в Л и придал ей общерусский характер) решительно возражал М. Д. Приселков: летописание начала XIV в. не могло иметь общерусского характера, ибо ни объективных возможностей для объединения Руси, ни сколько-нибудь заметной объединительной общественной силы в то время еще не было. Если так, то еще

---

[1] Владимирский летописный материал в первоначальном, по его мнению, виде А. Н. Насонов выделил по кусочкам из Московского свода 1479 г., см.: *Насонов А. Н.* Л и Владимирское великокняжеское летописание...

[2] *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 450.

[3] Там же. С. 474.

[4] Там же. С. 475.

[5] *Шахматов А. А.* Исследование о Радзивиловской, или Кенигсбергской, летописи. Б. м., 1902. С. 55.

более невозможна подобная тенденция в летописном своде конца XIII в. И вместе с тем и общерусский характер, и общерусская тенденция в тексте Л очевидны. Стоит отметить, что сам А. Н. Насонов о конце XIII в. говорил лишь предположительно: поскольку ростовский материал кончается 1281 г., поскольку Ростово-Суздальская земля не чужда была в то время литературной жизни и поскольку тогда не было недостатка в межкняжеских крамолах и усобицах, постольку «именно в это время и могла быть произведена та переработка владимирского текста первых десятилетий XIII в. на ростовском материале, о которой мы говорили выше».[1] Однако условия, о которых пишет А. Н. Насонов, лишь необходимые, но далеко не достаточные. При отсутствии или зачаточной слабости центростремительных сил в жизни подобная тенденция не могла появиться в летописном своде.

Конечно, летописцы во все времена летописания призывали князей к миру и единству, а не к розни и вражде. Но в разные времена это делалось с большей или меньшей энергией — в зависимости от обстоятельств и большей или меньшей силы объединительного течения в обществе. Составление в эпоху политической раздробленности и раздробленности летописания свода общерусского по содержанию и по тенденции — признак наличия весьма влиятельной объединительной общественной силы. Что касается второй половины XIV в., эпохи Куликовской битвы (всего за три с половиной года до этой битвы была написана Л!), то сомневаться в существовании мощного объединительного течения на Руси в это время не приходится. Значит, исторически более вероятно время переделки, указанное В. Л. Комаровичем, — 1377 г. Об этом же времени, как мы говорили выше, свидетельствует и кодикологический анализ Л.

3

В чем же состояла переделка повести?

Мы не можем быть уверены, что, вычтя, изъяв из нее мозаичную треть, т. е. все заимствованные кусочки, мы получим исходный материал, кото-

[1] *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 453.

рым располагали в начале своей работы редакторы. Эта мозаика, конечно, лишь один из результатов переделки текста. Приданная всей повести общерусская тенденция, о чем писал А. Н. Насонов, — тоже результат переделки. Получить полное представление о редакторской работе мы могли бы, сравнив текст Л с тем, которым располагал сам Лаврентий. Но где же взять или хотя бы искать этот текст?

В соответствующих по содержанию повествованиях ряда других летописей В. Л. Комарович заметил места, с которыми рассказ Лаврентьевской контрастирует по тону и смыслу столь явно, что естественным образом кажется, что контраст этот был создан сознательно. От которого из этих повествований отталкивался редактор? По мнению В. Л. Комаровича, текст Воскресенской летописи представляет собой как раз то, что читалось в протографе Лаврентия. Это далеко не бесспорно: текст Воскресенской летописи через Московский свод конца XV в. и через С1 восходит к рассказу о Батыевой рати, созданному (скомпилированному), по-видимому, где-то в первой половине XV в. А этот рассказ, в свою очередь, базируется на трех источниках, сохранившихся в: 1) Л, 2) Н1 младшего и (не полностью) старшего изводов и 3) Ип. «Таковы три первоначальные летописные традиции в изображении этих событий: северо-восточная, южная и северная», — пишет, убедительно доказывая их независимость, А. Н. Насонов.[1] Отсюда следует, что текста, который мог быть в Л до переделки, в ее первоначальных XXI и XXII тетрадях, мы не знаем.

Однако, если, по мысли В. Л. Комаровича, редактура Лаврентия имела публицистический характер, то совершенно ведь не обязательно, чтобы этот его новый текст полемизировал с тем, который он заместил. Вполне и даже более вероятно обратное, а именно, что первоначальный вид рассказа уже представлял удобства для создания нужной публицистической направленности. Это лишь поправки к оформлению мысли В. Л. Комаровича (не затрагивающие ее сути), что рассказ Л явно «контрастирует» с иными летописными текстами. Но так как составного повествования Воскресенской летописи в XIV в., кажется, еще не существовало,

[1] Там же. С. 442.

речь здесь может идти только о Н1 и Ип. Сравним же соответствующие места этих летописей.

Ип, сообщив о совещании русских князей в 1223 г., когда они, узнав от половцев о первом приближении татар, решили совместно выступить им навстречу, добавляет: «**Юрья же князя великого Суждальского не бы в том свѣтѣ**»; и чуть ниже: «**Василка же не бѣ, бѣ бо в Володимерѣ млад**».[1] Оттого что русские князья были разбиты в сражении на Калке, специальное упоминание тех, кто не принял участия в походе, выглядит как обвинение. А согласно Л, собравшиеся в Киеве князья «**послашася в Володимерь к великому князю Юргю, сыну Всеволожю, прося помочи у него. Он же посла к ним благочестивого князя Василька, сыновца своего, Костянтиновича, с ростовци. И не утяну** (не успел. — *Г. П.*) **Василко прити к ним в Русь**»; и дальше, после краткого сообщения о разгроме русских войск: «**Се же слышав Василко, приключьшееся в Руси, възвратися от Чернигова, схранен Богом и силою креста честнаго и молитвою отца своего Костянтина и стрыя своего Георгия, и вниде в свои Ростов, славя Бога и святую Богородицу**» (л. 153 об.). Здесь, как видим, нет и тени обвинения; напротив, Юрий Всеволодич откликается на просьбу и посылает своего племянника с его войсками. Тот же вовсе не «**бѣ в Володимере млад**», а спешил на помощь, но запоздал, и притом не по собственной вине, а по вышнему Промыслу, его берегущему.

В Н1 князь Юрий Всеволодич обвинен прямо и резко в неоказании помощи в 1237 г. Рязани. По рассказу этой летописи, татары, подойдя первым делом к Рязани, потребовали дани и покорности от ее князей; получив отказ, они отправили послов во Владимир. Одновременно «**послаша же рязаньстии князи к Юрью Володимирьскому, просяче помочи или самому пойти. Юрьи же сам не поиде, ни послуша князий разанских молбы, но сам хотѣ особь брань створити**».[2]

---

[1] Эта и дальнейшие цитаты из Ипатьевской летописи см.: ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 741, 778–782.

[2] См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 74–75 (старшего извода), с. 286 (младшего извода).

Соответствующее место Л не содержит даже намеков на посольство к Юрию Всеволодичу, — в противном случае распалась бы картина «братского единения князей». Но «похвала» князю Юрию обнаруживает осведомленность ее автора об одном из посольств — татарском: Юрий Всеволодич «**безбожныя Татары отпущаше одарены, бяхуть бо преж прислали послы своѣ злии ти кровопиици, рекуще: мирися с нами**». Причем, надо сказать, это одна из двух оригинальных, ни откуда не заимствованных фраз «похвалы». Не исключено, что сообщения о посольствах к князю Юрию были в начале повести, но убраны ее редактором.

Условия мира, предложенные татарскими послами князю Юрию Всеволодичу, должны были быть такими же, как те, что они предлагали рязанцам и вообще всем, кого хотели подчинить: дань и покорность. «Дары» князя Юрия татарам («**Татары отпущаше одарены**») и были, по всей видимости, требуемой данью. Но редактор-компилятор сумел этот факт использовать как свидетельство не малодушия и близорукости великого князя владимирского, а исполнения им заповеди любить не только друзей, но и врагов.

Беспокоясь, видимо, за свои владения, несмотря на обещания татар их не трогать, князь Юрий Владимирский «**посла Еремея в сторожих воеводою**», говорит Н1. В Л же нет этого показательного «в сторожих», а сказано: «**Поиде Всеволод, сын Юрьев, внук Всеволожь, противу татаром, и сступишася у Коломны...**» (л. 160). Дело предстает таким образом, будто Юрий выслал помощь Рязани, но рать не дошла до нее, так как встретилась с татарами уже у Коломны.

Решимость великого князя Юрия Всеволодича драться с татарами подчеркнута в «похвале» Л как главная и определяющая героический характер его жизни и смерти черта. Татары будто бы предлагали ему мир, но он сам «того не хотяше», ибо, как говорит пророк: «**Брань славна луче есть мира студна**». Здесь же объяснение, почему мир с татарами «студен»: «**Си бо безбожни, со лживым миром живуще, велику пакость землям творять**». И непосредственно вслед за этой оценкой татарской политики автор-редактор уже от себя, ниоткуда, кажется, не заимствуя, добавляет: «**Еже и здѣ многа зла створиша**». Эта вторая и последняя оригинальная фраза «похвалы». Благодаря ей от обстоятельств, о кото-

рых идет рассказ, к обстоятельствам «авторского» места и времени перебрасывается некий мысленный мостик. Очевидно (и это крайне любопытно), что для редактора рассказа — все равно, принадлежит ли ему эта фраза или он ее сберег от оригинала — война Руси с татарами вполне мыслима и похвальна. Это очень важно. К всероссийско-объединительной тенденции редактуры повествования Л можем добавить еще одну — активную антитатарскую.

Рассказав о столкновении у Коломны, Н1 добавляет: «**Москвичи же побегоша, ничто же видѣвше**». И больше ничего о Москве или москвичах. В XIII в. Москва была еще незначительным городком, и, поскольку ничего примечательного там не случилось, писать о ней было нечего. Это понятно. Лаврентьевская же посвящает взятию Москвы особый рассказ, наполовину состоящий из описания действий в Византии в X в. дружины князя Игоря, как было показано выше. Сказать о Москве редактору было почти нечего, а сказать, стало быть, хотелось. Это стремление едва ли правдоподобно объяснимо применительно к XIII в. — равно к 30-м или к 80-м годам, но совершенно естественно во второй половине XIV в. Примечательно также, что гибель московского воеводы трактована в Л как мученичество за веру: «**взяша Москву Татарове, и воеводу убиша, Филипа Нянка, за правовѣрную христьянскую вѣру**» (л. 160). Это несомненная неправда: при взятии татарами Москвы у воеводы этого города были все причины погибнуть, кроме одной — вероисповедной.

Изучая кодекс Л и судя по особенностям чередования так или иначе разлинованных листов, по местам вторжения в рукопись третьего почерка и пробелов и по вклейке листов, я пришел к выводу, что лл. 158–161 заменялись в рукописи дважды. Значит, дважды переделывалась первая часть повести. О характере вторичной переделки я мог сказать лишь то, что текст был в сравнении с предшествующим ему укорочен, так как л. 161, последний лист этой части, содержит значительно меньший, чем обычно на листе Лаврентия, текст.

Бóльшую часть интересующего нас места занимает начинающийся сразу же за периодом, посвященным Москве, рассказ о случившемся в 1237 г. с г. Владимиром (лл. 160–161 об.), причем версия Л имеет существенные смысловые отличия от рассказа о том же Ип. Согласно Ип, обо-

рона владимирцев была прекращена в первый же день князем Всеволодом, сыном оставившего город Юрия: «**Тотаром же порокы град бьющемь, стрелами бещисла стрѣляющим, се ꙋвидѣв князь Всеволод, яко крѣпчѣе брань належить, ꙋбояся. Бѣ бо и сам млад. Сам из града изиде с малом дрꙋжины и несы с собою дары многий, надѣяше бо ся от него живот прияти. Он же, яко свѣрпыи звѣрь, не пощади ꙋности его: велѣ пред собою зарѣзати. И град в(е)сь избье**». Малодушие Всеволода Юрьевича резко оттеняется помещенным несколькими строками ниже рассказом о семи неделях сопротивления завоевателям жителей городка Козельска во главе с их — тоже молодым — князем Василием. Эти люди «**ꙋм крѣпкодꙋшныи**» имели, и Батыю «**словесы лестьными не возможно бѣ град прияти**».

В Л же не сказано о капитуляции города Владимира и гибели Всеволода (равно как и об обороне Козельска). Однако северо-восточный летописец-современник не мог не знать об этом немаловажном для темы рассказа событии. И, как мы увидим, действительно знал. Согласно Л, взятие Владимира обстояло гораздо менее безотрадно: внешние укрепления, стены «**нового града**», татары преодолели с боем, «**по примостꙋ**». После этого «**бѣжа Всеволод и Мстислав и вси людье бѣжаша в Печерни город**». Не говоря больше о «Печернем» (?) городе и князьях, рассказчик сразу переходит к гибели епископа, матери Всеволода, его жены, сестры, бояр и прочих людей, в поисках спасения укрывшихся в храме. Всеволода в храме не было.

О правильности версии Ип и о том, что редактор рассказа прекрасно знал, как погиб Всеволод, и, следовательно, сознательно выпустил эту часть повествования (как, вероятно, и ту, где говорилось о посольствах к великому князю Юрию), становится ясно из фразы на л. 162: «**приде вѣсть к великомꙋ князю Юрью: Володимерь взят (...) а старѣишая с(ы)на, Всеволод с братом, внѣ града ꙋбита**».

Таким образом, по умолчаниям и оговоркам рассказа мы находим объяснение факту сокращения повествования и появления вследствие этого пробела на обороте существующего в рукописи 161-го листа. Это объяснение хорошо согласуется с тем, что мы уже знаем о тенденциозности редактора, и вместе с тем добавляет к нашим о ней представлениям но-

вый штрих: редактор стремился убрать примеры малодушия и показать бесстрашие в борьбе с татарами князей и воевод, как-то связанных, помимо Москвы (что мы видели выше), с Владимиром (о Козельске — такой хороший пример! — он не говорит).

Четвертый город, о взятии которого татарами — наряду с Рязанью, Москвой и Владимиром — рассказывает Л (л. 160 об.), и рассказывает исключительно несамостоятельно, перефразируя, как было выше показано, статью 1203 г., — это Суздаль. О Суздале редактор тоже хотел что-нибудь сказать, но не имел ничего своего — никаких собственных сведений и впечатлений. Стало быть, географически круг интересов редактора Повести о Батыевом нашествии определяется не самими событиями завоеваний и включает лишь Рязань (в небольшой мере), Москву, Владимир и Суздаль. Будь эта повесть оформлена в Ростове, наверное, здесь больше говорилось бы о судьбе Ростова, чем: «**и ови идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городець**».

Касаясь поведения и гибели великого князя Юрия Всеволодича, Н1 сообщает, что при приближении татар к Владимиру он «**бѣжа на Ярославль**», а затем незаметно был окружен татарами и, узнав об этом, «**не успѣв ничто же, побѣже. И бысть на рѣцѣ Сити, и постигоша и, и живот свои сконча ту. Бог же вѣсть, како скончася; много бо глаголють о немь инии**». Сходно повествует Ип: «**Не имѣющу сторожий, изъѣхан бысть безаконьным Бурондаема. В(е)сь город изогна, и самого князя Юрья убита**».

Согласно же рассказу Л, князь Юрий Всеволодич, находясь на р. Сити и узнав о падении Владимира и о приближении татар, заплакал «**по правовѣрнѣй вѣрѣ христьянстѣй**», помолился и «**с мужи своими поидоша противу поганым. И бысть сеча зла. И побѣгоша наши пред иноплеменикы. И ту убьен бысть князь Юрьи**» (л. 162–162 об.). Здесь, таким образом, князь сам выступает «противу поганым» и погибает «в сече злой» как защитник христианства.

Совершенно наподобие древних христиан-исповедников гибнет захваченный в этом бою татарами в плен князь Василько Ростовский (о его смерти сообщает только Л). Татары принуждают его следовать «**обычаю поганьскому, быти в их воли и воевати с ними**»; он же отказывается из-

менить своей религии и перед смертью произносит прочувствованный монолог (**«никако же мене не отведете христьяньское вѣры...»**) и несколько молитв. Думается, что отождествление покорности татарам с изменой христианству принадлежит (как и монолог и молитвы) редактору XIV в., когда татары уже были мусульманами. В период же завоеваний они хотя и придерживались в основной своей массе «обычая поганьского», но миссионерством не занимались и к чужой вере относились если не толерантно, то безразлично. Однако не исключено, я думаю, что какие-то войсковые обычаи татар могли показаться Васильку Ростовскому несовместимыми с христианством.

Как бы то ни было, страдальцами за веру предстают в Л и московский воевода, и князья Юрий Всеволодич и Василько Константинович. Оба князя сознательно отказываются от «мира студна» с татарами, и в этом состоит их религиозный подвиг. Будучи чрезвычайно благочестивыми людьми (это особо подчеркнуто в характеристике каждого из них), они и в последние решительные моменты жизни вспоминают епископа Кирилла. Мученической кровью своей князья «омываются», искупая совершенные ими в жизни прегрешения, и тем самым избегают будущих страданий. Народ оплакивает князей как страстотерпцев-подвижников. Тела погибших епископ переносит в Ростов, и то, что они опять оказываются рядом, рассказчик трактует как знак особой Божьей к ним милости: «**Се бо и чюдно бысть, ибо и по смерти совокупи Бог телеси ею**»[1] (л. 163). По рассказу Л, дружная борьба с татарами — пусть даже и неудачная — богоугодное, святое, спасительное дело. Обогащаем этой чертой наши представления об идеалах редактора, — и перед нами проявляется утопическая картина крестоносной борьбы сплоченных Церковью русских князей против татар.

В ходе кодикологического анализа Л выяснилось, что при переделке XXI и XXII тетрадей была проделана значительно большая работа, чем то

---

[1] Это место тоже несамостоятельно: здесь ощущается если не текстуальное, то смысловое влияние рассказа о посмертном «**съвкуплении тѣлом**» свв. Бориса и Глеба в статье 1015 г. (Л 47), — отсюда редактор обильно черпал материал.

требовалось для переработки только Повести о Батыевом нашествии; отсюда был получен вывод, что, кроме повести, редакторы коснулись и предшествующего ей рассказа о появлении татар в 1223 г. и о битве на Калке. Теперь, сравнивая летописи, мы видим, что первая часть первого рассказа Л о татарах (со слов «**Того же лѣта явишася языци, их же никто же добрѣ ясно не вѣсть...**» и до слов «**и придоша близь Руси, иде же зовется вал Половечьскый**» включительно, — л. 153–153 об.) за редким исключением дословно тождественна с началом соответствующего рассказа Н1 (со слов «**Того же лѣта по грѣхом нашим придоша языци незнаеми, их же добрѣ никто же не вѣсть...**» до слов «**и придоша близ Руси, иде же зоветъся вал Половечьскы**» включительно, — лл. 95 об. — 96 об.). Какой же из этих текстов зависит от другого?

В Н1 это пространное рассуждение о том, кто такие татары, представляет собой неторопливое начало большого, обстоятельного рассказа (лл. 95 об. — 99 об.) о случившемся в 1223 г., причем конец этого рассказа перекликается с началом («**И не съвѣдаем, откуду суть пришли и кдѣ ся дѣша опять. Бог вѣсть, отколе приде на нас за грѣхы наша**»). В Л же то же самое начало составляет бо́льшую часть неоднородного рассказа: сразу по окончании совпадающего с Н1 отрывка изложение меняет свой характер и становится кратко информативным, так что стилистический контраст очевиден. Тут же в Л следует созданное, на наш взгляд, редактором 1377 г. оправдание Василька Константиновича в том, что он не пришел на помощь русским князьям («не утяну» — не успел), имеющее в виду, как мне кажется (об этом шла речь выше), замечание о Васильке Ип («**Василка же не бѣ, бѣ бо в Володимерѣ млад**»). Рассказ о появлении татар и о битве на Калке в Н1, несомненно, более целен и по отношению к Л первичен. Выше было показано, что повествование Л о Батыевой рати откровенно контрастирует с соответствующими повествованиями Ип и Н1. Совпадение текстов, о котором сейчас шла речь, убеждает в том, что редакторы 1377 г. действительно имели во время работы перед глазами текст Н1, и, значит, этот контраст не случаен.

Обдумывая при кодикологическом анализе возможности возникновения особенностей 167-го листа (лист вклеен в рукопись, текст покрывает его не целиком, оставляя в конце значительный пробел, и написан этот

текст не Лаврентием, а его сотрудником, непрофессиональным писцом, в котором я склонен видеть епископа Дионисия Суздальского), я пришел к выводу, что, будучи несомненно «стыковым», связующим написанные в обратном порядке части текста, этот лист может, кроме того, сам содержать переделанный текст (и отсюда склейка его с парным листом, 166-м). Совпадение ли, что как раз на этом листе появляется — впервые после окончания рассказа о Батыевом завоевании — откровенная «антитатарская» тема? На обороте 167-го листа в статье 1262 г. рассказывается о восстании против «бесурмен» в Ростово-Суздальской земле и об убитом тогда отступнике Изосиме: «**Избави Бог лютаго томленья бесурменьскаго люди Ростовьския земля, вложи ярость в с(е)рдца крестъяном, не терпяще насилья поганых... (татары) велику пагубу людем творяхуть... души кр(е)стьяньскыя раздно ведоша. Видѣвше же ч(е)л(о)в(ѣ)колюбець Бог, послуша моленья М(а)т(е)рня, избави люди Своя от великыя бѣды (...)**».

Этот рассказ, как и саму повесть о татарском нашествии, А. А. Шахматов считал вставленным в текст ростовской летописи.[1] По мнению Б. Д. Грекова (ничем, правда, не обоснованному), выражение чувств, сопровождающее это известие, принадлежит составителю Л: «Составитель Лаврентьевской, — пишет Б. Д. Греков, — совершенно открыто сочувствует восставшим. Он утверждает, что сам Бог на стороне протестующих против “лютаго томленья бесурменьскаго”».[2]

Знакомая нам уже по повести откровенность антитатарской (с религиозным оттенком) тенденции побуждает думать, что именно это место л. 167 обязано своим происхождением редактору 1377 г.

Такими наблюдениями над текстом летописи мы можем дополнить кодикологический анализ рукописи.

В целом редакторская работа над Л, проделанная в момент ее изготовления, в 1377 г., имела, очевидно, целью дать читателю исторические примеры мужественной, вероисповедно-непримиримой борьбы христиан-русских с иноверцами-татарами.

---

[1] *Шахматов А. А.* Исследование о Радзивиловской, или Кенигсбергской, летописи. С. 65.

[2] *Греков Б., Якубовский А.* Золотая Орда. Л., 1937. С. 175.

4

Теперь надлежит устанавливаемый факт переделки летописного повествования поставить на свое место в историко-литературном процессе. Имея уже представление о побуждениях редактора, наиболее важным кажется понять, на какого читателя он рассчитывал.

В. Л. Комарович своей трактовке проблемы дал наряду с текстологическим обоснование историческое. Рассмотрим его.

В духе общей своей концепции о враждебности областных литератур наступающей Москве, В. Л. Комарович полагал, что создателями Лаврентьевской летописи руководило стремление обособить Нижегородско-Суздальскую землю от Москвы, т. е. центробежная, сепаратистская тенденция. Глядя такими глазами на Повесть о Батыевой рати, ученый увидел, что редактор стремился не по заслугам возвеличить князя Юрия Всеволодича, но не заметил объединительных и религиозно-антитатарских усилий редактора.

В. Л. Комарович справедливо, как мне кажется, считал инициатором всей работы «благословившего» ее епископа Дионисия Суздальского, дважды названного в приписке Лаврентия. Но он полагал, что летопись составлялась как документ (или черновик документа), на основании которого пять лет спустя, в 1382 г., Дионисий добился у патриарха в Константинополе учреждения в Нижегородско-Суздальском княжестве архиепископии (вместо епископии). Это повышение якобы делало нижегородского князя более независимым от московского.

«Когда-то считалось, — пишет по поводу такого рода объяснений Д. С. Лихачев, — что политические устремления памятника совпадают с его местными устремлениями. Теперь мы знаем, что в любой местности были различные общественные группы населения, имевшие различные тенденции».[1]

В. Л. Комарович придает антимосковское значение величанию Дмитрия Константиновича «великим» (великим князем) в приписке Лаврен-

[1] *Лихачев Д. С.* Текстология. (На материале русской литературы X–XVII вв.). М.; Л., 1962. С. 282.

тия и в надписи на сохранившемся серебряном кивоте Дионисия. Но ведь Нижегородско-Суздальское княжество действительно было «великим», т. е. объединяло ряд удельных княжений, точно так же, как Московское, Рязанское, Тверское, Литовское княжества. Дмитрий Константинович и в летописях называется «великим князем».[1] Противопоставления Москве здесь нет (другое дело, если бы Дмитрий Константинович был назван великим князем Владимирским или всея Руси!).

Отношения Нижегородско-Суздальского княжества с Московским в интересующее нас время были как никогда до и после мирными и тесно союзническими. В 1364 г. Дмитрий Константинович Суздальский, отказавшись от ярлыка на великое княжение Владимирское в пользу Дмитрия Ивановича Московского, с его помощью отобрал у брата Бориса Нижний Новгород и после этого беспрекословно признавал политическое главенство московского князя. Нижегородско-Суздальское княжество стало одной из первых и главных составных частей образующейся вокруг Москвы великорусской политической системы. В 1366 г. великий князь Дмитрий Иванович женился на дочери Дмитрия Константиновича. Как раз эти годы, 1375–1377, наиболее важные для нас, были временем совместной московско-нижегородской антитатарской борьбы.[2]

Дионисий был поставлен в Суздальские епископы тем же митрополитом Алексеем, который способствовал вокняжению Дмитрия Константиновича в Нижнем Новгороде. Выходить из-под власти Алексея, при жизни которого была написана Лаврентьевская летопись, у Дионисия, насколько мы знаем, никакой нужды не было. А когда митрополит умер (12 февраля 1378 г.), все изменилось: началась «Митяева» смута, и в ней Дионисий принял очень деятельное участие. Борьба с местоблюстителем митрополичьего престола Митяем, ставленником московского князя, привела его в московскую тюрьму; оттуда он вышел с помощью Сергия Радо-

[1] «**...преставися раб Божий князь великий Дмитреи Константиновичь... быв на великом княжении** (Владимирском. — *Г. П.*) **два лѣта, а в своей отчинѣ такоже на княжении на великом 19 лет...**» (Рогожский летописец//ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 148–149)..

[2] Ср.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 125–126.

нежского (который за него поручился) и, обманув князя Дмитрия Ивановича, бежал в Константинополь. В Константинопольском патриархате Дионисий был возведен в сан архиепископа, что сделало его более независимым. Борьба была столь динамичной и ситуация в ходе ее менялась так радикально, что для «очень долгого периода обдумывания и всесторонней подготовки», который, как полагает В. Л. Комарович, предшествовал «осуществлению проекта в 1382 г.»,[1] никакой возможности не было.

Если бы, с другой стороны, при повышении Дионисия имела какое-нибудь значение Л или подобная ей летопись, соответствующая ссылка — в качестве одной из мотивировок решения — обязательно была бы сделана в патриаршей грамоте. Грамота эта сохранилась, и такой ссылки там нет.[2]

Обратим также внимание на то, почему объяснение В. Л. Комаровича казалось неубедительным А. Н. Насонову: «Для доказательства прав на архиепископию, — пишет он, — потребовалась бы, вероятно, летопись, переходившая за 1305 г., так как в начале XIV в. еще не существовало ни Нижегородско-Суздальского княжества (оно возникло в 1341 г. — *Г. П.*), ни Нижегородско-Суздальской епископии. К тому же не следует забывать, что в записи Лаврентия прямо сказано, что начал писать он рукописную книгу "князю великому Дмитрию Константиновичу"».[3]

Действительно, мы не имеем права гадать, для каких читателей предназначалась Лаврентьевская летопись. В январе-марте 1377 г. по инициативе Дионисия Суздальского она создавалась для великого князя нижегородского Дмитрия Константиновича. Стало быть, изготовленные редактором образцы самоотверженной, дружной, религиозно-подвижнической борьбы русских князей с татарами предназначались именно для него.

---

[1] История русской литературы. Т. II. Ч. 1. С. 95.

[2] См.: РИБ. Т. VI. СПб., 1880. № 231. С. 199–204.

[3] *Насонов А. Н.* Л и Владимирское великокняжеское летописание... С. 445.

* * *

Для чего же нужно было епископу давать князю такого рода высокие образцы?

В 1374 г. паства Дионисия Суздальского, «**новгородци Нижьняго Новагорода, побиша послов Мамаевых, а с ними татар с тысящу, а старейшину их именем Сарайку рукама яша и приведоша их в Новъгород Нижний и с его дружиною**».[1] По всей видимости, Нижегородский владыка Дионисий побуждал свою паству к восстанию против власти Мамая, так как через несколько месяцев заключения вырвавшись на свободу, пленный Сарайка «**възбеже на владычень двор и с своею дружиною, и зажже двор, и многи язви люди стрелами, а иных смерти преда, и въсхоте еще и владыку застрелити и пусти на нь стрелу. И пришед стрела и коснуся епископа перием токмо въскраи подола монатии его**».[2] За месяцы, проведенные под арестом на Руси, татарский военачальник имел, я думаю, возможность понять, кто, какие люди благословляют русских князей и их подданных на роковое для него, Сарайки, «розмирие».[3] Владыка Дионисий чудом остался жив.

В том же 1374 г., за три года до создания Л, началось, по выражению Рогожского летописца, «розмирие» Руси с татарами.[4] Инициатором «розмирия» выступила Русь, точнее говоря — конфедерация возглавляемых Москвой княжеств. Обстановка в Орде, раздираемой междоусобной борьбой, благоприятствовала освобождению Руси, но Русь этими обстоятельствами воспользоваться для решительных действий не смогла, так как сама она стала в 1375 г. ареной междоусобной московско-тверской войны. Тем не менее, княжеская коалиция, хотя и ослабленная и уменьшившаяся, сохранилась. Основу ее составляла «ось» Москва — Нижний Новгород, а кроме того, в нее входили подчиненная Тверь и, судя по всему, Рязань. 1375–1376 гг. были временем неустойчивого равновесия в русско-

[1] Рогожский летописец//ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 106.

[2] Там же. Стб. 108–109.

[3] См.: *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе. Л., 1976. С. 34.

[4] ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 106.

татарских отношениях: «розмирие» продолжалось, мира и зависимости не было, но не было и войны. Мамай тем временем успешно объединял под своей властью половецкую степь, — и угроза для Руси росла.

Такова была ситуация ко времени начала работы над Л. Но она существенно изменилась к концу работы. Дело в том, что в конце зимы 1376–1377 г. состоялся первый — первый со времен завоевания Руси! — поход русских на татар. В XIV в. это, собственно, и единственный наступательный поход, ибо выступление в 1380 г. на Куликово поле было оборонительным — навстречу наступавшему Мамаю.

Поход этот был направлен на вассальный Мамаю волжский город Булгар. Семь лет назад, в 1370 г., Дмитрий Константинович Суздальский, «**собрав воя многы**», посылал на Булгар «**брата своего князя Бориса и сына своего князя Василия**», но тогда он действовал не самостоятельно: с войском шел «**посол царев именем Ачихожа**».[1] Используя русскую военную силу, Мамай посадил тогда на булгарском престоле угодного ему человека. Теперь действовала коалиция русских князей, и действовала независимо: «**Князь великий Дмитрий Иванович** (Московский. — *Г. П.*) **посла князя Дмитрия Михайловича Волыньскаго ратию на безбожныя Българы, а князь Дмитрий Костянтинович Суждальскыи посла сына своего князя Василия и другаго сына своего князя Ивана, а с ними бояр и воевод и воя многы**» (дальше следует собственно рассказ об этом походе).[2] Значит, тот самый князь, которому предназначалась Л, посылал своих сыновей в этот поход. 16 марта, когда работа над летописью близилась к концу (согласно приписке, летопись была закончена 20 марта), русские войска «**придоша к Българом**».

Вспомним теперь о географо-политическом круге интересов редактора Повести о Батыевом нашествии. Судя по тому, разорение каких городов он считал необходимым описать, хотя и не имел нужных сведений, этот круг ограничивался, как мы видели, Рязанью, Москвой, Владимиром и Суздалем. О разгроме Суздальской земли повесть говорит еще особо: «**...и нѣсть мѣста, ни веси, ни сел тацѣх редко, иде же не воеваша на**

1 Рогожский летописец//ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 92.

2 Там же. Стб. 116.

Суждальской земли...» (л. 162). Великий князь Дмитрий Иванович, посылавший в 1377 г. на Булгар Дмитрия Михайловича Волынского, был великим князем московским и владимирским, а Дмитрий Константинович, для которого предназначалась Л и который послал на Булгар своих сыновей, — «суждальским». Эти два князя были главными в антитатарской коалиции. Описание разгрома татарами их владений должно было особенно сильно действовать как раз на их психику. С другой стороны, образы верных князей, героев Повести о Батыевом нашествии, как раз для них двоих лучше всего могли служить образцовым примером. Хотя эти герои и гибнут (начинавшие в XIV в. антитатарскую борьбу князья должны были, разумеется, быть готовы и к такому исходу дела), ясно, что они, не капитулировавшие от страха, внутренне не поддавшиеся татарам, почти святые. Редактор — это очевидно — хотел духовно укрепить и побудить князей к решительным действиям в начинающейся освободительной борьбе с татарами.

Поход на Булгар был успешным: Мамат-Салтан и Асан, правившие там, капитулировали. Но не добыча, конечно, являлась главным результатом этого похода: важно то, что в 1377 г. русские сами начали, и начали удачно, воевать с татарами. Нам, я думаю, трудно сейчас просто представить себе ту гигантскую внутреннюю, общественно-психологическую работу, которая должна была предварить этот, по правде сказать, второстепенный и ничего внешне существенно не изменивший поход. «То были первые шаги открытой национально-освободительной борьбы, открытого сопротивления Мамаю, когда Нижний Новгород выступал совместно с Москвой. Оживилась надежда на освобождение и усилился интерес к прошлому».[1] Интерес к прошлому в те годы должна была питать настоятельная общественная потребность переосмыслить историю завоевания татарами Руси, побороть уже почти 150-летний страх, научиться иначе, смело на них смотреть. Боящиеся не могли бы победить на Куликовом поле.

Где же литература, которая отвечала бы этой потребности, пересматривала бы прошлое, учила бы антитатарскому мужеству? Она должна

---

[1] *Насонов А. Н.* Л и Владимирское великокняжеское летописание... С. 435.

была, не могла не появиться во время «розмирия», в 1374–1380 гг. Но могла, как мы видели, до сих пор оставаться неувиденной, непонятой исследователями (в этом можно видеть успех редактора: ведь и князь не должен был догадаться о переделке летописи).

5

Некоторые наблюдения о технике создания мозаичного повествования о Батыевом нашествии.

1. Как можно было видеть, текст заимствованных мест в повести в целом ряде случаев ближе к чтениям Радзивиловского и Академического списков (напомним, мы обозначаем их как Р и А), нежели текст соответствующих статей самой Л. Так, на л. 161 (см. выше, пункт 6) находим текст, которого нет под 1203 г. в Л (пропущен), но есть в Р. Далее, например, в статье 941 г. Л: «**воевахꙋ... до**»; в том же месте РА: «**пленовахꙋ... и до**», и в рассказе о Батыевом завоевании: «**плѣновахꙋ и до**». В статье 1093 г. Л: «**бысть плачь в градѣ**»; в статье 1237 г. и в РА: «**бысть плачь велик в градѣ**». В статье Л 1175 г.: «**омывшеся**», а в статье 1237 г. и в РА: «**омывся**». В статье Л 1125 г.: «**отпущаше я одарены**», а в статье Л 1239 г. и в РА «**отпущаше одарены**». В статье Л 1185 г.: «**не предажь нас**», а в статье Л 1239 г. и в РА: «**не предай же нас**». Эти примеры (их можно значительно умножить, см. примечания на с. 363–372), бесспорно, показывают, что редактор или редакторы пользовались в своей работе над Повестью о Батыевом нашествии не предшествующей частью Л, а какой-то другой летописью, чтения которой иногда отличались от Л (но не были, однако, полностью тождественны и с Р, и А). Возможны два варианта: либо Лаврентий, обращаясь к тому же самому источнику, что и раньше, делал здесь меньше ошибок и потому передавал текст этого источника более точно, чем прежде, либо перед ним лежала не одна «книга», и в данном случае он прибег к другому списку летописи. (Допускаю, что специальное исследование могло бы показать, как обстояло дело.)

2. Редакторы очень спешили. Только этим можно объяснить и то, что нам удается понять «технологию» переделки рассказа, т. е. сам факт компиляции, и ту небрежность, с какой проделана эта работа. Так, в одной из

переписанных фраз (пункт 5) отсутствует сказуемое: «**да негли встягнувшеся от пути своего злаго**», тогда как в статье 1093 г. и в РА читаем: «**да негли встягнувшеся вспомянемъся от злаго пути своего**». В другом случае (пункт 7) допущена явная бессмыслица: «**И се нам сущюю радость скорбь...**», тогда как в статье 1093 г. и в РА: «**нанесе нам сущюю рать и скорбь...**». В третьем же случае (пункт 12) списанным оказался потерявший смысл отрывок фразы: «**Всяк зломысл его**», тогда как в статье 1125 г. и в РА читается стройная фраза: «**Вся бо зломыслы его вда Бог...**».

Наше умозаключение не может измениться от предположения, что в том списке летописи, откуда черпал редактор подходящий материал, были уже допущены эти бессмыслицы: если бы Лаврентий и его сотрудник не спешили, они могли бы заметить то, что замечаем мы, и исправить если не по другому списку, то по предшествующей части самой Л. Но вот пример бессмыслицы, явно созданной самим редактором. Используя для похвалы Юрия Всеволодича относящиеся к Андрею Боголюбскому фразы, где писатель обыгрывает имя «Андрей» (по-гречески «мужественный»): «**Андрѣю, мужьству тезоимените**», Лаврентий, не задумываясь, пишет: «**Георгие, мужьство тезоимените**». Второпях, конечно, он искажает даже смысл цитаты из Евангелия: «**блаженни милостиви**» вместо «**блажени милостивии**».

Напомню, что уже кодикологический анализ Л заставил думать, что переделка летописи в части, содержащей повествование о татарском нашествии, произведена наспех. О том же говорит и сопоставление дат: 16 марта, как мы помним, сыновья нижегородского князя пришли под стены Булгара, а летопись была закончена уже 20-го. Если создание книги было как-то — прямо или косвенно — связано с этим походом, то изготовители-редакторы должны были спешить.

Стало быть, кодикологические, текстологические и исторические соображения и здесь хорошо дополняют друг друга.

На этом триедином основании можно сделать еще один вывод. Если главной целью создателей Л было дать великому князю Дмитрию Константиновичу необходимые литературно-исторические примеры, и если этим людям пришлось работать торопливо, оставляя заметные огрехи как в оформлении, так и в содержании книги, то ясно, что оборвать летопис-

ное повествование на 1304 г. они могли просто потому, что у них уже не было времени писать дальше, а не только потому, что здесь кончался протограф Лаврентия, как убежден был М. Д. Приселков.

* * *

В заключение — еще несколько заметок о знаменитой приписке Лаврентия.

Она начинается, как мы уже знаем, с уподобления радости оканчивающего труд книгописца радости заключившего удачную сделку купца, достигшего берега морехода и пришедшего на родину странника: «**Радуется купець, прикуп створив, и кормьчий, в отишье пристав, и странник, в от(е)чьство свое пришед; тако радуется и книжный списатель, дошед конца книгам; тако и аз...**». В. Л. Комарович отметил тождество одного из этих уподоблений образу, использованному в периоде, посвященном Ростовскому епископу Кириллу, в статье 1231 г. Лаврентьевской же летописи: «**Да и аз аерскым духом нахоженья избегну, направляя корабль словеси ти в тихо пристанище введу**» (л. 159). Ученый предположил, что верный своим приемам Лаврентий заимствовал отсюда уподобление писца мореходу.

Надо сказать, что этот посвященный епископу Кириллу период (со слов «**Любовному учению же и тщанию дивься сего честного святителя Кирилла...**» до слов «**яко истиньна есть пов҄ѣстьству**» включительно, см. конец л. 158 об. — начало л. 159), довольно бессвязно вторгающийся в летописный текст, уже не раз привлекал и настораживал внимание ученых. А. А. Шахматов думал, что это отрывок похвального слова епископу Кириллу, вставленный в ростовскую летопись — наряду с Повестью о Батыевом нашествии и рассказом об изгнании «бесурмен» в 1262 г. — не в момент ее создания, а позже.[1] Но А. Н. Насонов показал, что весь этот текст является слегка приспособленным к рассказу о Кирилле заимствованием из славянского перевода предисловия к посланиям апостола Пав-

---

[1] *Шахматов А. А.* Исследование о Радзивиловской, или Кенигсбергской, летописи. С. 64–65.

ла в Апостоле.[1] Место вставки находится как раз в промежутке, пользовавшемся особым вниманием изготовителей-переделывателей летописи (лл. 158–164). Стиль работы (торопливая небрежность, вследствие которой все это место производит впечатление спутанного и сбитого)[2] тоже свидетельствует об их руке. Неясно только, каков был смысл этой работы. Вероятно, редакторы хотели сделать более рельефной фигуру епископа Кирилла, одного из действующих лиц Повести о Батыевой рати: о нем молится перед мученическо-вероисповедной смертью Василько Константинович («**спаси рабы твоя чада моя Бориса и Глеба, и отца моего епископа Кирила**», — л. 162 об.), он хоронит обоих князей, и его молитвами, наряду с молитвами Пресвятой Богородицы, Бог прекращает разорение Русской земли: «**...не презрѣ Господь молитвы его и слез, иже приношаше Господеви, моляся д(е)нь и нощь, абы не оскудела правовѣрная вѣра христьяньская, еже и бысть: сдѣя Господь спасенье велико князем нашим, избавил е от враг наших**» (л. 164).

Если в князьях — героях повести о татарском нашествии легко «опознаются» князья XIV в., то на сопоставление с Ростовским епископом Кириллом «напрашивается» сам непосредственно причастный к созданию Л Нижегородско-Суздальский епископ Дионисий.

Но вернемся к послесловию летописи. Развивая мысль В. Л. Комаровича с учетом наблюдений А. Н. Насонова, можно было бы подумать, что в статье 1231 г. и в начале приписки был использован один и тот же источник — Апостол. Однако дело, как мы уже знаем, обстоит иначе. Как мы видели выше, и у нас нет сомнений, Лаврентий начал свое послесловие с повторения или перевода одной из стандартных византийских книжных стихотворных приписок. Этот факт обнаруживает какое-то знакомство мниха Лаврентия с византийской книжностью. Знал ли он греческий язык, бывал ли он, как Дионисий Суздальский, в Византии, мы, наверное, никогда не узнаем. Но важнее другое: оба этих человека, которым мы обя-

[1] *Насонов А. Н.* Л и Владимирское великокняжеское летописание... С. 477–480.

[2] См.: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. С. 98.

заны созданием в 1377 г. замечательной рукописной книги по русской истории, принадлежали, судя по всему, к тому слою монахов, который служил главным проводником веяний, шедших на Русь с Балкан, и был самым культурно-плодовитым (литература, архитектура, живопись) и самым социально активным в то время, так что, мне кажется, можно говорить об этом явлении в целом как о международном восточноевропейском «монашеском общественном движении» (сколь ни парадоксально сочетание этих слов).

«Неразгаданный, но выдающийся церковный деятель XIV в.»,[1] Дионисий Суздальский в некоторых исторически существенных чертах был предшественником Сергия Радонежского: ученики Дионисия основывали монастыри общежительного типа, киновии, еще в 1352 г.,[2] за три года до того, как Сергий, руководствуясь грамотой патриарха Филофея, преобразовал свою монашескую общину из особножития в общежитие (а сам Дионисий, значит, раньше 1352 г.). И через три года после того как Дионисий с Лаврентием литературными средствами благословили антитатарскую борьбу, преп. Сергий благословит Дмитрия Донского на Куликовскую битву.

Глава 12

«ЛѢТОПИСЕЦ ВЕЛИКИЙ РУСЬСКИЙ» И ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ[3]

Как мы уже знаем, в сделанных Н. М. Карамзиным выписках из пергаменной Троицкой летописи, которая вскоре затем сгорела в московском

---

[1] *Приселков М. Д.* Летописание XIV в. //Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 38.

[2] См.: Житие Евфимия Суздальского. Я пользовался списком РНБ, ОЛДП № 233 (175). Сборник XVII в., л. 104–165 об.

[3] Впервые напечатано: *Прохоров Г. М.* «Некогда не народ, а ныне народ Божий...». Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб., 2010. С. 178–193.

пожаре 1812 г., сохранилось название какой-то другой летописи — «**Лѣтописец Великий Русьский**». Напоминаю: в статье 6900 (1392) г., говоря о неуживчивости новгородцев с великими князьями, Троицкая летопись рекомендует: «**И аще хощеши распытовати, разгни книгу "Лѣтописец Великий Русьский" и прочти от Великаго Ярослава и до сего князя нынѣшнаго**».[1] Других упоминаний этого летописца мы не имеем, и о том, что он собой представлял, приходится размышлять. Ясно прежде всего, что работа над ним велась в третьей четверти XIV в. и что он существовал в 1392 г., а может быть и позже, т. е. был современником написанной в 1377 г. Л и предшественником написанной в начале XV в. и доводящей повествование до 1408 г. Тр.

Отсылка к «**Лѣтописцу Великому Русьскому**» — опять напоминаю — сделана явно москвичем, не одобрявшим своеволия новгородцев: «**Таков бо есть обычай новгородцев**, — пишет он: — **часто правают ко князю великому и паки рагозятся. И не чудися тому: бѣша бо человѣци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставни... Кого от князь не прогнѣваша? Или кто от князь не угоди им, аще и великий Александр Ярославич не унаровил им?... И аще хощеши распытовати, разгни книгу "Лѣтописец Великий Русьский" и прочти от великаго Ярослава и до сего князя нынѣшнаго**».

Как выше уже говорилось, единственной из известных нам летописей, удовлетворяющей и этому последнему обязательному для «**Лѣтописца Великого Русьского**» условию — сообщающей о конфликтах «великих» Ярослава и Александра с Новгородом, оказывается Рогожский летописец (далее: Рог).[2] И он связывается с этим «**лѣтописцем**» по трем признакам: во-первых, князья Ярослав Всеволодович и Александр Ярославич называются здесь, как и в отсылке Тр, просто «великими»; во-вторых, композиция Рог дает возможность понять указанные в отсыл-

---

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. V. СПб., 1817, прим. 148.

[2] О конфликтах князей с новгородцами говорится также в статьях 6777–6778, 6822–6823, 6825, 6874–6875, 6880 и 6894 гг. Рог. Но все эти сообщения, за исключением того, что в статье 6823 г., есть также в Сим. Потому эти сообщения в нашем случае служить отличительным признаком не могут.

ке границы рекомендуемого для чтения текста; и в-третьих, Рог содержит необходимую для «Летописца Великого Русского» информацию о конфликтах новгородцев с «великими» Ярославом и Александром.

Этот Рог, в котором мы готовы видеть **«Лѣтописец Великий Руськый»**, является, заметим, самым из летописей богатым авторитетной информацией о центрально-русских землях XIV в. В пределах второй и третьей четвертей этого столетия здесь содержится большое число ценных сведений, которых просто нет в других летописях. Среди них — кашинские, тверские, нижегородско-суздальские, смоленские, литовские, новгородские, ордынские, московские по содержанию и такие, которые трудно связать с каким-либо определенным местом, как то о лунном и солнечном затмениях (1350 и 1362 г.), о море в русских городах (1362 г.), о бездождии и море на коней, коров и людей (1374 г.). Интересно, что ряд «избыточных» известий дублирует сообщения, совпадающие с Тр и Сим.[1] Так что несомненно то, что «излишки» Рог присоединены к его общей с Сим основе. По их политико-географической широте их вполне можно назвать великорусскими.

Из одного из «излишков» Рог мы и знаем, что в 1374 г. московский великий князь Дмитрий Иванович начал **«розмирие с тотары и с Мамаем»**. Перед «розмирием» возникло нечто вроде конфедерации Московского, Нижегородского, Тверского и Литовского великих княжеств. Но в 1375 г. татарская дипломатия добилась ее развала: в июле этого года от Мамая в Тверь князю Михаилу Александровичу был привезен ярлык на Владимирское княжение, и тот, **«ни мала не пождав, того дни послал на Москву ко князю к великому Дмитрию Ивановичю: целование крестное сложил, а наместники послал в Торжек, а на Углече поле ратию»** (Рог 6883 г.). Очень скоро изменница Тверь была осаждена московскими и объединенными вокруг Москвы многочисленными великорусскими силами, в том числе и новгородскими, реальная помощь от Литвы и от татар, на которых рассчитывал Михаил Александрович, не пришла, и 3 сентября 1375 г., **«не**

[1] См.: *Прохоров Г. М.* Избыточные материалы Рогожского летописца // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VIII. Л., 1976. С. 186–187. См. также соответствующую главу в этой книге.

хотя видети разорениа граду», князь Михаил капитулировал. Вслед за тем он вынужден был подписать договор о ненападении и взаимопомощи великорусских князей в борьбе с татарами и Литвой.[1] Этот договор справедливо был охарактеризован А. Н. Пресняковым как «крупный шаг в деле территориально-политического самоопределения Великороссии».[2] Возникающей политической системе естественно было получить отражение и в летописании — наиболее политическом из литературных жанров Древней Руси, отражение прежде всего в составе летописи. Как справедливо пишет А. А. Шахматов, «политическое значение князя определяло содержание и характер летописи».[3] Легко представить себе, что как сама Тверь насильно была включена в великорусскую политическую систему княжеств, так и ее летопись, признак относительной самостоятельности политического образования, увезенная в качестве трофея в Москву, была включена в московский великорусский свод. После катастрофы 1375 г. пройдут годы, прежде чем тверское летописание вновь начнет подавать признаки жизни: спустя семь лет, под 1382 г., обнаруживаем (в Тверском сборнике) первую сделанную в Твери заметку — «**Позолотил князь великий Михаил верхъ у Святаго Спаса в Твери**», спустя еще три года подобные заметки начинают появляться более или менее регулярно; по-настоящему же тверское летописание оживает лишь в 90-х годах.

Некоторые добавочные сообщения Рог, касающиеся Константинопольской патриархии, имеют яркую церковно-политическую окраску: они выставляют патриарха Филофея (1353–1354, 1364–1376 гг.) в поразительно невыгодном для него свете.[4] Так, о самом возведении его в патриархи говорится как о возмутившем людей и природу беззаконии. «**Того**

---

[1] См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 9. С. 26–27.

[2] *Пресняков А. Н.* Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XIV столетий. Пг., 1920. С. 306.

[3] *Шахматов А. А.* Критический отзыв об «Обозрениях летописных сводов Руси северо-восточной» И. А. Тихомирова. СПб., 1899. С. 6.

[4] См.: *Прохоров Г. М.* Центрально-русское летописание второй половины XIV в. (Анализ Рогожского летописца и общие соображения) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. X. Л., 1978. С. 172–174.

же лѣта, — читаем в статье 6860 (1352) г., — **бысть в Царѣгородѣ замятня: царя Ивана** (имеется в виду Иоанн V Палеолог. — *Г. П.*) **изгнаша из царства, а на царство сѣдѣ тесть его** (подразумевается Иоанн VI Кантакузин, соправитель Иоанна V Палеолога. — *Г. П.*). **А царь Иван бѣжа в Селунь. И рече патриарх Калист к царю новому: "Не достоить ти быти царю и царствовати, согнал еси царя". Он же не послуша его. Патриарх же Калист, помянув слово Спасово, иже рече к апостолам: "Идѣже слово ваше примут, ту пребывайте, а идѣже не примут, исходяще оттуду, и прах от ног ваших оттрясѣте"**, — **и, въстав, препоясав чрѣсла своя и обув нозѣ свои в сандалиа, и взем жезл свой, и изыде из Царяграда пѣшь, оставив патриаршьство, и приде в Солунь. Царь же новый постави на патриаршьство именем Филофиа, бывшаго епископа Ираклийскаго. И бысть трус велий в Царѣградѣ, 100 и 50 полат пало и иных множьство двиглося, а по странам града из основаниа извергошася**». В статье 6862 (1354) г. без объяснения обстоятельств дела (патриарх Филофей поставил в Русские митрополиты Алексея, а вернувшийся на престол Каллист — Романа) сказано о поставлении Алексея и Романа как о неслыханном патриаршем правонарушении: «**Того же лѣта мятежь сотворишется, чего то не бывало преже сего: в Царѣгородѣ от патриарха поставлени быша два митрополита на всю Русскую землю — Алексѣй да Роман. И бышет межи их нелюбие велико и к Тферьскому епископу послы, к владыцѣ Феодору, от обою их из Царягорода, а священьскому чину тягость бяшет вездѣ**». Вследствие умолчания о возвращении на патриарший престол Каллиста компроментируется опять-таки Филофей. Эта тенденциозная запись дублирует нейтральное известие в статье следующего года, общее у Рог и Сим: «**Того же лѣта Алексий владыка поставлен бысть митрополитом на всю Русскую землю, а на осень ту выиде из Царягорода**». Еще далее, в статье 6864 (1356) г., в общий с Сим текст сделана вставка, свидетельствующая о подкупности патриархии (выделяю ее курсивом): «**Тое же осени Алекси митрополит всея Руси ходил в другие в Царьгород, да Роман преже его пришел <...> и *тамо межи их бысть спор велик и грьцем от них дары велики.* И милостию Божиею и молитвами святыя Богородица тое же осени и море перешел и на Русь приде**». И наконец, в начале статьи следующего, 6865 (1357) г. помещена запись,

из которой явствует, что митрополия всея Руси была поделена в Константинополе между Алексеем и Романом: «**В лѣто 6865 приде Алекси митрополит из Царягорода на Русьскую землю, а Роман на Литовськую и на Волыньскую**».

Именно в 1375 г. началось резкое расхождение церковной политики московского князя Дмитрия Ивановича с политикой Константинопольской «Вселенской» патриархии. В этом году, т. е. еще при жизни митрополита Алексея, патриарх Филофей поставил в митрополиты всея Руси Киприана, чтобы тот сначала управлял малорусско-литовской Церковью, недоступной для Алексея, а после смерти престарелого митрополита наследовал бы и ее великорусскую часть. Великий же князь Дмитрий Иванович Московский помышлял не об объединении, а о разделе митрополии, о выделении митрополии Великой Руси, и имел кандидата в такие митрополиты — своего духовника и печатника Митяя. Отныне князь в высшей степени был заинтересован в компрометации патриарха Филофея и в обосновании раздела митрополии по политическому принципу. Если в 1375 г. в Москве с ведома князя был создан «великорусский» летописный свод, то он должен был служить и этим целям.

Летопись, как мы знаем, — это литературное произведение, продолжающееся вместе со временем, связывающее настоящее с прошлым. Но не все в прошлом годилось созидателю Великой Руси как подспорье в его борьбе за ее консолидацию и возвышение. Всероссийско-объединительные церковные традиции, восходящие к дотатарским временам, должны были казаться ему при тогдашнем положении дел — при политическом разделе Руси между татарами, Литвой и Польшей — безнадежным анахронизмом. Он добивался выделения, самоопределения Великороссии в качестве признающей его власть страны и ее самоопределения — не только в пространстве, но и во времени. Тогдашнее «настоящее», в котором Русь была поделена другими народами, началось в XIII в. А «настоящее», в котором среди подвластных татарам северо-восточных русских земель главенствовала Москва, началось совсем недавно, в XIV в.; это «настоящее» в интересах князя необходимо было внедрить в будущее. Такое мощное средство этнической интеграции, как Церковь, в его интересах надо было подчинить этой же цели. «Подкня-

жеская» митрополия Великой Руси была бы для него удобней «надкняжеской» митрополии «всея Руси». В далекой «связи времен» были заинтересованы охранители традиционного единства митрополии, сторонники Киприана, противники князя в церковном вопросе. Им, но не князю, могла служить опорой древняя русская летопись. Свести запредельное для него, политика, прошлое к минимуму (т. е. сделать для начала своего летописца краткую выборку из древних хроник, лишь «пунктирно» связывающую основные вехи всемирной и русской истории с «настоящим»), было в его интересах и в психологических возможностях времени. Ведь именно тогда дух национального самосознания коснулся Европы, причем не только католических стран, но и православных (Византия, Сербия, Болгария). Гуманистическое по своей природе, это дифференцирующее народы веяние обязательно так или иначе сталкивалось с «вселенско-интеграционными» церковными течениями в общественной жизни (на Руси «наднациональное» церковное движение было представлено митрополитом Киприаном и его сторонниками-монахами во главе с Сергием Радонежским, Феодором Симоновским, Дионисием Суздальским). Распределение масс текста, композиция Рог с его сокращенным выборочным началом кажется поэтому не только возможной, но даже естественной для московской «великорусской» летописи. Ведь именно краткая часть Рог оказалась «узнаваемой» при анализе отсылки Тр к «**Лѣтописцу Великому Русьскому**». Необычное название летописца — «Великий Русский» (обычно просто «Русский» или «**Летописец Русския земли**») — и значит, по всей видимости, *Великорусский*.

Таким образом, все, что нам дала возможность понять отсылка Тр и что нам показали состав и тенденции Рог в части до 1375 г., и сами события 1375 г., и само название искомого летописца, — все это утверждает нас в мысли, что в 1375 г. в Москве по инициативе великого князя Дмитрия Ивановича, в скором времени Донского, было положено начало великорусскому летописному своду, сохранившемуся под небольшими позднейшими кашинскими напластованиями в Рог первой половины XV в.

* * *

В 1377 г., т. е., если наши рассуждения верны, через два года после появления «Лѣтописца Великого Русского», была, как мы знаем, создана Л. На 72 года она не довела свой рассказ до своего времени, остановившись на 6813 (1305) г. Но, я думаю, само ее появление было остро злободневным не только благодаря ее версии Повести о Батыевом нашествии, но и благодаря разительному различию ее состава и состава «Лѣтописца Великого Русского», каким мы его теперь представляем: в одном — кратчайшая прерывистая выборка за XI–XII вв. и краткая за XIII — начало XIV в., в другой — центрально-русское летописание, начиная с «Повести временных лет», по начало XIV в. в полном объеме. Один доведен до настоящего времени и продолжает пополняться, другая определенно не рассчитана на продолжение. На что же она рассчитана? На заполнение искусственно созданной пустоты, я думаю: в ответ на ощутимый разрыв московской великорусской власти с общерусским прошлым — восстановление этого прошлого в своих правах.

Обратим внимание еще на одну особенность Л: в ее составе — и только в ней! — дошло до нас Поучение Владимира Мономаха. Оно довольно небрежно или наспех вставлено в летопись, разрывая ее связное повествование 1096 г. о происхождении половцев. Можно представить себе, что епископ Дионисий Суздальский, принеся это Поучение Лаврентию, прервал его работу, требуя немедленно вставить Поучение в летопись, что и было исполнено, — начиная с 9-й строки первой колонки лицевой стороны 78-го листа. Злободневный же для эпохи Куликовской битвы смысл в глазах епископа Дионисия, политика-исихаста,[1] мог иметь совет Владимира Мономаха детям и прочим, кто услышит «**сю грамотицю**», о постоянной внутренней молитве: «**Аще и на кони ѣздяче не бꙋдет ни с кым орꙋдья, аще инѣх молитвъ не ꙋмѣете молвити, а “Господи помилꙋй” зовѣте беспрестани в таинѣ, та бо есть молитва всѣх лѣпши, — нежели мыслити безлѣпицю, ѣздя**» (л. 80). Думаю, можно быть уверен-

[1] См.: *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1976. С. 66–74.

ным, что этот совет, как и повествование о противостоянии татарам в XIII в. владимирских князей, борцов за православную веру христианскую, князю Дмитрию Константиновичу были прочитаны вслух. Почему вслух? Потому что, скорее всего, этот князь, как и Дмитрий Иванович Московский, «**книгамь не ученъ бѣаше добрѣ**», но «**божественых Писаний всегда съ умилениемь послушаше**».[1] В противном случае создатели Л не старались бы представить князю летописное повествование с рассказом о том, «**откуду есть пошла Русская земля**», с Поучением Владимира Мономаха, с новым вариантом рассказа о Батыевом нашествии и не оставляли бы в ней заметных огрехов, свидетельствующих об их торопливых переделках и вставках, догадаться о которых нам было бы тогда значительно труднее.

Великое значение создания Л — помимо тогдашнего злободневного, — и в том, что устраненная в «Лѣтописце Великом Русском» «Повесть временных лет» осталась основой дальнейшего центрально-русского летописания: московская Тр, доведенная до 1408 г., следовала уже не упомянутому ею «Лѣтописцу Великому Русскому», а Л. Таким образом, Прошлое было восстановлено в своих правах: Великороссия признала себя наследницей Киевской Руси.

Создание *великорусского* летописца, надо заметить, посягало на существование не только *местных* владимиро-московской и тверской, но также и митрополичьей *общерусской* летописей. С восстановлением же (после победы на Куликовом поле — на некоторое время, а после смерти Дмитрия Донского и с возвращением в Москву изгнанного им митрополита Киприана — надолго) политики церковного единства *всея* Руси, было восстановлено и общерусское летописание, отраженное в С1 и Н4[2]

---

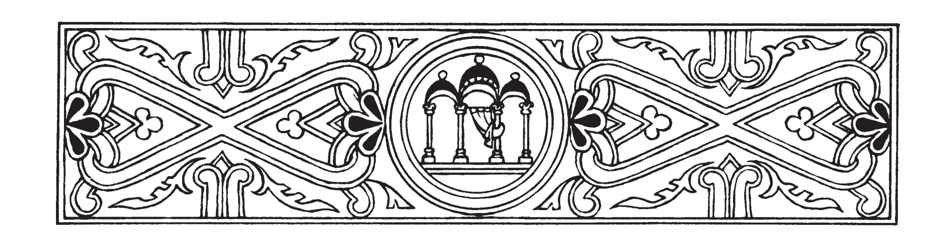
[1] Слово о житьи и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича, царя рускаго // БЛДР. Т. 6. С. 206, 212.

[2] О том, что общерусское летописание не было составлено в XV в., а всегда, лишь с некоторыми перерывами, сосуществовало с местными летописцами, см.: *Прохоров Г. М.* 1) Летописные подборки рукописи ГПБ, F. IV. 603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165–174; 2) Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов (Подборки Карамзинской рукописи, Софий-

и сохранившее и «**Слово о житьи и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича, царя Рускаго**», стиль которого выдает руку Епифания Премудрого, и пространную Повесть о Куликовской битве, и ряд других замечательных повествований; а при поставленном митрополитом Киприаном в Тверь епископе Арсении, в 90-х годах, ожило и убитое было в 1375 г. Москвой местное тверское летописание.

Как видим, пневмато- и психологией круг интересов тогдашних выдающихся церковных деятелей не ограничивался. Они вовсе не были безучастны к тому, кем осознавали себя и что делали русские светские власти как во внешнеполитической сфере, так и во внутренней.

ская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи)//ТОДРЛ. СПб., 1999. С. 137–205; и статью: *Prochorov G. M.* La litterature vieu-russe et l'hésychasme//Mille ans de christianisme russe, 988–1988. Actes du colloque internationale de l'Universite Paris X–Nanterre. Paris, 1989. P. 89–101; см. также предыдущие главы этой книги.



ПОСЛЕСЛОВИЕ

ТРАНСФОРМАЦИИ ЛЕТОПИСАНИЯ[1]

Поразительным образом следом за с установлением кровной связи правителей Руси с римскими[2] русская история в XVI в. перестает быть отдельным «боковым побегом» и делается магистральным продолжением римской, мировой истории. Уже в Хронографе Русском в редакции 1512 г.[3] она является продолжением истории всемирной, начиная с библейской и оканчивая византийской, падением Константинополя в 1453 г.[4]

---

[1] Впервые напечатано: *Прохоров Г. М.* «Некогда не народ, а ныне народ Божий...». Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб., 2010. Глава «Гипертрофия родового прошлого и трансформации летописания». С. 251–256.

[2] Это сделано в «Сказании о князьях Владимирских»; см.: БЛДР. Т. 9. Конец XV — половина XVI в. СПб., 2000. С. 278–289. См. также: *Дмитриева Р. П.* 1) Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955; 2) Сказание о князьях Владимирских // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л–Я. Л., 1989. С. 370–371.

[3] О связи самого «Сказания о князьях Владимирских» с хронографическими текстами см.: *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 193–207.

[4] См.: Русский хронограф 1512 г. // ПСРЛ. СПб., 1911. Т. XXII; см. также: *Творогов О. В.* Хронограф Русский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 499–505.

А вскоре затем русское историческое повествование приобретает вдруг «вертикальное» измерение, причем совсем иное, нежели подразумеваемое «летами вечными» прежнее. Близость *настоящего* к Вечности начало определять Прошлое — длина в прошлом княжеской крови, ее «горизонтальный» размер: он оказался определяющим высоту, близость носителей этой крови к небу. Так мыслили создатели «Степенной книги царского родословия», позаимствовав сам принцип ступенчатого восхождения, конечно же, у «Лествицы» Иоанна Синайского, Лествичника. Обе «лестницы» ведут на небо, но одна — путем освобождения от страстей, стяжания нравственных добродетелей, а другая — путем увеличения числа поколений, которые «**яко златыми степенми на небо восходную лѣствицу непоколебимо въдрузиша, по ней же невъзбраненъ к Богу восходъ утвердиша себѣ же и сущимъ по нихъ**»; «**Ихъ же отъ варягъ избра Богъ отъ самого великаго царскаго изращениа, единоначальствующаго на земли Августа Кесария**»; «**Не худа же рода бяху и не незнаема, но паче преименита и славна римьскаго кесаря Августа, обладающаго всею вселенною и единоначальствующаго на земли въ время пръваго пришествиа на землю Господа нашего Исуса Христа, Иже егда нашего ради спасениа изволи родитися отъ Безневѣстныа Приснодѣвы Мариа. Сей кесарь Августъ разряди вселенную братии своей и сродникамъ. Прусъ. Єму же бяше присный братъ именемъ Прусъ. И сему Прусу тогда поручено бысть властодръжьство бъ березѣхъ Вислы рѣкы, град Мaборокъ, и Турунъ, и Хвоиница, и преславный Гданескъ, и ины многы грады по рѣку, глаголемую Нѣманъ, впадшую в море; иже и донынѣ зоветя Прусская земля. Отъ сего же Пруса сѣмени бяше вышереченный Рюрикъ и братиа его. И егда еще живяху за моремъ, и тогода варягы именовахуся и из замориа имаху дань на чюди, и на словенѣхъ, и на кривичахъ**».[1] Без такой связи нам был бы просто непонятен феномен

[1] См.: Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарий. В 3 т. Т. 1. М., 2007. С. 147, 193, 221–222; Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. XXI. 1-я половина; СПб., 1913. Т. 21, 2-я половина; *Покровский Н. Н.* Афанасий (в миру Андрей) (нач. XVI в. — между 1568–1575 гг.) — митрополит Московский… // Словарь книжников. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 75.

Ивана Грозного с его «богословием власти». И непонятен был бы также феномен «Лжедмитриев»: ни один из этих проходимцев не имел бы надежды на успех, если бы страна не жаждала заполнения «духовной» пустоты после внезапного конца высокочтимой за свою необыкновенную древность и благодаря ей «**невозбранен**» вход к Богу дающей своим членам династии Рюриковичей.

Еще одно важное событие происходит с русским историческим повествованием во второй половине XVI в. — оно становится авторским. Правда, сначала не на Руси, а в Польско-Литовском государстве: там Андрей Курбский создает свою лично-авторскую «**Историю о великом князе Московском**».[1] Очевидно, что князь-эмигрант, перестав чувствовать себя членом объединяемого вероисповеданием и верностью царской крови коллектива, вышел из русского «силового поля», и это сразу сказалось на поэтике его исторического сочинения. С началом же XVII в., вскоре после конца династии Рюриковичей, авторское историческое повествование стало вполне возможным (наряду с безымянно-коллективно-авторским) и на самой Руси. Примеры тому — «**История в память предидущим родом...**» Авраамия Палицына, включающая его Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря,[2] «**Временник**» Ивана Тимофеева,[3] «**Летописная книга**» Семена Ивановича Шаховского,[4] «**Словеса дней, и царей, и святителей московских**» Ивана Андреевича Хворостинина.[5]

Но любопытно, что обильное проникновение авторского начала в историческое повествование и новых литературных форм и жанров на Русь в XVII в. не прекратило здесь летописания. В первой половине этого столетия, судя по всему, по инициативе патриарха Филарета, создается «Новый летописец», — новый потому, что он не связывает настоящее

[1] См.: История о великом князе Московском // БЛДР. Т. 11. XVI в. СПб., 2001. С. 310–479; см. также: *Гладкий А. И., Цеханович А. А.* Курбский Андрей Михайлович // Словарь книжников. Вып. 2. Ч. 1. С. 497–498.

[2] См.: ПЛДР. Вып. 9. М., 1987. С. 162–281.

[3] Там же. С. 282–317.

[4] Там же. С. 358–427.

[5] Там же. С. 428–463.

с прошлыми веками жизни Руси, а посвящен событиям только «нового», недавнего Смутного времени.[1] Однако же начиная с середины XVII в. наступает и во второй его половине происходит очередной расцвет традиционной формы русского летописания: в это время возникают и грандиозные патриаршьи своды 50–90-х гг., и продолженные летописью хронографы, и пространные, и краткие, и княжеские, и дворянские летописцы с «элементами автобиографизма», и фамильные летописцы, и провинциальные — при этом общерусские — новгородские, вологодские, пинежские, двинские, устюжские, а также сибирские, тобольская и кунгурская летописи, и краткие летописцы с изложением важнейших событий русской истории, но доводящие рассказ до своих дней.[2]

«Общерусские провинциальные и местные летописцы, — пишет, подводя итог рассказу о них, Я. Г. Солодкин, — вышли из кругов новгородских и тобольских книжников. Такие сочинения пишутся едва ли не повсеместно (в Ростове, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Астрахани, Тамбове, Торжке, Белой, Устюге Великом, Вологде, Архангельске, Холмогорах), причем и там, где ранее летописных скрипториев не существовало. Поражает социальная пестрота многочисленного круга тогдашних летописцев. <...> Удивительны и многообразие форм, обилие редакций и вариантов летописных памятников “предпетровской” эпохи. Произведения, запечатлевшие события всероссийского масштаба, соседствовали с провинциальными и монастырскими, фамильными и узколичными, предвосхищавшими рождение мемуарной литературы».[3]

Необыкновенный по продолжительности и важности, стержневой для всей древнерусской культуры творческий процесс, «формировавший, — по словам Д. С. Лихачева, — национальное сознание русского народа»,[4] уступил в XVIII в. магистральное место иным, по-другому духовно ориен-

---

[1] См.: *Вовина-Лебедева В. Г.* Новый летописец. История текста. СПб., 2004. С. 378.

[2] См.: *Солодкин Я. Г.* История позднего русского летописания. М., 1997. С. 113–156.

[3] Там же. С. 155.

[4] *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 9.

тированным творческим актам, формирующим национальное сознание в согласии с новыми государственными культами.

Я думаю, именно маятникообразное (в тот момент в одну сторону) духовное движение, начатое еще преп. Иосифом Волоцким, продолженное царем Алексеем Михайловичем совместно с патриархом Никоном (вызвавшее Раскол), а затем Петром I и завершенное большевиками, — духовная переориентация русской культуры с чрезмерно удлиненного Прошлого, в зависимость от которого попала даже Вечность, на Будущее, — но не к «жизни будущего века» Символа веры, а к земному «политическому» «светлому будущему» собственного царства-государства, — это оказалось для роли летописания в русской культуре убийственным. Без такого эксцентрического духовного разворота оно наверняка могло бы сохранить свое значение и продолжало бы существовать, я думаю, и поныне — наряду со всеми прочими всевозможными жанрами историко-литературного творчества.

Но важно и то, что всякое летописание — и общерусское, и местное, — помимо соответствующего духовно-силового «поля» обязательно требует существенной материальной поддержки, т. е. содержания не просто «скриптория», а целой «канцелярии». Неудивительно, что, лишаясь прежних духовных ориентиров, а вместе с ними и поддержки власть, авторитет и деньги имущих, оно заканчивало свое многовековое существование, тематически от начала к концу сужаясь, — как провинциальное, монастырское, церковно-приходское, семейное и личное.

Попытки оживить его предпринимались, впрочем, еще в конце XVIII в. и даже в конце XIX-го. Так, в 1792 г. по инициативе обер-прокурора Св. Синода А. И. Мусина-Пушкина это правительствующее учреждение издало указ, которым — ввиду того, что «в древние времена многие из духовного звания, а особливо из монашества, были трудолюбцы, упражнявшиеся в записках о случающихся достопамятностях, которые и к продолжению или поправлению российской истории послужить могут, а в нынешнее время оное полезнейшее упражнение совсем оставлено...», — повелевалось «преосвященным и монастырским настоятелям всех ведомства своего способных к таким летописям людей, а особливо из ученых, поощрять, дабы они не оставляли упражняться и в замечаниях случающихся досто-

памятностей, потребных к продолжению истории Отечества своего, дабы из сего и в будущие времена могла последовать подобная нам от древних летописцев польза».[1]

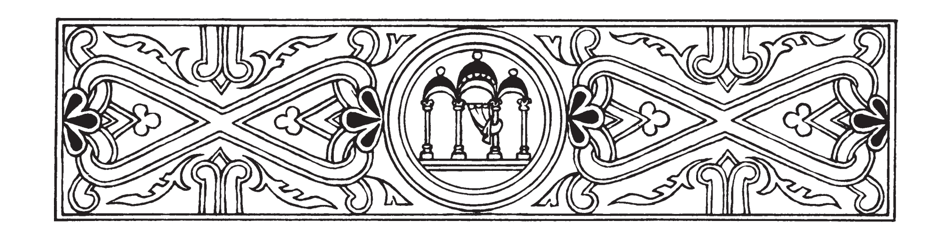
Еще один — кажется, последний — указ Св. Синода о развитии церковного летописания был издан в 1866 г., а заключительное «бурное развитие церковного летописания» (связанное, по мнению С. О. Шмидта, с личностью обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева)[2] имело место незадолго до конца династии Романовых, в 1880–1890-е гг.[3]

Не исключаю, что какие-то церковные летописцы успели внести в свой труд под 7426 (1918) г. запись о зверском убийстве захватившими в преданной «интеллигенцией» стране власть цареборцами и богоборцами, называвшими себя «большевиками», мальчика-царевича, его четырех сестер-царевен и их родителей: запись об этом была бы логическим завершением начатого тысячу лет назад рассказа о «временных летах» тех, кто на Руси «**нача первѣе княжити**».

[1] *Добренький С. И.* А. И. Мусин-Пушкин и церковное летописание конца XVIII — начала XIX в. //200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве». Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России. 27–29 августа 2000 г. Ярославль, 2001. С. 331–332.

[2] *Шмидт С. О.* Сельские церковно-приходские летописи как историко-краеведческий материал // Историческое краеведение: По материалам II Всесоюзной конференции по историческому краеведению. Пенза, 1993. С. 201–224. Статья перепечатана в сб.: *Шмидт С. О.* Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 136–153. — *Прим. С. И. Добренького.*

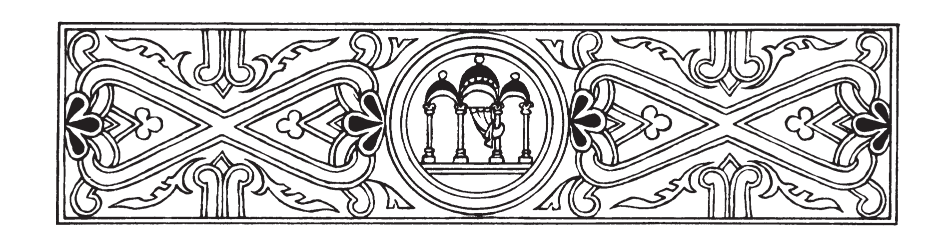
[3] *Добренький С. И.* А. И. Мусин-Пушкин и церковное летописание... С. 332–333.



СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А — Академический список
БАН — Библиотека Академии наук
БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси
В — Воскресенская летопись
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГПБ — Государственная Публичная библиотека
ЖАН — Житие Александра Невского
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности
Ип — Ипатьевская летопись
Л — Лаврентьевская летопись
МАк — Московский Академический список летописи
Н1 — Новгородская первая летопись
НК — Карамзинская рукопись с двумя подборками летописного текста, «Новгородская Карамзинская летопись»
НК1 — Первая подборка летописного материала в Карамзинской рукописи
НК2 — Вторая подборка летописного материала в Карамзинской рукописи
Н4 — Новгородская 4-я летопись
Н5 — Новгородская 5-я летопись
О — Список Оболенского
П — Переяславская летопись
ПВЛ — Повесть временных лет
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
Пск1 — Псковская 1-я летопись
Пск2 — Псковская 2-я летопись

Пск3	— Псковская 3-я летопись
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
Р	— Радзивиловская летопись
РГБ	— Российская Государственная библиотека
РНБ	— Российская Национальная библиотека
Рог	— Рогожский летописец
С1	— Софийская 1-я летопись
Сим	— Симеоновская летопись
ТвСб.	— Тверской летописный сборник
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы
Тр	— Троицкая летопись
Хр	— Хронограф
Ц	— Список Царского



Содержание

Научное издание

Гелиан Михайлович Прохоров

Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое

Подписано в печать 26.10.2013 г. Формат 60 x 88 1/16.
26 печ. л. Печать офсетная. Тираж 1000
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».